

Задача социальной гигиены

Хэвелок Эллис

The Task of Social Hygiene

Havelock Ellis

The Project Gutenberg eBook of The Task of Social Hygiene.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Задача социальной гигиены

Автор: Хэвелок Эллис

Дата выхода: 17 июля 2007 [eBook #22090]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Джульет Сазерленд, Россом Уилберном и группой онлайн-распределенной корректуры проекта "Гутенберг".

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ "ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНОЙ ГИГИЕНЫ"
***.

Электронный текст подготовлен Джульеттой Сазерленд, Россом Уилберном и Командой по распределённой онлайн корректуре проекта Гутенберг (<http://www.pgdp.net>)

ЗАДАЧА СОЦИАЛЬНОЙ ГИГИЕНЫ

ТОГО ЖЕ АВТОРА

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ ПОЛА. 6 томов.

НОВЫЙ ДУХ

АФИРМАЦИИ

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

ПРЕСТУПНИК

МИР ГРЕЗ

ДУША ИСПАНИИ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ И КОММЕНТАРИИ

ОЧЕРКИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ. И т. д.

ЗАДАЧА СОЦИАЛЬНОЙ ГИГИЕНЫ

ХЭВЕЛОК ЭЛЛИС

АВТОР КНИГ "ДУША ИСПАНИИ", "МИР ГРЕЗ" И ДР.

БОСТОН И НЬЮ-ЙОРК

ХАУТОН МИФФЛИН КОМПАНИ

1916

Отпечатано в Великобритании.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение социальной гигиены означает исследование тех вещей, которые касаются благосостояния людей, живущих в обществе. Поэтому не может быть более важного или более интересного исследования. Я боюсь, однако, что многие люди смутно представляют себе социальную гигиену либо как простое расширение санитарной науки, либо как попытку создать невыносимую бюрократию, которая будет контролировать каждое действие в нашей жизни и, возможно, даже разводить нас, как разводят скот.

Это, конечно, не та точка зрения, с которой написана эта книга. Платон и Рабле, Кампанелла и Мор были среди тех, кто провозгласил изложенные здесь принципы социальной гигиены. Все эти великие первопроходцы признавали, что социальный порядок должен существовать, но здоровье общества, как и здоровье тела, характеризуется как расширением, так и ограничением, и стремление к порядку оправдано только потому, что без порядка не может быть свободы. Если бы миссия социальной гигиены не заключалась в том, чтобы привести в жизнь новую радость и новую свободу, мне не стоило бы браться за написание этой книги.

Когда мы таким образом рассматриваем процесс социальной гигиены, нам больше не грозит опасность рассматривать его как искусственное вмешательство в природу. Именно в книге природы, по словам Кампанеллы, следует читать законы жизни и управления. Или, как сказал Кеснель два века назад, что более точно для нашей цели: "Природа - это всеобщая гигиена". Все животные скрупулезны в вопросах гигиены; развитие гигиены *идет pari passu* с рангом вида в интеллекте. Даже таракан, живущий на том, что мы называем грязью, тратит большую часть своего времени на культивирование личной чистоты. И вся социальная гигиена, в полном смысле этого слова, является лишь все более сложным и расширенным методом очищения - очищения условий жизни разумным законодательством, очищения нашего собственного разума лучшими знаниями, очищения наших сердец растущим чувством ответственности, очищения самой расы просвещенной евгеникой, сознательно помогающей Природе в ее явном стремлении воплотить новые идеалы жизни. Не человек, а Природа воплотила в жизнь смелую и великолепную идею - рискованную, как ни странно, - поставить высших антропоидов на задние конечности и таким образом освободить их передние конечности на службу их проворному и устремленному мозгу. Мы можем смиренно следовать по тому же пути, освобождая скрытые силы жизни и подавляя те, которые больше не служат нынешним целям жизни. Ведь, как сказал Шекспир, излагая в "Зимней сказке" светлую философию социальной гигиены и применяя ее к евгенике,

"Природа становится лучше не благодаря чему-то, а благодаря тому, что она делает это... Это искусство, которое исправляет природу, скорее изменяет ее, но само искусство и есть природа".

Однако, как бы это ни понималось, социальная гигиена сейчас занимает очень важное место в сознании людей. Настоящий том, как я хочу пояснить, не был написан наспех, чтобы удовлетворить какой-либо реальный или предполагаемый спрос. Она медленно росла в течение почти двадцати пяти лет и выражает отношение, которое подразумевается или явно выражено во всей моей работе. Некоторым читателям, несомненно, покажется, что она представляет собой продолжение в различных направлениях аргументов, разработанных в более крупной работе "Секс в отношении к обществу", которая является заключительным томом моих *"Исследований по психологии пола"*. Однако книгу, которую я предлагаю вашему вниманию, правильнее рассматривать как изложение более широкой схемы социальных реформ, из которой развились более специальные исследования пола. Сегодня мы сталкиваемся с необходимостью масштабных и сложных изменений в социальной организации. Эти изменения в равной степени касаются как благополучия отдельных людей, так и благополучия сообществ. Более того, это вопросы, которые не ограничиваются делами этой или той нации, а касаются всей семьи наций, участвующих в братстве современного прогресса.

Слово "прогресс", которое так легко слетает с наших уст, не является словом, которое любой серьезный писатель должен использовать без предосторожности. Концепция "прогресса" - полезная концепция в той мере, в какой она связывает тех, кто работает ради общих целей, и стимулирует то вечное легкое движение, в котором состоит жизнь. Но в природе нет ни

общего прогресса, ни безоговорочного прогресса; то есть, не существует прогресса для всех групп по линии, и даже те группы, которые прогрессируют, платят цену за свой прогресс. Так было даже тогда, когда наши антропоидные предки поднялись до прямохождения; это был "прогресс", и он дал нам возможность пользоваться руками. Но он лишил нас хвостов и многого другого, что вызывает большее сожаление, чем мы всегда способны осознать. Не существует общей и все возрастающей эволюции к совершенству. "Существование реализуется в своем совершенстве, в каком бы аспекте оно ни проявлялось", - говорит Жюль де Готье. Или, как сказал Уитмен: "Никогда не будет больше совершенства, чем есть сейчас". Мы не можем ожидать, что увеличение силы роста и реализации в существовании в целом приведет к какому-либо общему совершенству; мы можем ожидать только триумфа отдельных людей или групп людей, реализующих свои собственные концепции по особым линиям, причем каждое достигнутое таким образом совершенство влечет за собой, с обратной стороны, приобретение несовершенства. Именно в этом и только в этом смысле возможен прогресс. Не стоит опасаться, что мы когда-нибудь достигнем застойной неподвижности всеобщего совершенства.

Проблемы прогресса, которыми мы здесь занимаемся, таковы, что цивилизованный мир, представленный некоторыми из его выдающихся личностей или групп личностей, только сейчас просыпается для их решения. Несомненно, можно было бы добавить и другие проблемы, и это добавление придало бы этой книге большее подобие завершенности. Я выбрал те, которые кажутся мне очень важными, очень фундаментальными. Вопросы социальной гигиены, как они понимаются здесь, идут к самому сердцу жизни. Задача этой гигиены - не только сделать канализацию, но и заново создать любовь, и сделать то и другое в едином духе человеческой общности, чтобы обеспечить более тонкое индивидуальное развитие и более высокую социальную организацию. С одной стороны, социальная гигиена может рассматриваться как простое расширение элементарного санитарного кодекса; с другой стороны, некоторым кажется, что в ней есть славная свобода новой религии. Большинство людей, вероятно, смирится с тем, что перед нами схема серьезной социальной реформы, в которой вскоре будет призван принять участие каждый мужчина и каждая женщина.

Хэвелок Эллис.

СОДЕРЖАНИЕ

I.- Вступление

СТРАНИЦА

Цель социальной гигиены -
Социальная реформа -
Возникновение социальной
реформы из английского
индустриализма - Четыре стадии
социальной реформы - (1) Стадия
санитарии - (2) Фабричное
законодательство - (3) Расширение
сферы образования - (4)
Оплодотворение - Научная

1

эволюция, соответствующая этим
стадиям - Социальная реформа
Социальная реформа коснулась
только условий жизни, но
социальная реформа остается
крайне необходимой - Вопрос о
детской смертности и качестве расы
- Лучшая организация жизни,
которую предполагает социальная
гигиена - Ее упор на качество, а не
на условия жизни - Контроль над
воспроизводством - Падение
рождаемости .Омоложение
общества - Влияние культуры и
утонченности на расу - Евгеника -
Регенерация расы - Проблема
слабоумия - Методы евгеники -
Некоторые проблемы, которые стоят
перед нами

II.-Изменение положения женщин

Зарождение женского движения -
Мэри Уолстонкрафт - Джордж Сэнд -
Роберт Оуэн - Уильям Томпсон -
Джон Стюарт Милл - Современный
рост социальной сплоченности -
Рост индустриализма - Его влияние
на сферу деятельности женщины -
Образование женщин - Ко-
.образование - женский вопрос и
половой отбор - значение
экономической независимости -
государственное регулирование
брака - будущее брака - Вильгельм
фон Гумбольдт - социальное
равенство женщин -
воспроизводство расы как функция
общества - женщины и будущее
цивилизации

III.- Новый аспект женского движения

Франция XVIII века - пионеры
женского движения - рост движения
за женское избирательное право -
воинственная деятельность
суфражисток - их заслуги и неудачи
в деле - преимущества женского
избирательного права - вопросы
секса в Германии - Бебель -

движение за права женщин в
Германии - развитие сексуальной
науки в Германии - движение в
защиту материнства - Эллен Ки -
вопрос о нелегальности - евгеника -
женщины как закон - производители
в доме

IV.- Эмансипация женщин в связи с романтической любовью

Отсутствие романтической любви в
классической цивилизации - Брак
как обязанность - Возникновение
романтической любви в Римской
империи - Влияние христианства -
Отношение рыцарства - Трубадуры -
Суды любви - Влияние эпохи
Возрождения - Традиционное
рыцарство и современная
цивилизация - Женское движение -
Равенство прав и обязанностей
современной женщины исключает
рыцарство - Новые формы
романтической любви по-прежнему
возможны - Любовь как стимул
социальной гигиены

113

V.-Значение падения рождаемости

The Fall of the Birth-rate in Europe
generally—In England—In Germany—
In the United States—In Canada—In
Australasia—"Crude" Birth-rate and
"Corrected" Birth-rate—The
Connection between High Birth-rate
and High Death-rate—"Natural
Increase" measured by Excess of
Births over Deaths—The Measure of
National Well-Being-Необходимость
рассматривать вопрос с широкой
точки зрения - Распространенность
неомальтузианских методов -
Влияние римско-католической
церкви - Другие факторы,
снижающие уровень рождаемости -
Влияние отсрочки вступления в брак
- Связь уровня рождаемости с
коммерческой и промышленной
активностью - Иллюстрация на
примере России, Венгрия, и
Австралии - Связь процветания с

134

рождаемостью - Теория социальной капиллярности - Расхождение между уровнем рождаемости и уровнем брачности - Уровень рождаемости и движение цен .Процветание и цивилизация - Рождаемость среди дикарей - Меньшая рождаемость городского населения - Влияние урбанизации на физическое развитие - Почему процветание не может постоянно увеличивать рождаемость - Процветание создает ограничения на рождаемость - Процесс цивилизации включает снижение рождаемости - В этом отношении он является продолжением зоологической эволюции - Большие семьи как клеймо вырождения - Снижение рождаемости в цивилизации - общий исторический факт - Идеалы цивилизации на сегодняшний день - Восток и Запад - Цивилизация и цивилизация. Восток и Запад

VI.- Евгеника и любовь

Евгеника и снижение рождаемости - количество и качество детей - евгенический сексуальный отбор - значение родословных - их научная значимость - систематическая запись личных данных - предложение о евгенических сертификатах - День святого Валентина и сексуальный отбор - любовь и разум - любовь, управляемая естественным законом - евгенический отбор не противоречит любви - отсутствие необходимости в юридическом принуждении - медицина в отношении брака.

193

VII.- Религия и ребенок

Религиозное воспитание в связи с социальной гигиеной и психологией - Психология ребенка - Содержание детского ума - Воображение детей -

217

Насколько дети могут усвоить
религию? - Неудачные результаты
раннего религиозного воспитания -
Половое созревание - возраст для
религиозного воспитания - Религия
как посвящение в тайну -
посвящение среди дикарей -
Христианские таинства -
Современная тенденция в
отношении религиозного
воспитания - Его преимущества -
Дети и сказки - Библия детства -
Нравственное воспитание

VIII.- Проблема сексуальной гигиены

Новое движение за сексуальное
просвещение детей - необходимость
такого движения - противоречия,
связанные с древней политикой
молчания - ошибки новой политики -
необходимость обучения учителя -
необходимость обучения родителей
- и научное оснащение врача -
сексуальная гигиена и общество -
далеко идущие последствия
сексуальной гигиены

244

IX.- Аморальность и закон

Социальная гигиена и правовое
принуждение - Обязательная сила
обычаев среди дикарей -
Разрушающее влияние
цивилизации - Различие между
аморальностью и преступностью -
Прелюбодеяние как преступление -
Тесты преступности - Национальные
различия в установлении границы
между преступными и аморальными
действиями - Франция - Германия -
Англия - Соединенные Штаты -
Полицейское управление -
Полицейские методы в
Соединенных Штатах -
Национальные различия в
регулировании торговли алкоголем -
Запрет в Соединенные Штаты -
Происхождение американского
метода борьбы с аморальностью -
Россия - Исторические колебания в

258

методах борьбы с аморальностью и проституцией - Гомосексуализм - Голландия - Возраст согласия - Моральное законодательство в Англии - В Соединенных Штатах - Закон Рейнса - Попытки Америки подавить проституцию - Их бесперспективность - Немецкие методы регулирования проституции - здравый метод подхода к аморальности - Обучение сексуальной гигиене - Образование в области личной и социальной ответственности

Х.- Война против войны

311

Почему проблема войны особенно актуальна на сегодняшний день
Благотворное влияние войны в варварские века - Цивилизация делает окончательное исчезновение войны неизбежным - Введение закона в спорах между отдельными людьми предполагает введение закона в спорах между нациями - Но за законом должна стоять сила - Попытка Генриха IV конфедератизировать Европу - Каждый Международный арбитражный трибунал должен быть способен исполнять свои решения - Влияния, способствующие отмене войны - (1) Рост международного мнения - (2) Международное финансовое развитие - (3) Уменьшение давления населения - (4) Естественное истощение воинственного духа - (5) Распространение антивоенных доктрин - (6) Военная война - (7) война несовместима с развитой цивилизацией - нации как опекуны человечества - невозможность разоружения - необходимость силы для обеспечения мира - федеративное государство будущего - упадок войны все еще оставляет возможности для смелости и героизма

Ранние попытки создания
международного языка -
настоятельная необходимость
вспомогательного языка в наши дни
- волапюк - претензии испанского -
латынь - претензии английского - его
недостатки - претензии
французского - его недостатки -
современный рост национальных
чувств против выбора естественного
языка - преимущества
искусственного языка - требования,
которые он должен выполнять -
эсперанто - его угроза разрушения -
Международная ассоциация по
принятию вспомогательного
международного языка - первый
шаг, который необходимо сделать

Социальная гигиена в связи с
предполагаемым противостоянием
социализма и индивидуализма - Две
партии в политике - Отношение
консерватизма и радикализма к
социализму и индивидуализму -
Основа социализма - Основа
индивидуализма - Кажущееся
противостояние между
социализмом и индивидуализмом -
просто разделение труда - И
социализм, и индивидуализм
одинаково необходимы - Не только
необходимы, но и незаменимы друг
для друга - Конфликт между
сторонниками экологии и
наследственности - Новое
воплощение предполагаемого
конфликта между социализмом и
индивидуализмом - Место евгеники
- Социальная гигиена в конечном
счете едина с гигиеной души -
Функция утопий

ЗАДАЧА СОЦИАЛЬНОЙ ГИГИЕНЫ

I

ВВЕДЕНИЕ

Цель социальной гигиены - Социальная реформа - Возникновение социальной реформы на почве английского индустриализма - Четыре этапа социальной реформы - (1) этап санитарии - (2) фабричное законодательство - (3) расширение сферы образования - (4) акушерство - Научная эволюция, соответствующая этим этапам - Социальная реформа Социальная реформа коснулась только условий жизни, но социальная реформа остается крайне необходимой - Вопрос о детской смертности и качестве расы - Лучшая организация жизни, которую предполагает социальная гигиена - Ее упор на качество, а не на условия жизни - Контроль над воспроизводством - Падение рождаемости по отношению к качеству жизни. Омоложение общества - Влияние культуры и утонченности на расу - Евгеника - Регенерация расы - Проблема слабоумных - Методы евгеники - Некоторые из проблем, стоящих перед нами.

Можно сказать, что социальная гигиена, как ее понимают здесь, является развитием и даже трансформацией того, что раньше называлось социальной реформой. В ходе этой трансформации она претерпела два фундаментальных изменения. Во-первых, это уже не просто попытка справиться с условиями, в которых протекает жизнь, стремление лечить плохие условия по мере их возникновения, не обращая к их источнику, а нацеленность на профилактику. Она перестает быть просто реформированием форм, а подходит комплексно не только к условиям жизни, но и к самой жизни. Во-вторых, ее метод уже не бессистемный, а организованный и систематический, основанный на растущем знании тех биологических наук, которые едва ли были в зачаточном состоянии, когда началась эпоха социальных реформ. Таким образом, социальная гигиена является одновременно более радикальной и более научной, чем старая концепция социальных реформ. Это неизбежный метод, с помощью которого на определенном этапе цивилизация вынуждена продолжать свой собственный курс и сохранять, а возможно, и возвышать расу.

Эпоха социальных реформ последовала за подъемом современного индустриализма, и, несомненно, во многом по этой причине, хотя это движение было международным, оно впервые стало определенным и самосознательным в Англии. Возможно, были и другие причины, по которым оно должно было в первую очередь проявиться именно в Англии. Когда в конце семнадцатого века Муральт, высокоинтеллектуальный швейцарский джентльмен, посетил Англию и написал свои, отнюдь несимпатичные *"Письма об англичанах"*, он был поражен любопытным противоречием в английском характере. Он заметил, что это добродушный народ, очень богатый, так хорошо питающийся, что иногда умирает от ожирения, и настолько ненавидящий жестокость, что королевским указом предписано должным образом и правильно кормить рыбу и уток в прудах. И все же он обнаружил, что эта добродушная, богатая, ненавидящая жестокость нация систематически позволяет заключенным в своих тюрьмах умирать от голода. "Великая жестокость англичан, - замечает Муральт, - заключается в том, что они скорее допускают зло, чем делают его". [1] Корень кажущегося противоречия, очевидно, лежит в несколько чрезмерной независимости и преданности свободе. Мы даем человеку полную свободу, говорили они, чтобы он работал,

богател, толстел. Но если он не хочет работать, пусть голодает. В этой точке зрения были заложены определенные заблуждения, которые становились все более очевидными в ходе социальной эволюции.

Очевидно, что такое отношение, хотя и благоприятное для индивидуальной силы и независимости, и не несовместимое с достаточно здоровой социальной жизнью в условиях, которые преобладали в то время, стало катастрофическим в эпоху индустриализма. Условия индустриальной жизни вырвали индивида из корней, от которых он обычно получал силу, и сковали рабочих в массы, породив тем самым путаницу, с которой не могла справиться никакая индивидуальная деятельность. Таким образом, тот самый дух, который в прежних условиях служил добру, теперь служил злу. Стоять и аплодировать усилиям индивидуума, который, возможно, медленно погружается все глубже и глубже в грязную трясику деградации, стало казаться еще более дьявольской позицией. К максиме *laissez-faire*, которая когда-то означала полную свободу действий естественной активности в жизни, стали относиться с ужасом и презрением. Было осознано, что необходим разумный надзор за социальными условиями, гуманное регулирование, систематическая организация. Сама интенсивность зла, которое порождал английский дух, привела к реакции, в результате которой этот дух, несомненно, оставаясь тем же самым в глубине души, принял другую форму и проявил свою энергию в новом направлении.

Современная индустриальная эра, заменившая домашнюю промышленность коллективным трудом, выполняемым "руками" на фабриках, началась в восемнадцатом веке. Эпоха социальных реформ затянулась до второй четверти девятнадцатого века. Она проходила четыре последовательных прогрессивных этапа, каждый из которых дополнял, а не вытеснял предшествующий. В 1842 году сэр Эдвин Чедвик написал официальный доклад "*О санитарном состоянии трудящегося населения Великобритании*", в котором впервые была представлена яркая, всеобъемлющая и авторитетная картина невероятно грязных условий, в которых жили английские трудящиеся. Время для этого доклада было самое подходящее. Он привлек внимание общественности и оказал большое влияние. Его появление ознаменовало первый этап социальных реформ, которые в основном были направлены на очистку городов от грязи, уборку, освещение и охрану улиц, создание дренажной системы, благоустройство жилищ и, таким образом, на борьбу с болезнями и снижение уровня смертности.

Однако уже на ранней стадии стало ясно, что этот процесс санитарии, каким бы необходимым он ни стал, был слишком грубым и элементарным для достижения поставленных целей. Недостаточно было благоустроить улицы или даже регулировать строительство жилых домов. Было очевидно, что необходимо также регулировать условия труда людей, которые жили на этих улицах и в этих домах. Таким образом, была начата разработка фабричного законодательства. Были введены правила о продолжительности рабочего дня, особенно в отношении женщин и детей, которым, кроме того, запрещались некоторые особо опасные или вредные занятия, и все большее число профессий попадали под правительственный контроль. Этот второй этап социальных реформ встретил гораздо более упорное сопротивление, чем первый. Регулирование порядка и чистоты на улицах было очевидно необходимым, и оно в большей или меньшей степени соблюдалось даже в средневековые времена; [2] но регулирование условий труда в интересах работника было более новым действием, и оно, казалось, вступало в противоречие как с интересами работодателей, так и с древними принципами английской свободы и независимости, за которыми работодатели, следовательно, себя укрывали. Первые попытки законодательного регулирования в этой области оказались бесплодными. Только после того, как за дело взялся

выдающийся аристократ-филантроп с большим влиянием, седьмой граф Шафтсбери, фабричное законодательство стало приниматься. Оно продолжает развиваться и по сей день, постоянно расширяя сферу своего действия и не встречая противодействия. Но в Англии, во всяком случае, его принятие знаменует собой памятный этап в развитии национального духа. Англичанам больше не было легко и естественно смотреть на страдания, не вмешиваясь. Стало признаваться, что совершенно законно и даже необходимо ограничивать свободу и независимость, которые влекут за собой страдания для других.

Но когда наступила эра фабричного законодательства, стало ясно, что необходимо сделать еще один шаг вперед. Фабричное законодательство запрещало ребенку работать. Но долг общества по отношению к ребенку, будущему гражданину, очевидно, отнюдь не исчерпывался этим чисто негативным шагом. Ребенок должен быть подготовлен к своей будущей роли в жизни, в первую очередь путем образования. Национализация образования в Англии датируется 1870 годом. Но за последующие полвека "образование" стало означать гораздо больше, чем просто обучение; теперь оно включает в себя определенное обеспечение питания в случае необходимости, соблюдение чистоты, уход за дефектами, врожденными или приобретенными, специальное лечение умственно отсталых детей, постоянно увеличивающееся количество медицинского осмотра и контроля, а также начинает включать меры по устройству ребенка на работу, соответствующую его способностям, когда он покидает школу.

За последние десять лет движение социальных реформ вступило в четвертую стадию. Забота о ребенке во время обучения в школе была признана недостаточной; она началась слишком поздно, когда, вероятно, судьба ребенка уже была предрешена. Необходимо было отодвинуть этот процесс еще дальше назад, к рождению и даже к стадии, предшествующей рождению, направив социальную заботу на младенца и позаботившись о матери. Это соображение привело к целому ряду очень важных и плодотворных мер, которые только начинают разрабатываться, хотя уже доказали свою высокую эффективность. Немедленное уведомление властей о рождении ребенка и учреждение института медицинских работников, которые должны следить за тем, что делается для благополучия младенца, и помогать матери советами, несомненно, сыграли большую роль в недавнем снижении уровня детской смертности в Англии. [3]

Уход за младенцем действительно стал новой прикладной наукой, наукой о пурикультуре. Профессор Будин из Парижа может по праву считаться основателем пурикультуры, создав в Париже в 1892 году консультацию для младенцев, в которую матерям предлагалось приводить своих детей для взвешивания и осмотра, при этом давались все необходимые советы по уходу за ребенком. Матерей убеждают сосать своих младенцев, если это возможно и если позволяет их собственное здоровье. Для тех случаев, когда сосание нежелательно или невозможно, Будин открыл молочные склады, где чистое молоко выдается по низкой цене или бесплатно. Консультации для младенцев и молочные депо сегодня распространены повсеместно. Немного позже Будина другой выдающийся французский врач, Пинар, сделал еще один, но очень важный шаг в развитии послеродового воспитания, начав движение по уходу за беременными женщинами. Пинар и его ученики путем ряда подробных исследований показали, что дети, рожденные работающими матерями, которые отдыхают в течение последних трех месяцев беременности, в значительной степени крупнее и стройнее, чем дети тех матерей, которые не имеют такого периода отдыха, даже если сами матери могут быть одинаково крепкими и здоровыми в обоих случаях. Более того, оказалось, что преждевременные роды, одна из самых распространенных случайностей современной

жизни, как правило, предотвращаются таким отдыхом. Дети матерей, которые отдыхают, в среднем на три недели дольше развиваются в утробе матери, чем дети матерей, которые не отдыхают, и это длительное внутриутробное развитие не может не сказаться на всей последующей жизни ребенка. Движение, начатое Пинаром, хотя и является продолжением великого движения за улучшение условий жизни, уводит нас так далеко назад, как только мы можем идти по этим линиям, и несет в себе обещание огромной пользы для человеческой эффективности.

В связи с движением за акушерство, начатым Будиним и Пинаром, следует упомянуть институт школ для матерей, поскольку он тесно связан с целями акушерства. Школа для матерей возникла в Бельгии несколько позже, чем началась деятельность Будина и Пинара. Около 1900 года молодой врач-социалист из Гента, доктор Миле, основал первую подобную школу, в которой учились и ассистировали девочки от двенадцати до шестнадцати лет. В итоге школа включала в себя двенадцать различных служб, среди которых были диспансеры для матерей, дружеское общество матерей, молочные склады для младенцев и кормящих матерей, беседы о здоровье для матерей с демонстрацией, курсы по акушерству (включая анатомию, физиологию, приготовление пищи, взвешивание и т.д.) для девочек от четырнадцати до восемнадцати лет, которые впоследствии могут быть назначены на должность оплачиваемых ассистенток. [4] В 1907 году школы для матерей появились в Англии, сначала под эгидой доктора Сайкса, медицинского работника лондонского района Сент-Панкрас. Сейчас такие школы распространяются повсеместно. В конечном итоге они, вероятно, будут считаться необходимыми центрами для любой национальной системы акушерства. Каждая девушка в конце своей школьной жизни должна пройти определенный курс обучения в Школе для матерей. Это была бы техническая школа для матерей из рабочего класса, но такой курс был бы бесценен для любой девушки, независимо от ее социального класса, даже если она никогда не будет призвана стать матерью или заботиться о детях.

Великое движение социальных реформ в XIX веке, как мы видим, проходило в четыре этапа, каждый из которых скорее усиливал, чем заменял предыдущие: (1) попытка очистить города от грубой грязи и устранить очевидные беспорядки путем систематического внимания к уборке мусора, дренажу, водоснабжению и искусственному освещению, а также путем улучшения полицейской деятельности; (2) большая система фабричного законодательства для регулирования условий труда и, в некоторой степени, ограничения труда женщин и детей; (3) введение национальных систем образования и постепенное расширение понятия "образование" до гораздо большего, чем просто обучение; и (4) наиболее фундаментальная из всех и последняя по времени попытка защитить ребенка до школьного возраста, даже при рождении, даже до рождения, путем предоставления должной заботы о будущей матери. [5]

Можно отметить, что это движение практических социальных реформ сопровождалось, стимулировалось и направлялось соответствующим движением в науках, которые в своем применении необходимы для прогресса цивилизованных социальных реформ. Между наукой и практикой происходил процесс взаимного действия и реакции. Социальное движение стимулировало развитие абстрактной науки, а новый прогресс в науке позволил добиться дальнейших успехов в социальной практике. Эпоха развития санитарии была эпохой развития химии и физики, которые только и позволили разработать надежную систему санитарии. Борьба с болезнями была бы невозможна, если бы не бактериология. Новая забота о человеческой жизни и защите ее источников связана с новыми достижениями биологической науки. Социологические наблюдения и спекуляции, включая экономику,

тесно связаны с усилиями социальных реформ по достижению широкой, прочной и подлинно демократической основы". [6]

Рассматривая это движение в целом, мы должны признать, что оно занимается исключительно улучшением условий жизни. Оно не пытается повлиять ни на количество, ни на качество жизни. [7] Возможно, иногда оно исходило из того, что улучшение условий жизни в той или иной мере означает улучшение качества самой жизни. Но он принимал поток жизни таким, каким он его находил, и, работая над очищением берегов потока, не пытался очистить сам поток.

Следует, однако, помнить, что аргументы, которые, особенно в наши дни, приводятся против социальной реформы условий жизни, не выдерживают серьезного рассмотрения. Например, утверждается или, во всяком случае, подразумевается, что мы не должны уделять особого внимания условиям жизни, поскольку такая забота не может оказать постоянного благотворного влияния на расу, так как приобретенные качества, в большинстве своем, не передаются потомкам. Но предполагать, что социальные реформы не нужны, потому что они не передаются по наследству, совершенно абсурдно. Люди, которые делают такое предположение, конечно, не стали бы утверждать, что им бесполезно удовлетворять свой собственный голод и жажду, потому что их дети не будут таким образом защищены от голода и жажды. Однако потребности, которые стремится удовлетворить движение организованных социальных реформ, находятся на одном уровне с потребностями голода и жажды и даже в какой-то степени идентичны им. Импульс и долг, побуждающие каждое цивилизованное сообщество разрабатывать и максимально удовлетворять свои собственные социальные потребности, совершенно не зависят от расы и не перестанут существовать даже в сообществе, исповедующем обет безбрачия или абсолютное неомальтузианство. Нельзя также утверждать, что социальные реформы уничтожают благотворные результаты естественного отбора.

Здесь, правда, мы сталкиваемся со спорным моментом, и можно признать, что точных данных для абсолютной демонстрации в ту или иную сторону пока не найдено. Когда человеческие существа размножаются в безрассудном и безудержном изобилии - как это происходит в некоторых условиях до достижения свободной и самосознательной цивилизации, - наблюдается огромная детская смертность. С одной стороны, утверждается, что это полезно, и не требует вмешательства. Мол, слабые погибают, а сильные выживают; происходит естественный процесс выживания сильнейших. Это правда. Но не менее верно и то, что, как можно убедиться с другой стороны, хотя выживают относительно сильнейшие, их относительная сила снижается под влиянием тех самых факторов, которые оказались совершенно фатальными для их более слабых братьев. В России существует огромная детская смертность. Однако, несмотря на все вытекающие из "выживания сильнейших", Россия гораздо больше страдает от болезней, чем Норвегия, где младенческая смертность низкая. "Высокая младенческая смертность, - как отмечает Джордж Карпентер, большой авторитет в области детских болезней, - означает гораздо более высокий уровень дегенерации младенцев"; или, как выражается другой врач, "мертвый ребенок является ближайшим родственником больного ребенка". Защита слабых, которую так часто осуждают некоторые неodarвинисты, на самом деле является, по словам Голдшейда, "защитой сильных от дегенерации".

Однако следует сказать и о другом. Неоправданная борьба с неблагоприятными условиями не только ослабляет сильных, но и убивает слабых; она также налагает невыносимое бремя на этих ослабленных выживших. Процесс разрушения происходит не внезапно, а постепенно. Это длительный процесс. Он включает в себя размножение больных, увечных,

слабоумных, нищих, сумасшедших и преступников. Даже естественный отбор включает в себя необходимость защиты немощных и тем самым делает актуальной задачу социальных реформ, а чем тщательнее эта задача выполняется с ростом цивилизации, тем более грандиозной и непреодолимой она становится.

Таким образом, цивилизация в определенный момент своего развития делает неизбежным появление той более широкой и глубокой организации жизни, которую мы рассматриваем в данном томе под названием "Социальная гигиена". Это движение отнюдь не является резким или революционным проявлением в обычном ходе общественного развития. Как мы уже видели, социальные реформы за последние восемьдесят лет, можно сказать, проходили четыре последовательных этапа, каждый из которых предполагал более близкое приближение к источникам жизни. Четвертый этап, начало которого датируется лишь последними годами XIX века, относится к периоду, предшествующему рождению, и связан с заботой о ребенке в материнской утробе. Следующий этап не может не привести нас к самому источнику жизни, не ограничиваясь задачей очищения условий, а возлагая на нас дальнейшую задачу регулирования количества и повышения качества жизни у самого ее источника. Обязанность очищать, упорядочивать и укреплять берега потока все еще должна оставаться. [8] Но когда мы можем контролировать поток у его истоков, мы можем в какой-то степени предотвратить загрязнение этого потока грязью и гарантировать, что его мутные потоки не сметет результаты нашей кропотливой работы на берегах. Наше чувство социальной ответственности перерастает в чувство расовой ответственности, и это развитие выражается в характере задач социальной гигиены, которые сейчас стоят перед нами.

Именно контроль над воспроизводством расы делает возможной новую концепцию социальной гигиены. Мы видели, что постепенный процесс социальных реформ в течение первых трех четвертей девятнадцатого века, путем последовательных этапов движения к источникам жизни, наконец, достиг момента зачатия. Первым результатом реформы на этом этапе стало то, что деторождение стало осознанным актом. До этого момента метод распространения расы был таким же, как у дикарей на протяжении тысяч лет, с той лишь разницей, что если дикари часто пытались компенсировать свое безрассудство уничтожением неполноценного потомства, то мы принимали все потомство, хорошее, плохое и безразличное, произведенное нашим неизбирательным безрассудством, защищая себя ложной теологией. Дети "приходили", а их родители снимали с себя всю ответственность за их появление. Дети были "посланы Богом", и если все они оказывались идиотами, то ответственность лежала на Боге. Но когда пришло всеобщее понимание того, что можно ограничить потомство, не вмешиваясь в супружескую жизнь, был сделан шаг огромной важности. Всем стало ясно, что Божественная сила действует через нас, и что мы не вправе перекладывать бремя своих дурных поступков на какую-то Высшую силу. Брак больше не влек за собой бесконечную череду детей, которые, если они вообще выживали, в большинстве случаев были обречены на болезни, пренебрежение, несчастья и невежество. Новая социальная гигиена впервые стала возможной.

Именно во Франции в первой половине XIX века контроль над воспроизводством населения впервые стал превращаться в социальную привычку. В Швеции и Дании падение рождаемости, хотя и было нерегулярным, можно сказать, началось в 1860 году. Только в 1876 году, насколько можно судить по остановке рождаемости, это движение начало распространяться в Европе в целом. В Англии принято связывать эти изменения со знаменитым судебным преследованием, благодаря которому все население Великобритании узнало о средствах предотвращения зачатия. Несомненно, это обвинение было важным фактором в развитии движения, но мы не можем сомневаться, что даже если

бы обвинение не состоялось, ход социального прогресса все равно шел бы тем же путем. Примечательно, что примерно в этот же период в различных европейских странах произошел перелом, и чрезмерно высокая рождаемость начала снижаться. [9] Безрассудство уступало место предусмотрительности и самоконтролю. А такие предвидение и самоконтроль - суть цивилизации. [10]

Невозможно оспорить тот факт, что трансформация, в результате которой распространение расы стало осознанным и добровольным, не была закреплена в общественном обычае без определенного протеста с разных сторон. Ни одно социальное изменение, каким бы благотворным оно ни было, никогда не устанавливается без такого протеста, который, следовательно, можно рассматривать как неизбежную и, вероятно, полезную часть социальных изменений. Даже некоторые потенциальные ученые, демонстрируя тщательно проработанные статистические данные, излагают различные алармистские доктрины. Если, мол, это новое движение будет развиваться нынешними темпами, а все остальные условия останутся неизменными, то это приведет к всевозможным ужасным последствиям. Но тревожного вывода не последовало, и по вполне понятной причине. Предпосылки аргумента оказались несостоятельными. Ничто никогда не происходит в одном и том же темпе, и все остальные условия никогда не остаются неизменными. Мир - это живой огонь, как выразился давным-давно Гераклит. Все вещи находятся в вечном движении. Жизнь - это процесс вечного движения. Глупо предлагать миру стоять на месте, а потом спорить о последствиях. Мир не стоит на месте, он вечно вращается, вечно открывает какие-то новые грани, которые не были учтены в аккуратно выстроенном механизме статистики.

Возможно, нет необходимости останавливаться на вопросе, который сейчас, хочется надеяться, наконец-то становится понятным большинству разумных людей. Но, возможно, мне будет позволено вскользь упомянуть об аргументе, который приводился с той утомительной итерацией, которая всегда отмечает прогресс тех, кто слаб в аргументации. Говорят, что хорошие запасы высшего социального класса уменьшаются в рождаемости; плохие запасы низшего социального класса не уменьшаются; следовательно, плохие запасы имеют тенденцию вытеснять хорошие запасы. [11]

Однако следует отметить, что, даже если предположить, что факты таковы, как они изложены, опасно считать, что лучшие запасы - это обязательно запасы высокого социального класса. В основном, несомненно, это так, но, тем не менее, хорошие запасы настолько широко распространены среди всех классов, а хорошие запасы в низших социальных классах, вероятно, наиболее устойчивы к неблагоприятным условиям, что мы не вправе рассматривать даже несколько больший чистый прирост низших социальных классов как неизбежное зло. Возможно, по выражению Мерсье, "мы должны рассматривать цивилизованное сообщество как лампу, которая горит сверху и пополняется снизу". [12]

Крепость общества и его способность эффективно выполнять функции своей собственной социальной сферы, действительно, не может быть точно измерена любой тенденцией к подъему в более высокую социальную сферу. В целом, из поколения в поколение мужчины хорошей породы остаются в пределах своей социальной сферы, будь она высокой или низкой, адекватно выполняя свои функции в этой сфере из поколения в поколение. Они остаются, можно сказать, в том социальном слое, удельный вес которого лучше всего подходит для их существования". [13]

И все же, несомненно, время от времени наблюдается небольшая тенденция к росту, обусловленная в большинстве случаев исключительной энергией и способностями индивида, которому удастся надолго поднять свою семью на несколько более высокую

социальную ступень. [14] Такой процесс происходил всегда, в прошлом даже более заметно, чем в настоящем. Норманны, пришедшие в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем и составившие гордое английское дворянство, были просто разношерстной группой авантюристов, профессиональных вояк, неизвестного и, несомненно, по большей части ничем не выделяющегося рода. Сам Вильгельм Завоеватель был сыном женщины из народа. Католическая церковь не создавала семей, но ее демократическая конституция открывала карьеру для людей всех сословий, и самые блестящие сыны церкви часто принадлежали к самым низким социальным слоям. Поэтому мы не должны говорить, что плохие акции вытесняют хорошие. Для такой теории нет ни малейших доказательств. Все, что мы вправе сказать, это то, что когда в процессе развития общества достигается точка исчезновения культуры и утонченности, носители этой культуры и утонченности отмирают так же естественно и неизбежно, как цветы осенью, а из их корней вырастают новые, более энергичные побеги, чтобы заменить их и пройти в свою очередь через те же стадии, с той вечной легкой новизной, в которой заключается секрет жизни, а также искусства. Аристократия, которая является аристократией только потому, что она "старая" - будь то аристократия семей, или рас, или видов - уже перестала быть аристократией в любом здравом значении этого термина. Нам не нужно сожалеть о ее исчезновении.

Поэтому не стоит тратить время на плач по увядшим розам ушедшего лета. Есть что-то нездоровое в вечном стенании по поводу неизбежного распада, который сам по себе является частью жизни. Такое постоянное узкое внимание к одному аспекту жизни вряд ли можно назвать здоровым. Возникает подозрение, что эти люди сами принадлежат к тем колодам, о судьбе которых они скорбят. Поэтому давайте милосердно оставим их спокойно удобрять свои мертвые розы. О них скоро забудут. Мир вечно умирает. Но мир также вечно бурлит жизнью. Весенняя песнь *Sursum corda* легко перекрывает предсмертные осенние причитания *Dies Iræ*.

Таким образом, получается, что, даже если не принимать во внимание намеренное ограничение деторождения, по мере того как семья достигает наивысшей культуры и утонченности, которые может дать цивилизация, она имеет тенденцию к вымиранию, во всяком случае, по мужской линии. [15] Таков, например, результат, к которому пришел Фальбек в своем ценном демографическом исследовании шведского дворянства "*Der Adel Schwedens*". "По-видимому, - говорит Фальбек, - в этом повинны, прежде всего, более высокие требования к нервной и интеллектуальной силе, которые предъявляет культура и утонченность высших классов. Ибо это два личных фактора, по которым эти классы отличаются от низших: высокое образование и утонченность вкусов и привычек. Первое предполагает преобладающую деятельность мозга, последнее - повышенную чувствительность во всех отделах нервной жизни. В обоих отношениях, следовательно, увеличивается работа для нервной системы, которая компенсируется другими жизненными функциями, особенно воспроизводством. Человек не может достичь всего; то, что он приобретает с одной стороны, он теряет с другой". Нам стоит помнить об этих мудрых словах, когда мы сталкиваемся с теми учеными, которые в присутствии самых прекрасных и редких проявлений цивилизаций могут говорить только об "упадке" расы. По подсчетам, самка лосося откладывает около девяти сот яиц на каждый фунт собственного веса, а весить она может пятьдесят фунтов. Потомство Шекспира и Гете, каким оно было, исчезло в те же века, в которые умерли сами эти великие люди. На современном этапе развития цивилизации мы несколько ближе к Шекспиру и Гете, чем к лососю. Наши идеалы должны быть направлены совсем в другую сторону, чем та, которая представляется нашим лососевым ученым. "Плодитесь и размножайтесь" - это легендарное предписание, произнесенное на пороге пустого мира. Оно совершенно неуместно в эпоху, когда земля и море, а то и сам воздух

кишат бесчисленными мириадами неотличимых друг от друга человеческих существ, пока красота мира не потускнеет, а слава небес не померкнет. Остановить этот прилив - вот задача, возложенная сейчас на наш героизм, возвысить, очистить и усовершенствовать расу, внедрить идеал качества вместо идеала количества, который так долго буйствовал, что привело к тем результатам, которые мы видим. "Как в "Северной саге" рассказывается о том, что Один должен был пожертвовать своим глазом, чтобы достичь высшей мудрости, - заключает Фальбек, - так и человек, чтобы завоевать сокровища культуры и утонченности, должен отдать не только свой глаз, но и свою жизнь, если не свою, то своих потомков". [16] Вульгарная цель безрассудной расовой плодовитости больше не подвластна нам и не выглядит достойной. Она не соответствует той стадии цивилизации, через которую мы сейчас проходим. Теперь перед нами стоит более высокая задача - возрождение расы, или, если мы хотим выразить это улучшение менее сомнительным образом, усиление расы". [17]

Контроль над воспроизводством, как мы видим, сам по себе не может способствовать улучшению расы, потому что он не предполагает прямого отбора особей. Тем не менее, мы должны помнить, что хотя этот контроль, с ограничением потомства, который он предполагает, не отвечает всем требованиям, которые сегодня предъявляет к нам социальная гигиена, он все же достигает многого. Возможно, он не улучшает то, что мы абстрактно называем "расой", но он значительно улучшает отдельных людей, из которых эта раса состоит. Так, ограничение семьи позволяет избежать рождения нежелательных детей. Это само по себе является огромным социальным преимуществом, поскольку имеет тенденцию к устранению чрезмерной детской смертности. [18] Это означает, что будет уделяться достаточное внимание детям, которые рождаются, и что ни один ребенок не будет рожден, если родители не в состоянии обеспечить его. [19] Даже простое разделение детей в семье, увеличение интервала между рождением детей, является очень большим преимуществом. Мать больше не истощена постоянным вынашиванием, сосанием и уходом за младенцами, а сами дети в среднем более качественные. [20] Таким образом, ограничение потомства, отнюдь не являясь эгоистической мерой, как некоторые глупо полагают, настоятельно требуется в альтруистических интересах индивидуумов, составляющих расу.

Но контроль над воспроизводством, чрезвычайно полезный даже в своих самых элементарных формах, касается нас главным образом потому, что он создает необходимое условие для развития Социальной Гигиены. Контроль над воспроизводством делает возможным и ведет к мудрому отбору при воспроизводстве. Только благодаря такому отбору рождающихся детей мы можем уравновесить нашу неизбирательную заботу о сохранении всех детей, которые рождаются, - заботу, которая в противном случае стала бы непосильным бременем. Только благодаря такому отбору мы можем работать над устранением тех запасов, которые не могут помочь нам в решении задач, стоящих перед нашей современной цивилизацией. Только благодаря такому отбору мы можем надеяться на укрепление запасов, которые подходят для решения этих задач". Более двух столетий назад Стил игриво предположил, что "культурой можно вытравить из семьи любую страсть, как искусные садовники вытравливают из тюльпана цвет, который вредит его красоте". [21] Прогресс цивилизации и связанный с ним самоконтроль позволили принять это предположение всерьез. [22] Разница в том, что в то время как цветы наших садов улучшаются только под контролем произвольной внешней воли и интеллекта, наши человеческие цветы могут быть улучшены интеллектом и волей, более тонким чувством ответственности, развитым в них самих. Таким образом, именно человеческая культура делает возможной социальную гигиену.

Три века назад вдохновенный монах изложил свой идеал облагороженного мира в *"Городе Солнца"*. Кампанелла написал эту пророческую книгу в тюрьме. Но дух его был несвободен, и его концепция человеческого общества, хотя по смелости она превосходит все видения, с которыми мы можем ее сравнить, все же находится на тех линиях, по которым движется наша цивилизация. В Городе Солнца не только впервые было признано благородство труда, даже механического, - который Платон отвергал, а Мор едва ли осознавал, - но и высший импульс деторождения рассматривался как священная функция, которая должна осуществляться в свете научных знаний. Это был скорее общественный, чем частный долг, поскольку он затрагивал интересы расы; только доблестные и высокодуховные мужчины должны были производить потомство, и считалось, что отец должен нести наказание, налагаемое на сына за недостатки, вызванные его неспособностью к деторождению. [23] Более того, если в Городе Солнца союзы не ради деторождения оставлялись на усмотрение отдельных людей, то с союзами ради деторождения дело обстояло иначе. Их устраивал "великий мастер", врач, которому помогали главные матроны, а публичные упражнения юношей и девиц, выполняемые в обнаженном виде, помогали заключать подходящие союзы. Ни один евгенист в современных условиях жизни не предлагает, чтобы союзы заключались под руководством верховного медицинского чиновника, хотя, возможно, он считает такого чиновника, лишённого каких-либо принудительных полномочий, своего рода общественного попечителя расы, полезным учреждением. Но легко понять, что светлая концепция расового улучшения, которая, с тех пор как Гальтон сделал ее практически осуществимой, вдохновляет сейчас социальный прогресс, уже три века назад ярко горела в мозгу этого заключенного итальянского монаха. Как Томаса Мора называют отцом современного социализма, так и Кампанеллу можно назвать пророком современной евгеники.

Под евгеникой подразумевается научное изучение всех факторов, с помощью которых можно улучшить человеческую расу, и попытка придать этим факторам практическую силу путем сознательных и целенаправленных действий в пользу лучшего размножения. Можно сказать, что евгеника существует даже среди дикарей, хотя бы в виде грубой и ненаучной практики уничтожения слабых, деформированных и ненормальных младенцев при рождении. В цивилизованные века заводчики животных предпринимают тщательно продуманные и более или менее научные попытки улучшить разводимое поголовье, и их усилия увенчались большим успехом. Изучение тех же методов применительно к человеку вышло из дарвиновской школы биологии и особенно связано с великим именем сэра Фрэнсиса Гальтона, двоюродного брата Дарвина. Гальтон впервые предложил назвать это исследование "Стирпикуляцией". Под этим названием оно вдохновило Нойеса, основателя общины Онейда, на практическую реализацию с тщательностью и смелостью, а также схожестью методов, благодаря чему Онейда почти соперничала с Городом Солнца. Но схема Нойеса, в некоторых отношениях отличная как эксперимент, опередила и научные знания, и дух времени. Ее не поддержал Гальтон, который никогда не хотел оскорблять общие настроения, а стремился привлечь их на свою сторону, и до 1880 года деятельность Онейдского сообщества была прекращена из-за вызванного ею антагонизма. Гальтон продолжал развивать свои концепции медленно и осторожно, и в 1883 году в своей работе *"Исследования человеческих способностей"* он отказался от термина "Стихийная культура" и придумал термин "Евгеника", который сейчас принято обозначать "Хорошее разведение".

Гальтон прекрасно понимал, что улучшенное разведение людей - это совсем другое дело, чем улучшенное разведение животных, требующее иных знаний и иных методов, поэтому насмешки, которые иногда невежественно обрушивались на евгенику, его не трогали. Было бы явно нежелательно разводить людей, как разводят животных, по одним признакам, жертвуя другими, даже если бы у нас была возможность разводить людей извне.

Размножение людей должно исходить из импульсов, которые добровольно возникают в человеческом мозгу и воле и осуществляются с человеческим чувством личной ответственности. Гальтон считал, что в первую очередь необходимы знания в этих вопросах. Он не стремился прибегать к помощи законодательства. [24] Обязательное предъявление справок о здоровье и хорошем воспитании в качестве предварительного условия для вступления в брак не является частью евгеники, равно как и обязательная стерилизация не является требованием любого разумного евгениста. Безусловно, обычай предоставлять справки о здоровье и способностях прекрасен не только в качестве предварительного условия для вступления в брак, но и в качестве общего обычая. Безусловно, есть случаи, когда стерилизация желательна, если добровольно соглашается на нее. [25] Но ни сертификация, ни стерилизация не должны быть обязательными. Они имеют свою ценность только в том случае, если они разумны и обдуманны, проистекают из расширенного и просвещенного чувства личной ответственности перед обществом и расой.

Евгеника представляет собой связующее звено между социальной реформой прошлого, мучительно боровшейся за улучшение условий жизни, и социальной гигиеной будущего, которая уполномочена адекватно реагировать на условия жизни, потому что в ее руках находятся источники жизни. На этом уровне мы можем сконцентрировать наши силы на более тонких аспектах жизни, потому что мы можем обоснованно ожидать, что нам больше не будет мешать постоянно растущее бремя, которое было возложено на нас из-за неспособности контролировать жизнь; в то время как чем больше мы преуспеваем в наших усилиях по очищению и укреплению жизни, тем более величественными становятся задачи, которые мы можем обоснованно надеяться попытаться решить.

Проблема, которая часто и справедливо упоминается как та, которую должна решить евгеника, - это проблема существования среди нас большого класса слабоумных. Несомненно, есть те, кто сожалеет об исчезновении слабоумных из нашей среды. Философия бергсонизма, которая сегодня так широко распространена, ставит интуицию выше разума, а "чистый дурак" иногда становится объектом поклонения и идолопоклонства. Но мы должны помнить, что евгеника никогда не сможет полностью предотвратить появление слабоумных людей, даже в крайней степени имбецила и идиота. [26] Они попадают в диапазон вариаций по тому же праву, что и гении. Возможно, мы не можем предотвратить появление таких людей, но мы можем предотвратить, чтобы они не становились основателями семей, склонных походить на себя. И в этом случае, с чем согласится большинство людей, мы выполним задачу, приносящую огромную пользу обществу и расе.

Слабоумие в значительной степени передается по наследству. Раньше считалось, что идиотизм и слабоумие в основном обусловлены условиями окружающей среды, пьянством, развратом, общей болезнью или недостатком питания родителей, и в этом мнении, несомненно, есть элемент истины. Но как бы ни были серьезны и часты результаты плохой среды и приобретенных болезней в роду слабоумных, они не являются основополагающим фактором в производстве слабоумных". [27]

Слабоумие - это, по сути, зародышевая вариация, принадлежащая к тому же большому классу, что и все другие биологические вариации, возникающая, по большей части, в первую очередь спонтанно, но имеющая сильную тенденцию к наследованию. Таким образом, она напоминает врожденную катаракту, глухонмоту, восприимчивость к туберкулезной инфекции и т. д. [28]

Точные исследования показывают, что слабоумие в огромной степени передается от родителей к детям. Несколько лет назад Эшби, основываясь на большом опыте на севере Англии, подсчитал, что не менее семидесяти пяти процентов слабоумных детей рождаются с наследственной склонностью к умственным дефектам. Более точные исследования с тех пор показали, что эта оценка была занижена. Тредголд, который в Англии наиболее тщательно изучал наследственность слабоумных, [29] обнаружил, что в более чем восьмидесяти двух процентах случаев имеет место плохая нервная наследственность. В большом количестве случаев плохая наследственность была связана с алкоголизмом или чахоткой в роду, но только в небольшой части случаев (около семи процентов) было вероятно, что только алкоголизм и чахотка, обычно в сочетании, были достаточны для создания дефектного состояния детей, в то время как условия окружающей среды вызывали умственные дефекты только в десяти процентах случаев. [30] Наследственность - главная причина слабоумия, и нормальный ребенок никогда не рождается от двух слабоумных родителей. Очень тщательное исследование наследственности слабоумных, которое сейчас проводится в учреждении для их лечения в Винеланде, штат Нью-Джерси, показывает еще более убедительные результаты. При тщательном составлении родословных семей, к которым принадлежат воспитанники Винеланда, выяснилось, что в значительной части случаев слабоумие передается из поколения в поколение и прослеживается на протяжении трех поколений, хотя иногда проскакивает поколение. В одной семье из трехсот девятнадцати человек сто девятнадцать были известны как слабоумные, и только сорок два - как нормальные. Семьи, как правило, были большими, иногда очень большими, большинство из них во многих случаях умирали в младенчестве или росли слабоумными". [31]

Слабоумие не только передается по наследству, причем в гораздо большей степени, чем до сих пор подозревали даже эксперты, но слабоумные склонны (хотя, как установили Дэвенпорт и Уикс, не всегда) иметь большее количество детей, чем нормальные люди. Этого и следовало ожидать, если не принимать во внимание вопрос о врожденной плодовитости. Слабоумные не способны к предвидению и самоограничению. Они не в состоянии противостоять собственным импульсам или чужим уговорам и не способны адекватно понять мотивы, которыми руководствуются обычные люди. Среднее число детей слабоумных людей, по-видимому, часто примерно на треть больше, чем в нормальных семьях, а иногда и намного больше. Доктор Этти Сейер, исследуя для Совета Лондонского графства семейные истории ста нормальных семей и ста семей, в которых были обнаружены умственно отсталые дети, установила, что в семьях последних в среднем было 7,6 ребенка, тогда как в нормальных семьях - 5. Тредголд, специально исследовав 150 случаев слабоумных, обнаружил, что они принадлежали к семьям, в которых родилось 1269 детей, то есть 7,3 на семью, или, считая мертворожденных детей, 8,4. Почти две трети этих аномально многодетных семей были умственно неполноценными, многие из них проявляли склонность к болезням, нищенству, преступности или, наоборот, к ранней смерти". [32]

Здесь, правда, мы имеем уравнивающее влияние, поскольку в больших семьях слабоумных соответственно велика детская смертность. Значительная часть детей из группы Тредгольда родилась мертвой, и очень большое число умерло рано. Эйхгольц, опять же, обнаружил, что в одной группе дефективных семей около шестидесяти процентов детей умерли в раннем возрасте. Это, вероятно, необычно высокая пропорция, и в случаях Эйхгольца она, похоже, была связана с необычно большими семьями, но младенческая смертность всегда очень высока.

Эта большая ранняя смертность потомства слабоумных, однако, очень далека от решения вопроса об избавлении от умственно отсталых, иначе мы не нашли бы семей, состоящих из

них, размножающихся из поколения в поколение. Большое число рано умирающих просто служит, грубо говоря, для уменьшения размера аномальной семьи до размера нормальной семьи, и некоторые авторитеты считают, что этого недостаточно, поскольку мы должны помнить, что даже в так называемой нормальной семье существует значительная смертность в течение ранней жизни. Даже если в дефектной семье нет аномальной рождаемости, мы все равно должны признать, что, как утверждают Дэвенпорт и Уикс, их дефективность усиливается наследственностью. Более того, мы должны учитывать социальный беспорядок и большие расходы, которые сопровождают высокую детскую смертность.

Незаконнорожденность часто является результатом слабоумия, поскольку слабоумные женщины особенно неспособны противостоять искушениям. Огромное количество таких женщин постоянно попадает в работные дома и рождает незаконнорожденных детей, которых они не в состоянии содержать, и которые часто никогда не становятся способными содержать себя, но, в свою очередь, имеют тенденцию производить новое слабоумное поколение, тем более что мужчины, которых привлекают эти слабоумные женщины, сами являются - согласно общепризнанной тенденции аномальных людей привлекаться к аномальным - слабоумными или иными умственно дефективными. Таким образом, создается не только тяжелое финансовое бремя, но и вечная опасность для общества, и, вполне возможно, серьезное снижение качества общества". [33]

Не только сами по себе слабоумные являются бременем для нынешнего поколения и угрозой для будущих поколений. В значительной степени они являются резервуаром, из которого рекрутируются хищные классы. Так, например, обстоит дело с проститутками. Слабоумные девушки, довольно высокого класса, можно сказать, предопределены к проституции, если они предоставлены сами себе, не потому, что они порочны, а потому, что они слабы и не способны к сопротивлению. Они не могут правильно соизмерять свои действия с их результатами, и даже если они достаточно умны для этого, они все равно слишком слабы, чтобы регулировать свои действия соответствующим образом. Более того, даже если, как это часто бывает среди высокоразвитых слабоумных, они вполне способны и хотят работать, после того как они теряют свою "респектабельность", родив ребенка, возможности для работы становятся все более ограниченными, и они уходят в проституцию. Было установлено, что из почти 15 000 женщин, прошедших через дома Магдален в Англии, более 2500, или более шестнадцати процентов - и это, вероятно, заниженная оценка - были определено слабоумными. Известно, что женщины, принадлежащие к этой слабоумной группе, пополнили население 1000 незаконнорожденных детей. В Германии Бонхеффер обнаружил, что среди 190 проституток, прошедших через тюрьму, 102 были наследственно дегенеративными, а 53 слабоумными. Это было бы завышенным показателем по отношению к обычным проституткам, хотя преступления, несомненно, обычно были незначительными, но в любом случае связь между проституцией и слабоумием очень тесная. Везде, без сомнения, в рядах проституции есть значительная доля женщин, которые с самого начала были в той или иной степени слабоумными, умственно и нравственно немного притупленными из-за наследственности". [34]

Преступность, опять же, самым тесным образом связана со слабоумием. Не только преступники, как правило, принадлежат к большим семьям, но и семьи, которые производят слабоумных отпрысков, также производят преступников, в то время как определенная степень слабоумия чрезвычайно распространена среди преступников, и самый безнадежный и типичный, хотя, к счастью, редкий, вид преступника, часто называемый

"моральным имбецилом", является ничем иным, как слабоумным человеком, чей недостаток проявляется не столько в его интеллекте, сколько в его чувствах и поведении. Сэр Х.Б. Донкин, авторитетно высказывающийся по этому вопросу, считает, что, хотя трудно получить сведения о ранней истории преступников, попадающих в английские тюрьмы, около двадцати процентов из них имеют преимущественно дефекты умственных способностей. Это означает, что каждый год около 35 000 слабоумных людей попадают в английские тюрьмы как "преступники". Тенденция преступников принадлежать к слабоумным действительно с каждым днем становится все более очевидной. В Пентонвилле, если не принимать во внимание заключенных, которые были слишком умственно отсталыми, чтобы быть пригодными для тюремной дисциплины, восемнадцать процентов взрослых заключенных и сорок процентов несовершеннолетних преступников были признаны слабоумными. В это число вошли только те, чей дефект достаточно очевиден и не является результатом методичного исследования. Несомненно, что такое методичное исследование выявило бы очень большую долю случаев менее очевидных психических дефектов. Так, систематическое обследование ряда делинквентных детей в индустриальной школе показало, что в семидесяти пяти процентах случаев они были дефектны по сравнению с нормальными детьми, и что их дефективность, вероятно, была врожденной. Даже обладание значительной степенью хитрости не является свидетельством против умственного дефекта, а скорее может быть признаком его, поскольку показывает интеллект, неспособный понять более широкие отношения жизни и сосредоточенный на удовлетворении мелких и сиюминутных желаний. Так и получается, что хитрость преступников часто ассоциируется с почти невыносимой глупостью". [35]

Тесно связанные с огромным классом слабоумных и время от времени впадающие в преступность, - это обитатели работного дома, бродяги и безработные. Так называемые "трудоспособные" заключенные работных домов при медицинском обследовании часто оказываются, более чем в пятидесяти процентах случаев, умственно неполноценными, причем в равной степени, как мужчины, так и женщины. Бродяги по своей природе и профессии, которые составляют большую часть населения работного дома и, по оценкам, насчитывают от 20 000 до 30 000 человек в Англии и Уэльсе, если исключить настоящих безработных, повсеместно оказываются очень вырождающимся классом, среди которого преобладают самые злонамеренные виды слабоумия и извращения ума. Опьяневшие, люди, которые хронически и беспомощно предаются пьянству, в основном принадлежат к одной большой семье, и не столько становятся слабоумными, потому что пьют, сколько обладают склонностью к пьянству, потому что у них от рождения есть склонность к слабоумию. Брантвейт, главный английский авторитет в этом вопросе, обнаружил, что из всех опьяневших, попавших в поле его зрения, если не считать группу фактически невменяемых людей, около шестидесяти трех процентов являются умственно неполноценными, и лишь немногим более трети от общего числа имеют средние умственные способности. Очевидно, что эти люди, даже если их вернуть к трезвости, все равно сохраняют свою более или менее врожденную дефективность и останутся в равной степени непригодными для того, чтобы стать родителями будущего поколения.

Именно такие люди - бродяги, проститутки, нищие, преступники, опьяневшие, - все они склонны рождаться немного дефективными, - в основном составляют большие вырождающиеся семьи, истории которых время от времени записываются. Такой семьей была семья Джуков в Америке, которая в течение пяти поколений, постоянно скрещиваясь с плохими семьями, произвела на свет 709 известных потомков, которые в целом были непригодны для жизни в обществе, и были постоянной опасностью и бременем для общества. [36] Еще более крупная семья того же рода, недавно изученная в Германии,

состояла из 834 известных человек, все они происходили от пьяной бродяжки, вероятно, несколько слабоумной, но физически энергичной. Подавляющее большинство этих потомков были проститутками, бродягами, нищими и преступниками (некоторые из них - убийцами), а прямые денежные затраты прусского государства на содержание и уход за этой женщиной и ее семьей составили четверть миллиона фунтов стерлингов. Еще одна подобная семья - это семья "нулей". Три века назад это были весьма уважаемые люди, жившие в швейцарской долине. Но они вступили в брак с безумным народом и впоследствии женились на других женщинах с неуравновешенным характером. В последнее время было изучено 310 представителей этой семьи, и выяснилось, что бродяжничество, слабоумие, психические расстройства, преступность, нищенство, безнравственность - это, можно сказать, их вотчина. [37]

Эти классы с их склонностью к слабоумию, врожденной ленью, отсутствием жизненной силы и непригодностью к организованной деятельности содержат людей, которые жалуются, что голодают из-за отсутствия работы, хотя они никогда не выполняют никакой работы, которую им дадут. Слабоумие - это абсолютный мертвый груз для расы. Это зло, которое нельзя искоренить. Тяжелое и сложное социальное бремя и травмы, которые оно наносит нынешнему поколению, не подлежат компенсации, а тот неоспоримый факт, что в любой степени оно передается по наследству, делает его разрушительным ядом для расы; оно обесценивает качество народа. Задача социальной гигиены, которая стоит перед нами, не может быть решена этим слабым народом. Они не только не могут разделить ее, но и препятствуют ей; их неуклюжие руки вечно запутываются в тонком механизме нашей современной цивилизации. Само их существование уже является препятствием. Помимо грубого и очевидного бремени в деньгах и социальных механизмах, которое защита, в которой они нуждаются, и защита, в которой мы нуждаемся от них, возлагает на общество, [38] они размыывают духовное качество общества до такой степени, что делают его непригодным для любых высоких достижений. Неважно, насколько мал город или страна, если дух ее народа велик. Именно самые маленькие сообщества наиболее мощно и бессмертно подняли уровень цивилизации и окружили человеческий род (в его собственных глазах) ореолом славы, который не принадлежит ни одному другому виду. Лишь горстка людей, теснимая со всех сторон, создала вечное сияние Афин, а слава маленького города Флоренции может пережить славу всего королевства Италии. Осознать эту истину в будущем цивилизации - одна из первых задач социальной гигиены. [39]

Именно здесь можно ожидать плодотворной работы идеалов евгеники. Настаивать на силе наследственности когда-то считалось проявлением фаталистического пессимизма. Сегодня, в свете евгеники, он приобретает совершенно иной аспект. "Для евгениста, - как замечает Дэвенпорт, - наследственность является единственной великой надеждой человеческой расы: ее спасителем от имбецильности, бедности, болезней, безнравственности". [40] Мы не можем, действительно, желать принудительного уничтожения непригодных или централизованного размножения пригодных. [41] Подобные представления являются пустыми, и даже тот факт, что неуравновешенные мозги могут распространять их за границы, подрывает законный авторитет евгенических идеалов. Две меры, которые в настоящее время обычно выдвигаются для достижения евгенических целей: справки о состоянии здоровья в качестве законного предварительного условия для вступления в брак и стерилизация непригодных - прекрасны, когда применяются с умом, но они становятся озорными, если не смешными, в руках фанатиков, которые будут применять их силой. Домашних животных можно разводить извне, в принудительном порядке. Человека можно воспитать только изнутри, с помощью его интеллекта и воли, работающих вместе под контролем высокого чувства ответственности. Безграничное коварство мужчин и женщин

полностью соответствует поражению любой попытки прикоснуться к жизни в этой интимной точке против желания тех, кому доверено создание жизни. Законы брака даже среди дикарей часто были сложными и напряженными в высшей степени. Но их было легко переносить, потому что они были частью священных и нерушимых традиций расы; за ними стояла религия. И Гальтон, признававший тщетность простого законодательства в деле возвышения расы, считал, что надежда будущего заключается в том, чтобы сделать евгенику частью религии. Единственное принуждение, которое мы можем применить в евгенике, - это принуждение, идущее изнутри. Все, в ком развито чувство социальной и расовой ответственности, захотят до вступления в брак дать и получить самую полную информацию по всем вопросам, касающимся наследственности предков, а регистрация такой информации, вероятно, будет становиться все более простой и само собой разумеющейся. [42] А если он обнаружит, что его помощь в продолжении рода не оправдана, евгенист будет довольствоваться тем, чтобы стать, по словам Иисуса, "евнухом ради Царства Небесного", независимо от того, означает ли это в современных условиях воздержание в браке от деторождения или добровольную стерилизацию оперативными методами. [43] Ибо, как выразился Гиддингс, цель расы заключается не в безжалостном возвеличивании сверхчеловека, а в эволюции сверхчеловечества. Такая цель может быть достигнута только путем решительного отбора и элиминации. [44]

Размножение мужчин в значительной степени находится в руках женщин. Поэтому вопрос евгеники в значительной степени является единым с женским вопросом. Реализация евгеники в нашей общественной жизни может быть достигнута только при условии реализации женского движения в его последней и наиболее полной фазе как просвещенной культуры материнства, во всем том, что материнство включает в себя как с физической, так и с психической стороны. Материнство на евгенической основе - это целенаправленный и избирательный процесс, требующий высочайшего интеллекта, а также тончайших эмоциональных и моральных способностей, так что все лучшие энергии долгой эволюции женственности на путях современной культуры находят здесь свое окончательное воплощение. Выращивание детей влечет за собой их обучение, а поскольку с развитием социальной гигиены образование становится гораздо более масштабной и деликатной задачей, чем когда-либо прежде, ответственность, возлагаемая на женщин эволюцией цивилизации, становится соответственно велика.

Для мужчин, которые были рождены и обучены таким образом, задачи, налагаемые Социальной гигиеной, ничуть не легче. Они требуют всех лучших качеств селективно выведенной расы, из которой, насколько это возможно, были выведены умственно и физически слабые люди. Замена закона войной как в отношениях класса к классу, так и нации к нации, организация международных методов социального общения между народами, говорящими на разных языках и имеющими разные традиции, - вот лишь два типичных примера трудных, но настоятельных задач, которые ставит перед собой социальная гигиена, а ход развития современной цивилизации делает их настойчивыми. Опять же, адекватная корректировка требований индивидуума и требований сообщества, каждое из которых доведено до предела, может оказаться изысканным тестом на качество любой хорошо воспитанной и обученной расы. Именно в этом уравнивании кажущихся противоположностей, необходимости доводить их до крайности и, как следствие, необходимости культивировать то качество сдержанности, которое так высоко оценивали греки, и заключаются высшие трудности современной цивилизации. Мы снова видим эти трудности в связи с распространением права. Желательно и неизбежно, чтобы сфера права была расширена, и чтобы споры, которые до сих пор решаются грубой и неразумной силой, решались гуманной и разумной силой, то есть законом. Но параллельно с этим

расширением права необходимо вести постоянную войну с законотворческой тенденцией, лелеять несокрушимую решимость сохранить в неприкосновенности те священные и интимные порывы, всю тончайшую деятельность нравственной сферы, которую обобщающая рука закона может только ранить и запятнать.

Именно эти увлекательные и волнующие проблемы, с каждым днем приобретающие все более актуальное практическое значение, призвана решить социальная гигиена, создав сначала мужчин и женщин, способных их решить. Именно такие проблемы мы призваны сегодня осветить сухим светом науки, насколько это возможно - возможно, еще не очень далеко.

[1] Muralt, *Lettres sur les Anglais*. Lettre V.

[2] В правление Ричарда II (1388 г.) был принят закон о "наказании тех, кто разлагает воздух вблизи города или большого города". Столетие спустя (во времена Генриха VII) был принят закон, запрещающий мясникам убивать зверей в городах, обнесенных стенами; в преамбуле к этому закону говорилось, что ни один знатный город в христианстве не должен содержать скотобоен, чтобы не вызывать болезни. Во времена Карла II, после великого лондонского пожара, закон предусматривал более качественное мощение и очистку улиц и сточных канав. Однако именно в Италии, как указывает Вейль (*Geschichte der Sozialen Hygiene im Mittelalter*, на заседании Общества социальной медицины, 25 мая 1905 года), началось современное движение организованной санитарии. В XIII веке великие итальянские города (такие как Флоренция и Пистоджа) имели *Codici Sanitarii*; но они не выполнялись, и когда в 1348 году Черная смерть пришла во Флоренцию, город оказался совершенно неподготовленным. Именно Венеция в том же году впервые приступила к активным мерам государственной санитарии. Впервые дезинфекция была введена Джан Висконти в Милане в 1399 году. Первая карантинная станция, о которой мы слышим, была создана в Венеции в 1403 году.

[3] Уровень младенческой смертности в Англии и Уэльсе снизился со 149 на 1000 рождений в 1871-80 годах до 127 на 1000 рождений в 1910 году. Говоря об этом замечательном снижении, которое произошло *параллельно* с падением рождаемости, Ньюсхолм, медицинский работник Совета местного самоуправления, пишет: "Не может быть никаких разумных сомнений в том, что значительная часть этого снижения была вызвана той "концентрацией" на матери и ребенке, которая была поразительной особенностью последних нескольких лет. Если бы опыт 1896-1900 годов сохранился, в 1910 году умерло бы на 45 120 младенцев больше, чем в действительности". Однако в некоторых частях страны, где женщины уходят работать на фабрики (как в Ланкашире и некоторых районах Стаффордшира), младенческая смертность остается очень высокой.

[4] Миссис Бертран Рассел, "Гентская школа для матерей", *Девятнадцатый век*, декабрь, 1906.

[5] Нет необходимости говорить о том, что можно предложить и другие классификации социальных реформ с их более гигиенической стороны. Так, W.H. Аллен, более узко рассматривая санитарную сторону вопроса, но не ограничиваясь девятнадцатым веком, считает, что всегда существует семь стадий: (1) расовая опека, когда санитария становится сознательной и получает санкцию закона; (2) введение санитарного комфорта, хорошо вымощенных улиц, общественных канализаций, обширных водопроводных сооружений; (3) период коммерческой санитарии, когда меркантильные классы настаивают на таких мерах, как карантин и уборка улиц, чтобы остановить огромное опустошение от эпидемий; (4) введение законодательства против неприятных явлений и тенденция к расширению

определения неприятного явления, которое для Брактона в XIV веке означало препятствие, а для Блэкстоуна в XVIII веке включало в себя и другие неприятные вещи, такие как вредные ремесла и нечистые водотоки; (5) этап предосторожности против опасностей, связанных с трущобами, которым способствуют современные условия промышленности; (6) этап филантропии, возведения больниц, образцовых домов, школ и т. д.; (7) этап социалистической санитарии, когда общество в целом активно стремится к собственному санитарному благополучию и выделяет на эти цели общественные средства".

(У. Х. Аллен, "Санитария и социальный прогресс", *Американский журнал социологии*, март, 1903 г.).

[6] Доктор Ф. Буши отметил ("Наука и социальный прогресс", *Popular Science Monthly*, September, 1911), что в этом вопросе существует своего рода взаимосвязанная прогрессия между наукой и практикой: "Естественные науки развились первыми, потому что человек был впервые заинтересован в покорении природы, и более простые физические законы могли быть постигнуты в ранний период. Этот период привел к росту богатства, но он был расточителен для человеческой жизни. Желание сохранить жизнь привело к изучению биологии. Знания о физической среде и жизни, однако, не предотвратили расцвета социальных болезней и не улучшили социального положения значительной части общества. Для преодоления этих недостатков общественные науки в последние годы культивируются со всей серьезностью. Интерес к социальным наукам был вынужден ждать расширения симпатий и чувства солидарности, которые появились с ростом взаимозависимости плотных слоев населения, а эти условия зависели от прогресса других наук. С развитием социальных наук цепочка знаний будет завершена, по крайней мере в том, что касается уже возникших потребностей. Каждая группа наук будет решать одну или несколько великих проблем, с которыми человек столкнулся в процессе развития. Физические науки будут решать проблемы окружающей среды, биологические науки - проблемы жизни, а социальные науки - проблемы общества".

[7] Эту исключительную озабоченность улучшением окружающей среды миссис Эллен Х. Ричардс назвала евтеникой, написав книгу с таким названием, отстаивающую евтенику в противовес евгенике.

[8] Ни один из четырех этапов социальной реформы, о которых уже говорилось выше, не может быть проигнорирован. Напротив, все они должны быть еще более консолидированы в полностью национальную организацию здравоохранения. Я могу сослаться на небольшую книгу "*Национализация здравоохранения*", в которой много лет назад я предвосхитил это движение, а также на недавнюю работу профессора Бенджамина Мура на ту же тему. Гигантские усилия Германии, а затем и Англии по созданию систем национального страхования являются благородным свидетельством того, с каким рвением эти две страны, во всяком случае, продвигаются к желаемой цели.

[9] В некоторых странах, однако, спад, хотя и прослеживается с 1876 года, начал проявляться лишь несколько позже: в Австрии в 1883 году, в Германской империи, Венгрии и Италии в 1885 году, а в Пруссии в 1886 году. Большинство этих стран, хотя и запоздало последовали за современным движением цивилизации, начатым Францией, быстро продвигаются в том же направлении. Так, уровень рождаемости в Берлине уже такой же низкий, как и в Париже десять лет назад, хотя французский спад начался очень рано. В Норвегии, опять же, спад не был замечен до 1900 года, но, тем не менее, уровень рождаемости уже упал так же низко, как в Швеции, где падение началось гораздо раньше".

[10] "Предвидение и самоконтроль являются и всегда должны быть основой и средством всего морального социализма", - говорит Босанкет (*"Цивилизация христианства"*, стр. 336), используя термин "социализм" в широком, а не в экономическом смысле. Тот же цивилизованный рост предусмотрительности и самоконтроля мы видим и в уменьшении пьянства. Так, в Англии число приговоров за пьянство, хотя и сильно варьируется в разных частях страны, уменьшается в целом по стране со скоростью от 5000 до 8000 в год, несмотря на постоянный рост населения. Ошибочно полагать, что это снижение связано с уменьшением возможностей для выпивки; так, в графстве Лондон и в Кардиффе доля помещений, лицензированных для выпивки, одинакова, но если в 1910 году в Лондоне было вынесено 83 приговора за пьянство на 10 000 жителей, то в Кардиффе - менее 6 на 10 000.

[11] Таким образом, Герон обнаружил, что в Лондоне за последние пятьдесят лет на 100 процентов увеличилась интенсивность связи между низким социальным уровнем рождения и высокой рождаемостью, и что высокая рождаемость низших социальных классов не полностью компенсируется их высокой смертностью (D. Heron, "On the Relation of Fertility in Man to Social Status", *Drapers' Company Research Memoirs*, No. I, 1906). Однако, как отмечают Ньюсхолм и Стивенсон (*Journal Royal Statistical Society*, April, 1906, p. 74), чистый прирост населения за счет лучших социальных классов настолько ниже, чем за счет беднейших, что, даже если мы согласимся оставить вопрос в силе на этом основании, все равно нет острой необходимости в стенаниях Кассандры.

[12] *Sociological Papers of the Sociological Society*, 1904, p. 35.

[13] Есть определенная польза в изучении собственной родословной. Я с некоторым удивлением обнаружил, насколько незначительны социальные колебания, прослеживаемые в семье среднего класса и в семьях, с которыми она вступает в брак на протяжении нескольких столетий. Профессиональная семья, как правило, образует касту, заключая браки внутри этой касты. Амбициозный член семьи может жениться на дочери баронета, а другой, менее претенциозный, - на дочери деревенского торговца; но общий уровень сохраняется, не поднимаясь и не опускаясь. Изредка случается, что честолюбивый и энергичный сын преуспевающего мастера-ремесленника становится профессионалом, женится на представительнице профессиональной касты и основывает профессиональную семью; такая семья процветает в течение примерно трех поколений, а затем внезапно приходит в упадок и вымирает по мужской линии, в то время как жизнеспособность женской линии не ослабевает.

[14] Новая социальная адаптация семьи, вероятно, всегда трудна, а если перемены внезапны или экстремальны, новая среда может быстро оказаться фатальной для семьи. Лоренц (*Lehrbuch der Genealogie*, p. 135) показал, что когда крестьянская семья попадает в высший социальный класс, она вымирает через несколько поколений.

[15] См. по этому вопросу Reibmayr, *Entwicklungsgeschichte des Talentes und Genies*, Vol. I, ch. vii.

[16] Fahlbeck, *op. cit.*, p. 168.

[17] Регенерация подразумевает, что имело место вырождение, и нельзя с уверенностью утверждать, что это вырождение в целом произошло таким образом, чтобы повлиять на расу. Рейбмайр (*Die Entwicklungsgeschichte des Talentes und Genies*, Bd. I, p. 400) рассматривает вырождение как процесс, начинающийся с урбанизацией и тенденцией к сокращению населения; если это так, то это всего лишь другое название цивилизации, и осудить его можно только осудив цивилизацию, независимо от того, происходит ли физическое

ухудшение или нет. Межведомственная комиссия по физическому износу, состоявшаяся в 1904 году в Лондоне, пришла к выводу, что нет достаточных статистических или иных данных, доказывающих, что телосложение людей в настоящее время, по сравнению с прошлым, претерпело какие-либо изменения; это заключение было подтверждено генеральным директором медицинской службы армии. Безусловно, есть все основания полагать, что городское население (и особенно промышленные рабочие на фабриках) уступает по росту, весу и общему развитию сельскому населению и менее пригодно для военной или аналогичной службы. Замедленное развитие фабричных рабочих в лондонском Ист-Энде было отмечено почти столетие назад, а военный опыт Германии наглядно демонстрирует неполноценность горожан по сравнению с сельскими жителями. (См., например, Weyl, *Handbuch der Hygiene*, Supplement, Bd. IV, pp. 746 et seq.; *Politisch-Anthropologische Revue*, 1905, pp. 145 et seq.) Доля немецких юношей, годных к военной службе, медленно уменьшается с каждым годом; в 1909 году она составляла 53,6 процента, в 1910 году - только 53 процента; из родившихся в деревне и занятых в сельском или лесном хозяйстве 58,2 были признаны годными; из родившихся в деревне и занятых в других отраслях промышленности - 55,1 процента; из родившихся в городах, но занятых в сельском или лесном хозяйстве - 56,2 процента; из родившихся в городах и занятых в других отраслях промышленности - 47,9 процента. Совершенно очевидно, что это ухудшение в городских и промышленных условиях не может быть правильно названо расовым вырождением. Более того, оно значительно улучшается даже после нескольких месяцев обучения, и существует огромная разница между неразвитым, слабым, полуголодным новобранцем из трущоб и крепким, широкоплечим ветераном, когда он покидает армию. Термин "регенерация" - не выдерживающий критики, хотя и свободный от возражений против "регенерации" - был предложен профессором Кристианом фон Эренфельсом ("*Die Aufsteigende Entwicklung des Menschen*", *Politisch-Anthropologische Revue*, April, 1903, p. 50).

[18] Нет необходимости затрагивать здесь вопрос о младенческой смертности, который уже упоминался и будет вновь рассмотрен в одной из последующих глав. Следует лишь сказать, что высокая рождаемость неразрывно связана с высокой смертностью. К европейским странам с самой высокой рождаемостью относятся, в порядке убывания: Россия, Болгария, Румания, Сербия и Венгрия. Европейские страны с самым высоким уровнем смертности в порядке убывания почти одинаковы: Россия, Венгрия, Испания, Болгария и Сербия, то же самое происходит и за пределами Европы. Так, Чили, по уровню рождаемости следующая после Румании, по уровню смертности уступает только России.

[19] Нюстрём (*La Vie Sexuelle*, 1910, p. 248) считает, что "приближается время, когда муниципальные власти, если они на собственном опыте убедились или имеют основания подозревать, что дети будут выбрасываться на приход, будут считать своим долгом обучать родителей методам превентивного зачатия".

[20] Непосредственно неблагоприятное влияние на ребенка слишком короткого интервала между его рождением и рождением предыдущего ребенка было показано, например, доктором Р. Дж. Эвартом ("*Влияние возраста родителей на потомство*", *Eugenics Review*, October, 1911). Он обнаружил в Мидлсбро, что дети, рожденные с интервалом менее двух лет после рождения предыдущего ребенка, в возрасте шести лет все еще демонстрируют заметный дефицит роста, веса и интеллекта по сравнению с детьми, рожденными после более длительного интервала, или с первенцами.

[21] *Tatler*, Vol. II, No. 175, 1709.

[22] "Спишите человека на примулу, а сцену мира на сцену теплицы", - говорит профессор Бейтсон (*Biological Fact and the Structure of Society*, 1912, p. 9), - "и я верю, что через несколько поколений экспериментальной селекции мы обретем способность аналогичным образом определять, как должны быть представлены разновидности людей в последующих поколениях". Однако далее Бейтсон указывает, что наши знания все еще очень недостаточны, и выступает против евгеники на основании парламентского акта.

[23] E. Solmi, *La Città del Sole di Campanella*, 1904, p. xxxiv.

[24] Всего за год до смерти Гальтон писал (Предисловие к "Эссе по евгенике"): "Сила, с помощью которой должна быть осуществлена евгеническая реформа, - это народное мнение, которое достаточно сильно для этой цели, когда бы его ни разбудили".

[25] Возможно, следует отметить, что под стерилизацией здесь подразумевается не кастрация, а вазэктомия (и соответствующая операция у женщин), простая и безвредная операция, которая не влечет за собой никакого реального увечья и не лишает способности к деторождению. См. по этому и смежным вопросам Хэвелок Эллис, *Исследования в области психологии пола*, том VI, "Пол в отношении к обществу", глава xii.

[26] Термин "слабоумный" можно использовать в целом для обозначения всех степеней умственной слабости. Однако, говоря немного точнее, мы должны признать три основные степени врожденной умственной слабости: *слабоумие*, при котором под присмотром и наблюдением можно работать и зарабатывать на жизнь; *имбецильность*, при которой субъект едва способен позаботиться о себе, а иногда его интеллекта хватает только на озорство (моральный имбецил); и *идиотия*, самая низкая из всех, при которой у субъекта нет интеллекта и нет способности позаботиться о себе. Иногда предлагаются более сложные классификации. Метод Бине и Симона позволяет довольно точно измерить слабоумие.

[27] Мотт (*Archives of Neurology and Psychiatry*, Vol. V, 1911) принимает точку зрения, что в некоторых случаях слабоумие является просто формой врожденного сифилиса, но он указывает, что слабоумие распространено во многих сельских районах, где сифилис, как и алкоголизм, очень редки, и в заключение подчеркивает влияние наследственности; распространенность слабоумия в этих сельских районах объясняется тем, что умственно и физически здоровые люди эмигрировали в крупные промышленные центры, оставив непригодных для воспроизводства расы.

[28] "Выражаются ли зародышевые отклонения, - заметил д-р Р. Дж. Райл на конференции по слабоумию (*British Medical Journal*, 3 октября 1911 г.), - расщелиной нёба, катарактой или дефицитом пирамидальных клеток в коре головного мозга, они могут быть произведены, и, будучи однажды произведены, они воспроизводятся так же легко, как совершенная структура лица, глаз или мозга, если гаметы, содержащие эти потенциальные возможности, объединяются для формирования яйцеклетки. Но природа - не только производитель. Если бы естественный отбор был справедливым и не допускал никаких оговорок, то он не оставил бы проблем с непригодными для жизни людьми, которые смотрели бы на них как раньше, так и позже. Мы знаем, что этого не может быть, и мы также знаем, что у нас больше нет оправдания невежеству, чтобы прикрыть пренебрежение новыми обязанностями, которые принадлежат нынешней эпохе цивилизации. Теперь мы знаем, что нам придется иметь дело с растущей группой в нашем обществе, которая требует постоянной заботы и контроля как ради себя, так и ради благополучия общества. Сейчас все согласны с общим принципом сегрегации, но на самом деле необходимо нечто большее, чем это. Трудности теории рассеиваются по мере того, как наш более широкий взгляд прочнее овладевает материалом, но трудности практики все еще стоят перед нами". Эти замечания соответствуют общим

результатам, к которым пришла Королевская комиссия по слабоумным, опубликовавшая свои объемные факты и выводы в 1908 году.

[29] См. например, A.F. Tredgold, *Mental Deficiency*, 1908.

[30] Исследование Беццолы, показавшее, что максимум зачатия идиотов приходится на время карнавала и особенно на праздник винограда, было принято считать (особенно Форелем), что алкоголизм родителей во время зачатия вызывает идиотизм у потомства. Возможно, так оно и есть. Но может быть и так, что свобода в эти периоды позволяет дефективным членам общества обеспечить такую сексуальную активность, от которой они были бы отстранены в нормальных условиях. В таком случае алкоголизм просто освобождает, а не создает механизм, порождающий идиотизм".

[31] Годден, *Eugenics Review*, апрель, 1911.

[32] Слабоумие и другие смежные отклонения не всегда точно повторяются в наследственности. Они могут передаваться от отца к сыну, например, у отца-эпилептика рождается слабоумный ребенок. Эти взаимосвязи слабоумия были ясно показаны в важном исследовании Дэвенпорта и Уикса (*Journal of Nervous and Mental Disease*, November, 1911), которым впервые удалось получить большое количество действительно тщательных и точных родословных таких случаев.

[33] Следует еще раз подчеркнуть, что возможность такого ограниченного износа не должна быть истолкована как утверждение, что произошло общее "вырождение расы". Можно добавить, что представление о том, что золотой век был в прошлом, а наш век - вырождение, не ограничивается несколькими биометристами наших дней; оно было доступно некритичным умам во все эпохи, даже самые великие, насколько мы можем судить. Монтескье упоминал об этом распространенном представлении (и пытался объяснить его) в своих *"Разнообразных сочинениях"* (*Pensées Diverses*): "Люди настолько плохого мнения о себе, - добавляет он, - что поверили не только в вырождение своих умов и душ, но даже и своих тел, и что они не так высоки, как люди предыдущих веков". Таким образом, вполне логично мы приходим к убеждению, что когда человечество только появилось, "в те дни на земле были исполины" и что Адам дожил до девятисот тридцати лет. Очевидно, никаких синдромов вырождения!

[34] Суперинтендант крупной государственной школы для девочек-правонарушительниц в Америке (цитата из отчета Чикагской комиссии нравов о *социальном зле в Чикаго*, стр. 229) говорит: "На девочек, которые приходят к нам с нормальной силой мозга или не зараженные венерическими заболеваниями, мы смотрим как на приз, и нам редко удается сделать из действительно нормальной девочки достойную женщину, каким бы ни было ее окружение. Но мы потерпели неудачу в бесчисленных случаях, когда окружение было в порядке, но девочка родилась неправильной".

[35] См. например, Havelock Ellis, *The Criminal*, 4th ed., 1910, chap IV.

[36] R.L. Dugdale, *The Jukes*, 4th ed., 1910. Примечательно, что Дагдейл, писавший почти сорок лет назад, стремился доказать влияние плохого окружения, а не плохой наследственности. В то время значение наследственности еще не было осознано. Тем не менее, остается верным, что плохая наследственность и плохая среда постоянно работают вместе во зло".

[37] Jörger, *Archiv für Rassen-und Gesellschafts-Biologie*, 1905, p. 294. О преступных семьях пишет также Обри, *La Contagion du Meurtre*.

[38] Даже в школьной жизни это бремя является серьезным. Мистер Бодей, инспектор школ, утверждает, что дефективный школьник обходится в три раза дороже, чем обычный школьник.

[39] Я изложил эти соображения более полно в популярной форме в книге *"Проблема возрождения расы"*, первой из серии "Новые трактаты для нашего времени", выпущенной под эгидой Национального совета по общественной морали.

[40] К. Б. Дэвенпорт, "Эвтаназия и евгеника", *"Популярный научный ежемесячник"*, январь, 1911 г.

[41] Использование терминов "пригодный" и "непригодный" в евгеническом смысле подвергается критике. Например, утверждается, что в плохих условиях выживают именно те, кто наиболее "приспособлен" к жизни. Совершенно верно, что эти термины плохо приспособлены к тому, чтобы противостоять гиперкритическим атакам. Однако упорство, с которым они используются, похоже, указывает на определенное "выживание сильнейших". Термины "достойный" и "недостойный", которые некоторые предпочитают заменить, неудовлетворительны, поскольку они имеют моральные ассоциации, вводящие в заблуждение. Гальтон говорил о "гражданской ценности" в этой связи и очень иногда использовал термин "достойный" (с перевернутыми запятыми), но он был осторожен, указывая (*Essays in Eugenics*, p. 35), что в евгенике "мы должны оставить мораль как можно дальше от обсуждения, не запутывая себя почти безнадежными трудностями, которые они поднимают, относительно того, хорош или плох характер в целом".

[Доктор Тулуз посвятил целый том результатам подробного личного обследования романиста Золя, а другой - математика Пуанкаре. В настоящее время такие подробные исследования проводятся только в отношении гениальных людей, но когда-нибудь, возможно, мы будем считать, что с точки зрения евгеники все люди являются гениальными.]

[43] Стерилизация в социальных целях была введена в Швейцарии несколько лет назад, чтобы дать возможность некоторым людям с ослабленным самоконтролем получить свободу и вернуться к работе без риска пополнить население дефективными членами, которые, возможно, станут бременем для общества. Эта процедура проводилась с согласия испытуемых (в некоторых случаях по их настоятельной просьбе) и их родственников, поэтому не требовала специального законодательства, и результаты, как утверждается, были удовлетворительными. В некоторых американских государствах стерилизация для некоторых категорий дефективных лиц была установлена законом, но трудно получить достоверную информацию о работе и результатах такого законодательства.

[44] Когда профессор Гиддингс говорит о "цели человечества", следует, конечно, помнить, что он использует смелую метафору, чтобы сделать свой смысл более ясным. Строго говоря, у человечества нет "целей", как нет в природе целей, которые не были бы средствами для достижения дальнейших целей.

МЕНЯЮЩИЙСЯ СТАТУС ЖЕНЩИН [45]

Зарождение женского движения - Мэри Уолстонкрафт - Джордж Сэнд - Роберт Оуэн - Уильям Томпсон - Джон Стюарт Милль - Современный рост социальной сплоченности - Рост индустриализма - Его влияние на сферу деятельности женщины - Образование женщин - Кообразование - Женский вопрос и половой отбор - Значение экономической независимости - Государственное регулирование брака - Будущее брака - Вильгельм фон Гумбольдт - Социальное равенство женщин - Воспроизводство расы как функция общества - Женщины и будущее цивилизации.

/

Именно в восемнадцатом веке, когда зарождались современные идеи, наши прадеды осознали диссонансный разрыв в традиционных представлениях о положении женщины. Невнятные крики "Справедливость", "Свобода", "Равенство", которые тогда разносились по миру, то тут, то там энергично применялись к женщинам - в частности, во Франции Кондорсе, - и новое движение начало становиться самосознательным и последовательным. Мэри Воллстонкрафт, после Афры Бэн первая действительно достойная внимания английская писательница, дала голос этому движению в Англии.

Знаменитая и мало читаемая *"Виндикация прав женщин"*, небрежная и фрагментарная, ничуть не поражающая нас, как и ее современников, показывает Мэри Воллстонкрафт как женщину с подлинной проницательностью, которая видела вопросы социального положения женщины в их существенных аспектах. Ее интуиция не нуждается в изменениях, несмотря на то, что прошло столетие прогресса. Современным сторонникам женского избирательного права почти нечего добавить к ее краткому изложению. Она далека от чудовищного представления мисс Коббе о том, что женское избирательное право - это "венiec и завершение" всего прогресса в женском движении. Она рассматривает его скорее как одно из разумных условий прогресса. Приятно переключиться с эксцентричной энергии многих сегодняшних защитников женских интересов, занятых выкрикиванием своих собственных ноздрей, на гениальную многогранную мудрость Мэри Уолстонкрафт, затрагивающую все темы с одинаковой откровенностью и деликатностью.

Самым ярким и успешным выразителем новых революционных идей, по сравнению с которыми Коринна и ее прототип кажутся тусклыми и неэффективными, была, несомненно, Жорж Санд. Плохо одетая женщина, зарабатывавшая на жизнь писанием романов и сказавшая мсье дю Кампу, , сидя перед ним в молчании и свертывая сигарету: "Je ne dis rien parsequ je suis bête", оказала глубокое влияние на всю Европу, влияние, которое, особенно в славянских странах, помогло придать импульс той резолюции, которую мы сейчас рассматриваем. И это обусловлено не столько какими-то определенными доктринами, лежащими в основе ее творчества - ведь взгляды Жорж Санд на подобные вопросы были столь же различны, как и ее политические взгляды, - сколько всем ее характером и мироощущением. Ее большая и богатая натура, как это иногда случается с гениями высокого порядка, была двойственной; с одной стороны, она обладала твердым спокойствием, тихим чувством власти, качествами *благородной буржуазии*, которые находили выражение в ее невозмутимом спокойствии, мягком взгляде и низком голосе. И с этим был связан массивный, почти раблезианский темперамент (его можно уловить в ее переписке), здравая буйная приземленность, радующаяся любому проявлению реального мира. С другой стороны, она несла в себе вулканическую стихию бунта, безмерное отвращение к законам и обычаям. На протяжении всей жизни Жорж Санд развивала свою сильную и великолепную

индивидуальность, возможно, не так гармонично, но так мужественно и искренне, как даже Гете.

Роберт Оуэн, который, подобно Сен-Симону во Франции, придал столь необычайный импульс всем усилиям по реорганизации общества и заронил семена многих современных движений, не мог не распространить свое влияние и на область секса. Его ученик Уильям Томпсон, который до сих пор занимает видное место в истории экономических доктрин социализма, написал, под вдохновением женщины (миссис Уилер), и опубликовал в 1825 году *"Призыв одной половины человеческой расы, женщин, против притязаний другой половины, мужчин, удерживать их в политическом, а затем в гражданском и домашнем рабстве"*. Это основательное и логичное, почти красноречивое требование абсолютного социального равенства полов. [46]

Сорок лет спустя Милль, также вдохновленный женщиной, опубликовал *"Порабощение женщин"*. Какой бы частичной и неадекватной она ни казалась нам, в то время это была выдающаяся книга. Ясное видение и женская чувствительность Милля придавали свежесть его наблюдениям о состоянии и возможностях женщин, а его репутация придавала серьезность и резонанс его высказываниям. С тех пор в литературе появилось слишком много признаков разрушения положения женщин, чтобы их можно было описать даже в одном томе. Достаточно упомянуть здесь некоторые типичные имена посвященных. Теперь это движение можно увидеть в действии везде, от Норвегии до Италии, от России до Калифорнии. Статус, который сейчас занимают женщины, ставит их не, как при старом коммунизме, в значительной степени практически над мужчинами, и не, как в последующий период, как практически, так и теоретически в подчинении у мужчин. Он ставит их рядом, с одинаковыми правами и одинаковыми обязанностями по отношению к обществу.

//

Кондорсе, Мэри Уолстонкрафт, Жорж Санд, Оуэн, Милль - все они были перьями на ручье. Они указывали на силы, источник которых находился в центре социальной жизни. Историческое движение, породившее материнское право, вероятно, было обязано своим подъемом, равно как и падением, требованиям существования и собственности, то есть экономическим причинам. Разложение последующей семейной системы, в которой вся власть сосредоточена в голове мужчины, происходит под влиянием аналогичных причин. Ранний коммунизм и порожденные им формы действий и настроений практически сохранялись еще долго после возникновения новой системы. В патриархальной семье женщина по-прежнему имела признанную сферу деятельности и признанное право на пропитание. И только с внезапным развитием индустриальной системы и чисто индивидуалистической экономики, с которой она была связана, в начале XIX века, женщины в Англии были вынуждены осознать, что их домашнее хозяйство исчезло, и что они должны присоединиться к той игре в соревнование, в которой поле и правила были выбраны исключительно для мужчин. Торгово-промышленная система и сопутствующее ей общее распространение образования, которое также обусловлено экономическими причинами, стали главной движущей силой в революционном изменении положения женщин; эпоха неограниченной конкуренции по мужскому принципу была необходимым переходным периодом". [47]

В настоящее время в нашей социальной организации прослеживаются две большие тенденции. С одной стороны, нити социальной жизни сближаются, и организация, касающаяся простых и общих средств к существованию, растет. С другой стороны, если говорить о вещах, которые больше всего касаются отдельного человека, то сфера свободы

постоянно расширяется. Вместо того чтобы каждый человек рыл колодец для собственного пользования и по своему усмотрению, возможно, на кладбище или в выгребной яме, мы соглашаемся на распределение воды центральным органом власти. Мы зашли в социальных методах так далеко, что вместо того, чтобы самим производить хлеб и масло, мы предпочитаем ходить в общую пекарню и молочную. Те же самые централизаторские методы распространяются на все те вещи, в которых все одинаково нуждаются. С другой стороны, мы пользуемся весьма значительной свободой индивидуального мышления. Мы требуем все большей и большей свободы слова и критики. Мы поклоняемся любому богу, которого выбираем, по любой моде, которую выбираем. Та же самая свобода личности начинает вторгаться в сексуальные отношения. Она распространяется на все те вещи, в отношении которых цивилизованные люди стали настолько дифференцированными, что у них нет одинаковых общих потребностей. Эти две тенденции, отнюдь не антагонистические, в современных условиях жизни не могут быть реализованы иначе, чем вместе. Только благодаря социальному сотрудничеству в отношении того, что принято называть физической стороной жизни, человек получает возможность развивать свою собственную природу. Общество будущего - это разумная анархия, основанная на широкой базе коллективизма.

Мы не ставим перед собой задачу показать, насколько сильно эти тенденции влияют на мужчин, но стоит указать на их влияние на положение женщин. В то время как подлинно производительные отрасли были изъяты из рук женщин, работающих в старых условиях, на них возлагается все более обременительный груз ненужных обязанностей. При старой коммунистической системе, когда большое количество семей жило вместе в одном большом доме, женщины вместе выполняли свои домашние обязанности, готовя на общем огне. Они росли вместе с детства, и объединение происходило без трений. Результатом поздней системы стало то, что женщине приходится выполнять все необходимые домашние обязанности самым расточительным образом, с наименьшим разделением труда; кроме того, ей приходится выполнять огромное количество ненужной работы, подчиняясь традиционным или общепринятым привычкам, которые делают невозможным даже простую уборку пыли в комнатах небольшого дома меньше, чем, возможно, за полтора часа. Если она принадлежит к среднему или высшему классу, ей, вероятно, также приходится выполнять пустой круг так называемых "общественных обязанностей". Когда она может себе это позволить, она пытается избежать этого, прибегая к простой на первый взгляд процедуре - платить другим людям за выполнение этих необходимых и ненужных домашних обязанностей, но эта процедура не приносит успеха; "общественные обязанности" увеличиваются в том же соотношении, что и количество слуг, и задача контроля за последними сама по себе оказывается непосильной. Вести разумную и полноценную человеческую жизнь в таких условиях совершенно невозможно. Здоровая жизнь для женщины, ведущей обычное домашнее хозяйство, более трудна, чем для рабочего в шахте, поскольку у него, по крайней мере, когда работа закончена, две трети суток в распоряжении. Женщина же связана тысячей лилипутских нитей, из которых, кажется, нет выхода. Она часто предпринимает неистовые попытки вырваться, но совокупная сила нитей оказывается слишком велика. Нет никаких сомнений в том, что нынешняя система домашнего хозяйства обречена; более высокий уровень интеллекта, требуемый от женщин, рост интереса к проблемам домашней экономики, движение за объединение труда, восстание против изживших себя варварских усложнений быта - все это, являясь симптомами великой экономической революции, указывает на приближение нового периода.

Образование женщин - неотъемлемая часть великого движения, которое мы рассматриваем. Вскоре женщины станут избирателями, а в Англии, по крайней мере, их большинство. Мы должны воспитывать наших любовниц так же, как когда-то воспитывали наших хозяев. И

слово "образование" здесь используется отнюдь не в узком смысле. Женщина может быть знакома с греческим языком и высшей математикой и быть столь же необразованной в более широких жизненных отношениях, как и мужчина в аналогичном случае. Насколько сильно женщины страдают от недостатка образования, можно увидеть сегодня даже среди тех, кого принято считать лидерами.

В каждый переходный период есть свои экстравагантности. Несомненно, мощным фактором, способствующим формированию более здорового отношения, станет совместное воспитание мальчиков и девочек. Отсутствие раннего общения способствует неестественному расхождению целей и идеалов и, как следствие, отсутствию симпатии. Оно делает возможными те обильные глупые обобщения, которые мужчины делают в отношении "женщин", а женщины - в отношении "мужчин". Святой Августин в ранний период своей пылкой карьеры вместе с друзьями задумал создать сообщество, имеющее общие блага; план был почти осуществлен, когда выяснилось, что "эти маленькие жены, которые у одних уже есть, а у других скоро будут", возражали, и поэтому он провалился. Возможно, *мулиеркулы* были правы. Просто это довольно отдаленный пример фундаментального расхождения, наглядно демонстрируемого на наших глазах. Если мужчины и женщины хотят понять друг друга, проникнуться взаимной симпатией и стать способными к настоящему товариществу, фундамент должен быть заложен в юности. Еще одна полезная реформа, которой способствует совместное образование, - это физическое воспитание женщин. В случае с мальчиками особое внимание обычно уделяется физическому воспитанию, а его отсутствие является одной из нескольких искусственных причин хронического нездоровья, которое так часто мешает женщинам. Мисс Фейтфулл проницательно замечает, что женщины должны получать такое же образование, как и мужчины, потому что оно обязательно будет лучшим. Однако нынешнее образование мальчиков нельзя считать образцом, и постепенное введение совместного обучения приведет ко многим полезным реформам. Если тесная связь полов уничтожит остатки нездорового идеала рыцарства, согласно которому к женщине относились как к чему-то среднему между ангелом и идиотом, это повод для радости. Где бы ни находились мужчины и женщины, сексуальный инстинкт всегда обеспечит им соответствующий идеальный ореол.

///

Главный вопрос, который мы должны задать, рассматривая изменение статуса женщины: как это повлияет на воспроизводство расы? Голод и любовь - два великих двигательных импульса, конечный источник, возможно, всех других импульсов. Голод - то есть то, что мы называем "экономическими причинами", - поскольку он является более распространенным и постоянным, хотя и не обязательно более властным инстинктом, произвел почти все великие зоологические революции, включая, как мы видели, взлет и падение той фазы человеческой эволюции, на которой доминирует материнское право. И все же любовь, в форме полового отбора, еще до того, как мы достигли позвоночных, сформировала расы в соответствии с идеалом самки; а воспроизводство всегда является главной целью питания, которого ждет голод, высшей целью жизни повсюду.

Если поставить на одну сторону человека, каким мы его знаем в исторический период, а на другую - почти всех высокоорганизованных представителей семейства животных, то, говоря грубо и в общем, обнаружится явное различие в отношении этих двух двигательных импульсов друг к другу. Среди животных экономика в целом сравнительно проста, что позволяет удовлетворять питательный инстинкт, не оказывая жесткого давления на спонтанную игру репродуктивного инстинкта. И почти везде именно самка имеет главный голос в установлении сексуальных отношений. Самцы соревнуются за благосклонность

самки, очаровывая ее своим запахом, или ярким окрасом, или песней, или грацией, или силой, которые проявляются в обычных шуточных поединках. Самка в этих отношениях сравнительно непритязательна и пассивна. Окончательное решение остается за ней, и только после долгих колебаний, под влиянием, по-видимому, смутно ощущаемого идеала, возникшего в результате созерцания соперников, она называет самца по своему выбору. [Смутный инстинкт, кажется, предупреждает ее о муках и заботах материнства, так что только самые большие обещания удовольствия могут побудить ее взять на себя функцию воспроизводства. С другой стороны, у цивилизованного человека, каким мы его знаем, ситуация в некоторой степени обратная; именно женщина, демонстрируя свои привлекательные стороны, соревнуется за благосклонность мужчины. Окончательное приглашение не исходит, как у животных, от самки; решение остается за мужчиной. Было бы ошибкой полагать, что это изменение свидетельствует об эволюции высшего метода; хотя он и развил женскую красоту, его источником явно были экономические причины. Потребности питания преобладают над потребностями воспроизводства; половой отбор в значительной степени уступил место естественному отбору, и этот процесс явно не в пользу расы. Изменение статуса женщины, дающее ей экономическую независимость, несомненно, будет способствовать восстановлению должного веса полового отбора в развитии человечества.

При этом он, несомненно, также будет способствовать уничтожению проституции, которая является лишь одной из форм, в которых проявилось слияние полового отбора с естественным отбором. Там, где половой отбор действует свободно, не ограничиваясь экономическими соображениями, проституция невозможна. Преобладающий тип брака, как и проституция, основан на экономических соображениях; женщина часто выходит замуж главным образом для того, чтобы заработать себе на жизнь; и здесь мы, несомненно, можем ожидать глубоких изменений. Мы долго пытались сохранить социальное равновесие, ставя на одну чашу весов необоснованную свободу, на другую - столь же необоснованное воздержание; экономическая независимость женщин, стремящаяся сделать обе крайности ненужными, может лишь поставить сексуальные отношения на прочную и свободную основу.

Государственное регулирование брака, несомненно, сыграло большую и важную роль в эволюции общества. В настоящее время преимущества этого искусственного контроля уже не кажутся столь очевидными (даже если отбросить свидетельства судебных инстанций); они полностью исчезнут, когда женщины обретут полную экономическую независимость. С исчезновением искусственных барьеров на пути дружбы между полами и экономических мотивов для сексуальных отношений - возможно, двух главных сил, которые в настоящее время имеют тенденцию к беспорядочным половым связям, независимо от того, носят они название брака или нет, - мужчины и женщины смогут беспрепятственно заниматься поиском подходящей пары, столь сложным в высокоцивилизованном обществе. [49]

Вероятно, это неизбежное изменение произойдет отчасти благодаря добровольным действиям отдельных людей, а в большей степени - постепенным и неудобным методом смещения и все более свободного законодательства о разводе. Медленный распад регулируемого государством брака по последней причине можно наблюдать уже сейчас по всей территории Соединенных Штатов, где в целом наблюдается тенденция к увеличению частоты и удобства разводов. Однако ясно, что и в этом случае брак не перестанет быть заботой государства, и, возможно, следует сразу же указать на важное различие между браком, *регулируемым* государством, и браком, *регламентируемым* государством. Сексуальные отношения, пока они не приводят к рождению детей, являются вопросами,

которые мало или совсем не волнуют общество, но как только сексуальные отношения приводят к беременности женщины, общество сразу же проявляет интерес. В этот момент государство, несомненно, обязано зарегистрировать эти отношения". [50]

Необходимо помнить, что равенство полов, к которому ведет это изменение статуса, - это социальное равенство, то есть равенство свободы. Это не интеллектуальное равенство, и тем более не подобие. Мужчины и женщины могут быть похожи друг на друга только в умственном отношении, если они одинаковы по физическому строению и физиологическим функциям. Даже полное экономическое равенство недостижимо. Среди животных, которые живут стадами под руководством вожака, этот вожак почти всегда самец; исключений немного. [51] У женщины длительный период беременности и лактации, а также продолжительная беспомощность ребенка делают ее на значительный период жизни экономически зависимой. От кого она будет зависеть? Это важный вопрос. Согласно старой концепции семьи, все ее члены были рабами, работающими на благо хозяина, и было естественно, что жена должна получать содержание от мужа, когда она производит рабов для его службы. Но такая концепция, как мы видели, больше невозможна. Явно несправедливо также заставлять мать зависеть от ее собственных предыдущих усилий. Воспроизводство расы - это социальная функция, и мы вынуждены заключить, что обязанность общества, как общины, обеспечивать роженицу, если она не в состоянии обеспечить себя в ходе выполнения своей социальной функции. Женщина, занятая производством на свет нового члена, который может быть источником неисчислимой пользы или опасности для всего общества, не может не быть источником самой живой заботы для каждого члена общества, и это был разумный и прекрасный инстинкт, который нашел свое выражение в давние времена в разрешении беременной женщине входить в сады и огороды и свободно помогать себе. Воплотится ли когда-нибудь этот инстинкт в новой форме, и будет ли воспроизводство расы признано действительно социальной функцией, - вопрос, который пока не имеет актуальности. В настоящее время забота о роженице и ее ребенке по-прежнему остается делом индивидуального устройства. На то, что она будет организована гораздо лучше, чем сейчас, можно смело надеяться. С одной стороны, безрассудное размножение детей, вероятно, будет сдержано, с другой стороны, большое количество женщин больше не будет отстранено от материнства. То, что государство должно взять на себя регулирование рождаемости, мы вряд ли можем ни желать, ни предвидеть. Несомненно, общество имеет абстрактное право ограничивать число своих членов. Однако можно отметить, что в рациональных условиях жизни этот процесс, вероятно, будет саморегулируемым; в человеческих расах, а также среди животных в целом, рождаемость снижается по мере того, как организм становится высокоразвитым. И, не опираясь ни на какие естественные законы, можно сказать, что экстравагантное деторождение, приводящее к страданиям как родителей, так и потомства, продолжающееся в существующих социальных условиях, в значительной степени является результатом невежества, в значительной степени религиозного или иного суеверия. Более развитое социальное государство вообще было бы невозможно, если бы социальные инстинкты не были достаточно сильны, чтобы сдерживать безрассудное умножение потомства. Ричардсон и другие, похоже, выступают за особое культивирование класса нерожавших женщин. Конечно, ни одна женщина, которая свободно выбирает, не должна быть лишена возможности принадлежать к такому классу. Но воспроизводство - это цель и задача всей жизни, и для того, чтобы прожить по-человечески полноценную жизнь, каждая здоровая женщина должна иметь не только сексуальные отношения, но и хотя бы раз в жизни выполнять высшую функцию материнства и обладать тем опытом, который может дать только материнство. Это, безусловно, требование естественной и разумной жизни в том социальном состоянии, к которому мы движемся.

Заниматься вопросами социальной организации будущего означало бы выйти за рамки, которые я здесь для себя установил, и затронуть вопросы, о которых невозможно говорить с уверенностью. Новая культура женщин, на свету и под открытым небом, несомненно, решит многие вопросы, которые сейчас остаются для нас темными. Морган предполагал, что именно неспособность греков и римлян развивать свою женственность в какой-то мере привела к быстрому падению классической цивилизации. Женщины будущего помогут обновить искусство и науку, а также жизнь. Они сделают даже больше, чем это, ведь судьба расы зависит от женщин. "Я иногда думал, - писал Уитмен в своих *"Демократических взглядах"*, - что единственный путь и средство к восстановлению общества зависит прежде всего от нового рождения, возвышения, расширения, оживления женщин". Эта интуиция не лишена здравого основания, и если бы великое историческое движение потребовало обоснования, этого было бы достаточно.

[45] Эта глава была написана еще в 1888 году и опубликована в *"Вестминстерском обозрении"* в следующем году. Я с удовольствием включаю ее сюда именно в том виде, в каком она была написана, не только потому, что она занимает достойное место в настоящем томе, но и потому, что ее можно рассматривать как программу, которую я впоследствии развил в многочисленных томах. Однако первоначальный первый раздел был опущен, поскольку в нем содержалось изложение матриархальной теории, которую, ввиду сложности предмета и больших разногласий по нему, я теперь считаю необходимым излагать более осторожно (более позднее изложение см. у Хэвелока Эллиса, *"Исследования в области психологии пола"*, том VI, "Пол в отношении к обществу", глава х). За этим исключением и исключением двух несущественных сносок, никаких изменений не было сделано. По прошествии четверти века я не нахожу ничего, что бы мне хотелось серьезно отменить, и многое, что я хотел бы подчеркнуть".

[46] Следующий отрывок подводит итог этому *Обращению*: "Простая и скромная просьба заключается в том, чтобы им были разрешены равные с людьми удовольствия, *при условии, что они смогут путем свободного и равного развития и применения своих способностей обеспечить себе такие удовольствия*. Они просят о тех же средствах, которыми обладают люди для приобретения всех видов знаний, для раскрытия всех своих душевных и телесных способностей, которые могут быть использованы для их счастья. Они просят предоставить им все возможности для доступа к любому искусству, занятию, профессии, от самых высоких до самых низких, без единого исключения, к которым их склонности и таланты могут направить и которыми они могут заниматься. Они просят снять все ограничения и исключения, не применимые к людям с равными способностями. Они требуют совершенно равных политических, гражданских и внутренних прав. Они требуют равных с мужчинами обязательств и равных наказаний по закону в случае нарушения одного и того же закона любой из сторон. Они требуют равной системы морали, основанной на полезности, а не на капризе и неразумном деспотизме, в которой один и тот же поступок, влекущий за собой одни и те же последствия, будь то совершенный мужчиной или женщиной, должен вызывать одинаковую долю одобрения или неодобрения; в которой каждое удовольствие, сопровождаемое или сопровождаемое отсутствием преобладающего зла, должно быть одинаково разрешено женщинам и мужчинам; в которой каждое удовольствие, сопровождаемое или сопровождаемое преобладанием зла, должно быть одинаково порицаемо у женщин и у мужчин".

[47] Переходный период не менее необходим, хотя он, конечно, губителен и порождает нездоровое напряжение между полами до тех пор, пока мужчины и женщины не получают равную плату за равный труд. "Красота - это радость на все времена", - так недавно

выразился один рабочий из Блэкберна, - "но когда эта красота берется выполнять работу за 16 с. в неделю, за которую вам платят 22 с., вы не чувствуете, что не можете жить без обладания этой красотой, или что вы готовы положить свою жизнь и свое состояние (если оно у вас есть) к ее ногам". С другой стороны, рабочая девушка в том же городе часто жалуется, что мужчина не посмотрит на девушку, если она не "ткачиха с четырьмя станками", зарабатывающая, возможно, 20 или 25 с. в неделю.

[48] См. очень интересную работу Альфреда Эспинаса "*Общество животных*", в которой содержится много плодотворных предложений для изучающих человеческую социологию.

[49] Тонкий и сложный характер сексуальных отношений в высокой цивилизации и несчастные результаты их государственного регулирования были хорошо выражены Вильгельмом фон Гумбольдтом в его "*Ideen zu einen Versuch, die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen*" еще в 1792 году: "Союз, столь тесно связанный с самой природой соответствующих индивидов, должен иметь самые пагубные последствия, когда государство пытается регулировать его законом или силой своих институтов заставить его опираться на что-либо, кроме простой склонности. Если же мы вспомним, что государство может лишь созерцать конечные результаты такого регулирования расы, мы будем еще более готовы признать справедливость этого вывода. Можно с полным основанием утверждать, что забота о расе приводит к тем же результатам, что и забота о самом прекрасном развитии внутреннего человека. Ведь после тщательного наблюдения было установлено, что непрерывный союз одного мужчины с одной женщиной наиболее полезен для расы, и также неоспоримо, что никакой другой союз не возникает из истинной, естественной, гармоничной любви. Кроме того, можно заметить, что такая любовь приводит к тем же результатам, что и те самые отношения, которые стремятся установить закон и обычай. Коренная ошибка заключается в том, что закон повелевает, тогда как такие отношения не могут формироваться в соответствии с внешними условиями, но полностью зависят от склонности; и там, где принуждение или руководство вступают в столкновение со склонностью, они отклоняют ее еще дальше от правильного пути. Поэтому мне кажется, что государство должно не только ослабить узы в этом случае и предоставить гражданину большую свободу, но и полностью отказаться от активной заботы об институте брака, как в целом, так и в отдельных его модификациях, предоставив его полностью свободному выбору отдельных людей и различным договорам, которые они могут заключить в отношении него. Меня не должно удерживать от принятия этого принципа опасение, что все семейные отношения могут быть нарушены, поскольку, хотя такое опасение может быть оправдано соображениями конкретных обстоятельств и местностей, оно не может быть справедливым при исследовании природы людей и государств в целом. Ибо опыт часто убеждает нас в том, что как раз там, где закон не налагает оков, мораль связывает с наибольшей уверенностью; идея внешнего принуждения совершенно чужда институту, который, подобно браку, полагается только на склонность и внутреннее чувство долга; и результаты таких принудительных институтов совсем не соответствуют намерениям, в которых они зародились".

[50] Такой реестр должен, как справедливо настаивал Бертильон, иметь наиболее полное описание, отражающее все антропологические черты договаривающихся сторон, чтобы можно было изучать и сравнивать характеристики человеческой группы в любое время и в любом месте. Регистрация такого рода, помимо очевидного удобства, стала бы почти незаменимым руководством для высшей эволюции расы. Здесь я могу добавить, что я предположил, возможно, слишком опрометчиво, что естественная тенденция среди цивилизованных мужчин и женщин направлена на моногамный и более или менее

постоянный союз; ему предшествует, возможно, у большинства людей, более беспокойный период экспериментов. Несомненно, в будущем возникнет множество вариаций, ведущих к более сложным отношениям. Такие вариации невозможно предвидеть, и когда они возникнут, им еще придется доказать свою стабильность и преимущество для расы".

[51] Как среди гусей, а иногда, говорят, и среди слонов.

III

НОВЫЙ АСПЕКТ ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Франция XVIII века - пионеры женского движения - рост движения за женское избирательное право - боевая деятельность суфражисток - их заслуги и неудачи в деле - преимущества женского избирательного права - вопросы секса в Германии - Бебель - движение за права женщин в Германии - развитие сексуальной науки в Германии - движение в защиту материнства - Эллен Ки - вопрос о незаконнорожденности - евгеника - женщины как законодатели в доме.

/

Современная концепция политического равенства женщин и мужчин, как мы видели, возникла во Франции во второй половине XVIII века. Ее путь был подготовлен философскими мыслителями "Энциклопедии", а сама идея была определенно сформулирована некоторыми из лучших умов эпохи, в частности Кондорсе, [52] как часть новой великой программы социальных и политических реформ, которая в некоторой степени была реализована в результате потрясений Революции. Политическая эмансипация женщин не была частью Революции. Действительно, утверждается, и, возможно, не без оснований, что нормальное развитие революционного духа, вероятно, закончилось бы победой над притязаниями мужского господства, если бы война не отклонила движение революции, превратив его в Террор. Но и в этот период права женщин не остались без защитников. Особо следует вспомнить Олимбу де Гуж, чье имя иногда упоминается слишком пренебрежительно. При всех недостатках характера, образования и литературного стиля Олимп де Гуж, как теперь признают, была, по словам ее биографа, "одной из самых возвышенных и щедрых душ эпохи", в некоторых отношениях превосходящей мадам Ролан. Она была первой женщиной, потребовавшей от Революции, чтобы она была логичной, провозгласив права женщины наряду с правами равного ей мужчины, и тем самым она стала великим пионером феминистского движения наших дней. [53] Своим положением она особенно обязана небольшой брошюре, выпущенной в 1791 году и озаглавленной "*Декларация прав женщины*" (*Déclaration des Droits de la Femme*). Именно в этой "*Декларации*" содержится часто цитируемое (или неверно цитируемое) высказывание: "Женщины имеют право подниматься на эшафот; они также должны иметь право подниматься на трибуну". Два года спустя она сама взойшла на эшафот, но другое право, которое она отстаивала, только сейчас начинает предоставляться женщинам. В то время было слишком много более насущных проблем, которые нужно было решать, и единственными женщинами, которых учили требовать соблюдения прав своего пола, были именно те, кого Революция гильотинировала или ссылала. Даже если бы дело обстояло иначе, мы можем быть уверены, что Наполеон, наследник Революции и окончательный арбитр того, что должно было стать постоянным в ее достижениях, сурово подавил бы любую политическую свободу, предоставленную женщинам. Единственной свободой, которую он хотел предоставить женщинам, была

свобода производить пищу для пушек, и, насколько это было в его силах, он стремился подавить политическую деятельность женщин даже в литературе, как мы видим на примере его обращения с мадам де Сталь. [54]

Во время Революции в Париже находилась гениальная англичанка с таким же широким представлением о месте женщины рядом с мужчиной, как и Олимп де Гуж, хотя по большей части она была выше Олимп. В 1792 году, через год после *Декларации прав женщин*, Мэри Воллстонкрафт - возможно, в какой-то степени под впечатлением от краткой *Декларации* - опубликовала свою *"Защиту прав женщин"*. Это не пронзительный крик, и не нападки на мужчин - в этом она действительно похожа на *Декларацию*, - а просто книга женщины, мудрой и здравомыслящей женщины, которая обсуждает многие женские вопросы с женской точки зрения и желает гражданских и политических прав, не как панацеи от всех бед, а просто потому, что, как она утверждает, человечество не может прогрессировать в целом, пока одна его половина полуобразована и свободна лишь наполовину. Можно не сомневаться, что если бы более поздние сторонники женского избирательного права смогли сохранить больше здравомыслия, умеренности и широты взглядов Мэри Уолстонкрафт, то они бы уменьшили трудности, с которыми сталкивается задача убедить общество в целом. Однако Мэри Уолстонкрафт была вдохновенным пионером великого движения, которое постепенно набирало силу и объем. [55] В течение долгого викторианского периода практические цели этого движения были направлены главным образом на улучшение образования девочек, чтобы сделать его, насколько это возможно, таким же, как у мальчиков. В этом вопросе постепенно совершалась огромная революция, связанная с вхождением женщин в различные профессии и сферы деятельности, которые до сих пор были уделом мужчин. Это было очень необходимым предварительным шагом к распространению избирательного права на женщин. Кроме того, пропаганда избирательного права не могла не выиграть от повышения уровня образования женщин и их более активного участия в общественной жизни. Именно их активность, в гораздо большей степени, чем мастерство женщин, боровшихся за избирательное право, сделала политическую эмансипацию женщин неизбежной, а благородные и блестящие женщины, которые в середине девятнадцатого века воссоздали систему образования для женщин и таким образом подготовили их к тому, чтобы они могли играть свою роль в жизни, были лучшими работницами, которых когда-либо имело дело женского избирательного права. Однако был один выдающийся друг женской эмансипации, чьи выступления в защиту этого дела в этот период имели огромную ценность. Прошло почти полвека с тех пор, как Джон Стюарт Милль, вдохновленный, как и Томпсон, женщиной, написал свою книгу *"Подчинение женщин"*, и можно с уверенностью сказать, что с тех пор ни одна книга на эту тему, опубликованная в какой-либо стране, за единственным исключением *"Женщины Бебеля"*, не была столь широко прочитана и не имела такого влияния. Поддержка этого выдающегося и авторитетного мыслителя придала женскому движению отпечаток аристократической интеллектуальности, очень ценный в стране, где даже самые лучшие умы подвержены болезни робости, и, несомненно, стала одной из главных причин того радушного приема, который в Англии идея политической эмансипации женщин уже давно получила среди политиков. Книга Бебеля, быстро переведенная на английский язык, стала плебейским дополнением к книге Милля.

Движение за образование женщин и их приобщение к профессиям, ранее монополизированным мужчинами, неизбежно стимулировало движение за распространение избирательного права на женщин. Эта политическая реформа оказалась на удивление успешной и привлекла на свою сторону политиков, причем не только одной партии. В Англии, с тех пор как Милль опубликовал в 1869 году свой труд *"Подчинение*

женщин", всегда были видные государственные деятели, убежденные в желательности предоставления женщинам права голоса, а среди рядовых членов парламента, независимо от партии, очень большая часть обязалась следовать тому же курсу. Поэтому трудности, связанные с предоставлением женщинам избирательного права в Англии, возникли не в первую очередь в парламенте. Единственный момент, на котором политические партийные чувства вызвали препятствия - и это, безусловно, сложный и важный момент - это метод, которым должно быть введено женское избирательное право. Каждая партия - консервативная, либеральная, лейбористская - вполне естественно желает, чтобы эта новая огромная сила избирателей была сначала применена в той точке, которая, скорее всего, не повредит ее собственным партийным интересам. Вероятно, в каждой партии большинство лидеров придерживаются мнения, что привлечение женщин-избирателей неизбежно и, возможно, желательно; спор идет о том, в какой степени следует открывать шлюзы в первую очередь. В соответствии с английской традицией, некий компромисс, пусть и нелогичный, представляется наиболее безопасным первым шагом, но спор остается по поводу того, какой именно класс женщин должен быть допущен первым и в какой степени им должен быть предоставлен доступ.

Однако спор привратников можно было бы легко преодолеть, если бы давление за воротами было достаточно сильным. Но это не так. Как бы ни была велика доля избирателей в Великобритании, выступающих за женское избирательное право, можно с уверенностью сказать, что лишь очень незначительный процент считает этот вопрос приоритетным над всеми остальными. И причина, по которой мужчины проявляют весьма умеренный интерес к женскому избирательному праву, заключается в том, что сами женщины, в массе своей, проявляют столь же умеренный интерес к этому вопросу, когда они не выступают фактически враждебно по отношению к этому движению. Действительно, даже в настоящее время можно сказать, что при беспристрастном опросе большой разнородной группы женщин лишь меньшинство из них выступает за женское избирательное право. [56] Не произошло ни одного значительного события, которое бы стимулировало всеобщий интерес к этому вопросу, и ни один красноречивый или влиятельный голос не всколыхнул его искусственно. Не было женщины с гением и широтой ума Мэри Уолстонкрафт, которая посвятила бы себя этому делу, и со времен Милля мужчины, которые приняли решение по этому вопросу, довольствовались тем, что оставили его на усмотрение женских ассоциаций, созданных для обеспечения успеха этого дела. Однако во главе этих ассоциаций стояли женщины прошлого поколения, которые, обладая несомненной интеллектуальной силой и высокими моральными качествами, рассматривали женский вопрос в несколько узком, старомодном духе и не обладали даром вдохновлять энтузиастов. Поэтому рост движения, каким бы устойчивым он ни был, происходил медленно. Замечание Джона Стюарта Милля в письме к Бейн в 1869 году остается верным и сегодня: "Самое важное, что должны сделать женщины, - это возбудить рвение самих женщин".

Тем временем в некоторых других странах, где, за исключением Соединенных Штатов, оно возникло гораздо раньше, движение за женское избирательное право достигло успеха без особых затрат энергии. Оно было введено в нескольких американских штатах и территориях. Оно утвердилось во всей Австралазии. Оно также существует в Норвегии. В Финляндии женщины могут не только голосовать, но и заседать в парламенте.

Именно в таких условиях в Лондоне был создан Женский общественно-политический союз. Он не был ответвлением от какого-либо существующего женского избирательного общества, а представлял собой кристаллизацию новых элементов. В большинстве своем даже его лидеры ранее не принимали активного участия в движении за женское избирательное

право. Избирательное движение нуждалось именно в таком вливании свежей и пылкой крови, поэтому новое общество было тепло встречено и сразу же добилось успеха, найдя себе рекрутов как среди богатых, так и среди бедных. Его нетрадиционные методы, его пылкий и воинственный дух восполнили недостающий элемент, и первые живописные и лихие подвиги Союза были в целом хорошо приняты. Очевидная искренность и серьезность этих совсем свежих новобранцев покрывала опрометчивость их нового и довольно невежественного энтузиазма.

Но поспешный избыток пыла подобает только первому нерасчетливому всплеску молодости. Совсем другое дело, когда он намеренно перерастает в жесткую рутину и становится организованным методом создания беспорядков с целью рекламирования недовольства в сезон и вне сезона. Поскольку, кроме того, атака была направлена главным образом против политиков, именно того класса общества, который наиболее склонен благосклонно относиться к женскому избирательному праву, ошибочность движения становится столь же поразительной, как и его оскорбительность.

Последствия для первых друзей нового движения были неизбежны. Некоторые, кто с энтузиазмом приветствовал его и провозглашал его пионеров новыми Жаннами д'Арк, сменили тон на протест и изгнание и в конце концов замолчали. Другие друзья движения, даже среди его бывших лидеров, были менее молчаливы. Они открыли миру, слишком недоброжелательно, некоторые из тех влияний, которые медленно разлагают такое движение изнутри, когда оно застывает в сектантстве: сужение цели, усиление условностей, ревность к соперникам, склонность к болезненному эмоционализму.

Легко преувеличивать проступки и слабости суфражисток. Несомненно, верно, что они во все большей степени отторгают симпатии женщин с высочайшим характером и способностями из числа сторонников женского избирательного права. Почти все современные англичанки, которые по своим умственным способностям значительно превосходят средний уровень, выступают за женское избирательное право, хотя и не всегда склонны принимать активное участие в его обеспечении. Пожалуй, единственным ярким исключением является миссис Хамфри Уорд. Однако они редко ассоциируют себя с методами суфражисток. Они не протестуют, поскольку считают, что бороться с крайними левыми движениями, к которому они сами принадлежат, было бы своего рода нелояльностью; но они держатся в стороне. Женщины, которых в основном привлекают в ряды суфражисток, принадлежат к трем классам: (1) представительницы обеспеченного класса, не имеющие выхода своей деятельности, которые охотно берутся за увлекательное занятие, ставшее не только весьма респектабельным, но даже, в некотором смысле, модным; они не имеют природной склонности к излишествам, но легко поддаются влиянию социального окружения; некоторые из них богаты, и великий принцип, однажды сформулированный в несчастный момент в отношении богатой дамы, заинтересованной в социальных реформах: "Мы не должны убивать гусыню, несущую золотые яйца", никогда не был презираем лидерами суфражисток; (2) буйный элемент среди женщин, который движим не столько методами ради дела, сколько делом ради методов, так что в случае их особого эмоционального темперамента можно сказать, переиначив древнюю фразу, что средства оправдывают цель; этот элемент шумной взрывчатости, всегда присутствующий в определенной доле женщин, хотя и латентный в обычных обстоятельствах, легко пробуждается при стимуляции, и в каждом народном восстании самые дикие эксцессы - дело рук женщин. (3) В этой небольшой, но важной группе мы находим женщин редкого и прекрасного характера, которые, загипнотизированные пленительным влиянием идеи и часто не обладая большими интеллектуальными способностями, даже не осознают

сопровождающей их вульгарности и с радостью жертвуют собой ради дела, которое кажется священным; это святые и мученицы каждого движения.

Анализируя таким образом вспышку суфражизма, мы видим, что на самом деле он состоит из совершенно разных элементов: условно респектабельного, шумного и облагораживающего. Поэтому одинаково неразумно осуждать ее пороки и идеализировать ее добродетели. Гораздо выгоднее попытаться сбалансировать его заслуги и его недостатки для дела женского избирательного права.

Если смотреть беспристрастно, то два главных недостатка суфражистской агитации - и они, конечно, кажутся на первый взгляд очень полными возражениями - лежат в ее направлении и в ее методах. Существует два огромных круга людей, которых необходимо убедить в необходимости обеспечения женского избирательного права: во-первых, сами женщины, а во-вторых, их мужчины, которые в настоящее время монополизируют избирательное право. Пока большинство мужчин и женщин не осознают справедливость и разумность этого шага, пока мужчины не убедятся, что пришло время практических действий, самые яростные личные нападки на министров кабинета - при условии, что такие политические методы не вызывают возражений - не имеют смысла. Они направлены не в ту сторону. Это так, даже если оставить в стороне тот факт, что политики уже достаточно обращены в свою веру. Главная задача женщин-суфражисток - обратить в свою веру свой собственный пол. Можно сказать, что в этом и состоит вся их задача. Когда большинство женщин убедится в том, что они должны обладать правом голоса, мы можем быть совершенно уверены, что они передадут это убеждение своим мужчинам, которые в состоянии предоставить им право голоса. Обращение большинства женщин в веру в женское избирательное право необходимо для его достижения, потому что только под влиянием женщин, которые принадлежат ему, которых он знает, любит и уважает, средний мужчина может понять, что, по словам Эллен Ки, "избирательный бюллетень сам по себе не больше вредит нежности женской руки, чем кулинарный рецепт". Выходки женщин на улице, какими бы серьезными они ни были, оставляют его равнодушным, даже враждебным, в крайнем случае - забавным.

Можно добавить, что в любом случае было бы нежелательно, даже если бы это было возможно, наделять женщин избирательным правом до тех пор, пока лишь меньшинство имеет желание им воспользоваться. Это противоречило бы здоровой государственной политике. Это не только дискредитировало бы политические права, но и придало бы женскому голосованию слишком узкий и односторонний характер. Предоставление женщинам права голоса - это совсем другое дело, чем предоставление женщинам права на получение профессии. Для того чтобы предоставить женщинам право быть врачами или адвокатами, вовсе не обязательно, чтобы женщины в целом были убеждены в преимуществах такого шага. Речь идет главным образом об очень небольшом количестве женщин, желающих получить эту привилегию. Но женщины, участвующие в голосовании, будут в какой-то мере принимать законы от имени женщин в целом, и поэтому необходимо, чтобы женщины в целом принимали в этом участие.

Но даже если признать - хотя, как мы видели, есть две причины не делать такого признания, - что суфражистки оправданно рассматривают политиков как препятствия на пути своих требований, все равно остается вопрос о недостатках их метода. Этот метод некоторые эвфемистически описывают как внедрение "ворчания" в политику; но даже при такой мягкой оценке его характера все равно возникает вопрос, рассчитан ли этот метод на достижение желаемой цели. Можно услышать, как женщины-суфражистки заявляют, что это единственный вид аргументов, который понимают мужчины. Однако в мужском сознании - и не в последнюю очередь в британском - есть элемент, который категорически возражает

против того, чтобы его беспокоили и запугивали, даже если речь идет о хороших действиях. Суфражистки сделали все возможное, чтобы стимулировать этот элемент упрямства. Даже среди мужчин, которые смотрели на этот вопрос с непредвзятой точки зрения, многие чувствовали, что, как бы ни было необходимо женское избирательное право, политика суфражисток делает момент неблагоприятным для его принятия. Примечательно, что в странах, которые до сих пор предоставляли женщинам право голоса, никогда не практиковались методы, хоть в малейшей степени напоминающие методы суфражисток. Нелегко представить себе Австралию, терпящую подобные методы, а в Финляндии полные парламентские права были свободно предоставлены, как общепризнано, именно знак благодарности за то, что женщины помогали мужчинам стоять бок о бок с ними в великой политической борьбе. Политика обструкции, принятая английскими суфражистками, с ее "тактикой" противостояния во время выборов кандидатам той самой партии, лидеров которой они умоляют предоставить им право голоса, была настолько глупой, что неудивительно, что многие сомневались, понимают ли женщины вообще методы политики или способны ли они принимать ответственное участие в политической жизни.

Суфражистский метод убеждения публичных людей кажется в целом бесполезным, даже если бы он был направлен в нужную сторону, и даже если бы он сам по себе был оправданным методом. Но можно допустить эти "если" и все равно чувствовать, что делу женского избирательного права наносится серьезный ущерб, когда женщины применяют метод насилия. Некоторые суфражистки утверждают, что в политических кризисах мужчины действовали так же плохо или даже хуже. Но даже если допустить, что это так, [57] до сих пор одним из главных аргументов в пользу допуска женщин в политическую жизнь было то, что они оказывают возвышающее и облагораживающее влияние, так что их вступление в эту сферу послужит очищению политики. Это, несомненно, аргумент, выдвигаемый в основном мужчинами, и его можно считать в какой-то мере приятным мужским заблуждением, поскольку большинство рафинирующих и возвышающих элементов в цивилизации, вероятно, обязаны своим происхождением не женщинам, а мужчинам. Но это не совсем заблуждение. В силовых добродетелях - как бы скромно ни классифицировались эти добродетели - женщины как пол никогда не могут быть соперницами мужчин, и когда женщины пытаются добиться своих целей демонстрацией грубой силы, они лишь ставят себя в невыгодное положение. Они отказываются от оружия, которым умеют пользоваться, и берут на вооружение настолько неподходящее оружие, что оно только ранит тех, кто им пользуется.

Многие женщины, выступая от имени суфражисток, протестуют против идеи, что женщина всегда должна быть "очаровательной". И если "очарование" понимать в столь узком и условном смысле, что оно означает нечто, несовместимое с развитой естественной деятельностью, будь то душа или тело, то такой протест вполне оправдан. Но в более широком смысле "обаяние", которое означает способность выполнять работу без применения грубой силы, незаменимо для женщин. Обаяние - это женская сила, так же как сила - это мужское обаяние. И оправданием для женщин в этом вопросе является то, что в данном случае они представляют собой прогресс цивилизации. Вся цивилизация предполагает замену в этом отношении женского метода на мужской. В крайнем случае дикарь может отстаивать свои права только с помощью грубой силы. Но с развитием цивилизации обиженный человек, вместо того чтобы сбивать с ног своего противника, прибегает к "обаянию"; другими словами, он нанимает адвоката, который с помощью милой

разумности убеждает двенадцать человек в ложе, что его обида должна быть исправлена, и тогда дело окончательно решается не мужским оружием, кулаком, а женским, языком. Сегодня тот же метод "очарования" заменяет грубую силу в международных конфликтах, а с полной заменой арбитража войной женский метод очарования заменит мужской метод грубой силы на всем протяжении законной человеческой деятельности. Осознав это, мы сможем понять, почему группа женщин, которые, даже стремясь поддержать благое дело, возвращаются к грубому методу насилия, совершает двойную ошибку. Они наносят ущерб своему полу, доказывая ложь его лучшим традициям, и наносят ущерб цивилизации, пытаясь возродить методы дикости, которые цивилизация призвана подавлять. Поэтому можно с полным основанием утверждать, что даже если бы методы суфражисток были действительно адекватными для обеспечения избирательного права женщин, получение права голоса этими методами было бы несчастьем. Конечная потеря будет больше, чем выигрыш.

Если придерживаться вышеизложенных соображений, то трудно избежать вывода, что ни по своему направлению, ни по своей природе методы суфражисток не подходят для достижения желаемой цели. Однако мы должны рассмотреть и другую сторону вопроса.

Всякий раз, когда в старое движение вливается новая кровь, какие бы эксцессы или ошибки ни возникали, очень маловероятно, что все результаты будут на одной стороне. В данном случае это, конечно, не так. Даже оппозиция женскому избирательному праву, за которую ответственны суфражистки, и антисуфражистские общества, которые они вызвали к активному существованию, не являются безусловным недостатком. Любое движение прогресса требует энергичного движения оппозиции, чтобы стимулировать его прогресс, и столкновение дискуссий может быть только полезным в конечном итоге для прогрессивного дела.

Но огромная польза от деятельности суфражисток была косвенной. Она позволила огромной массе обычных здравомыслящих женщин, которые не вступают ни в суфражистские, ни в антисуфражистские общества, самим думать об этом вопросе. Еще несколько лет назад большинство образованных женщин смутно догадывались о существовании движения за предоставление женщинам права голоса, но знали о нем лишь как о чем-то непрактичном и отдаленном; его реальность никогда не доходила до них. Когда же женщины стали свидетелями того, как на улицы вышла группа женщин - в большинстве своем таких же, как они сами, - которые были настолько убеждены, что избирательное право должно быть предоставлено женщинам здесь и сейчас, что готовы были подвергнуться огласке, насмешкам и даже тюремному заключению, тогда "голоса для женщин" впервые стали для них реальной и живой проблемой. В очень многих случаях, конечно, они понимали, что им крайне неприятны люди, ведущие себя подобным образом, и любое дело, которое так проповедуется. Но во многих других случаях они впервые осознали, что требование права голоса для женщин было разумным и что они сами были суфражистками, хотя и не хотели принимать активного участия в движении и не симпатизировали его более "воинственным" методам. Нет никаких сомнений в том, что таким образом суфражистки оказали огромную услугу делу женского избирательного права. По большей части это была косвенная и незапланированная услуга, но в конечном итоге она, возможно, с лихвой компенсирует недостатки, связанные с их более сознательными методами и более продуманными целями.

Если, как мы можем верить, это служение станет главным результатом суфражистской фазы женского движения, то это результат, за который стоит поблагодарить; тогда мы сможем с благодарностью вспомнить о пылке энтузиазме суфражисток и забыть о глупых и бесполезных способах его проявления. Никогда не было никаких сомнений в том, что избирательное право для женщин будет принято в конечном итоге; его постепенное

распространение среди более прогрессивных стран мира в достаточной степени указывает на то, что в конечном итоге оно достигнет даже самых отсталых стран. Его реализация в Англии происходила постепенно, хотя первые шаги были сделаны уже давно, но не потому, что существовала какая-то особая и злобная оппозиция этому со стороны мужчин в целом и политиков в частности, а просто потому, что Англия - старая и консервативная страна, с очень древним конституционным механизмом, который эффективно защищает от поспешной реализации любой схемы реформ. Эта конкретная реформа, однако, не является изолированной или независимой схемой; она является важной частью большого движения в социальном выравнивании полов, которое происходит на протяжении веков в нашей цивилизации, движения, которое можно соответствующим образом проследить на более поздних этапах цивилизаций древности. Это движение мы можем своими усилиями продвигать вперед, можем на какое-то время тормозить, но оно является частью цивилизации, и было бы глупо воображать, что мы можем повлиять на конечный результат.

То, что вопрос о женском избирательном праве может быть решен в Англии в течение разумного периода, очень желательно для женского движения в более широком смысле, которое не имеет ничего общего с политикой, и которому сейчас мешает эта борьба. Право голоса для женщин, заявила мисс Фрэнсис Коббе тридцать лет назад, является "венцом и завершением" всего прогресса в женском движении. "Голоса для женщин", - восклицает более юная, но не менее необоснованная мисс Кристабель Панкхерст, - "означают новое небо и новую землю". Но женское избирательное право означает не больше новых небес или даже новой Земли, чем, как опасаются другие, новое чистилище и новый ад. Мы можем наблюдать это наглядно в Австралазии. Женские голоса помогают продвигать социальное законодательство и способствуют принятию законов, которые имеют свою хорошую сторону, и, несомненно, как и все остальное, свою плохую сторону. Как заявила Элизабет Кэди Стэнтон, посвятившая свою жизнь политическому праву женщин, избирательный бюллетень - это, в лучшем случае, лишь приходящая на пути к женской эмансипации. Мужское избирательное право не привело к наступлению тысячелетия, и глупо полагать, что женское избирательное право сможет это сделать. Это всего лишь акт справедливости и разумное условие социальной гигиены.

Достижение избирательного права, если это начало, а не конец, будет иметь реальное и положительное значение в освобождении женского движения от узкой и стерилизующей фазы его курса. В Англии, особенно в прошлом, женское движение в основном сводилось к подражанию мужчинам и получению той же работы и тех же прав, что и мужчины. Говоря шире, можно сказать, что целью женского движения было обеспечение прав женщины как человека, а не как женщины. Но это лишь половина задачи женского движения, и, возможно, не самая важная. Женщины никогда не могут быть похожими на мужчин, так же как и мужчины на женщин. Именно их непохожесть делает их незаменимыми друг для друга, а также обуславливает необходимость того, чтобы каждый пол вносил свою лепту в формирование условий жизни. Функция женщины в жизни никогда не может быть такой же, как у мужчины, хотя бы потому, что женщины - матери расы. Это единственный момент, в котором женщины имеют неоспоримое превосходство над мужчинами. Самая насущная проблема, стоящая сегодня перед нашей цивилизацией, - это проблема материнства, вопрос создания человеческих существ, наилучшим образом приспособленных к современной жизни, практическая реализация разумной евгеники. Манувриер, выдающийся антрополог, который доводит феминизм до крайности в научной сфере, все же признает тот фундаментальный факт, что "удел женщины - делать детей". Но он ясно понимает и то, что "во всех своих масштабах и последствиях эта часть не превосходит по важности, сложности или достоинству мужскую часть". Напротив, это часть, которая требует

"количества интеллекта, неоспоримо превосходящего, причем намного, то, которое требуется для большинства мужских занятий". [58] Здесь мы находимся в самом центре женского движения. И полное осуществление этого движения означает, что женщины, в силу своего превосходства в этом вопросе, должны взять на себя надлежащую долю в законодательстве для жизни, не как просто бесполое человеческие существа, но как женщины, и в соответствии с основными законами их собственной природы как женщин.

//

Возникает еще один вопрос. Можно ли обнаружить реальное воплощение этой новой фазы женского движения? Я думаю, что да.

Тем, кто привык следить за эмоциональным пульсом человечества, ничто не казалось столь примечательным в последние годы, как извержение вопросов пола в Германии. Нам всегда давали понять, что сфера женщин и законы брака были определенно прописаны и зафиксированы в Германии на протяжении как минимум двух тысяч лет, со времен Тацита, фактически, и с наилучшими возможными результатами. Немцы наперебой уверяли мир, что только в Германии можно увидеть молодую женственность во всей ее чистоте и что в немецкой *Hausfrau* достигнут высший идеал, женщины, чья великая миссия - поддерживать вечный огонь древнего немецкого очага. То тут, то там в Германии раздавался тихий голос науки; так, Шрадер, выдающийся исследователь тевтонского происхождения, комментируя часто цитируемое свидетельство Тацита о целомудрии германских женщин, с удовольствием ссылаясь на подробные доказательства, предоставленные Комитетом пасторов Евангелической церкви, о крайней распространенности безбрачия среди женщин сельской Германии, и утверждал, что эти широко распространенные обычаи должны быть очень древними и глубоко укоренившимися. [59] Но немцы в целом отказывались признать, что Тацит использовал идею о германской добродетели лишь как палку для битья своих соотечественниц.

Социал-демократическое движение, которое так сильно охватило промышленную и даже интеллектуальную Германию, подготовило почву для менее традиционного и идеалистического отношения к этим вопросам. Публикация Бебелем книги "*Die Frau*", в которой лидер немецкой социал-демократической партии изложил социалистическую доктрину о положении женщины в обществе, ознаменовала первый этап нового движения. Эта книга оказала широкое влияние, особенно на некритичных читателей. Действительно, с научной точки зрения это никчемная книга - если вообще можно так назвать книгу, в которой подлинные эмоции направлены на дело человеческой свободы и социальной справедливости, - но она нанесла грубый удар по традициям тевтонских настроений. С грубым тоном и нравом великого крестьянина, положившего начало немецкой Реформации, человека, который сам происходил из народа и знал, о чем говорит, он прямо изложил реальные факты о положении женщин в Германии, а также то, что он считал требованиями справедливости в отношении этого положения, с одинаковой силой обрушившись на абсурды традиционного брака и проституции, аверс и реверс, как он объявил, ложного общества. Эмоциональное возрождение, о котором мы здесь говорим, не имеет особой и, конечно, исключительной связи с социал-демократическим движением, но вряд ли можно сомневаться в том, что проникновение в огромную массу немецкого народа социалистических концепций, которые в их отношении к женщине стали столь знакомы благодаря изложению Бебеля, обеспечило, так сказать, готовый резонатор, который придал резонанс и эффект голосам, которые иначе могли бы быстро затеряться в пустоте.

Есть еще одно движение, которое имеет значение для ренессанса, о котором мы здесь говорим, хотя и значительно меньшее, чем можно было бы ожидать. То, что известно как "движение за права женщин", ни в коей мере не является родным для Германии, хотя Хиппель является одним из пионеров женского движения, и только в последние годы оно достигло Германии. Оно чуждо тевтонскому женскому сознанию, потому что в Германии мужская и женская сферы настолько далеки друг от друга и настолько не похожи, что идеал подражания мужчинам не может быть представлен немецкому женскому сознанию. Кроме того, задержка с появлением женского движения в Германии дала время сформироваться более четкому взгляду на это движение и критике его недостатков даже в странах его происхождения, так что немецкая женщина уже не может быть застигнута врасплох криками о правах женщины. И все же, как бы квалифицированно ни оценивались его преимущества, даже в Германии необходимо было признать, что это движение неизбежно и в какой-то степени необходимо с точки зрения женщины. Такое же право на образование, как и у мужчин, такие же права на публичные собрания и дискуссии, такая же свобода вступления в либеральные профессии - вот требования, которые в последние годы широко выдвигались немецкими женщинами и в определенной степени были обеспечены, и, что еще более важно, они в большинстве своем больше не оспариваются с большой энергией. Международный конгресс женщин, состоявшийся в Берлине в 1904 году, стал для жителей Берлина откровением того, с каким мастерством и достоинством женщины могут организовывать конгрессы и проводить деловые встречи. Кроме того, он был примечателен тем, что, хотя и проходил под эгидой Международного совета, показал большое количество немецких женщин, которые уже имеют право принимать ведущее участие в движениях за благополучие женщин. Как прямо, так и косвенно, такое движение не может быть иначе, как особенно полезным в Германии. Тевтонское благоговение перед женщиной, утверждение "aliquid divinum", иногда сопровождалось открыто выраженным убеждением, что она глупа. За пределами Германии нелегко найти представителей философов нации, выдвигающих столь пренебрежительное мнение о женщине, как у Шопенгауэра или Ницше, в то время как даже в последние годы немецкий врач, обладающий некоторыми способностями, покойный доктор Мёбиус, опубликовал книгу о "физиологической слабости ума женщин".

Новое женское движение в Германии получило очень важную поддержку от недавнего развития немецкой науки. Немецкий интеллект, отличающийся всеобъемлющим кругозором, кропотливостью, тщательностью и невозмутимой серьезностью, всегда занимал ведущее и передовое место в исследовании сексуальных проблем, будь то с точки зрения истории, биологии или патологии. В начале девятнадцатого века, когда для научного изучения подобных вопросов требовалось еще больше мужества и решимости, чем сейчас, немецкие врачи, не опираясь на сотрудничество с другими странами, стали пионерами в исследовании путей сексуальной патологии. [60] С античной стороны Бахофен более полувека назад выдвинул свою концепцию возвышенного положения первобытной матери, которая, хотя и была значительно потрепана последующими исследованиями, отнюдь не лишена своей ценности и имеет особое значение с современной точки зрения, поскольку она возникла из точно такого же взгляда на жизнь, как тот, что одушевляет немецких женщин, которые сегодня открывают движение, о котором мы здесь говорим. С медицинской стороны покойный профессор Крафт-Эбинг из Вены и доктор Альберт Молль из Берлина признаны во всем мире как ведущие авторитеты в области сексуальной патологии, а в последнее время в этой области можно назвать и многих других немецких врачей первой величины; в то время как в Австрии доктор Ф.С. Краусс и его соратники в ежегодных томах *Anthropophyteia* усердно исследуют богатую и плодотворную область сексуального фольклора. В больших томах *Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen* под редакцией д-ра Магнуса Хиршфельда из Берлина представлены обсуждения самых

распространенных сексуальных отклонений с научной и исследовательской тщательностью, практической компетентностью, а также восхитительным тоном, которые мы можем тщетно искать в других странах. В Вене, кроме того, профессор Фрейд со своими смелыми и оригинальными взглядами на сексуальную причину многих аномальных психических и нервных состояний и психоаналитическим методом их исследования и лечения, хотя его доктрины отнюдь не являются общепризнанными, все же оказывает революционное влияние во всем мире. За последние десять лет количество немецкой научной и полунанучной литературы, посвященной всем аспектам сексуального вопроса и с любой точки зрения, просто не имеет себе равных. Вряд ли стоит говорить о том, что большая часть этой литературы поверхностна или бесполезна. Но значительная ее часть - здравая, и, похоже, что в целом именно она пользуется наибольшей популярностью. Так, д-р Август Форель, бывший профессор психиатрии в Цюрихе и врач с мировым именем, несколько лет назад опубликовал в Мюнхене книгу по сексуальному вопросу "*Сексуальная проблема*", в которой серьезно обсуждаются все вопросы сексуальной жизни, биологические, медицинские и социальные, без излишней апелляции к невежественной публике; книга имела немедленный успех и большой тираж. Доктор Форель не вступал в эту область раньше; он просто пришел к выводу, что каждый мужчина в конце своей жизни должен изложить свои наблюдения и выводы относительно наиболее жизненно важных вопросов. Примерно в то же время доктор Иван Блох из Берлина опубликовал свой многогранный труд о сексуальной жизни нашего времени "*Das Sexualleben Unserer Zeit*", труд, менее примечательный, чем труд Фореля, по весу высказанных личных авторитетов, но более примечательный по широте познаний и сочувственному отношению к лучшим движениям того времени; эта книга также имела большой успех. [61] Совсем недавно (1912) д-р Альберт Молль с характерной научной тщательностью отредактировал и в значительной степени сам написал поистине энциклопедический *Handbuch der Sexualwissenschaften*. Известность авторов этих книг и умственный уровень, необходимый для их прочтения, показывают, что мы имеем дело не с вопросом спроса и предложения в развратной литературе, как может предположить невнимательный наблюдатель, а с серьезной и широко распространенной оценкой серьезных исследований. Об этом свидетельствует не только наличие нескольких биосоциологических периодических изданий высокого научного уровня, но и существование такого журнала, как *Sexual-Probleme* под редакцией доктора Макса Маркузе, журнала со многими выдающимися авторами и, несомненно, лучшего периодического издания в этой области, которое можно найти на любом языке.

В то же время новое движение немецких женщин, независимо от того, возникает ли оно на основе или при поддержке политических или научных движений, по своей сути является эмоциональным. Если задуматься, каждое великое движение тевтонской души было основано на эмоциях. Немецкий литературный ренессанс восемнадцатого века был эмоциональным по своему происхождению и получил свой главный стимул от заразы нового прилива чувств во Франции. Даже на немецкую науку часто влияют, и не всегда с пользой для нее, немецкие настроения. Реформация - пример огромного масштаба эмоциональной силы, лежащей в основе немецких движений. Лютер, к добру и ко злу, является самым типичным немцем, а Лютер, который оставил свой след в мире, - пронзительный, грубый, суеверный крестьянин, расцветший до гениальности, - был лавиной эмоций, огромной массой естественных человеческих инстинктов, непреодолимых в своей стремительности. Если иметь в виду эту общую тенденцию к эмоциональной экспансивности в проявлениях тевтонской души, то не приходится удивляться тому, что нынешнее движение среди немецких женщин в гораздо большей степени, чем соответствующие движения в других

странах, должно быть эмоциональным ренессансом. Это, в первую и последнюю очередь, не крик о политических правах, а о правах эмоциональных, о разумном регулировании всех тех социальных функций, которые основаны на эмоциях. [62]

Это движение, хотя и может быть правильно названо немецким, поскольку его проявления в основном наблюдаются в великой Германской империи, все же по существу является тевтонским движением в широком смысле этого слова. Немки Австрии, немки Швейцарии, голландки, скандинавки - все они были вовлечены в это движение. Но именно в Германии они находят главное поле своей деятельности.

Если попытаться в одном предложении определить конкретную цель этой агитации, то лучше всего описать ее как основанную на требованиях женщины-матери и направленную на то, чтобы обеспечить ей право контролировать и регулировать личные и социальные отношения, вытекающие из ее природы как матери или возможной матери. В этом мы сразу видим и интимно-эмоциональный и практический характер новых требований, и их решительное неподобие более раннему женскому движению. Это было определенно требование эмансипации; его целью было политическое право; его постоянным утверждением было то, что женщинам должно быть позволено делать все то, что делают мужчины. Но новое тевтонское женское движение, отнюдь не ставящее своим идеалом подражание мужчинам, основывается на том, что наиболее существенно отличает женщину от мужчины.

Основа этого движения в значительной степени обозначена названием "*Mutterschutz*" - защита матери, которое первоначально носил "Журнал для реформы сексуальной морали", основанный в 1905 году под редакцией доктора Хелене Штёкер из Берлина и теперь называющийся "*Новое поколение*" (*Die Neue Generation*). Здесь обсуждаются все вопросы, вытекающие из материнской функции: этика любви, проституция древняя и современная, положение незаконнорожденных матерей и незаконнорожденных детей, сексуальная гигиена, сексуальное воспитание молодежи и т. д. Не следует думать, что эти вопросы рассматриваются с точки зрения общества бдительности в борьбе с пороком. Во всех случаях речь идет о регулировании жизни, о реформе, но о реформе, направленной как на расширение, так и на ограничение. Во многих деталях, действительно, нет согласия между этими авторами, некоторые из которых подходят к проблемам с социальной и практической стороны, другие - с психологической и философской, третьи - с медицинской, юридической или исторической.

Изначально этот журнал был органом ассоциации по защите матерей, особенно незамужних, под названием *Bund für Mutterschutz*. Существует множество агентств по работе с незаконнорожденными детьми, но основатели этой ассоциации исходили из убеждения, что только через мать можно обеспечить ребенку надлежащую заботу. Поскольку почти десятая часть детей, рождающихся в Германии, незаконнорожденные, а условия жизни, в которые попадают такие дети, в высшей степени неблагоприятны, вопрос имеет свою актуальность. [63] Целью Бунда является реабилитация незамужней матери, обеспечение ей условий для экономической независимости, к какому бы социальному классу она ни принадлежала, и, в конечном счете, изменение правового статуса незаконнорожденных матерей и детей. Бунд, руководимый комитетом, в котором в равной степени представлены социальные, медицинские и юридические интересы, уже имеет многочисленные филиалы, помимо штаб-квартиры в Берлине, и приступает к практическим мерам в рамках своей программы, в частности, к созданию домов для матерей, которых в разных частях Германии уже около дюжины.

В 1911 году в Дрездене состоялся первый Международный конгресс по защите материнства и сексуальной реформе, приуроченный к большой выставке гигиены. В результате этого конгресса был создан Международный союз, представляющий Германию, Австрию, Италию, Швецию и Голландию - страны, которые до сих пор проявляли наибольший интерес к программе сексуальной реформы, основанной на признании первостепенной важности материнства. Поэтому можно сказать, что это движение преодолело первоначальные трудности, антагонизм, непонимание и осуждение, с которыми неизбежно сталкивается каждое движение в области сексуальной реформы и часто поддается им.

Было бы ошибкой считать эту Ассоциацию просто филантропическим движением. Она заявляет себя как "Ассоциация за реформу сексуальной этики", и *Die Neue Generation* занимается скорее социальными и этическими, чем филантропическими вопросами. В этих отношениях она отражает современную позицию многих вдумчивых немецких женщин, хотя более старая школа защитников прав женщин все еще держится в стороне. Здесь, например, мы можем найти изложение недавней дискуссии о праве матери уничтожать свое потомство до рождения. Это смело заявила графиня Гизела фон Штрайтберг, выступающая за возвращение к более древним моральным взглядам, которые преобладали не только в классической античности, но даже, при определенных условиях, в христианской практике, пока каноническое право, утверждающее, что эмбрион с самого начала имеет самостоятельную жизнь, не объявило аборт при любых обстоятельствах преступлением. Графиня фон Штрайтберг придерживается той точки зрения, что, поскольку основные риски и ответственность неизбежно ложатся на женщину, именно она должна решать, разрешать ли ей развитие вынашиваемого ею эмбриона. Доктор Мари Рашке, рассматривая вопрос с юридической стороны, не может согласиться с тем, что аборт должен перестать быть наказуемым преступлением, хотя и выступает за значительные изменения в законодательстве по этому вопросу. Доктор Зигфрид Вайнберг, подводя итоги дискуссии, опять же с юридической точки зрения, считает, что на стороне графини есть большая доля права, поскольку с точки зрения современного права уголовный закон оправдан только потому, что он защищает право, а по закону эмбрион не имеет никаких прав, которые можно было бы ущемить. С моральной же точки зрения, как утверждается, его уничтожение часто становится оправданным в интересах общества.

Этот спорный вопрос, хотя и поучителен как пример того, как радикально немецкие женщины начинают подходить к вопросам морали, касается лишь отдельного момента, который едва ли еще достиг сферы практической политики. [64] Интереснее рассмотреть общие концепции, лежащие в основе этого движения, и мы вряд ли сможем сделать это лучше, чем изучив труды Эллен Ки, которая не только является одним из его признанных лидеров, но и, можно сказать, представляет его цели и идеалы шире и убедительнее, чем любой другой писатель.

Взгляды Эллен Ки в основном изложены в трех книгах: "*Любовь и брак*", "*Век ребенка*" и "*Женское движение*", которые разошлись большим тиражом и теперь становятся хорошо известны благодаря переводам в Англии и Америке. Она тщательно отделяет свои цели от того, что она считает американской концепцией прогресса в женском движении, то есть от тенденции женщин стремиться захватить деятельность, которая может быть гораздо более адекватно выполнена другим полом, в то же время пренебрегая гораздо более важными вопросами, которые касаются их собственного пола. Мужчина и женщина - не природные враги, которым нужно тратить силы на борьбу за свои права и привилегии; в духовной, как и в физической жизни, они плодотворны только вместе. Женщинам, конечно, нужна свобода действий - и ранние устремления феминизма вполне оправданы, - но она нужна им не для

того, чтобы отбирать у мужчин те задачи, которые они могут выполнить лучше, а для того, чтобы играть свою роль в той сфере творческой жизни, которая принадлежит только им. Эллен Ки сказала бы, что высшая человеческая единица триедина: отец, мать и ребенок. Поэтому брак, вместо того чтобы быть, как сегодня, последним, о чем думают в воспитании, становится центральным пунктом жизни. В концепции Эллен Ки "те, кто любит друг друга, - муж и жена", и под любовью она подразумевает не временную склонность, а "синтез желания и дружбы", подобно тому как воздух представляет собой смесь кислорода и азота. Это должно быть так для обоих полов, и Эллен Ки видит реальный прогресс в том, что, как ей кажется, является современной тенденцией к осознанию мужчинами того, что душа имеет свою эротическую сторону, а женщинами - что чувства. Она не испытывает особого сочувствия к призывам некоторых современных женщин к чистоте в кандидатах на брак. Она замечает, что многие мужчины, которые мучительно пытаются сохранить этот идеал, сталкиваются с разочарованием, поскольку женщин очаровывает не мужественный ягненок, а гораздо больше пятнистый леопард. Представление о том, что женщины обладают более высокими моральными инстинктами, чем мужчины, Эллен Ки считает абсурдным. Большинство французов, замечает она, были против Дрейфуса, а большинство англичанок одобрили войну в Южной Африке. По-настоящему фундаментальное различие между мужчиной и женщиной заключается в том, что он обычно может отдать все свои силы как творец, а она - как любовница, что его ценность зависит от его работы, а ее - от ее любви. И в любви требование к каждому полу в равной степени должно заключаться не в анатомической чистоте, а в страсти и искренности.

Цель любви, как ее понимает Эллен Ки, - это всегда брак и ребенок, и как только речь заходит о ребенке, под вопросом оказываются общество и государство. Любовь до ее осуществления - дело исключительно влюбленных, а шпионаж, церемонии и рутина, которые сейчас разрешены или предписаны, смешны и оскорбительны. "Цветок любви принадлежит влюбленным и должен оставаться их тайной; именно плод любви приводит их в связь с обществом". Только доминирующее значение ребенка, родителя будущего рода, обуславливает огромную социальную значимость сексуального союза. Не брак освящает поколение, а поколение освящает брак. С точки зрения "святости поколения" и благополучия расы Эллен Ки с нетерпением ждет того времени, когда мужчина и женщина не смогут стать родителями, если у них вряд ли родится здоровый ребенок, хотя она и выступает против неомальтузианских методов, отчасти по эстетическим соображениям, а отчасти по более сомнительным - из-за сомнений в их практической эффективности; Именно с этой точки зрения она также выступает за сексуальное равенство в вопросах развода, юридическую ассимиляцию законных и незаконных детей, признание внебрачных союзов - признание, уже юридически установленное при определенных обстоятельствах в Швеции, таким образом, чтобы наделить ребенка правами законности, - и она даже готова посоветовать женщинам при некоторых условиях стать матерями вне брака, но только в тех случаях, когда есть препятствия для законного брака, и как результат сознательной воли и решения. В этих и многих других подобных предложениях, подробно изложенных в ее предыдущих книгах, очевидно, что Эллен Ки иногда выходила за рамки своего главного убеждения, что любовь - это первое условие для повышения жизненной силы как расы, так и личности, и что вопрос любви, правильно рассмотренный, - это вопрос создания будущего человека. Как она сама в свое время совершенно искренне отмечала, практика должна предшествовать, и предшествовать на очень долгое время, установлению определенных правил в вопросах деталей.

Можно заметить, что одним из пунктов, которым Эллен Ки и лидеры нового немецкого женского движения уделяют особое внимание, являются аффективные потребности

"сверхнормативной" женщины и узаконивание ее детей. В Германии, как и в большинстве других стран, наблюдается избыток женщин над мужчинами. Говорят, что этот избыток уравнивается большим количеством женщин, не желающих выходить замуж. Но это слишком дешевое решение вопроса. Многие женщины могут хотеть оставаться незамужними, но ни одна женщина не хочет, чтобы ее заставляли оставаться незамужней. Каждая женщина, утверждают эти защитники прав женщин, имеет право на материнство, и, осуществляя это право при благоприятных условиях, она приносит пользу обществу. Но наша система брака, в той жесткой форме, которую она уже давно приняла, не обладает необходимой эластичностью, чтобы ответить на эти требования. Она предлагает решение, которое часто невозможно, всегда трудно и, возможно, в значительной части случаев нежелательно. Но для женщины, закрытой от брака, постижение жизненно важных фактов любви и материнства, которые она, возможно, необоснованно или нет, рассматривает как высшие вещи в мире, часто должно быть таких условиях катастрофическим шагом, в то время как он всегда сопровождается определенным риском. Поэтому, спрашивается, почему бы не установить, как это было в старину, отношения, которые, будучи менее достойными, чем брак, и менее исключительными в своих требованиях, все же позволяли бы женщине вступать в почетные, открытые и юридически признанные отношения с мужчиной? О таких отношениях женщина могла бы при необходимости заявить всему миру, не унижая ни себя, ни своего ребенка, и в то же время они давали бы ей законные права на отца своего ребенка. Такие отношения были бы в значительной степени похожи на древний конкубинат, который сохранялся даже в христианстве вплоть до XVI века. Его установление в Швеции, по-видимому, было удовлетворительным, и теперь его пытаются распространить на другие страны. [65]

Интересно сравнить или противопоставить движение, ярким поборником которого является Эллен Ки, с тщетным движением, начатым почти столетие назад школой Сен-Симона и Проспера Энфантина в пользу "la femme libre". [66] Это раннее движение, несомненно, имело свои светлые и идеальные стороны, но оно не было подкреплено здравым и научным взглядом на жизнь; оно было укоренено в песке и вскоре засохло. Свобода, которую отстаивает Эллен Ки, - это не свобода отказаться от закона и порядка, а свобода признать истинный закон и следовать ему; это свобода, которая как в морали, так и в политике необходима для развития настоящей ответственности.

Люди говорят, замечает Эллен Ки, будто реформа сексуальной морали означает разрушение прекрасной идиллии, тогда как идиллия невозможна до тех пор, пока единственная альтернатива, предлагаемая столь многим молодым мужчинам и женщинам на пороге жизни, состоит в том, чтобы стать "рабом долга или рабом похоти". В этих вопросах мы уже обладаем свободой, и единственная разумная реформа заключается в такой "свободе", которая исправит эту свободу, подчиняясь наиболее фундаментальным природным инстинктам, действующим в гармонии с требованиями расы, которые, следует добавить, не могут быть не в гармонии с лучшими традициями расы. Эллен Ки согласилась бы с великим немцем Вильгельмом фон Гумбольдтом, который более века назад писал, что "забота о расе приводит к тем же результатам, что и высшая забота о самом прекрасном развитии внутреннего человека". Современный бунт против окаменевших законов неизбежен, он уже идет, и мы должны позаботиться о том, чтобы законы, написанные на каменных скрижалях, в своем неизбежном распаде уступили место более могущественным законам, написанным на скрижалях из плоти и крови. Жизнь слишком богата и многообразна, снова говорит Эллен Ки, чтобы ее можно было ограничить одной, пусть даже самой лучшей, формулой; если наш идеал имеет ценность для нас самих, если мы готовы жить и умереть за него, этого достаточно; мы не вправе навязывать его другим. Концепция

долга все еще остается, долг перед любовью и долг перед расой. "Я верю в новую этику, - заявляет Эллен Ки в конце книги *"Женское движение"*, - которая будет синтезом, вырастающим из природы мужчины и природы женщины, из требований личности и требований общества, из языческой и христианской точек зрения, из решимости формировать будущее и из благочестивого отношения к прошлому".

Ни один читатель книг Эллен Ки не может не быть впечатлен удивительной гармонией между ее сексуальной этикой и концепцией, лежащей в основе научной евгеники сэра Фрэнсиса Гальтона. Излагая последние аспекты своего взгляда на евгенику в Социологическом обществе, Гальтон утверждал, что улучшение расы, в согласии с научными знаниями, произойдет благодаря новому религиозному движению, и приводил доводы, показывающие, почему такое ожидание небезосновательно; в прошлом люди подчинялись самым сложным правилам брака в ответ на то, что они считали сверхъестественными повелениями, и нет никаких оснований полагать, что реальные требования благополучия расы, основанные на точных знаниях, окажутся менее эффективными при вызове вдохновляющих религиозных эмоций. Писавшая, вероятно, в то же время Эллен Ки в своем эссе под названием *"Любовь и этика"* изложила точно такую же концепцию, но не с научной, а с эмоциональной точки зрения. С самого начала она ставит сексуальный вопрос на основу, которая ставит его в один ряд с евгеникой Гальтона. Раньше, отмечает она, проблема заключалась в том, что общество настаивало на жесткой форме брака, вступая в конфликт с требованием индивида удовлетворять свои желания любым способом, который казался ему хорошим, а теперь она становится вопросом гармонизации требований улучшения расы с требованиями индивида к счастью в любви. Она отмечает, что в этом аспекте настоящая гармония становится более возможной. Забота об облагораживании расы служит мостом от хаоса противоречивых тенденций к более истинной концепции любви, и "любовь должна стать на более высоком уровне тем, чем она была в первобытные времена - религией". Она сравнивает рост концепции жизненной ценности любви с современным ростом концепции ценности здоровья в противовес средневековому безразличию к гигиене. Неизбежно, что Эллен Ки, подходя к вопросу с эмоциональной стороны, должна делать меньший акцент, чем Гальтон, на важности научного исследования наследственности и настаивать в основном на ценности здоровых инстинктов, не ограниченных ложными и искусственными ограничениями и наученных понимать, что физические и психические аспекты жизни одинаково "божественны".

Очевидно, было бы преждевременно выражать одобрение или неодобрение концепциям сексуальной морали, которые Эллен Ки разработала с таким пылом и проницательностью. Вряд ли можно предположить, что методы сексуального союза, выдвигаемые в качестве альтернативы безбрачию некоторыми приверженцами нового движения, станут широко популярными, даже если будут легализованы во все большем числе стран. В другом месте я уже приводил причины считать, что путь прогресса лежит в основном в направлении реформы нынешнего института брака. [67] Необходимость такой реформы назрела, и есть много признаков того, что ее признают. Мы не сомневаемся, что сторонники этих альтернативных методов сексуального союза принесут пользу, стимулируя поборников брака к более активной деятельности по реформированию этого института. В таких делах определенная конкуренция иногда оказывает удивительно живительный эффект.

Мы можем быть уверены, что женщины, чьи интересы так сильно затронуты в этом вопросе, и которые склонны смотреть на него скорее с практической, чем с юридической и теологической точки зрения, окажут мощное влияние, когда получат возможность добиться этого влияния путем голосования. Об этом убедительно свидетельствует исследование,

проведенное в Англии в 1910 году Женской кооперативной гильдией. Несколько женщин, занимавших официальные посты в Гильдии, спросили (среди прочих вопросов), выступают ли они за развод по взаимному согласию. Из 94 представительниц знающих толк в делах женщин, которые были опрошены таким образом, 82 сознательно высказались за развод по взаимному согласию, и только 12 были против этой очень важной реформы брака.

Вероятно, нет необходимости обсуждать мнения других лидеров этого движения, хотя есть несколько, таких как фрау Грете Майзель-Хесс, чьи взгляды заслуживают изучения. Будет достаточно ясно, чем это тевтонское движение отличается от англосаксонского движения за права женщин, с которым мы уже давно знакомы. Эти немки полностью признают, что женщины имеют право на те же права человека, что и мужчины, и что до тех пор, пока эти права не будут достигнуты "феминизму" еще предстоит выполнить свою задачу. Но женщины должны использовать свои силы в той сфере, для которой подходит их собственная природа. Даже если миллионы женщин получают возможность выполнять работу, которую мужчины могли бы делать лучше, польза для человечества будет нулевой. Поручать женщинам мужскую работу (как заявила Эллен Ки) так же глупо, как поручать Бетховену или Вагнеру управлять двигателем.

Вероятно, у некоторых, кто был впечатлен размахом и жизненной силой этого движения, вызвало удивление то, что оно проявилось именно в Германии, а не в Англии, которая была изначальной родиной движений за женскую эмансипацию, или в Америке, где они достигли своего полного развития. Это, однако, перестает удивлять, когда мы осознаем особые качества англосаксонского и тевтонского темпераментов и особые условия, в которых возникли эти два движения. Англосаксонское движение было особым применением к женщинам общего французского движения за логическое утверждение абстрактных прав человека. Это особое применение не было горячо подхвачено в самой Франции, хотя и было впервые провозглашено французскими пионерами, [68] отчасти, возможно, потому, что такие односторонние применения мало привлекают французский ум, а главным образом, без сомнения, потому, что женщины в течение всего восемнадцатого века пользовались таким высоким общественным вниманием и оказывали такое большое влияние, что их не побуждали подниматься в каком-либо мятежном протесте. Но когда семя было занесено в Англию, особенно в репрезентативной форме "*Обоснования прав женщин*" Мэри Уолстонкрафт, оно упало на девственную почву, которая оказалась весьма благоприятной для его развития. Это особое применение избежало общего осуждения, которое революция обрушила на французские идеи. Женщины в Англии начинали пробуждаться к идеям, - как сейчас женщины в Германии, - и более энергичные и умные из них охотно ухватились за концепции, дававшие пищу для их деятельности. В значительной степени они достигли своих целей, и даже женское избирательное право было обеспечено то тут, то там, не произведя при этом никакой заметной революции в человеческих делах. Англосаксонская концепция женского прогресса - несомненно, полезная во многих отношениях - не производит большого впечатления в Германии, отчасти потому, что она не отвечает эмоциональному тевтонскому темпераменту, а отчасти потому, что сложившийся тип немецкой жизни и цивилизации предоставляет очень мало возможностей для ее развития. Когда мисс Сьюзен Энтони, ветеран-пионер женского движения в США, была представлена германской императрице, она выразила надежду, что император вскоре предоставит избирательное право немецким женщинам; записано, что императрица улыбнулась, и, вероятно, большинство немецких женщин улыбнулись вместе с ней. В настоящее время, однако, в Германии наблюдается необычайная интеллектуальная активность, широкомасштабная и массовая. Более того, впервые она охватила женщин, которые взялись за дело с характерной тевтонской тщательностью. Но они не подражают методам своих англосаксонских сестер, а идут своим

путем. Они тратят очень мало энергии на то, чтобы размахивать красным флагом перед крепостями мужской монополии. Они следуют эмоциональному влиянию, которое, как ни странно, может показаться некоторым, находит больше поддержки со стороны биологии и медицины, чем всегда удавалось англосаксонскому движению. Со времен Аристофана и далее, когда бы они ни выступали перед мужскими цитаделями, женщинам всегда грубо предлагали отправиться домой. И вот теперь, здесь, в Германии, где из всех стран этот совет давался наиболее свободно и настойчиво, женщины применяют новую тактику: они уходят домой. "Да, это правда, - говорят они, - дом - это наша сфера. Любовь и брак, рождение и воспитание детей - вот наш мир. И мы намерены установить законы нашего мира".

[52] В 1787 году Кондорсе заявил (*Lettres d'un Bourgeois de New Haven*, Lettre II), что женщины должны иметь абсолютно те же права, что и мужчины, и он повторил то же самое заявление в 1790 году, в статье "Sur l'Admission des Femmes au Droit de Cité", опубликованной в *Journal de la Société de 1789*. Следует добавить, что Кондорсе не был демократом, и ни мужчинам, ни женщинам он не предоставил бы право голоса, если бы они не были собственниками.

[53] Леопольд Лакур дал полную и достоверную информацию об Олимпе де Гуж (которая родилась в Монтобане в 1755 году) в своей книге *"Три женщины революции"*, 1900 г.

[54] Примечательно, что Империя оказывала угнетающее воздействие даже на физическую активность женщин. Женщина XVIII века во Франции, хотя и не была атлетичной в современном понимании, наслаждалась свободной жизнью на свежем воздухе и любила физические упражнения. Во времена Директории эта тенденция стала очень выраженной; женщины носили самую скудную одежду, выходили на улицу в любую погоду, культивировали здоровый аппетит и наслаждались прекрасным здоровьем. Но с установлением империи эти полезные моды были отброшены, и женщины стали культивировать новые идеалы хрупкой утонченности в помещении (эту эволюцию проследил д-р Люсьен Нарс, *L'Hygiène*, сентябрь, 1911 г.).

[55] О подъеме и прогрессе этого движения в Англии много информации с сочувствием и живостью изложено в книге У. Лайона Блейза *"Эмансипация английских женщин"* (1910), которая, однако, не претендует на судейство или беспристрастность; автор считает "нерегулируемый мужской эгоизм" источником трудностей на пути к женскому избирательному праву.

[56] Так, в 1911 году Национальная лига противников женского избирательного права провела беспристрастный опрос женщин-избирателей, внесенных в муниципальный реестр в нескольких крупных избирательных округах, отправив им ответную открытку с вопросом, выступают ли они за распространение на женщин права голоса в парламенте. Только 5579 человек высказались за это; 18 850 были против; 12 621 не взяли на себя труд ответить, и было заявлено, вероятно, с основанием, что большинство из них не поддерживают право голоса.

[57] Не следует слишком поспешно предполагать это. Если не возвращаться к древним заговорам типа Гая Фокса (которым теперь подражают только самозванные анархисты), лидеры движений политических реформ редко, если вообще когда-либо, организовывали вспышки насилия; такое насилие, если оно имело место, было спонтанным и непредусмотренным действием толпы.

[58] *Revue de l'Ecole d'Anthropologie*, February, 1909, p. 50.

[59] О. Шрадер, *Реаллексикон*, ст. "Keuschheit". Он считает, что Тацит просто показывает, что германские женщины обычно были целомудренны после замужества. Несколько столетиями позже, указывает Леа, Сальвиан, восхваляя варваров за их целомудрие, делает исключение в случае с алеманнами. (См. также Havelock Ellis, *Studies in the Psychology of Sex*, Vol. VI, "Sex in Relation to Society", pp. 382-4).

[60] Так, Каан, предвосхищая Крафт-Эбинга, опубликовал в 1844 году "*Psychopathia Sexualis*", а Каспер в 1852 году первым из медиков указал на то, что сексуальная инверсия иногда обусловлена врожденным психическим состоянием.

[61] Книги Фореля и Блоха стали широко известны благодаря переводам в Англии и Америке. Доктор Блох также является автором чрезвычайно эрудированной и обстоятельной истории сифилиса, в которой он доказывает, что эта болезнь была завезена в Европу из Америки после первого открытия Нового Света в конце пятнадцатого века.

[62] Это отношение находит свое отражение даже во многих книгах, написанных мужчинами; я могу упомянуть, например, известный роман Френссена "*Святая земля*" ("*Hilligenlei*").

[63] В большинстве стран незаконнорожденность снижается, в Германии же она неуклонно растет, как в сельских, так и в городских районах. Однако незаконнорожденные дети в городах более многочисленны, чем в деревне. Из всех государств, входящих в состав Германской империи, уровень незаконнорожденных детей самый низкий в Пруссии, самый высокий - в Саксонии и Баварии. В Мюнхене 27 процентов рождений являются незаконными. (Факты четко изложены в статье д-ра Артура Грюнспана в "*Берлинер Тагблатт*" за 6 января 1911 года, воспроизведенной в "*Die Neue Generation*", июль, 1911). Так, в Пруссии, в то время как общее число рождений с 1903 по 1908 год, несмотря на значительный рост населения, увеличилось всего на 2,6 процента, незаконнорожденные выросли на 11,1 процента. Этот рост отмечен почти во всех немецких землях. Особенно заметен он в Саксонии; здесь доля незаконнорожденных к общему числу рождений составляла в 1903 году 12,51 процента, а в 1908 году она уже возросла до 14,40 процента. В Берлине эта тенденция наиболее заметна; здесь она началась в 1891 году, когда было зарегистрировано почти 47 000 законных рождений; однако к 1909 году число законных рождений сократилось до 38 000, то есть на 19,4 %. Однако число незаконнорожденных детей за тот же период выросло с почти 7000 до более чем 9000, то есть на 35 процентов. Доля незаконнорожденных детей в общем количестве рождений теперь составляет более 20 процентов, так что на каждых четырех законнорожденных детей приходится более одного незаконнорожденного. Можно сказать, что это объясняется лишь увеличением доли незамужних женщин. Однако это не так. Коэффициент брачности в целом растет, а средний возраст женщин при вступлении в брак становится не выше, а ниже. Грюнспан считает, что этот рост незаконнорожденности, скорее всего, продолжится, и склонен связывать его не столько с экономическими, сколько с социально-психологическими причинами.

[64] Я обсуждал этот вопрос в "*Исследованиях по психологии пола*", том VI, "Секс в отношении к обществу", глава xii.

[65] Примечательно, что в ранние времена в Испании законы признавали наложничество (*barragania*) почти равным браку и дающим равные права ребенку, даже сыновьям духовенства, которые могли таким образом наследовать от своих отцов по праву привилегии, предоставленные наложнице или *barragana*. *Баррагания*, однако, не была настоящим браком, и во многих регионах ее могли заключать женатые мужчины (R. Altamira, *Historia de España y de la Civilización Española*, Vol. I, pp. 644 et seq.).

[66] "Свободная женщина", в поисках которой молодые сен-симонисты проповедовали крестовый поход, должна быть женщиной с размышлениями и интеллектом, которая, размышляя о судьбе своих "сестер", зная желания женщин и озвучивая те женские способности, в которые мужчина так и не смог полностью проникнуть, должна выдать признание своего пола, без ограничений и оговорок, таким образом, чтобы обеспечить необходимые элементы для формулирования прав и обязанностей женщины. Сен-Симон просил мадам де Сталь взять на себя эту роль, но она не откликнулась. Когда Жорж Санд опубликовала свои первые романы, некоему Герольту было поручено выяснить, возьмет ли автор "*Лелии*" на себя эту важную услугу. Он нашел плохо одетую женщину, которая использовала свои таланты, чтобы заработать на жизнь, но отнюдь не стремилась стать верховной жрицей новой религии. Даже после своего разочарования Энфантен с нетерпением ждал выхода в свет "*Истории моей жизни*" Жорж Санд, надеясь, что наконец-то пришло великое откровение, и снова был разочарован. Но перед этим появился Эмиль Барро и заявил, что на Востоке, в уединении гарема, "свободная женщина" будет найдена в лице какой-нибудь одалиски. Была сформирована "миссия матери", и с Барро во главе она отправилась в Константинополь. Все были одеты в белое в знак обета целомудрия, который они дали перед отъездом из Парижа, и по дороге просили милостыню во имя Матери. Прибыв в Константинополь, они проповедовали туркам веру Сен-Симона на французском языке. Но "свободная женщина" казалась такой же далекой, как и прежде, и они решили отправиться в Ротурму в Океане, чтобы основать там религию Сен-Симона и совершенное правительство, которое могло бы послужить образцом для европейских государств. Однако сначала они сочли своим долгом убедиться, что Мать не скрывается где-нибудь в России, и отправились в Одессу, но губернатор, лишенный сочувствия, быстро выгнал их, и, поняв, что Ротурма находится на некотором расстоянии, миссия распалась, большинство членов отправились в Египет, чтобы воссоединиться с Энфантином, которого арабы, пораженные его красотой, называли *Абу-л-Дхуние*, Отцом Мира. (Этот рассказ об этом движении основан на рассказе Максима дю Кампа в его *Souvenirs Littéraires*)

[67] *Исследования по психологии секса*, том VI, "Секс в отношении к обществу", глава х.

[68] Стоит отметить, что одну француженку называли "матерью современного феминизма". Мари де Гурнэ, умершая в 1645 году в возрасте восьмидесяти лет, наиболее известна как приемная дочь Монтеня, к которому она питала восторженное почтение, став первым редактором его эссе. Ее короткое эссе "*Равенство мужчин и женщин*" было написано в 1622 году. См. например, M. Schiff, *La Fille d'Alliance de Montaigne*.

IV

ЭМАНСИПАЦИЯ ЖЕНЩИН В СВЯЗИ С РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛЮБОВЬЮ

Отсутствие романтической любви в классической цивилизации - Брак как обязанность - Возникновение романтической любви в Римской империи - Влияние христианства - Отношение рыцарства - Трубадуры - Суды любви - Влияние эпохи Возрождения - Традиционное рыцарство и современная цивилизация - Движение женщин - Равенство прав и обязанностей современной женщины исключает рыцарство - Новые формы романтической любви все еще возможны - Любовь как стимул социальной гигиены.

Как повлияет на романтическую любовь женское движение, которое сейчас медленно, но верно развивается среди нас? Это действительно серьезный вопрос, и он гораздо сложнее, чем многие из тех, кто готов ответить на него сходу, возможно, готовы признать.

Следует помнить, что романтическая любовь не была постоянным сопровождением человеческих отношений даже в цивилизации. Правда, у разных народов, стоящих на очень низкой ступени, есть романтические песни о любви, часто, судя по всему, написанные женщинами. Но классические цивилизации Греции и Рима в их самые сильные и блестящие периоды практически не знали романтической любви в связи с нормальными сексуальными отношениями, завершающимися браком. Классическая античность показывает высокую степень супружеской преданности и домашней привязанности, во всяком случае, в Риме, но право женщины следовать побуждениям собственного сердца, идеализация и поклонение женщине со стороны мужчины были не только малоизвестны, но и, насколько они были известны, осуждались или порицались. Овидий, по мнению некоторых, представляет собой новое движение в Риме. Мы склонны считать Овидия в эротических вопросах представителем группы безнравственных римских сладострастников. Эта точка зрения, вероятно, нуждается в значительной модификации. Овидий действительно не был поборником морали, но нет никаких оснований полагать, что до его появления суровый римский ум еще не представлял себе тех утонченностей и любезностей, которые он излагает в столь очаровательных подробностях. Если мы рассмотрим его творчество в целом, то, возможно, будем считать Овидия родоначальником рыцарского отношения к женщине и романтической концепции любви, не только новой для Рима, но и имеющей значение для Европы в целом. Овидий был мощным фактором в движении Ренессанса, и не в последнюю очередь в Англии, где его влияние на Шекспира и некоторых других елизаветинцев трудно переоценить. [69]

Для обычного классического ума, греческого или римского, брак был предназначен для создания семьи, а семья была посвящена государству. Выполнение столь возвышенной функции предполагало определенное строгое достоинство, исключая склонность к или страстные эмоции. Они действительно могли иметь место между мужчиной и женщиной вне брака, но, если отбросить весьма ограниченные явления афинского гетайризма, они были слишком постыдными, чтобы идеализировать их. Можно сказать, что некоторые следы этого классического отношения сохраняются и по сей день среди так называемых латинских народов, в частности, во французской традиции (ныне угасающей) рассматривать брак как отношения, которые должны быть организованы не самими двумя сторонами, а их родителями и опекунами; Монтень, привязанный к афоризмам римской древности, был не слишком чужд обычной французской позиции своего времени, когда заявил, что, поскольку мы женимся не столько ради себя, сколько ради потомства и рода, брак - слишком священный процесс, чтобы смешивать его с амурной экстравагантностью. [70] В этой точке зрения, о которой сегодня слишком часто забывают, есть что-то важное, но она, конечно, не охватывает всей проблемы.

Пренебрежительное отношение к романтической и эротической стороне жизни преобладало не только на Западе в некоторые из наиболее энергичных моментов развития цивилизации. Оно встречается и на Востоке. В Японии, например, даже в наши дни романтическая любовь, как признанный элемент обычной жизни, неизвестна или не одобряется; ее существование не признается в школах, а европейские романы, воспевающие ее, едва ли понятны. [71]

Развитие современной романтической любви в связи с браком, по-видимому, происходит в позднегреческом мире во времена Римской империи. [72] Это время обычно называют

периодом упадка. В определенном ограниченном смысле так оно и было. Греция была подчинена Риму. Сам Рим утратил свой воинский дух и терял политическую власть. Но боевой инстинкт и даже правящий дух не являются синонимами цивилизации. Упадок и падение" империй отнюдь не обязательно влечет за собой упадок цивилизации. Сейчас уже общепризнанно, что поздняя Римская империя не была, как считалось раньше, эпохой социального и морального вырождения. [73] Государство действительно распадалось, но личность развивалась. Эпоха, породившая Плутарха - на протяжении пятнадцати сотен лет одну из великих вдохновляющих сил мира, - была обратной стороной развращенного века. Жизнь дома и жизнь души развивались одинаково. Дом становился все более сложным, более интимным, более возвышенным. Душа обращалась к себе, чтобы открыть новые и радостные тайны: тайну любви к природе, тайну мистической религии и, не в последнюю очередь, тайну романтической любви. Когда христианство окончательно завоевало римский мир, его задача во многом заключалась в том, чтобы перенять и развить эти три тайны, уже открытые язычеством.

Однако было неизбежно, что в развитии этих новых форм эмоциональной жизни должен был проявиться аскетический уклон христианства. Христианство не могло окружить своим ореолом естественную сексуальную жизнь, но оно могло усовершенствовать и возвысить ее, поднять в духовную сферу. Ни женщина-возлюбленная, ни женщина-мать в обычной жизни не прославлялись Церковью; к ним относились лишь терпимо. Но на более высоком, чем естественный, уровне они были окружены ореолом и вознесены на высочайший пьедестал почитания и даже поклонения. Богородица была возвеличена, Невеста и Жених стали терминами мистического значения, а Святая Мать получила обожание всего христианства. Даже в реальных отношениях мужчин и женщин, довольно ранних в истории христианства, мы иногда находим мужчин и женщин, которые культивировали отношения, исключая земной союз, на который Церковь смотрела свысока, но все же включающие самую нежную и интимную физическую привязанность. Множество очаровательных историй о таких отношениях можно найти в житиях святых, а иногда они существовали даже в брачных узах. [74] Христианство привело к тому, что идеи и термины, заимствованные из земной любви, стали использоваться в другом, символическом смысле. Но незапланированным результатом было то, что этим идеям и терминам, как бы они ни применялись, придавалась новая сила и красота, а также то, что таким образом культивировались многие эмоции, которые становились способными вновь укреплять земную человеческую любовь. Таким образом, получилось, что, хотя христианство и отвергло идеал романтической любви в его естественных ассоциациях, оно косвенно подготовило почву для более возвышенной и глубокой реализации этой любви.

Нет никаких сомнений в том, что эмоциональная тренировка и очищение плотских инстинктов под влиянием христианства стали главной причиной возникновения той концепции романтической любви, которую мы связываем с институтом рыцарства. Возвышенное и освященное контактом с центральными догмами религии, чувство любви было перенесено из этой духовной атмосферы рыцарем-любовником, с чем-то от его неземного ореола, все еще цепляющегося за него, и направлено на земную любовницу. Тогда возникла самая экстравагантная фаза романтической любви, которую когда-либо видели, и во многих случаях это была настоящая эротомания, выходящая за рамки здравого смысла. [75] Однако в своих крайних формах эта романтическая любовь была редким, локализованным и недолговечным проявлением. Доминирующим отношением рыцарского века к женщинам, как показал Леон Готье в своем монументальном труде о рыцарстве, было равнодушие или даже презрение. Мысли рыцаря были больше о войне, чем о женщинах, и он дорожил своим конем больше, чем своей любовницей". [76]

Но женщины, прежде всего во Франции, отреагировали на такое отношение, и с большим успехом. Их мужья относились к ним с безразличием или оставляли их дома, пока те искали приключений в мире. Обделенные вниманием жены принялись устанавливать законы общества и взяли на себя роль властителей нравов. В одиннадцатом, двенадцатом, тринадцатом веках, пишет Мерей в очаровательной книге о жизни во времена Судеб Любви, мы видим, как женщины "с бесконечным мастерством и восхитительной утонченностью берут на себя моральное руководство французским обществом". Они делали это, замечает он, в духе столь утопическом, столь идеально поэтическом, что историки не решались воспринимать их всерьез. Законы Судов любви [77] иногда могут показаться нам аморальными и развратными, но на самом деле они служили для сдерживания худших аморальностей и разврата того времени. Они запрещали насилие, не допускали продажности и прививали умеренность в страстях. Задача Судов Любви облегчалась относительным спокойствием, царившим в то время, особенно благодаря тому, что норманны, владевшие обоими берегами Ла-Манша, образовывали связь между Францией и Англией. Когда же убийственная деятельность французских и английских королей разрушила эту связь, дворы любви были сметены общим беспорядком, а прогресс цивилизации затормозился на неопределенное время. [78] Однако в какой-то степени идеалы, которые были воплощены в жизнь, все еще сохранялись. Как отмечают Гонкуры в своей бесценной книге "*Женщина в шестидесятом веке*" (гл. v), со времен рыцарства и вплоть до XVIII века, когда на первый взгляд оно исчезло, во Франции продолжали лелеять возвышенный идеал любви. Эта концепция все время ассоциировалась с огромным социальным влиянием и авторитетом, которым пользовались женщины во Франции еще со времен средневековья. Это влияние усилилось в XVII веке, и в это время сэр Томас Смит в своем "*Содружестве Англии*", говоря о высоком положении женщин в Англии, заметил, что они обладают "почти такой же свободой, как во Франции".

Существовало как минимум две формы средневековой романтической любви. Первая возникла в Провансе и Северной Италии в двенадцатом веке и распространилась в Германии под названием *Minnedienst*. В этой форме молодые рыцари направляли свою почтительную и обожающую преданность высокородной замужней женщине, которая выбирала одного из них в качестве своего кавалера, чтобы он служил ей и оказывал почтение, а двое клялись в преданности друг другу до самой смерти. В этот любовный кодекс входило, что между мужем и женой не может быть любви, и для мужа считалось признаком низкого воспитания оспаривать право жены на услуги молодого рыцаря, хотя иногда, как нам говорят, муж рисковал, и это приводило к трагическим последствиям. Этот способ любви, после того как его красноречиво воспевали и практиковали трубадуры - обычно, судя по всему, младшие сыновья знатных домов, - вымер в месте своего возникновения, но он был завезен в Испанию, а испанцы вновь завезли его в Италию, когда приобрели Неаполитанское королевство; в Италии он был конвенционализирован в прочно укоренившийся институт *cavaliere servente*. С точки зрения строгой морали этот институт, очевидно, можно было поставить под сомнение. Но мы не можем не видеть, что в основе своей он имел, пусть и бессознательно, квазирелигиозное обоснование в поклонении Святой Матери, и мы должны признать, что, несмотря на сомнительную форму, он был попыткой достичь более чистых и идеальных отношений, чем это было возможно в грубую и воинственную эпоху, которая ставила жену в подчинение мужу. Нежная преданность, вдохновляющая поэзия, беспримесное уважение, приближающееся к благоговению, клятвы, основанные на равной свободе и независимости обеих сторон, - вот возможности, которые мужчины и женщины той эпохи считали несовместимыми с браком, каким они его знали.

Вторая форма средневековой романтической любви была более неземной, чем первая, и гораздо более определенной и осознанной, основанной на религиозном отношении. В действительности это было поклонение Деве Марии, перенесенное на юную земную деву, но сохранившее чистоту и идеальность религиозного поклонения. В такой степени это так, что иногда трудно понять, имеем ли мы дело с реальной девой из плоти и крови или только с поэтическим символом женственности. Это сомнение было высказано, в частности Бартоли, в отношении Беатриче Данте, высшего типа этой неземной любви, которая возникла в XIII веке и культивировалась главным образом во Флоренции. Поэты этого движения сами осознавали религиозный характер своей преданности *ангельской донье*, к которой они даже применяли, как к Царице Небесной, прозвище *Stella Maris*. Реми де Гурмон считает, что в этих фигурах был элемент плоти и крови, но когда мы смотрим на них, замечает он, мы видим сначала "вместо тела только два глаза с ангельскими крыльями за ними, на фоне лазурного неба, усеянного золотыми звездами"; влюбленный стоит на коленях, и его любовь превратилась в молитву. [79] Эта фаза романтической любви была недолгой и, возможно, в основном принадлежала поэтам, но она представляла собой действительно важный момент в эволюции современной романтической любви. Это был шаг к осознанию подлинно человеческого очарования юной женственности в реальных человеческих отношениях, предвкушение которых мы уже получили в восхитительной ранней французской истории об Аукассине и Николетте.

Переоткрытие классической литературы, движения гуманизма и Ренессанса считали то, что оставалось от почти религиозной идеализации юной девы. Бесплотная дева, тонкая, бледная, анемичная, исчезла как из литературы, так и из искусства, и больше не была идеалом в реальной жизни. На смену ей пришла новая женщина, осознающая свою полностью развитую женственность и все ее потребности, сияющая красотой и тонкими формами всех конечностей. Ей не хватало духовности ее предшественниц, но она приобрела интеллект. Впервые она появляется на страницах Боккаччо. После долгого перерыва Тициан увековечил ее богатую и зрелую красоту; она - Флора, она - Ариадна, она - Любовь земная и Любовь небесная. Каждый изгиб ее тела с обожанием и тщательностью описывали Ниф и Фиренцуола. [80] Более того, она была куртизанкой, чей имперский шарм и ловкость позволяли ей попирать ногами средневековое представление о похоти как о грехе даже при дворах пап. Наконец, в великом академическом центре Болонье она целомудренно преподавала образование и науки. [81] Люди итальянского Возрождения ставили женщин на один уровень с мужчинами, и назвать женщину *вираго* означало беззастенчиво похвалить ее. [82]

Тогда для женщин начались весьма неоднозначные условия того, что мы привыкли считать современным миром. Их больше не закрывали - ни в монастырях, ни дома, - но и не поклонялись им. К ним стали относиться как к людям, и когда мужчины идеализировали их в фигурах романтического очарования или пафоса - таких, как шекспировская Розалинда, Сильвия Мариво или Кларисса Ричардсона, - эта человечность отныне становилась общей основой, из которой возникало видение. Но, как можно заметить, почти у всех великих поэтов и романистов вплоть до середины прошлого века художник обычно искал очарование и пафос своих женских фигур именно в слабости человечности. От шекспировской "Офелии" до "Амелии" Теккерея - это правило, более ярко выраженное в литературе Англии, чем в какой-либо другой стране. Фактической эмансипации женщин не произошло; хотя теперь они вошли в мир мужчин, в социальном и правовом отношении они еще не принадлежали к этому миру. Даже средневековые традиции продолжали жить в тонких условных формах. Рыцарское отношение к женщине было, как следует из самого слова, средневековым выживанием. Оно относилось к периоду варварства, когда господствовала грубая сила и

когда мужчина, великодушно предоставивший свою силу в распоряжение женщины, на самом деле оказывал ей услугу и давал ей привилегию. Но цивилизация означает построение упорядоченного общества, в котором уважаются права личности, а сила больше не господствует. Так что по мере развития цивилизации случаи, когда женщинам требуется помощь мужской силы, становятся все более редкими и неважными. Условное рыцарство мужчин превращается в предложение услуг, которые женщинам лучше оказывать самим, и в дарование привилегий, на которые они не имеют права. [83] Более того, в этих условиях рыцарство приобретает характер, обратный своему значению. Оно становится утверждением власти над женщинами, а не власти от их имени; и оно несет в себе оттенок презрения вместо уважения. Теоретически тысяча рыцарских мечей должна выскочить из ножен, чтобы помочь страдающей женщине. На практике это может означать лишь то, что тысяча владельцев этого метафорического оружия находятся в состоянии боевой готовности, чтобы воспользоваться бедствующей женщиной.

Так романтические эмоции, основанные на средневековых идеалах, постепенно утратили свою ценность. Они не имели отношения к изменившимся фактам жизни; они превратились в пустую условность, которую можно было использовать в весьма неромантических целях. Движение за эмансипацию женщин не было сознательным и прямым движением бунта против устаревшего рыцарства. Скорее, это была часть развития цивилизации, которая сделала рыцарство антикварным. Средневековая романтическая любовь предполагала в женщине слабость, на почве которой могла расцвести только духовная сила. Улучшение социальных условий, подчинение насилия порядку, растущее уважение к правам личности устранили причины для освящения слабости в женщине и создали все более широкое поле, на котором женщина могла свободно соперничать с мужчиной, потому что это поле, в котором знания и мастерство имеют гораздо большее значение, чем мускульная сила. Эмансипация женщин была просто более поздней и более осознанной фазой процесса, в ходе которого женщины вошли в это поле и добивались своей доли прав и обязанностей.

Женское движение современности, правильно понятое, было, таким образом, попыткой женщин приспособиться к условиям упорядоченной и мирной цивилизации. Образование в изменившихся условиях позволяет добиться того, что раньше требовало силы оружия; ответственность теперь требуется там, где раньше была возможна только опека. Цивилизованное общество, в котором женщины невежественны и безответственны, - это анахронизм, и, как бы ни был велик разрыв с прошлым, необходимо, чтобы женщины были приспособлены к меняющимся временам. Идеал слабой, невежественной, неопытной женщины - нечто среднее между ангелом и идиотом, как я описал ее в другом месте [84] - больше не выполнять никакой полезной цели. Цивилизованное общество создает условия, при которых все взрослые люди социально равны и все свободны дать обществу лучшее, на что они способны.

Неизбежно, но прискорбно, что это движение должно было иногда принимать форму попытки женщин добиться не просто равенства с мужчинами, а фактического подражания им. Эти женщины говорили, что раз мужчины достигли мастерства в жизни, переняли все лучшее и приняли самые успешные методы жизни, то женщины должны копировать их во всем. Это было умозрительное утверждение, в котором даже была доля правды. Но факт оставался фактом: женщины и мужчины отличаются друг от друга, это различие основано на фундаментальных природных функциях, и ставить один пол в точно такое же положение, как другой, значит деформировать его очертания и затруднять его деятельность.

С данной точки зрения нас интересует только влияние женского движения на любовь. На традиционную концепцию романтической любви, унаследованную от средневековья, это

влияние, несомненно, было в высшей степени растормаживающим. Средневековая романтическая любовь в своей первоначальной форме была частью концепции женственности, состоящей из противоположностей, и все эти противоположности уравнивали друг друга. Средневековый мужчина возлагал свои почести к ногам великой дамы в зале замка, но сам он властвовал над женой, которая трудилась в его собственном доме. Стоя на коленях, он преданно смотрел на неземную девственницу, но когда она переставала быть девственницей, он утверждал себя, проклиная ее как демона, посланного из ада, чтобы соблазнять и мучить его. Все это было возможно потому, что женщина находилась вне орбиты жизни мужчины, никогда не была с ним на одной плоскости, обязательно выше или ниже. Это становилось трудным, если женщина была равна мужчине, и абсурдно невозможным, если она была идентична ему по природе.

Средневековая романтическая традиция дошла до нас настолько наполненной красотой и тайной, что, наблюдая за ее таянием, мы склонны думать, что человеческие достижения постоянно обесцениваются. Эта иллюзия возникает в каждую переходную эпоху. Особенно это было заметно в восемнадцатом веке, который представлял собой очень важный этап в эмансипации женщин. Некоторым кажется, что это столетие было отдано пустой галантностью и легкомысленным удовольствиям. Однако это был не только век, в котором женщинам впервые удалось открыто добиться своего высшего социального влияния, [85] это был век романтической любви, и благородные и пикантные истории любви, дошедшие до нас из записей того периода, превосходят истории любого другого века.

Если мы вместе с Гете верим, что религия будущего состоит в тройном почитании - почитании того, что выше нас, почитании того, что ниже нас, и почитании равных нам [86] - нам не стоит сильно огорчаться, если одна из форм этого почитания, первая и та, которую Гете считал самой ранней и грубой, утратила свое исключительное право. Благоговение необходимо для любой романтической любви. Если спустить Мадонну и Деву с их пьедесталов, чтобы они разделили с людьми общие обязанности и ответственность жизни, это не лишит их права на благоговение. Это всего лишь знак изменения формы этого почитания, изменения, которое предвещает новую романтическую любовь.

Было бы преждевременным пытаться определить точные очертания новых форм романтической любви или точные черты существ, которые будут вызывать эту любовь с наибольшим пылом. В литературе идеалы жизни отбрасывают свою тень, и мы, несомненно, можем проследить изменения в эротических идеалах, отраженных в литературе. Женщина, которую Диккенс идеализировал в *"Дэвиде Копперфильде"*, действительно не похожа на серию женщин нового типа, представленных Джорджем Мередитом, и современная героиня, как правило, демонстрирует больше сильных, открытых и спонтанных качеств этого более позднего типа, чем слепых и цепких натур милых простушек старого типа. То, что изменившиеся условия цивилизации должны породить новые типы женственности и любви, не удивительно, если мы осознаем, что даже в рамках древних рыцарских форм можно было породить подобные сильные типы, когда качества расы были благоприятны для них. Испания служит яркой иллюстрацией. Испанская литература от Сервантеса и Тирсо до Валеры и Бласко Ибаньеса отражает тип женщины, которая стоит на одной земле с мужчиной и является его равной, а часто и превосходит его на этой земле, в равной степени в бодрости тела и духа, приобретая все, что ей нужно от мужественности, и не теряя при этом ничего женского, что имело бы ценность. [87] В более чем одном отношении идеальная женщина Испании - это идеальная женщина, которую наша цивилизация делает необходимой. Женщины будущего, заявляет Грете Майзель-Хесс в своей по-женски умной и откровенной работе *"Сексуальный кризис"*, будут полными, сильными, элементарными натурами,

лишенными как импульса к разрушению, так и склонности быть разрушенными. Более того, она считает, что романтическая любовь далеко не ушла в прошлое, "любовь как форма поклонения отнесена к будущему". [88] В прошлом она встречалась лишь среди немногих редких душ; в будущем мире, который будет способствовать более тонкому отбору сознательной евгеники, а также новому почитанию и заботе о материнстве, мы можем с полным основанием надеяться на появление действительно эффективного человечества, носителей и хранителей самых высоких человеческих чувств. Именно в этом смысле звучат голоса величайших и наиболее типичных лидеров женского движения за эмансипацию в наши дни. Эллен Ки в своей книге *"Любовь и брак"* стремится примирить культивирование свободных и священных сексуальных отношений с поклонением ребенку, как воплощению будущей расы, а Олив Шрайнер в своей книге *"Женщина и труд"* провозглашает, что женщина будущего будет идти бок о бок с мужчиной в более высоких и глубоких отношениях, чем это было возможно прежде, потому что это будет вовлекать новое сообщество в деятельность и понимание.

Не только с женской стороны делаются эти прогнозы. Конечно, в большинстве своем любовь культивируется больше женщинами, чем мужчинами. Первенство в гении интеллекта бесспорно принадлежит мужчинам, но в гении любви оно, несомненно, чаще достигается женщинами. Они, как правило, лучше мужчин понимают, что в этом деле, как утверждал Гете, главные плоды любви пожинает не возлюбленный, а влюбленный. "Лучше любить, даже жестоко, - писала в своих бессмертных *"Письмах"* оставленная португальская монахиня, - чем просто быть любимой". Тот, кто теряет свою жизнь, здесь ее и спасает, ибо только в той мере, в какой он становится распятым богом, Любовь завоевывает жертвенность человеческих сердец. В последние годы, в силу неизбежной реакции, женщины порой забывают об этой вечной истине. Женщины двадцатого века в своем стремлении к самообладанию и законном желании занять положение, которое, по их мнению, им слишком долго не доставалось, возможно, еще не осознали, что женщины восемнадцатого века, которые властвовали над жизнью так, как не владели женщины ни одной эпохи до и после, были прежде всего великими и героическими любовницами, и что эти два основополагающих факта нельзя разделить. Но эта неудача, временная, как ей, несомненно, суждено быть, пойдет на пользу, если она станет отправной точкой для возрождения среди мужчин искусства любви.

Мужчины действительно отстали от женщин. Старая поговорка, которую так утомительно часто цитируют, о том, что любовь - это "нечто отдельное" в жизни мужчин, вряд ли пришла бы в голову средневековому поэту Прованса или Флоренции. Женщинам недостаточно провозгласить новую аватару любви, если мужчины не готовы и не хотят учиться ее искусству и практиковать ее дисциплину. В глубокомысленном фрагменте о любви, оставленном незавершенным после его смерти выдающимся социологом Тарде, [89] он предполагает, что, когда мужская энергия угаснет в сфере политических амбиций и коммерческой выгоды, как это уже произошло в сфере войны, энергия, высвобожденная благодаря большей социальной организации и сплоченности, может вновь найти применение в любви. Слишком долго любовь, как и война, политика и торговля, была монополизирована хищным типом человека, в этой области символизируемым фигурой Дон Жуана. В будущем, предполагает Тарде, тип Дон Жуана-любовника может уйти в небытие, уступив место вергилианскому типу, для которого любовь - не отдельная вещь, а форма жизни, воплощающая ее лучшие и высшие проявления.

Когда мы сталкиваемся с подобными высказываниями, у нас возникает соблазн подумать, что они представляют собой лишь поэтические мечты отдельных людей, стоящих слишком

далеко впереди своих собратьев, чтобы иметь какое-либо значение для мужчин и женщин в целом. Но вполне вероятно, что Овидий и, несомненно, Данте излагали эротические концепции, которые были непонятны большинству их современников, однако они оказали огромное влияние на идеи и эмоции людей в последующие века. Поэты и пророки одного поколения участвуют в формировании идеалов, которые будут реализованы в жизни последующего поколения; выражая свои самые сокровенные чувства, как верно сказано, они становятся лидерами в длинном ряду мужчин и женщин. Что бы ни было еще неясным и неопределенным, мы можем с уверенностью считать, что чувство любви слишком глубоко укоренилось в глубине мужского и женского организмов, чтобы когда-либо быть вырванным или оттесненным на подчиненное место. И мы также можем верить, что нет никакого измеримого предела ее силе распускать все новые и новые чудесные цветы. Известно, что однажды в присутствии Джеймса Хинтона разговор зашел о музыке, и было высказано предположение, что из-за ограниченного числа музыкальных комбинаций и неограниченного числа музыкальных композиций наступит время, когда вся музыка будет представлять собой лишь повторение исчерпанных гармоний. Хинтон заметил, что тогда придет человек, настолько вдохновленный новым духом, что он будет чувствовать не то, что вся музыка уже написана, а то, что никакой *музыки* еще не написано. Это было запоминающееся высказывание. В любой области это вечное провозглашение гения: "Вот! Я творю все новое. И в этой области любви мы не можем представить себе ни одной эпохи, в которой вдохновенный провидец не смог бы почувствовать: *Любви* еще не было!"

[69] См. особенно Сидни Ли, "Овидий и сонеты Шекспира", *Quarterly Review*, апрель, 1909.

[70] Montaigne, *Essais*, Book III, chap. V.

[71] См. например, миссис Фрейзер, "*World's Work and Play*", декабрь, 1906.

[72] Более современное отношение к любви и браку зарождается, однако, в гораздо более ранний период, с Менандра и Новой комедии. Э.Ф.М. Бенеке в своей интересной книге "*Антимах Колофонский и положение женщины в греческой поэзии*" считает, что романтическая идея (то есть идея о том, что женщина - достойный объект для любви мужчины и что такая любовь вполне может быть главной, если не единственной, целью жизни мужчины) была первоначально выдвинута Антимахом в конце V века до н. э. Антимах, как говорят, был другом Платона. Антимах, который, как говорят, был другом Платона, сочетался браком с женщиной из Лидии (где женщины, как мы знаем, занимали очень высокое положение), и ее смерть вдохновила его на написание длинной поэмы "*Лид*", "первой любовной поэмы, когда-либо адресованной греком своей жене после смерти". Сохранилось лишь несколько строк этой поэмы. Но Антимах, похоже, оказал большое влияние на Филетаса (которого Круазе называет "первым из александрийцев") и Асклепиада Самосского, нежных и изысканных поэтов, о которых мы также знаем лишь по нескольким фрагментам. Поэтому аргументы Бенеке, как бы они ни были вероятны, не могут быть удовлетворительно обоснованы.

[73] Как я уже отмечал в другом месте ("*Исследования по психологии пола*", том VI, "Пол в отношении к обществу", глава ix), большинство современных авторитетов - Фридлиндер, Дилл, Дональдсон и другие - считают, что в поздней Римской империи не было настоящего морального упадка; мы не должны принимать картины, представленные сатириками, языческими или христианскими, как общеприменимые.

[74] Я обсуждал эту фазу раннего христианства в шестом томе *"Исследований по психологии пола"*, "Пол в отношении к обществу", гл. V.

[75] Ульрих фон Лихтенштейн, тринадцатый век, является типичным примером этой рыцарской эротомании. Его рассказ о собственных приключениях подвергается сомнению, но Райнхольд Беккер (*Wahrheit und Dichtung in Ulrich von Lichtenstein's Frauendienst*, 1888) считает, что, хотя он сильно преувеличен, по существу он правдив.

[76] Léon Gautier, *La Chevalerie*, pp. 236-8, 348-50.

[77] Главным источником информации об этих судах является книга Андре ле Шапелена *"De Arte Amatoria"*. Боккаччо использовал эту работу, хотя и без упоминания имени автора, в своем *Dialogo d' Amore*.

[78] A. Méray, *La Vie au Temps des Cours d'Amour*, 1876.

[79] Remy de Gourmont, *Dante, Béatrice et la Poésie Amoureuse*, 1907, p. 32.

[80] Ниф (родился около 1473 года), врач и философ папского двора, написал в своем труде *"De Pulchro"*, который иногда считают первым современным трактатом по эстетизму, подробное описание Жанны Арагонской, чей портрет, традиционно приписываемый Рафаэлю, находится в Лувре. Знаменитая работа Фиренцуолы (родился в 1493 году) под названием *"Диалог о красоте донны"* была опубликована в 1548 году. Она была переведена на английский язык Кларой Белл под названием *"О женской красоте"*.

[81] См. например, Edith Coulson James, *Bologna: Its History, Antiquities and Art*, 1911.

[82] Интересный рассказ о положении женщин в эпоху итальянского Возрождения см. в Burckhardt, *Die Kultur der Renaissance*, Part V, ch. vi.

[83] Я могу привести следующие замечания из сообщения, полученного мною от одного университетского человека: "Я готов проявлять к женщинам и ожидать от них точно такого же внимания, какое я проявляю к другим мужчинам и ожидаю от них, но меня скорее возмущает, когда от меня ожидают преференциального различия. Например, в переполненном трамвае я не вижу более веских причин уступить свое место молодой и здоровой девушке, чем ожидать, что она уступит свое мне; я с радостью сделаю это для пожилого человека любого пола на том основании, что я, вероятно, лучше переношу усталость от "висения на ремне" и потому что признаю, что возраст требует некоторого уважения; но если люди садятся в переполненный транспорт, они не должны ожидать, что первые пришедшие покинут свои места только потому, что они - мужчины". Этот автор, правда, признает, что он не очень чувствителен к эротической привлекательности женщин, но вполне вероятно, что изменение статуса женщин сделает выражаемое им отношение все более и более распространенным среди мужчин.

[84] *Ante*, p. 58.

[85] "Женщины тогда были королевами", как пишет Тэн (*L'Ancien Régime*, Vol. I, p. 219), и он приводит ссылки, чтобы проиллюстрировать этот тезис.

[86] Гете, *"Странствия Вильгельма Мейстера"*, кн. II, гл. I.

[87] Havelock Ellis, *The Soul of Spain*, chap. III, "Женщины Испании".

[88] Grete Meisel-Hess, *Die Sexuelle Krise*, 1909, pp. 148, 168.

V

ЗНАЧЕНИЕ ПАДЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ

The Fall of the Birth-rate in Europe generally—In England—In Germany—In the United States—In Canada—In Australasia—"Crude" Birth-rate and "Corrected" Birth-rate—The Connection between High Birth-rate and High Death-rate—"Natural Increase" measured by Excess of Births over Deaths—The Measure of National Well-Being—Необходимость рассматривать вопрос с широкой точки зрения - Распространенность неомальтузианских методов - Влияние римско-католической церкви - Другие факторы, снижающие уровень рождаемости - Влияние отсрочки вступления в брак - Связь уровня рождаемости с коммерческой и промышленной активностью - Иллюстрация на примере России, Венгрия, и Австралии - Связь процветания с рождаемостью - Теория социальной капиллярности - Расхождение между уровнем рождаемости и уровнем брачности - Коэффициент брачности и движение цен - Процветание и рождаемость - Процветание и цивилизация - Рождаемость среди дикарей - Меньшая рождаемость городского населения - Влияние урбанизации на физическое развитие - Почему процветание не может постоянно увеличивать рождаемость - Процветание создает ограничения для рождаемости - Процесс цивилизации включает снижение рождаемости - В этом отношении он является продолжением зоологической эволюции - Большие семьи как признак вырождения - Снижение рождаемости в цивилизации - Общий исторический факт - Идеалы цивилизации сегодня - Восток и Запад.

I

Одним из самых интересных явлений начала девятнадцатого века была огромная экспансия людей так называемой "англосаксонской" расы. [90] Эта экспансия совпала с развитием промышленной и коммерческой деятельности, которая превратила англичан, ранее производивших на иностранцев впечатление ленивых и пьяных, в "нацию лавочников". Он также совпал с концом господства Франции в Европе; Франция сменила Испанию в качестве ведущей державы в Европе и в целом сохраняла свое господство, которое Наполеон довел до кульминации и, таким образом, сокрушил. Растущее процветание Англии представляло собой совершенно новую волну влияния, в основном экономического характера, но не менее сильную, чем влияние Испании и Франции; и это процветание отразилось в росте нации. Большая часть викторианской эпохи была отмечена ростом населения, который достиг своей высшей точки в начале второй половины этого периода. В то время как население Англии увеличивалось со все большей скоростью у себя дома, англоязычные народы в то же время охватили всю Северную Америку и колонизировали плодородные окраины Австралии. В еще больших масштабах это было явление, подобное тому, что произошло тремя сотнями лет ранее, когда Испания охватила весь мир и основала империю, над которой, как с гордостью хвастались испанцы, никогда не заходило солнце.

Когда сейчас, столетие спустя, мы рассматриваем ситуацию, мы видим, что не только промышленная и торговая активность перестала быть особым атрибутом англосаксов - ведь немцы здесь показали себя обладателями качеств высшего порядка, и другие страны быстро соперничают с ними - но и в пределах самого англоязычного мира англичане нашли грозных соперников в лице американцев. Однако в основе даже этих значительных изменений лежит еще более фундаментальный факт, который необходимо учитывать, факт, затрагивающий все ветви расы; а именно: англосаксы прошли свою великую эпоху экспансии, и их рождаемость быстро снижается до нормального уровня, то есть до среднего уровня по миру в целом. Если не принимать во внимание чрезвычайно важный момент, связанный со смертностью и ее влиянием на рождаемость, то можно заметить, что Англия занимает среднее место по рождаемости среди европейских стран, не входя ни в число стран с высокой рождаемостью, таких как Россия, Румыния или Болгария, ни в число стран с низкой рождаемостью, таких как Швеция, Бельгия и Франция. Именно в этой последней стране началось движение к снижению европейской рождаемости, и хотя во Франции этот процесс стал очень постепенным, длительный период, в течение которого он продолжался, поставил Францию на самое низкое место в Европе. В 1908 году из более чем 11 000 000 французских семей почти в 2 000 000 не было детей, а почти в 3 000 000 был только один ребенок. [91] Общее снижение рождаемости в Европе в 1901-1905 годах было незначительным в Швейцарии, Ирландии и Испании, но значительным не только во Франции, но и в Италии, Сербии, Англии и Уэльсе, и особенно в Венгрии (за пределами Европы оно было наибольшим в Южной Австралии). С 1905 года наблюдается дальнейший общий спад по всей Европе, исключая лишь Ирландию, Болгарию и Румынию. В Пруссии в 1881-1885 годах рождаемость составляла 37,4; в 1909 году - только 31,8; в то время как в Германской империи в целом она повсеместно ниже, чем в Пруссии, хотя и несколько выше, чем в Англии. Только в Австрии и Испании из всех европейских стран в течение двадцати лет между 1881 и 1901 годами наблюдалась тенденция к увеличению рождаемости жен. Во всех остальных странах наблюдалось снижение, наибольшее в Бельгии, следующее по величине во Франции, затем в Англии. [92]

Если рассматривать этот вопрос не на основе грубого показателя рождаемости, а на основе "скорректированного" показателя рождаемости, с более точным учетом детородных элементов в населении, как это делают Ньюсхолм и Стивенсон, [93], мы обнаружим, что наибольшее снижение произошло в Новом Южном Уэльсе, затем в Виктории, Бельгии и Саксонии, за которыми следует Новая Зеландия. Но Франция, Германская империя в целом, Англия и Дания демонстрируют значительное падение; в то время как Швеция и Норвегия демонстрируют падение, которое, особенно в Норвегии, незначительно. Норвегия иллюстрирует разницу между "грубым" и "исправленным" уровнем рождаемости; грубый уровень рождаемости ниже, чем в Саксонии, но исправленный уровень рождаемости выше. В Ирландии, опять же, очень низкий уровень рождаемости, но население детородного возраста имеет высокий уровень рождаемости, значительно выше, чем в Англии.

Так, если сорок лет назад и англичане, и немцы обычно созерцали, возможно, с некоторым самодовольством, зрелище падения рождаемости во Франции по сравнению с высокой рождаемостью в Англии и Германии, то теперь мы видим, что все мы движемся по одной дороге. В 1876 году уровень рождаемости в Англии достиг своего максимума - 36,3 на тысячу человек; в то время как во Франции уровень рождаемости сейчас, похоже, почти достиг своего минимума. В Германии, как и в Англии, также наблюдается падение рождаемости, хотя потребуются некоторое время, чтобы опуститься до английского уровня. Уровень рождаемости в Германии в целом все еще намного выше, чем в Англии, но урбанизация в Германии, похоже, оказывает большее влияние на снижение уровня рождаемости, чем в

Англии, и в течение многих лет уровень рождаемости в Берлине был ниже, чем в Лондоне. Рождаемость в Германии уже давно неуклонно падает, и рост населения Германии обусловлен сопутствующим неуклонным падением смертности, падение которой неизбежно имеет естественные пределы. [94] Более того, как показал Флюкс, [95] урбанизация в Германии идет с большей скоростью, чем в Англии, и практически весь естественный прирост немецкого населения за четверть века перетек в города. Но смертность молодых в немецких городах намного выше, чем в английских, а первые пять лет жизни в Германии дают столько же смертей, сколько первые двадцать пять лет в Англии. [96] Таким образом, тысяч детей, рожденных в Англии, увеличивают численность населения гораздо больше, чем тысяча детей, рожденных в Германии. Среднее количество детей на семью в немецких городах меньше, чем в английских городах того же размера. Эти результаты, полученные Флюсом, позволяют предположить, что через несколько лет темпы прироста населения Германии будут ниже, чем в настоящее время в Англии. В Англии, начиная с 1876 года, убыль населения была столь стремительной, что за одно поколение она составила 20 процентов, а в некоторых крупных городах - 40 процентов. На фоне этого, правда, следует отметить общую тенденцию последних лет к снижению уровня смертности. Но до недавнего времени это сохранение жизни происходило в основном в старших возрастах; жизни младенцев, на которых смертность падает больше всего, почти не сохранялись. Как и следовало ожидать, вместе с уменьшением числа детей часто происходило снижение уровня брачности; но это происходило не так регулярно, и в последнее время уровень брачности иногда был высоким, когда уровень рождаемости был низким. [97] Тем не менее, постоянно откладывает средний возраст вступления в брак. В целом, главный факт, который вырисовывается, заключается в том, что в настоящее время в Англии мы меньше женимся и меньше рожаем детей.

Это уже привычный факт, и, возможно, он не должен вызывать большого удивления. Англия - старая и довольно стабильная страна, и можно сказать, что было бы неразумно ожидать, что ее население будет бесконечно сохранять высокую степень рождаемости. Так это или нет, но необходимо учитывать еще и тот факт, что на протяжении почти всего викторианского периода эмиграция наиболее энергичных слоев населения была весьма значительной. Нетрудно понять влияние такой эмиграции в связи со значительным сокращением численности населения Ирландии по сравнению с Шотландией; и мы можем сделать обоснованный вывод, что она сыграла свою роль в снижении рождаемости в Соединенном Королевстве в целом.

Но мы сталкиваемся с тем примечательным фактом, что снижение рождаемости среди англосаксонского населения не ограничивается Соединенным Королевством. Оно еще более выражено в тех самых землях, куда было вывезено столько тысяч кораблей с нашими лучшими людьми. В Соединенных Штатах этот вопрос привлекает большое внимание, и среди внимательных наблюдателей практически нет разногласий по поводу основных фактов ситуации. Вопрос, самом деле, несколько сложен по двум причинам: регистрация рождений в Соединенных Штатах не является обязательной, и, даже когда общие факты установлены, все равно необходимо проводить различие между различными классами населения. Поэтому наши выводы должны основываться не на общем курсе рождаемости, а на самых надежных расчетах, основанных на данных переписи населения и на среднем размере семьи в разные периоды и среди разных слоев населения. Несколько лет назад Уолтер Ф. Уилкоккс из Корнельского университета подготовил бюллетень Бюро переписи населения США с 1860 года. В нем на основе данных Бюро переписи населения определяется соотношение числа детей и числа женщин детородного возраста в стране в разные периоды, и показано, что в целом с начала до конца прошлого века наблюдалось снижение этого показателя. В начале века дети до десяти лет составляли треть населения, а

в конце - менее четверти. В период с 1850 по 1860 год доля детей среди женщин в возрасте от пятнадцати до сорока девяти лет увеличилась, но с 1860 года она постоянно снижалась. В 1860 году на тысячу женщин в возрасте от пятнадцати до сорока девяти лет приходилось 634 ребенка в возрасте до пяти лет, а в 1900 году - всего 474. Пропорция детей к потенциальным матерям в 1900 году была лишь на три четверти больше, чем в 1860 году. На севере и западе США спад был регулярным, в то время как на юге изменения были менее регулярными, а спад менее заметным. На сайте можно сравнить долю детей среди иностранцев и американцев. В первом случае их было 710, а во втором - 462. В цветном населении доля детей выше, чем в соответствующем белом населении.

Нет никаких сомнений в том, что с восемнадцатого по двадцатый век размер американской семьи неуклонно уменьшался. Франклин в восемнадцатом веке подсчитал, что среднее число детей у супружеской пары составляло восемь; генеалогические записи показывают, что если в семнадцатом веке оно составляло почти семь, то в конце восемнадцатого века - более шести. С тех пор, как показывают Энгельманн и другие, размер семьи неуклонно уменьшался; в первые годы девятнадцатого века в каждом браке было от четырех до пяти детей, а к концу века их число сократилось до четырех и чуть более одного. Энгельманн считает, что разница в этом отношении между высшими и низшими социальными классами очень незначительна; средний показатель для рабочих классов в Сент-Луисе составляет около двух, а для высших классов - чуть меньше. Именно среди иностранного населения и среди тех, кто родился от иностранных родителей, встречаются более крупные семьи; так, Кучинский, анализируя перепись населения, обнаруживает, что в Массачусетсе среднее число детей у каждой замужней женщины среди американцев всех социальных классов составляет 2,7, а среди иностранцев всех социальных классов - 4,5. Более того, среди американок бесплодие встречается гораздо чаще, чем среди иностранок в Америке. Среди различных групп населения в Бостоне, Сент-Луисе и других городах этот показатель колеблется между 20 и 23 процентами, а в некоторых небольших группах даже значительно выше, в то время как среди уроженцев других стран он составляет всего 13 процентов. В итоге получается, что общая рождаемость в Соединенных Штатах в настоящее время примерно равна рождаемости во Франции, но при анализе фактов выясняется, что рождаемость старого коренного американского населения, в основном англосаксонского происхождения, ниже, чем во Франции. Таким образом, этот элемент в Соединенных Штатах стремительно сокращается. Общий уровень рождаемости поддерживается за счет иностранных иммигрантов, которые во многих штатах (например, в Нью-Йорке, Массачусетсе, Мичигане и Миннесоте) составляют большинство населения и в общей сложности насчитывают значительно более десяти миллионов человек. Среди этих иммигрантов англосаксонский элемент сейчас очень мал. Действительно, весь североевропейский контингент среди американских иммигрантов, который ранее составлял почти 90 процентов от общего числа, с 1890 года неуклонно снижается, и большинство иммигрантов теперь принадлежат к центральной, южной и восточной Европе. Таким образом, расовые и, вероятно, психологические характеристики жителей Соединенных Штатов начинают подвергаться не просто модификации, а, можно сказать, революции. Если, как мы вполне можем предположить, влияние исконных североевропейских расовых элементов - англосаксов, голландцев и французов - все еще сохраняется в Соединенных Штатах, это может быть только влияние небольшой аристократии, поддерживаемой интеллектом и характером.

Когда мы обращаемся к Канаде, стране, которая впечатляет не столько фактической численностью населения, сколько огромными территориями для его развития, вопрос еще не до конца изучен; но те факты и официальные публикации, которые мне удалось получить,

указывают на то, что в этом вопросе англо-канадцы приближаются к коренным американцам. В Соединенных Штатах именно европейские иммигранты поддерживают общую численность населения на продуктивном уровне и тем самым косвенно вытесняют англосаксонский элемент. В Канаде главная разделительная линия проходит между англосаксонским элементом и старым французским элементом в населении; и здесь именно франко-канадцы отвоевывают позиции у английского элемента в населении. Энгельманн установил, что изучение одной тысячи семей в записях квебекских компаний по страхованию жизни показало, что на одну детородную женщину из Французской Канады приходится в среднем 9,2 ребенка. По данным Французского канадского общества ремесленников, 500 семей из городских районов, взятых наугад, показывают 9,06 ребенка на семью, а 500 семей из сельских районов - 9,33 ребенка на семью. [98] Следует помнить, что этот средний показатель, который даже выше, чем в России, самой плодovитой из европейских стран, не совсем соответствует количеству детей на один брак; но он указывает на очень высокую рождаемость, при этом можно также отметить, что бесплодные браки сравнительно редки среди франко-канадцев, хотя среди англо-канадцев доля бездетных семей, по данным, почти точно такая же (почти 20 процентов), как среди бесплодных американцев из Массачусетса. Ежегодные отчеты Генерального регистратора Онтарио, провинции с преимущественно англосаксонским происхождением, показывают, что средний уровень рождаемости в течение десятилетия 1899-1908 гг. составлял 22,3 на 1000 человек; следует отметить, однако, что наблюдался постепенный рост с 19,4 в 1899 году до 25,6 в 1908 году. Отчет г-на Прево, регистратора статистики естественного движения населения в преимущественно французской провинции Квебек, показывает гораздо более высокие показатели. Общий коэффициент рождаемости в провинции за 1901 год составляет 35,2, что намного выше, чем в Англии, и почти так же высок, как в Германии. Однако если мы рассмотрим тридцать пять округов провинции, население которых почти полностью состоит из франко-канадцев, то обнаружим, что 35 - это почти самый низкий средний показатель; в двадцати двух из этих округов он превышает сорок, а в одном (Ямаска) достиг 51,52. Совершенно очевидно, что для того, чтобы свести эти высокие показатели рождаемости к общему уровню 35,2, мы должны предположить гораздо более низкий уровень рождаемости среди графств, в которых значителен английский элемент. Однако следует помнить, что среди франко-канадцев высока младенческая смертность. Французский канадский католик, как было сказано, содрогнулся бы от ужаса перед таким противоестественным преступлением, как ограничение своей семьи до рождения, но он не видит ничего предосудительного для Бога или человека в том, чтобы излишек детей умер после рождения. В этом он солидарен с китайцами. Доктор Э.П. Ла Шапель, президент провинциального совета по гигиене, несколько лет назад написал профессору Дэвидсону в ответ на его запрос: "Я не считаю правильным приписывать это явление какой-либо одной причине и убежден, что оно является результатом действия нескольких факторов. Во-первых, первой причиной высокой детской смертности среди франко-канадцев является их очень высокая рождаемость: каждая семья состоит в среднем из двенадцати детей, и нередко случаи семей с пятнадцатью, восемнадцатью и даже двадцатью четырьмя детьми. Обилие детей делает, как мне кажется, родителей менее внимательными к ним". [99]

В итоге французские канадцы несколько увеличились по сравнению с английским элементом в провинции, что становится очевидным, если сравнить долю населения английской, шотландской, ирландской и всех других национальностей в общей численности населения провинции в настоящее время и тридцать лет назад. В 1871 году она составляла 21 процент, а в 1901 году - всего 19 процентов. Уменьшение численности англосаксов может показаться незначительным, хотя следует помнить, что тридцать лет - это короткий период в истории нации; но оно значительно, если учесть, что английский элемент здесь постоянно

усиливался иммигрантами (которые, как показывает опыт Соединенных Штатов, отнюдь не бесплодный класс), и что нельзя ожидать, что такое усиление будет продолжаться в будущем.

Из Австралии приходит та же история о снижении рождаемости англосаксов. Почти во всех австралийских колониях самый высокий уровень рождаемости был достигнут примерно двадцать или тридцать лет назад. С тех пор наблюдается более или менее устойчивое падение, сопровождающееся заметным снижением числа браков и тенденцией к откладыванию брачного возраста. В одной из колоний, Западной Австралии, уровень рождаемости иногда колеблется выше, чем в Англии; но это самая молодая из колоний, и в настоящее время она имеет самое малочисленное население, состоящее в основном из недавних иммигрантов. Мы можем быть совершенно уверены, что сравнительно высокая рождаемость в этой стране - всего лишь временное явление. Очень примечательным фактом австралийской рождаемости является чрезвычайно быстрое падение: так, в 1890 году в Квинсленде рождаемость составляла 37 человек, но к 1899 году она неуклонно снижалась до 27, а в Виктории за тот же период упала с 33 до 26 на тысячу. В Новом Южном Уэльсе положение дел тщательно изучил мистер Коглан, бывший государственный статистик Нового Южного Уэльса, который пришел к выводу, что доля фертильных браков снижается и что (как и в Соединенных Штатах) только недавние европейские иммигранты демонстрируют сравнительно высокую рождаемость. До 1880 года, утверждает Коглан, рождаемость в Австралии составляла около 38 человек на тысячу, а среднее число детей в семье - 5,4. В 1901 году рождаемость уже упала до 27,6, а размер семьи - до 3,6 ребенка. [100] Следует добавить, что во всех австралийских колониях уровень рождаемости достиг своего минимума несколько лет назад и теперь может рассматриваться как находящийся в состоянии нормального равновесия с небольшой тенденцией к росту. Особенно интересен случай Новой Зеландии. Когда-то Новая Зеландия имела самый высокий уровень рождаемости среди всех австралийских колоний; она, без сомнения, является самой передовой из всех в социальном и законодательном плане; целый ряд социальных реформ, за которые борются другие страны, в Новой Зеландии прочно укоренился. О ее процветании свидетельствует тот факт, что в ней самый низкий уровень смертности среди всех стран мира - всего 10,2 на тысячу человек, против 24 в Австрии и 22 во Франции; нельзя сказать, что уровень брачности очень низок, ведь он едва ли ниже, чем в Австрии, где уровень рождаемости высок. Однако уровень рождаемости в Новой Зеландии падал по мере роста социального благосостояния страны и достиг своего минимума в 1899 году.

Таким образом, мы видим, что из трех великих англосаксонских центров мира - севера, запада и юга - происходит одна и та же история. Нам нет необходимости рассматривать случай Южной Африки, поскольку хорошо известно, что англичане там представляют собой сравнительно неплодородную окраину, в основном ограниченную городами, в то время как более ранний голландский элемент гораздо более плодovit и прочно укоренен в почве. Положение голландцев там во многом такое же, как и положение французов в Канаде.

Таким образом, мы видим, что среди высокоцивилизованных рас в целом, и не в последнюю очередь среди англоязычных народов, которые когда-то считались особенно плодovitыми, за последние сорок лет произошло значительное снижение репродуктивной активности, а в некоторых странах оно происходит и сейчас. Но прежде чем мы перейдем к рассмотрению его значения, возможно, стоит более внимательно изучить факты.

Мы видели, что "грубый" уровень рождаемости не является абсолютно надежным показателем репродуктивной энергии нации. Различные обстоятельства могут вызвать избыток или недостаток людей репродуктивного возраста в обществе, и если мы не учтем

эти колебания, мы не сможем оценить, насколько нормально это общество использует свои репродуктивные способности. Но есть и еще одно, более важное соображение, которое всегда следует иметь в виду, прежде чем мы сможем придать какое-либо далеко идущее значение даже скорректированному показателю рождаемости. Мы должны помнить, что высокая или низкая рождаемость не имеет никакого значения для роста нации, если она не рассматривается в связи с уровнем смертности. Естественный прирост нации - это не результат ее рождаемости, а результат рождаемости минус смертность. Низкая рождаемость при низкой смертности (как в Австралии) дает гораздо больший естественный прирост, чем низкая рождаемость при довольно высокой смертности (как во Франции), и даже может дать такой же большой прирост, как очень высокая рождаемость при очень высокой смертности (как в России). Многие достойные люди могли бы избежать произнесения глупых и озорных иеремиад, если бы вместо того, чтобы довольствоваться поспешным взглядом на грубую рождаемость, они остановились на этом достаточно очевидном факте.

Существует тесная связь между высокой рождаемостью и высокой смертностью, между низкой рождаемостью и низкой смертностью. Она может и не быть абсолютно необходимой, и не является следствием какого-то таинственного "закона". Но обычно она существует, и причины этого достаточно очевидны. Мы уже сталкивались с утверждением из официального канадского источника, что высокая детская смертность в семьях французских канадцев объясняется родительской беспечностью, которая, несомненно, обусловлена не только смутным сознанием того, что дети стоят дешево, но и неспособностью справиться с многочисленными заботами, связанными с большой семьей. Среди английского рабочего класса каждый врач знает, с каким тонко завуалированным безразличием или даже отвращением женщины смотрят на кажущийся бесконечным поток детей, которых они рожают. Среди берлинского рабочего класса также было проведено важное исследование Гамбургера, которое показало, насколько серьезной причиной детской смертности может быть этот фактор. Взяв 374 женщины из рабочего класса, которые были замужем двадцать лет и зачали 3183 ребенка, он обнаружил, что чистый результат по выжившим детям был более чем в два раза выше среди женщин, у которых был только один ребенок, по сравнению с женщинами, у которых было пятнадцать детей. Женщины с одним ребенком довели до зрелости 76,47 процента этих детей; женщины, родившие пятнадцать детей, смогли довести до зрелости только 30,66 из них; промежуточные группы показали постепенное падение до этого низкого уровня, единственным исключением было то, что матери трех детей были несколько более успешны, чем матери двух детей. Среди обеспеченных матерей Гамбургер не обнаружил столь заметного контраста между чистым продуктом больших семей и малых. [101]

Если посмотреть на этот вопрос с более широкой точки зрения, то нетрудно понять, что сообщество, которое быстро воспроизводит себя, всегда должно находиться в неустойчивом состоянии дезорганизации, крайне неблагоприятном для благополучия его членов, особенно новоприбывших; сообщество, которое воспроизводит себя медленно, находится в стабильном и организованном состоянии, позволяющем ему адекватно заботиться о своих новых членах. Высокая детская смертность в сообществе с высоким уровнем рождаемости означает лишь то, что это сообщество бессознательно предпринимает жестокие и убийственные усилия, чтобы достичь более стабильного и организованного уровня страны с низким уровнем рождаемости.

Английский генеральный регистратор в 1907 году оценил естественный прирост за счет превышения числа родившихся над числом умерших как исключительно высокий (выше, чем в Англии) в нескольких австралийских колониях, в балканских государствах, в России,

Нидерландах, Германской империи, Дании и Норвегии, хотя в большинстве этих стран уровень рождаемости очень низок. С другой стороны, естественный прирост за счет превышения числа родившихся над числом умерших ниже английского в Австрии, Венгрии, Японии, Италии, Швеции, Швейцарии, Испании, Бельгии и Онтарио, хотя в большинстве этих стран уровень рождаемости высок, а в некоторых очень высок. [102] В большинстве случаев именно высокая смертность в младенчестве и детстве оказывает уравнивающее влияние на высокую рождаемость; смертность во взрослой жизни может быть вполне умеренной. И за редким исключением мы видим, что высокая детская смертность сопровождает высокую рождаемость, а низкая детская смертность - низкую рождаемость. Однако очевидно, что даже чрезвычайно высокая детская смертность не является препятствием для большого естественного прироста при условии, что уровень рождаемости чрезвычайно высок в более чем соответствующей степени. Но достигнутый таким образом естественный прирост, по-видимому, сопровождается гораздо более катастрофическими социальными условиями, чем когда столь же значительный прирост достигается низкой детской смертностью в сочетании с низкой рождаемостью. Так, в Норвегии на одной стороне света и в Австралии на противоположной стороне мы видим большой естественный прирост, достигнутый не за счет обильной траты в основном напрасных рождений, а за счет экономии на смертях, и этот прирост сопровождается весьма благоприятными социальными условиями и большой национальной энергией. В Норвегии, похоже, самый низкий уровень детской смертности в Европе. [103]

Рубин предположил, что самым справедливым показателем благосостояния страны с точки зрения ее фактической жизнеспособности - без прямого учета, конечно, экономического процветания страны - является квадрат коэффициента смертности, деленный на коэффициент рождаемости. [104] Сэр Дж. А. Бейнс, который принимает этот критерий, утверждает, что Аргентина с ее высокой рождаемостью и низкой смертностью стоит даже выше Норвегии, а Австралия еще выше, в то время как кульминация в мире достигнута Новой Зеландией, которая достигла "ближайшего приближения к бессмертию, которое еще не зафиксировано". [105] Порядок убывания благосостояния в Европе, таким образом, представлен (на 1900 год) Норвегией, Швецией, Данией, Голландией, Англией, Шотландией, Финляндией, Бельгией, Швейцарией, Германией, Ирландией, Португалией, Италией, Австрией, Францией и Испанией.

С другой стороны, во всех странах, вероятно, без исключения, в которых большой естественный прирост осуществляется усилиями огромной рождаемости, чтобы преодолеть огромную смертность, это достигается только с большим трением и страданиями, и процесс сопровождается общим замедлением цивилизации. "Чем больше детей, - по выражению Гамбургера, - тем дороже обходится семье и государству каждый выживший".

Россия представляет собой не только самый типичный, но и самый потрясающий и ужасающий пример этого процесса. Тридцать лет назад смертность младенцев до года была в три раза выше, чем в Норвегии, и почти в два раза выше, чем в Англии. Совсем недавно (1896-1900) младенческая смертность в России снизилась с 313 до 261, но, поскольку смертность в других странах также снизилась, она сохраняет почти такое же относительное положение, оставаясь самой высокой в Европе, а если сравнить ее со странами за пределами Европы, то окажется, что она более чем в четыре раза выше, чем в Южной Австралии. В одном из городов Пермского края несколько лет назад, если не сейчас, смертность младенцев до года регулярно достигала 45 процентов, а смерть детей до пяти лет составляла половину общей смертности. Это ненормально высокий показатель даже для России, а для всей России было установлено, что из мальчиков, родившихся за один год во

второй половине прошлого века, только 50 процентов достигали своего двадцать первого года, и даже из них только 37,6 процента были годны к военной службе. Подсчитано, что в России умирает на 15 тысяч человек больше, чем в Англии; эта избыточная смертность ежегодно приносит государству убыток в 1 650 000 жизней". [106]

Таким образом, в России самая высокая рождаемость и в то же время самая высокая смертность. После России самыми высокими странами по детской смертности являются Австрия, Венгрия, Пруссия, Испания, Италия и Япония; все они, как и следовало ожидать, имеют несколько высокий уровень рождаемости.

Случай Японии интересен как случай энергичной молодой восточной нации, которая усвоила западный образ жизни и сталкивается с пороками, вытекающими из этого образа жизни. Япония, безусловно, заслуживает нашего восхищения за то мастерство и энергичность, с которыми она утвердила свою молодую национальность на западных началах. Но когда на жизненную статистику Японии туманно ссылаются то ли как на образец для подражания, то ли как на угрожающую нам опасность, нам не мешало бы изучить этот вопрос более внимательно. Детская смертность в Японии (1908 год) составляет 157, что является очень высоким показателем, на 50 процентов выше, чем в Англии, и более чем в два раза выше, чем в Новой Зеландии или Южной Австралии. Более того, за последние десять лет она стремительно росла. Уровень рождаемости в Японии в 1901-2 годах был высоким (36), хотя с тех пор он снизился до уровня десятилетней давности. Но одновременно с этим выросла смертность (до 24 на 1000 человек), и она продолжает расти, несмотря на небольшое снижение рождаемости. Мы видим здесь тенденцию к зловещему сочетанию падения рождаемости с ростом смертности". [107] Очевидно, что такая тенденция, если она сохранится, создаст серьезную проблему для японских социальных реформаторов, и в то же время сделает невозможным для западных алармистов рассматривать подъем Японии как угрозу для мира.

Именно за Китаем эти алармисты, вытесненные со всех других позиций, окончательно закрепились. "Конечное будущее этих островов может принадлежать китайцам", - неосторожно восклицает мистер Сидни Уэбб, который по многим вопросам, не связанным с Китаем, высказывается авторитетно. Знания о жизненной статистике Китая, которыми обладают наши алармисты, расплывчаты в самой крайней степени, но поскольку знания всех нас не менее расплывчаты, они полагают, что их положение достаточно безопасно. Это, однако, весьма сомнительное предположение. По всей видимости, совершенно верно - хотя в отсутствие точных статистических данных нельзя быть уверенным, - что уровень рождаемости в Китае очень высок. Но совершенно точно, что уровень детской смертности чрезвычайно высок. "Из десяти детей, рожденных у нас, трое, обычно самые слабые, не вырастут: из десяти детей, рожденных в Китае, эти самые слабые трое умрут, и, вероятно, еще пятеро", - пишет профессор Росс, близко знакомый с китайскими условиями и внимательно опросивший тридцать три врача, практикующих в различных частях Китая. [108] Матиньон, французский врач, знакомый с Китаем, утверждает, что по обычаю женщина должна сосать своего ребенка не менее трех лет; если в этот период наступает беременность, то обычно, и вполне законно, делается аборт. Младенцев, которых воспитывают вручную, кормят рисовой мукой и водой, и поэтому они почти все умирают. [109]

Если оставить в стороне вопрос о детоубийстве, то такое положение вещей далеко не невероятно, если вспомнить о крайне антисанитарном состоянии Китая, о суевериях, которые процветают без контроля, о голоде, наводнениях и моровой язве, которые опустошают страну. Представляется вероятным, что, когда в Китае будет введена статистика

жизни, она покажет состояние дел, очень похожее на то, которое мы наблюдаем в России, но в более выраженной степени. Несомненно, такое положение вещей будет исправлено. Небезосновательное предположение, подкрепленное многими признаками, заключается в том, что Китай последует за Японией в принятии западных методов цивилизации. [110] Эти методы, как мы знаем, в конечном итоге предполагают низкую рождаемость с общей тенденцией к снижению смертности. Ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем, ни при нынешних условиях, ни при вероятных будущих условиях, нет никаких оснований полагать, что китайцы заменят европейцев в Европе. [111]

Этот предварительный обзор ситуации может позволить нам понять, что мы не только должны быть осторожны в придании значения грубому показателю рождаемости, пока он не будет исправлен, но что даже в том виде, в каком он обычно исправляется, показатель рождаемости не может дать нам никакой подсказки о естественном приросте, поскольку существует заметная тенденция к тому, что уровень рождаемости и уровень детской смертности то повышаются, то понижаются вместе. Более того, очевидно, что мы также должны осознать, что с точки зрения общества и цивилизации существует огромная разница между естественным приростом, который достигается усилиями чрезвычайно высокого уровня рождаемости, чтобы преодолеть почти соответственно высокий уровень смертности, и естественным приростом, который достигается доминированием низкого уровня рождаемости над еще более низким уровнем смертности.

Очистив таким образом почву, мы можем приступить к интерпретации снижения рождаемости, которым характеризуется цивилизация, и обсудить его значение.

//

Следует признать, что вопрос о снижении рождаемости не принято рассматривать с широкой или научной точки зрения. Как мы видели, обычно не делается попыток исправить грубую рождаемость; еще реже указывается на то, что нельзя рассматривать значение падения рождаемости отдельно от вопроса о смертности и что о чистом приросте или убыли нации можно судить, только принимая во внимание оба этих фактора. Вряд ли стоит добавлять, учитывая столь поверхностный взгляд на проблему, что мы почти никогда не встречаем попыток разобраться с более фундаментальным вопросом о значении низкой рождаемости и проблематичном характере преимуществ быстрого размножения. Весь вопрос обычно оставляют невежественным проповедникам евангелия грубой силы, потенциальным патриотам, которые желают, чтобы их собственная страна увеличивалась за счет всех других стран, не только в неведении того факта, что грубая рождаемость не является показателем увеличения, но и безрассудно, что их желание, если оно будет выполнено, окажет влияние на все более высокие и тонкие цели жизни.

При таком узком и невежественном рассмотрении вопроса обычно объясняют снижение рождаемости, уменьшение среднего размера семей и тенденцию к откладыванию брачного возраста главным образом любовью к роскоши и пороку в сочетании с недавно приобретенным знакомством с неомальтузианскими методами, [112] с которыми необходимо бороться, и с ними можно успешно бороться, прививая, как моральный и патриотический долг, необходимость рано жениться и создавать большие семьи. [113] Во Франции кампания против религиозных орденов в их образовательном потенциале, хотя, несомненно, в значительной степени направленная против неэффективности образования, также поддерживалась чувством, что такое образование не на стороне семейной жизни; и Арсен Дюмон, один из самых энергичных поборников активной политики повышения рождаемости, открыто протестовал против предоставления места учителя священникам,

монахам и монахиням, чье прямое и косвенное влияние должно ухудшить представление о сексе и его обязанностях, возвысив при этом место безбрачия. В Соединенных Штатах Энгельман, который, будучи гинекологом, мог наблюдать за этим процессом из-за кулис, призывал своих соотечественников "остановить опасную и преступную практику, которая является основным фактором снижения плодovitости, и которая лишает женщин здоровья, семью - ее наивысших благословений, а нацию - ее твердой поддержки". [114]

Однако мы должны взглянуть на эти явления несколько шире и соотнести их с другими сериями явлений. Почти не вызывает сомнений, что добровольное ограничение числа потомков с помощью неомальтузианских практик является, по крайней мере, одним из основных методов, с помощью которых была снижена рождаемость. Возможно, это не единственный метод - и, вероятно, как мы увидим, не единственный. Даже отрицается, что распространенность неомальтузианских практик вообще имеет значение. [115] Так, в то время как Коглан, правительственный статистик Нового Южного Уэльса, заключает, что снижение рождаемости в Австралийском Содружестве было вызвано "искусством применения искусственных сдержек для зачатия", Маклин, правительственный статистик Виктории, заключает, что оно было "вызвано в основном естественными причинами". [116] Он отмечает, что когда полвека назад уровень рождаемости в Австралии составлял почти 43 на 1000 человек, население состояло в основном из мужчин и женщин в репродуктивном периоде жизни, и что с тех пор доля людей в этом возрасте уменьшилась, что неизбежно привело к снижению уровня рождаемости в целом. Если мы сравним рождаемость в сообществах среди женщин одного и того же возрастного периода, утверждает Маклин, то получим результаты, совершенно отличные от грубой рождаемости. Так, общий уровень рождаемости в Буда-Пеште намного выше, чем в Новом Южном Уэльсе, но если мы выясним уровень рождаемости замужних женщин в разные возрастные периоды (от 15 до 20, от 20 до 25 и т. д.), то уровень рождаемости в Новом Южном Уэльсе в каждом возрастном периоде будет выше, чем в Буда-Пеште. Маклин считает, что в молодых общинах с большим количеством энергичных иммигрантов население обычно более плодovито, чем в старых и более оседлых общинах, и что трудности и финансовая депрессия еще больше снижают уровень рождаемости. Далее он подчеркивает важную взаимосвязь, которую мы никогда не должны упускать из виду, между высокой рождаемостью и высокой смертностью, особенно высокой детской смертностью, и считает, что "решение проблемы общего снижения рождаемости во всех цивилизованных сообществах лежит в плоскости сохранения человеческой жизни". Механизм этой связи, по его мнению, заключается в том, что длительное сосание в случае живых детей увеличивает интервалы между деторождениями. Как мы видели, существует тенденция, хотя и не жесткая и неизменная необходимость, [117] к тому, чтобы высокая рождаемость была связана с высокой детской смертностью, а низкая рождаемость - с низкой детской смертностью. Так, в штате Виктория мы имеем поразительный факт: в то время как уровень рождаемости снизился на 24 процента, уровень детской смертности снизился примерно на 27 процентов.

Несомненно, главной причиной снижения рождаемости стало ее добровольное ограничение профилактическими методами, обусловленное ростом интеллекта, знаний и предусмотрительности. Во всех странах, где произошло заметное снижение рождаемости, есть все основания полагать, что неомальтузианские методы в целом известны и практикуются. Что касается Англии, то это, безусловно, так. Несколько лет назад мистер Сидни Вебб провел опрос среди представителей среднего класса во всех частях страны и обнаружил, что в 316 браках 242 были ограничены и только 74 неограничены, в то время как за десять лет 1890-9 из 120 браков 107 были ограничены и только 13 неограничены, но поскольку пять из этих 13 были бездетными, из 120 неограниченных плодovитых браков было

только 8. Что касается причин ограничения числа детей, то в 73 из 128 случаев, в которых приводились данные по этому вопросу, фактором была бедность родителей по сравнению с их уровнем комфорта; сексуальное нездоровье, то есть, в целом, мешающее вынашиванию детей - в 24; и другие формы нездоровья родителей - в 38 случаях; в 24 случаях фактором была нежелательность жены, и смерть одного из родителей в 8 случаях прекратила брак.

[118] В классе квалифицированных ремесленников также есть все основания полагать, что добровольное ограничение семей постоянно становится более обычным, а статистика обществ пособий показывает заметное снижение рождаемости среди представителей высшего рабочего класса в последние годы; так, Сидни Вебб утверждает, что в 1880 году Дружеское общество "Сердца дуба" выплачивало пособия при рождении детей 2472 членам на 10 000 человек; к 1904 году эта доля снизилась до 1165 на 10 000, что гораздо больше, чем в целом по Англии.

Однако добровольное принятие профилактических мер предосторожности может быть не единственным способом снижения рождаемости; возможно, нам придется признать сопутствующую физиологическую стерильность, вызванную задержкой вступления в брак и ее различными последствиями; мы также должны признать патологическую стерильность, вызванную снижением жизнеспособности и большей подверженностью венерическим заболеваниям в условиях все более городской жизни; и мы должны признать, что запасы отличаются друг от друга по фертильности.

Задержка вступления в брак, изучаемая в Англии, пока незначительна; средний возраст вступления в брак для всех мужей в Англии увеличился с 28,43 в 1896 году до 28,88 в 1909 году, а средний возраст всех жен - с 26,21 в 1896 году до 26,69 в 1909 году. Это кажется очень незначительной прогрессией. Однако если взглянуть на этот вопрос с другой стороны, то мы обнаружим, что число браков в возрасте от 15 до 20 лет, обычно самом плодovitом из всех возрастных периодов, чрезвычайно сократилось. Между 1876 и 1880 годами (согласно отчету генерального регистратора за 1909 год) доля несовершеннолетних в 1000 браков в Англии и Уэльсе составляла 77,8 мужей и 217,0 жен. В 1909 году она снизилась до 39,8 мужей и 137,7 жен. Считается, что это не сильно повлияло на снижение рождаемости. Тем не менее, тенденция должна быть в этом направлении. Правда, Энгельманн утверждал, что отложенные браки вообще не влияют на рождаемость. Но было четко показано, что с увеличением возраста вступления в брак плодovitость заметно снижается. [119] Это иллюстрирует специально разработанная статистика Шотландии за 1855 год; [120] количество женщин, имеющих детей, то есть плодovitость, была выше в возрасте от 15 до 19 лет, чем в любой последующий возрастной период, за исключением 20-24 лет, и тот факт, что самая ранняя возрастная группа не является абсолютно самой высокой, объясняется наличием некоторого количества незрелых женщин. В Новом Южном Уэльсе Коглан показал, что если среднее число детей составляет 3,6, то женщина, выходящая замуж в 20 лет, может рассчитывать на пятерых детей, женщина, выходящая замуж в 28 лет, - на троих, в 32 года - на двоих, а в 37 лет - на одного ребенка. Ньюсхолм и Стивенсон также приходят к выводу, что общий закон снижения рождаемости с увеличением возраста матери проявляется в различных странах, и почти во всех странах наибольшее количество детей имеют матери в возрасте от 15 до 20 лет; главным исключением являются некоторые северные страны, такие как Норвегия и Финляндия, где женщины развиваются поздно, и там наибольшее количество детей имеют матери в возрасте от 20 до 25 лет. [121] Отсрочка вступления в брак в последние годы, однако, настолько незначительна, что может объяснить лишь малую часть снижения рождаемости; по подсчетам Коглана, в Новом Южном Уэльсе потеря лишь одной шестой части нерожденных детей может быть отнесена на счет этой причины. В Лондоне, однако, Херон считает, что признанная связь между низкой рождаемостью и высоким социальным

положением шестьдесят лет назад могла полностью объясняться отсрочкой вступления в брак, и что такая отсрочка может и сейчас составлять 50 процентов от этого показателя. [122]

Однако недостаточно рассмотреть механизм, с помощью которого снижается рождаемость; чтобы осознать значение этого снижения, необходимо рассмотреть причины, которые приводят этот механизм в действие.

Мы начинаем лучше понимать значение кривой рождаемости в стране, когда осознаем, что она связана с промышленной и торговой активностью страны. [123] Иногда утверждается, что высокая рождаемость сопровождается высокой степенью национального процветания. Однако это едва ли так; мы должны изучить этот вопрос более внимательно. И когда мы это сделаем, то обнаружим, что утверждение о предполагаемой связи между высокой рождаемостью и высоким уровнем процветания не только несовершенно - оно вообще вводит в заблуждение.

Если, во-первых, мы попытаемся рассмотреть положение вещей среди дикарей, то обнаружим, что оно действительно сильно варьируется, а уровень рождаемости нередко бывает низким. Но в целом, судя по всему, уровень брачности, рождаемости и, можно добавить, смертности одинаково высок. Карл Ранке тщательно исследовал этот вопрос среди индейцев трумаи и наукуа в Центральной Бразилии. [124] Эти племена еще совершенно не загрязнены контактом с европейским влиянием; чахотка и сифилис там неизвестны. В двух деревнях, которые он подробно исследовал, Ранке обнаружил, что все мужчины старше двадцати пяти лет были женаты, а единственная незамужняя женщина, которую он обнаружил, была слабоумной. Средний размер семей тех женщин, которым было больше сорока лет, составлял от пяти до шести детей, в то время как, с другой стороны, смертность среди детей была велика, и относительно небольшая часть населения достигла старости. Таким образом, мы видим, что среди этих довольно типичных дикарей, живущих в простых природных условиях, плодовитость женщин так же высока, как и среди всех европейских народов, за исключением самых плодовитых; в то время как, в отличие от европейских народов, среди которых большой процент населения никогда не женится, а из тех, кто женится, многие не имеют детей, практически каждый мужчина и каждая женщина и женятся, и производят детей.

Если оставить в стороне дикарей и вернуться в Европу, то все равно поучительно обнаружить, что среди тех народов, которые живут в самых примитивных условиях, можно встретить во многом такое же положение вещей, как и среди дикарей. Это особенно характерно для России. Ни в одной другой большой европейской стране большинство женщин не выходят замуж в столь раннем возрасте, и ни в одной другой средний размер семьи не является таким большим. И, одновременно с очень высокой брачностью и очень высокой рождаемостью, мы находим в России, в столь же высокой степени, распространенность среди масс детской и общей смертности, болезней (эпидемических и других), голода, несчастий. [125]

Пока что мы почти не видим заметной связи между высокой рождаемостью и процветанием. На это указывает высокая рождаемость в Венгрии, которая уступает только российской и сопровождается высокой смертностью, что связано с быстрым и заметным развитием молодой нации. Случай Венгрии, действительно, типичен. Если высокая рождаемость и ассоциируется с процветанием, то только с процветанием молодого и нестабильного сообщества, пережившего внезапный рост благосостояния и резкую экспансию. Пример Западной Австралии иллюстрирует ту же мысль. Тридцать лет назад уровень брачности и

рождаемости в этой колонии был на том же уровне, что и в других австралийских колониях; но внезапно произошла промышленная экспансия, оба показателя выросли, и в 1899 году рождаемость в Западной Австралии была выше, чем в любом другом англоязычном сообществе. [126]

Если теперь мы объединим факты, наблюдаемые в жизни дикарей, и факты, наблюдаемые в цивилизованной жизни, мы начнем видеть реальную природу факторов, которые действуют на повышение или понижение рождаемости в обществе. Конечно, далеко не всегда процветание приводит к высокой рождаемости, ведь самые убогие сообщества являются самыми плодовитыми, но, с другой стороны, отнюдь не просто отсутствие процветания приводит к снижению рождаемости, ведь мы постоянно наблюдаем, что наступление волны процветания повышает уровень рождаемости. В обоих случаях именно отсутствие социально-экономических ограничений способствует высокой рождаемости. В простом, примитивном сообществе дикарей, крепостных или рабов нет никаких ограничений ни на питательные, ни на репродуктивные удовольствия; нет адекватных мотивов для сдерживания; нет требований будущих желаний, которые могли бы помешать удовлетворению настоящих желаний; нет высоких стандартов, нет идеалов. Если предположить, что такие ограничения были установлены благодаря некоторой предусмотрительности в отношении будущего или определенному расчету социальных преимуществ, которые можно получить, ограничив число детей, то получается, что естественная рождаемость сдерживается. Но внезапный приход процветания - внезапный избыток работы, зарплаты и пищи - сметает этот контроль, делая его, по-видимому, ненужным; естественный репродуктивный импульс высвобождается под действием этой поднимающейся волны, и мы видим, насколько правдиво утверждение, что процветание означает высокую рождаемость. В действительности, однако, процветание в таком случае лишь повышает рождаемость, поскольку его внезапное изобилие сводит общество к такому же беспечному безразличию в отношении будущего, к такому же поспешному хватанию сиюминутных удовольствий, какое мы наблюдаем среди самых безнадежных и наименее процветающих сообществ. Как показал Беверидж, это значимый факт: в те годы, когда жители Великобритании больше всего женятся, они больше всего пьют. Именно в отсутствие социально-экономических ограничений - отсутствие восприятия таких ограничений или отсутствие способности действовать в соответствии с таким восприятием - наблюдается высокий уровень рождаемости.

Арсен Дюмон, кажется, был одним из первых, кто заметил это значение колебаний рождаемости, хотя и выразил его несколько своеобразно, в виде теории социальной капиллярности. Естественной и универсальной тенденцией человечества является стремление к восхождению, заявлял он; высокая рождаемость и сильный импульс к восхождению взаимно противоречат друг другу. Многодетные семьи возможны только тогда, когда нет прогресса и нет надежды на него; малодетные семьи становятся возможными, когда открыт путь к прогрессу. "Можно сказать, - говорит Дюмон, - что невидимые клапаны, подобно тем, которые регулируют циркуляцию крови, были установлены природой, чтобы направить ток человеческих стремлений по предписанному ею пути вверх". Когда пролетариат получает возможность наслаждаться перспективой роста, он попадает под действие этого закона социальной капиллярности, и рождаемость падает. Именно стремление к бесконечному совершенству, заявляет Дюмон, оправдывает природу и человека, утешает нас в наших горестях и является нашей суверенной защитой от философии отчаяния". [127]

Когда мы таким образом интерпретируем грубые факты падения рождаемости, рассматривая их широко и спокойно в связи с другими социальными фактами, с которыми они тесно связаны, мы можем увидеть, насколько глупым был крик против падения рождаемости, и насколько ложным предположение, что оно вызвано новым эгоизмом, пришедшим на смену древнему альтруизму. [128] Напротив, чрезмерная рождаемость раннего индустриального периода напрямую стимулировалась эгоизмом. Не существовало законов, запрещающих детский труд; детей производили на свет, чтобы, когда они были еще совсем маленькими, отправить их на фабрики и в шахты, чтобы увеличить доходы родителей. Основные инстинкты мужчин и женщин не меняются, но их направление можно изменить. В этой области изменения направлены на более высокую трансформацию, внедрение более тонкой экономики в жизнь, уменьшение смертности, болезней и страданий, создание возможности для более тонких целей жизни, и в то же время косвенное и даже прямое улучшение качества будущей расы. [129] Это сейчас признают почти все спокойные и здравомыслящие исследователи. [130] Дикий крик многих неуравновешенных людей сегодня, что падение рождаемости означает вырождение и катастрофу, настолько полностью удален от сферы разума, что мы, возможно, должны рассматривать его как сравнимый с теми маниями, которые в прошлые века приняли другие формы, более привлекательные для невротического темперамента тех дней; к счастью, это мания, которая, по природе вещей, бессильна реализовать себя, и нам не нужно ожидать, что крик против малых семей приведет к тем же результатам, что и древний крик против ведьм. [131]

На данном этапе будет уместно отметить, что, хотя в предыдущем изложении высокий уровень рождаемости и высокий уровень брачности рассматривались практически как одно и то же, нам необходимо провести различие. Истинное соотношение этих двух показателей можно понять, если сказать, что чем более примитивным является общество, тем сильнее различаются эти два показателя. По мере того как общество становится более цивилизованным и сложным, эти два показателя имеют тенденцию расходиться; ограничения на деторождение глубже и сложнее, чем ограничения на брак, так что снятие ограничений на брак ни в коем случае не снимает ограничений на рождаемость. Они имеют тенденцию расходиться в противоположных направлениях. Фарр рассматривал уровень брачности среди цивилизованных народов как барометр национального процветания. В прежние годы, когда кукуруза была главным национальным продуктом, уровень брачности в Англии регулярно повышался по мере падения цен на пшеницу. В последние годы стало очень сложно точно определить, какие экономические факторы влияют на уровень брачности. Некоторые считают, что коэффициент брака повышается или понижается в зависимости от стоимости экспорта. [132] Удни Юл, однако, в своем квалифицированном статистическом исследовании [133] приходит к выводу (в согласии с Хукером), что ни экспорт, ни импорт не связаны с коэффициентом брака. Он приходит к выводу, что движение цен является преобладающим, хотя и далеко не единственным фактором изменения коэффициентов брачности: падение цен приводит к снижению коэффициентов брачности и рождаемости, хотя он также считает, что давление на рынок труда заставляет оба показателя быть ниже, чем можно было бы ожидать, исходя из динамики цен. Что касается этих причин, то, по мнению Удни Юла, падение вполне нормально, и пессимистические взгляды неуместны. Однако Удни Юл отнюдь не уверен, что его объяснение охватывает значительную часть причинно-следственных связей, и признает, что не может понять обоснование связи между брачными коэффициентами и ценами. Кривые коэффициентов брачности во многих странах показывают максимум в 1875 году или незадолго до него, когда коэффициент рождаемости также имел тенденцию к достижению максимума, и еще один подъем к 1900 году, что делает промежуточную кривую вогнутой. Однако в период между 1860 и 1875 годами наблюдался значительный рост денежной заработной платы, а рост потребительской

способности населения продолжался с 1850 года. Таким образом, факторы, благоприятствующие высокому уровню брачности, должны были возрасти с 1850 года до максимума примерно в 1870-1875 годах, и с тех пор постоянно падать. Это утверждение, на котором акцентирует внимание г-н Удны Юл, безусловно, представляется весьма значимым с нашей сегодняшней точки зрения. Оно согласуется с принятым здесь мнением, что первым результатом внезапного наступления процветания является всеобщая оргия, безрассудная и необдуманная спешка воспользоваться новым процветанием, но что по мере того, как эффект оргии ослабевает, на смену ей обязательно приходят новые идеалы и более высокие стандарты жизни, которые ведут к осторожности и благоразумию. Мистер Н.А. Хукер, похоже, понял это, и в ходе дискуссии, последовавшей за чтением статьи Удны Юла, он изложил то, что (хотя и не было принято Удны Юлом), возможно, справедливо считается здравым взглядом на этот вопрос. "Во время большого развития торговли до 1870 года, - заметил он, - средства для удовлетворения желаемого уровня комфорта росли гораздо быстрее, чем сам уровень комфорта; отсюда снижение возраста вступления в брак и уровень брачности выше нормального. Однако примерно после 1873 года средства удовлетворения стандарта комфорта перестали увеличиваться такой же скоростью, и тогда, по его мнению, важную роль стал играть новый фактор - возросший интеллект людей". [134] Похоже, это именно тот взгляд на дело, который я попытался изложить здесь; процветание - это не цивилизация, его первая тенденция - породить безрассудный отказ от удовлетворения самых грубых побуждений. Но по мере развития процветания оно начинает порождать более сложные идеалы и более высокие стандарты; неизбежный результат - большая предусмотрительность и сдержанность". [135]

Если рассматривать не процент браков, а средний возраст вступления в брак, и особенно возраст женщины, который варьируется меньше, чем возраст мужчины, то результаты, хотя и гармоничные, будут не совсем такими. Общая тенденция в отношении возраста девушек при вступлении в брак подытожена Плоссом и Бартельсом в их монументальном труде "Женщина" в следующих словах: "В целом можно сказать, что возраст девушек при вступлении в брак тем ниже, чем ниже уровень цивилизации в обществе, к которому они принадлежат". [136] Таким образом, мы видим одну из причин того, что на продвинутой стадии цивилизации высокий уровень брачности не обязательно связан с высоким уровнем рождаемости. Большое число женщин, которые выходят замуж поздно, могут иметь меньше детей, чем меньшее число тех, кто выходит замуж рано.

Реальный характер ограничений рождаемости хорошо виден на примере различий в рождаемости у представителей высших и низших социальных слоев, принадлежащих к одному и тому же сообществу. Если бы высокая рождаемость была признаком процветания или развитой цивилизации, мы должны были бы ожидать, что она будет наблюдаться среди лучших социальных слоев общества. Однако все происходит наоборот: наименее благополучные и наименее культурные классы общества демонстрируют самую высокую рождаемость. По мере продвижения от бедных к богатым кварталам большого города - Парижа, Берлина или Вены - среднее число детей в семье постоянно уменьшается. Разница наблюдается как в сельской местности, так и в городах. Например, в Голландии, будь то город или деревня, на один брак у бедных приходится 5,19 ребенка, а у богатых - всего 4,50. В Лондоне, как известно, наблюдается та же разница; так, Чарльз Бут, величайший авторитет в области социальных условий Лондона, в заключительном томе своего обширного исследования подводит итог положению вещей, заявляя, что "чем ниже класс, тем раньше

наступает период брака и тем большее количество детей рождается в каждом браке". Подобное явление встречается повсеместно, и оно имеет огромное значение.

Значение этого факта становится более понятным, когда мы осознаем, что городское население всегда считается более "цивилизованным", чем сельское, и что, в соответствии с этим, городское население, как правило, менее плодовито, чем сельское. Уровень рождаемости в городе почти всегда ниже, чем в деревне. В Германии это очень заметно, и быстро растущая урбанизация Германии сопровождается большим падением рождаемости в крупных городах, но не в сельских районах. В Англии падение более широко распространено, и хотя уровень рождаемости в стране намного выше, чем в городах, снижение рождаемости в сельской местности сейчас идет быстрее, чем в городах. Англия, в которой раньше проживало преимущественно сельское население, теперь имеет преимущественно городское население. С каждым годом оно становится все более городским; в то время как городское население растет, сельское остается неизменным, так что в настоящее время на каждого сельского жителя в Англии приходится более трех горожан. Поскольку сельский житель более плодовит, чем городской, это означает, что сельское население постоянно вливается в городское. Чем больше становятся наши большие города, тем сильнее притяжение, которое они оказывают на деревенских детей, очарованных ими, как птицы очарованы маяком или мотыльки - свечой. И результаты оказываются совсем не похожими на те, на которые указывает эта аналогия. В настоящее время треть населения Лондона составляют иммигранты из страны. Однако, несмотря на этот огромный и постоянный приток новой и энергичной крови, его никогда не хватает, чтобы поднять городское население на тот же уровень физической и нервной стабильности, которым обладает сельское население. Более бдительное, более живое, более интеллигентное, даже более городское в тонком смысле этого слова, как только городское население становится, - возможно, не вначале, но в конце концов, - оно неизбежно теряет свою выносливость, свои запасы жизненной энергии. Доктор Кантли очень правильно определяет лондонца как человека, все бабушки и дедушки которого жили в Лондоне, и он не смог найти ни одного. Доктор Гарри Кэмпбелл нашел несколько человек, которые могли бы назвать своих дедушек и бабушек лондонцами; это были жалкие образчики человечности. [137] Даже в интеллектуальной сфере нет великих лондонцев. Хорошо известно, что многие выдающиеся люди родились в Лондоне; но в ходе довольно тщательного исследования происхождения британских гениев мне не удалось обнаружить, чтобы хоть один из них был истинным лондонцем по происхождению. [138] Городская жизнь разрушает ту спокойную и непоколебимую силу, которая необходима для любых больших усилий и напряжений, физических или интеллектуальных. Самым лучшим классом мужчин в Лондоне является лондонская полиция, а Чарльз Бут утверждает, что только 17 процентов лондонских полицейских родились в Лондоне, что меньше, чем в любой другой категории населения Лондона, за исключением армии и флота. Как отметил мистер Н.К. Макнамара, оказалось, что лондонские мужчины не обладают необходимой нервной устойчивостью и самообладанием для работы в полиции; они слишком возбудимы и нервны, им не хватает хладнокровия, мужества и уверенности в себе, присущих сельским мужчинам. Точно так же и в Испании бойцы с быками - люди, восхищающиеся своей грациозной силой, скромностью, мужеством и мастерством, - почти всегда происходят из сельских районов, хотя именно в городах энтузиазм к боям с быками является главным. Таким образом, получается, что до тех пор, пока условия жизни в городах не будут значительно улучшены, чем более многочисленным становится городское население, тем больше снижается уровень его жизненной и физической эффективности. Это стало ясно видно во время Южноафриканской войны; в Манчестере было обнаружено (как заявил доктор Т.П. Смит и подтвердил доктор Клейтон), что среди 11 000 молодых людей, добровольно вызвавшихся на службу, едва ли

более 10 процентов смогли пройти экзамен у хирурга, хотя требуемый стандарт телосложения был крайне низким, в то время как генерал-майор сэр Ф. Морис заявил [139], что даже после всех этих отбраковок из тех, кто действительно был зачислен в армию, по истечении двух лет на каждые пять человек, поступивших на службу, приходится только два эффективных солдата. Нетрудно понять, как эти факты влияют на уровень рождаемости. Цивилизованный мир становится миром городов, и, хотя снижение рождаемости в городах, конечно, не является главным образом результатом ослабления жизненной силы, эти явления являются корреляционными фактами, имеющими первостепенное значение для каждой страны, которая использует свое сельское население и становится страной городов.

С нашей точки зрения, это очень важный факт, что равновесие между сельскими и городскими жителями было утрачено, что города выигрывают за счет страны, избыток населения которой они поглощают и уничтожают. Городское население не только не склонно к размножению, оно, вероятно, в какой-то степени непригодно к размножению.

В то же время мы не должны слишком сильно подчеркивать этот аспект вопроса; такое чрезмерное выделение одного аспекта очень сложных явлений постоянно искажает наше видение больших социальных процессов. Мы уже видели, что неточно утверждать какую-либо связь между высокой рождаемостью и высокой степенью национального процветания, за исключением тех случаев, когда в особые периоды истории страны внезапная волна процветания может на время снять ограничения с естественной рождаемости. Процветание - это только одна из причин, которая имеет тенденцию к устранению ограничений на рождаемость; и эта причина никогда не действует постоянно.

III

Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо изучить его более тщательно, чем это обычно делается. Когда мы спрашиваем себя, почему процветание не может окончательно устранить ограничения рождаемости, ответ заключается в том, что оно быстро создает новые ограничения. Процветание и цивилизация - далеко не синонимы. Дикарь, который может насытиться китом, только что выбросившимся на берег, более процветающий, чем был накануне, но он не более цивилизованный, возможно, даже чуть менее. Рабочее сообщество, которое внезапно насытилось потоком работы и зарплаты, находится в точно таком же положении, как и дикарь, который внезапно получил возможность насытиться богатой массой разлагающейся подкожной жижи. Это процветание; это не цивилизация". [140] Но если поначалу процветание приводит к безрассудному и необузданному удовлетворению простейших животных инстинктов питания и размножения, то при длительном существовании оно приводит к развитию более сложных инстинктов. Стремления становятся менее грубыми, потребности и аппетиты, порожденные процветанием, приобретают более социальный характер и обостряются социальным соперничеством. На месте прежнего легкого и безрассудного удовлетворения животных импульсов возникает мирная и организованная борьба за все более полное удовлетворение все более настойчивых и все более сложных желаний. Такая борьба предполагает продуманный расчет и предусмотрительность, которые рано или поздно не могут не сказаться на вопросе о потомстве. Таким образом, получается, что достаток в долгосрочной перспективе сам накладывает ограничения на воспроизводство. Процветание под воздействием городских условий, с которыми оно обычно ассоциируется, превращается в ту расчетливую предусмотрительность, то сознательное самоограничение для достижения все более разнообразных целей, которое в итоге мы называем "цивилизацией".

Как мы уже видели, часто предполагается, что процесс, в ходе которого развивается цивилизация, является эгоистичным и аморальным. Дескать, создание больших семей - это бескорыстный и нравственный, а также патриотический и даже религиозный долг. Это предположение, как мы теперь видим, слишком поспешно и даже противоположно истине; необходимо учитывать всю совокупность социальных явлений, сопровождающих высокую рождаемость, особенно в условиях городской жизни. Общество, в котором быстро рождаются дети, неизбежно находится в неустойчивом положении; оно растет так быстро, что не успевает выровнять условия жизни. Состояние неприспособленности становится хроническим; давление снимается с естественного импульса деторождения, но усиливается на все условия, в которых этот импульс проявляется. Увеличивается скученность, грязь, болезни, смерть. В наше время никогда не может случиться так, чтобы перестройка условий жизни шла в ногу с высокой рождаемостью. Достаточно рассмотреть случай английских городов, в частности Лондона, в период, когда благосостояние Великобритании росло наиболее быстрыми темпами, а рождаемость приближалась к своему максимуму, в середине великой Викторианской эпохи, которой англичане по многим причинам так гордятся. Конечно, это была эпоха, не обделенная ни энергией, ни филантропией; однако, когда мы читаем памятный отчет, написанный Чедвиком в 1842 году, о *санитарном состоянии трудоспособного населения Великобритании*, или подробное исследование Бетнал-Грина, опубликованное Гэвином в 1848 году в качестве образца условий, преобладающих в английских городах, мы понимаем, что великолепие этой эпохи было возведено над кругами ада, до которых воображение Данте никогда не добиралось.

По мере угасания репродуктивной активности социальные условия становятся более стабильными, устанавливается сравнительно сбалансированное состояние, улучшается антисанитарная обстановка, уменьшаются болезни и снижается уровень смертности. Как многого можно добиться таким образом, мы понимаем, когда сравниваем восхитительно точные и сбалансированные страницы, на которых Чарльз Бут в заключительных томах своего великого труда подвел итоги своего исследования Лондона, с картиной, представленной Чедвиком и Гэвином за полвека до этого. Как бы ни были уродливы и болезненны многие черты современного Лондона, в целом перед нами предстает видение сообщества, достигшего самосознания, достигшего слабой степени гармонии с окружающей средой и стремящегося получить все то удовлетворение, которое может дать организованная городская жизнь. Бут, который, кажется, осознал значение снижения рождаемости в достижении этого прогресса, надеется на еще большее падение рождаемости; а те, кто стремится восстановить рождаемость полувековой давности, занимаются задачей, которая была бы преступной, если бы не основывалась на невежестве, и которая, в любом случае, является глупой.

Весь ход зоологической эволюции показывает постоянно снижающуюся репродуктивную активность и постоянно растущие расходы на заботу о потомстве, которое таким образом уменьшается в числе. [У рыб яйцеклетки выметываются миллионами, и это счастливый случай, если они оплодотворяются, и крайне маловероятно, что более чем очень малая часть из них когда-либо достигнет зрелости. Среди млекопитающих, однако, самка может произвести на свет всего полдюжины или меньше потомков за раз, но она уделяет им столько внимания, что у всех них есть очень хорошие шансы достичь зрелости. В человеке, пока он воздерживается от возвращения к зверю и верен импульсу, который в нем становится сознательным процессом цивилизации, происходит то же самое движение. Он даже стремится еще больше сократить число своих потомков путем добровольных усилий и в то же время повысить их качество и возвеличить их значение. [\[142\]](#)

Когда в человеческих семьях, особенно в цивилизованных условиях, мы видим большие семьи, мы имеем дело с возвращением к тенденциям, преобладающим среди низших организмов. Такие большие семьи, вероятно, можно рассматривать, как предлагает Няке, как симптом дегенерации. Примечательно, что они обычно встречаются в патологических и ненормальных классах, среди сумасшедших, слабоумных, преступников, наркоманов, алкоголиков и т. д. [143]

Эта тенденция к снижению рождаемости по мере роста социальной стабильности является, таким образом, тенденцией, лежащей в самой сути цивилизации. Она представляет собой импульс, который, каким бы сознательным он ни был у отдельного человека, в обществе может рассматриваться как инстинктивное усилие, направленное на достижение более полного контроля над условиями жизни и более эффективное решение проблем несчастья, болезней и смерти. Изучать эти явления можно не только, как иногда полагают, в течение последнего столетия. У нас есть замечательный пример за несколько столетий до этого, пример, который очень четко иллюстрирует реальную природу этих явлений. Город Женева, возможно, первый из европейских городов, начал регистрировать свои рождения, смерти и браки с середины шестнадцатого века. Уже одно это свидетельствует о высокой степени цивилизованности; и в то время, и в течение нескольких последующих столетий Женева, несомненно, была очень высокоцивилизованным городом. Ее жители действительно были "избранными", морально и интеллектуально, французского протестантизма. Во многих отношениях это был образцовый город, как отметил Грей, когда добрался до него в ходе своих путешествий в середине XVIII века. Эти женеvские регистры наглядно показывают, как чрезвычайная рождаемость в самом начале, по мере развития цивилизации, постепенно сменилась очень низкой рождаемостью, с меньшим количеством и более поздних браков, очень низким уровнем смертности и состоянием общего благополучия, в котором рождение едва сменялось смертью.

После того как протестантская Женева утратила свое место первопроходца в цивилизации, именно во Франции, стране, которая в наше время может претендовать на то, чтобы представлять социальные аспекты цивилизации, наиболее ярко проявилась та же тенденция. Но вся Европа, а также все англоязычные страны за пределами Европы, теперь следуют примеру Франции. В докладе, прочитанном в Парижском антропологическом обществе несколько лет назад, Эмиль Маккарт наглядно показал с помощью ряда хитроумных диаграмм, что если пятьдесят лет назад состояние рождаемости во Франции сильно отличалось от того, что преобладало в других главных странах Европы, то теперь эти страны быстро следуют тем же путем, по которому Франция медленно продвигалась в течение столетия, и постоянно приближаются к ней, причем Англия ближе всех. В прошлом во Франции время от времени возникали предложения вмешаться в процесс снижения рождаемости - предложения достаточно глупые, поскольку ни во Франции, ни в других странах человек не позволит статистику вмешиваться в дело, которое он считает сугубо интимным и личным. Но реальный характер этой тенденции рождаемости, как неотъемлемого явления цивилизации, в которое не может успешно вмешаться ни моралист, ни политик, начинает осознаваться во Франции. Азулай, подводя итоги дискуссии после прочтения в Антропологическом обществе доклада Маккарта [144], отметил, что "нации неизбежно должны следовать тем же путем, что и социальные классы, и чем больше масса этих социальных классов становится цивилизованной, тем больше падает рождаемость в нации; поэтому ничего нельзя сделать в правовом и административном отношении". И еще один участник добавил: "Разве что аплодировать".

Вероятно, слишком много надежд на то, что столь мудрая точка зрения будет сразу же принята всеми. Соединенным Штатам и великим английским колониям, например, трудно осознать, что они на самом деле не новые страны, а филиалы старых стран, и уже близки к зрелости, когда они начали свою отдельную жизнь. Они находятся не в начале двухтысячелетнего медленного развития, через которое прошли мы, а в его конце, вместе с нами, а иногда даже немного опережая нас. Поэтому естественно и неизбежно, что в вопросе, в котором мы движемся быстро, Массачусетс, Онтарио, Новый Южный Уэльс и Новая Зеландия должны были двигаться еще быстрее, настолько быстрее, что сами не смогли понять, что их реальный естественный рост и способ его достижения ставят их в этом вопросе в авангарде цивилизации. Однако такие вещи познаются медленно. Мы можем быть уверены, что фундаментальный и сложный характер явлений никогда не станет очевидным для наших суетливых политиков, столь склонных выступать за панацеи, которые имеют эффект, прямо противоположный желаемому. Но что бы ни хотели сделать или оставить без внимания политики, следует помнить, что среди различных идеалов, которых придерживается мир, есть те, которые лежат на пути нашего социального прогресса, и те, которые там не лежат. Мы можем проявить мудрость, которой обладаем, и использовать те идеалы, которые стоят перед нами, спокойно пренебрегая многими другими, которые, какими бы ценными они ни казались когда-то, больше не являются частью той ступени цивилизации, к которой мы сейчас движемся.

IV

Каковы же идеалы той стадии цивилизации, к которой мы, представители западного мира, сейчас движемся? Мы зашли здесь настолько далеко, насколько это необходимо, в анализе того снижения рождаемости, которое вызвало столько беспокойства у тех из нас, кто способен видеть лишь узко и поверхностно. Мы обнаружили, что при правильном понимании в нем нет ничего, что могло бы вызвать наш пессимизм. Напротив, мы убедились, что, по мнению самых выдающихся авторитетов, энергия, с которой мы движемся в нашем нынешнем направлении, проявляя все более тонкую экономию в жизни, может рассматриваться как "мера цивилизации" в важной сфере жизненной статистики. Оставляя этот вопрос, некоторые могут спросить себя, не может ли это сопутствующее снижение рождаемости и смертности иметь еще более широкое и фундаментальное значение как мера цивилизации.

Мы долгое время привыкли считать Восток духовным миром, в котором высшей ценностью считались более тонкие цели жизни, а чисто материалистические аспекты жизни, отделенные от целей религии и искусства, попирались ногами. Наш собственный западный мир мы смиренно считаем в основном поглощенным лихорадочной гонкой за достижение с помощью промышленности и войны удовлетворения импульсов размножения и питания, а также грубого материального возвеличивания, символом которого являются эти импульсы. Некоторая внешняя праздность, полудрема, как говорил Ницше, является необходимым условием для настоящей религиозной жизни, для настоящей эстетической жизни, для любой жизни на духовном плане. Шумная, трудовая, толкающаяся, "прогрессивная" жизнь, которую мы традиционно ассоциируем с Западом, по сути своей чужда высшим целям жизни, как это интуитивно осознавали и делали все те, кто стремился к высшим целям жизни. Именно так смотрели на этот вопрос европейские философы XIX века, крайним представителем которых в этом вопросе был Шопенгауэр. Но когда мы пытаемся измерить тенденции главных стран Запада, возглавляемых Францией, Англией и Германией, и стран Востока, возглавляемых Японией, в свете этого строго измеримого теста жизненной статистики, не можем ли мы, возможно, проследить приближение революционной

транспозиции? Япония, вступив на почти пройденный нами путь, на котором вечное столкновение высокой рождаемости и высокой смертности влечет за собой социальные беспорядки и несчастья, развеяла по ветру высокие идеалы, которые она когда-то так успешно преследовала, и утратила свое тонкое эстетическое восприятие, свое проникновение в самые нежные тайны души. [145] И в то время как Япония, несомненно, выражающая сегодня чаяния Востока, стремится стать великой военной и промышленной державой, мы на Западе все больше устаем от войны и начинаем смотреть на торговлю как на необходимую рутину, уже не способную удовлетворить лучшие энергии человеческих существ. Мы движемся к тонкому спокойствию, связанному с деликатным равновесием жизни и смерти; и эта экономия высвобождает энергию, которую мы стремимся направить на создание справедливой социальной организации и реализацию идеалов, которые до сих пор казались лишь воображением праздных мечтателей. Азия, как недавно выразился один анонимный писатель, становится все более грубой, вульгарной и материалистичной; Европа же, напротив, все больше ненавидит свою собственную прошлую грубость. "Возможно, Лондон еще будет духовной столицей мира, в то время как Азия, богатая всем, что можно купить за золото и что может дать оружие, повелительница земель и тел, строитель железных дорог и издатель полицейских правил, славная во всех материальных славах, позирует, самодовольная и тупая, перед Европой, довольной обладанием всем, что имеет значение" [146] Конечно, мы еще не достигли этого, но старая Земля видела много более странных и более революционных изменений, чем это. Англия, как напоминает нам этот автор, когда-то была тропическим лесом.

[90] Следует понимать, что с нынешней точки зрения термин "англосаксы" охватывает народы Уэльса, Шотландии и Ирландии, а также Англии.

[91] Снижение рождаемости во Франции было исследовано в лионской диссертации Сальвата *"Население Франции"*, 1903 г.

[92] Последние данные приводятся в ежегодных отчетах Генерального регистратора Англии и Уэльса.

[93] Ньюсхолм и Стивенсон, "Упадок человеческой фертильности, как показано с помощью скорректированных коэффициентов рождаемости", *Журнал Королевского статистического общества*, 1906.

[94] Вернер Зомбарт, *Международный журнал*, декабрь, 1907.

[95] A.W. Flux, "Urban Vital Statistics in England and Germany," *Journ. Statist. Soc.*, March, 1910.

[96] Немецкая младенческая смертность, утверждает Бёмерт ("Die Säuglingssterblichkeit in Deutschland und ihre Ursachen," *Die Neue Generation*, March, 1908), выше, чем в любой европейской стране, за исключением России и Венгрии, примерно на 50 процентов выше, чем в Англии, Франции, Бельгии или Голландии. Младенческая смертность в Германии увеличилась, как это обычно бывает, с ростом занятости женщин и, в значительной степени по этой причине, почти удвоилась в Берлине в течение четырех лет, утверждает Лили Браун (*Mutterschutz*, 1906, Heft I, p. 21); но даже на этом основании она составляет только 22 процента в английской текстильной промышленности против 38 процентов в немецкой текстильной промышленности.

[97] В Англии коэффициент брачности довольно резко упал в 1875 году и проявил небольшую тенденцию к повышению около 1900 года (G. Udny Yule, "On the Changes in the Marriage and Birth-rates in England and Wales", *Journal of the Statistical Society*, March, 1906). В целом же

наблюдается реальный, хотя и небольшой спад. Снижение было повсеместным и наиболее заметным в Австралии, особенно в Южной Австралии. Однако в Ирландии, Франции, Австрии, Швейцарии, Германии и особенно Бельгии наблюдается рост числа браков. Движение за сокращение производства детей, естественно, в первую очередь подразумевает сокращение числа браков, но легко понять, что, когда становится ясно, что за браком не обязательно следует зачатие, этот мотив избегания брака теряет свою силу, и процент браков повышается.

[98] *Medicine*, February, 1904.

[99] Дэвидсон, "Рост франко-канадской расы", *Анналы Американской академии*, сентябрь, 1896.

[100] Т.А. Coghlan, *The Decline of the Birth-rate of New South Wales*, 1903. Статистика Нового Южного Уэльса особенно ценна, поскольку в записях содержится множество сведений (например, возраст родителей, период после заключения брака и количество детей), которые не приводятся в английских или большинстве других записей.

[101] К. Гамбургер, "Kinderzahl und Kindersterblichkeit", *Die Neue Generation*, август, 1909.

[102] Если посмотреть с другой стороны, то можно сказать, что если считать нормальным естественный прирост, определяемый путем вычитания смертности из рождаемости, в 10-15 процентов, то, по возможности взяв цифры за 1909 год, естественный прирост Англии и Шотландии, Германии, Италии, Австрии и Венгрии, Бельгии будет нормальным; естественный прирост Нового Южного Уэльса, Виктории, Южной Австралии, Новой Зеландии аномально высок (хотя в новых странах такой прирост может быть нежелательным), а естественный прирост Франции, Испании и Ирландии аномально низок. Такой метод оценки, разумеется, полностью исключает вопрос о социальной целесообразности процесса, с помощью которого обеспечивается нормальный прирост.

[103] Johannsen, *Janus*, 1905.

[104] Рубин, "Мера цивилизации", *Журнал Королевского статистического общества*, март, 1897. "Низшая ступень цивилизации, - указывает он, - это слепое движение вперед, что в этой связи означает появление на свет огромного количества детей, которые в значительной степени должны сгинуть в могиле. Следующая ступень цивилизации - видеть опасность и держаться от нее подальше. Высшая ступень цивилизации - увидеть опасность и преодолеть ее". Европа в прошлом и различные страны в настоящем иллюстрируют первую стадию; Франция - вторую; третья стадия - та, к которой мы стремимся двигаться сегодня".

[105] Бейнс, "Недавний рост населения в Западной Европе", *Журнал Королевского статистического общества*, декабрь, 1909 г.

[106] Различные факты и ссылки приведены Хэвелоком Эллисом, *"Национализация здравоохранения"*, гл. XIV.

[107] Это цифры, приведенные главным японским авторитетом, профессором Такано, *Journal of the Royal Statistical Society*, July, 1910, p. 738.

[108] Е.А. Ross, "The Race Fibre of the Chinese," *Popular Science Monthly*, October, 1911. Согласно другой компетентной и достаточно согласованной оценке, уровень младенческой смертности в Китае составляет 90 процентов. Из младенцев женского пола, вероятно, примерно 1 из 10 уничтожается намеренно".

[109] J.J. Matignon, "La Mère et l'Enfant en Chine," *Archives d'Anthropologie Criminelle*, октябрь-ноябрь, 1909.

[110] Арсен Дюмон, например, указывает (*Dépopulation et Civilization*, p. 116), что очень ранние браки и безрассудная плодовитость китайцев не могут не прекратиться, как только народ перейдет на европейский образ жизни.

[111] Уверенные оценки будущего населения мира, которые время от времени выдвигаются на основе нынешнего уровня рождаемости, совершенно бесполезны. Блестящая бессмысленная статья такого рода, написанная Б. Л. Патнэм-Уилом ("*Конфликт цвета*", 1911), была справедливо раскритикована профессором Уэзерли ("*Popular Science Monthly*", November, 1911).

[112] Иногда удобно использовать термин "неомальтузианство" для обозначения добровольного ограничения семьи, но всегда следует помнить, что Мальтус не одобрил бы неомальтузианство, и что неомальтузианские практики не имеют ничего общего с теорией Мальтуса. Они не будут затронуты, если эта теория будет окончательно доказана или окончательно опровергнута".

[113] Мы даже находим требование, чтобы холостяки и девы были обложены налогом. Это предложение было фактически принято (1911 г.) ландтагом маленького княжества Ройс, который предлагает облагать налогом холостяков и девах старше тридцати лет. Оставляя в стороне спорные вопросы о том, имеет ли государство право оказывать такое давление на своих граждан, следует отметить, что государство заботится не о браке, а о ребенке. Можно иметь детей и без брака, а брак не обеспечивает деторождения. Поэтому правильнее было бы обложить налогом бездетных. В этом случае необходимо будет перечислять налог в случае неженатых людей, имеющих детей, и взимать его в случае женатых людей, не имеющих детей. Но следует также помнить, что не все люди способны иметь здоровых детей, и поскольку нездоровые дети - это бремя, а не благо для государства, государство должно поощрять, а не штрафовать тех добросовестных людей, которые воздерживаются от деторождения, если они слишком бедны или имеют слишком плохую наследственность, чтобы иметь возможность производить или воспитывать здоровых детей. Более того, некоторые люди бесплодны, и для того, чтобы справедливо обложить их налогом, потребуется тщательное медицинское обследование. Как только мы начинаем анализировать такое предложение, мы не можем не увидеть, что, даже если допустить, что цель такого законодательства законна и желательна, метод ее достижения является полностью ошибочным и неоправданным".

[114] J.G. Engelmann, "Decreasing Fecundity," *Philadelphia Medical Journal*, January 18, 1902.

[115] Кроме того, часто отрицается, что неомальтузианская практика может затронуть римско-католические страны, поскольку Церковь не может ее одобрять. Это правда. Но верно и то, что, как уже давно отметил Лагно, протестанты Европы росли более чем в два раза быстрее католиков, хотя сейчас это соотношение перестало быть точным. Дюмон утверждает (*Dépopulation et Civilisation*, chap. XVIII), что нет ни малейших оснований полагать, что (помимо вопроса бедности) верующие имеют больше детей, чем нерелигиозные; кроме того, имея дело со своими более образованными членами, церковь не имеет права наводить неосторожные справки (см. Havelock Ellis, *Studies in the Psychology of Sex*, Vol. VI, "Sex in Relation to Society", p. 590). Сообщается, что один католический епископ предостерег своих священнослужителей от упоминания в проповедях Великого поста о добровольном ограничении зачатия, заметив, что излишняя строгость в этом вопросе приведет к тому, что церковь потеряет половину своей паствы. Падение рождаемости так же заметно в

католических, как и в протестантских странах; католические общины, в которых это не так, немногочисленны и находятся в исключительных обстоятельствах. Кроме того, следует помнить, что Церковь предписывает своим священнослужителям безбрачие, а безбрачие - это практически мальтузианский метод. Нелегко, проповедуя практическое мальтузианство духовенству, тратить много сил на проповедь против практического неомальтузианства мирянам.

[116] Маклин, "Снижение рождаемости в Австралии", *Международный медицинский журнал Австралазии*, 1904 г.

[117] Таким образом, во Франции низкая рождаемость связана с высокой детской смертностью, на которую пока еще не оказало заметного влияния развитие акушерства во Франции. В Англии также в конце прошлого века снижение рождаемости сопровождалось ростом детской смертности, которая, однако, сейчас снижается под влиянием более тщательного ухода за детской жизнью.

[118] Сидни Вебб, "*Таймс*", 11 и 16 октября 1906 г.; также "*Popular Science Monthly*", 1906, p. 526.

[119] Важно помнить о различии между "плодовитостью" и "фертильностью". Женщина, имеющая одного ребенка, доказала, что она плодovита, но не доказала, что она фертильна. Женщина с шестью детьми доказала, что она не только плодovита, но и фертильна.

[120] Они были разработаны К. Дж. Льюисом и Дж. Норманом Льюисом, *Natality and Fecundity*, 1905.

[121] Newsholme and Stevenson, *op. cit.*; Rubin and Westergaard, *Statistik der Ehen*, 1890, p. 95.

[122] Д. Херон, "О связи фертильности у мужчин с социальным статусом", *Drapers' Company Research Memoirs*, No. 1, 1906.

[123] Признание этой взаимосвязи не должно рассматриваться как попытка неоправданно сузить причину изменений в рождаемости. Большая сложность причин, влияющих на уровень рождаемости, в настоящее время достаточно хорошо признана, на что, например, указывал Гольдшейд, *Höherentwicklung und Menschenökonomie*, Vol. I, 1911.

[124] В докладе, прочитанном на Брунсовикском собрании Немецкого антропологического общества (*Correspondenzblatt of the Society*, November, 1898); большое количество фактов, касающихся плодovитости женщин среди дикарей в различных частях света, собрано вместе Плоссом и Бартельсом, *Das Weib*, Vol I, chap. XXIV.

[125] Доля врачей среди населения очень мала, и люди все еще очень доверяют своим шарлатанам и знахарям. Элементарные правила санитарии в целом игнорируются, водопроводы загрязнены, грязь скапливается на улицах и во дворах, как это было в Англии и Западной Европе в целом до столетия назад, и установление правил или вторжение полиции мало влияет на привычки людей. Пренебрежение обычными мерами предосторожности в отношении чистоты является причиной широкого распространения сифилиса в результате совместного использования сосудов для питья, полотенец и т. д. Не только брюшной тиф распространен почти во всех губерниях России, но и сыпной тиф, который является болезнью грязи, скученности и голода и уже давно практически вымер в Англии, все еще процветает и вызывает огромную смертность. Рабочие часто не имеют жилья и спят на фабриках среди механизмов, мужчины и женщины вместе; их питание недостаточно, а продолжительность рабочего дня может варьироваться от двенадцати до четырнадцати

часов. Когда наступает голод, эти условия усугубляются, и различные эпидемии опустошают население.

[126] Следует, однако, помнить, что в небольших и нестабильных сообществах необходимо допускать значительную погрешность, поскольку грубый уровень рождаемости неоправданно повышается за счет притока иммигрантов в репродуктивном возрасте.

[127] Арсен Дюмон, *Население и цивилизация*, 1890, гл. VI. Природа сдерживания рождаемости была хорошо изложена д-ром Буши ("Снижение рождаемости и его причины", *Popular Science Monthly*, август, 1903), в основном в терминах теории "социальной капиллярности" Дюмона.

[128] Даже доктор Ньюсхолм, обычно столь осторожный и надежный исследователь в этой области, в этой связи предательски ссылается (*"The Declining Birth-rate"*, 1911, р. 41) на "растущую редкость альтруизма", хотя почти в следующем абзаце он указывает, что большие семьи прошлого были связаны с тем, что ребенок был выгодным активом, и его можно было отправить на работу, когда он был еще младенцем. Альтруизм", который приводит к разрушению разума и тела других людей ради увеличения собственных доходов, - это не тот "альтруизм", который мы должны желать увековечить. Благотворное влияние законодательства против детского труда на снижение неоправданно высокой рождаемости уже не раз отмечалось.

[129] Достаточно остановиться на одном моменте. В больших семьях дети рождаются через очень короткие промежутки времени. Д-р Р. Дж. Эварт ("Влияние возраста родителей на потомство", *Eugenics Review*, October, 1911) четко показал, что дети, рожденные с интервалом менее двух лет после рождения предыдущего ребенка, даже по достижении шестого года остаются на три дюйма короче и на три фунта легче, чем первенцы.

[130] Например, Гольдшейд в книге *"Höherentwicklung und Menschenökonomie"*; это также, в целом, вывод Ньюсхолма, хотя и выраженный в чрезвычайно умеренной манере, в его *"Declining Birth-rate"*.

[131] Если же наши фанатики рождаемости узнают о результатах, полученных на экспериментальной ферме в Роузвилле, штат Калифорния, профессором Сайласом Вентвортом, который обнаружил, что если поместить овец в поле под проводами электросетей, то среднее производство ягнят увеличивается более чем в два раза, мы можем ожидать проблем во многих до сих пор небольших семьях. Их предшественники во имя религии и нравственности настаивали на сожжении ведьм; мы не должны удивляться, если наши современные фанатики во имя того же святого дела будут требовать принятия закона, обязывающего всех бездетных женщин жить под электрическими проводами".

[132] J. Holt Schooling, "The English Marriage Rate," *Fortnightly Review*, June, 1901.

[133] Г. Удни Юл, "Изменения в уровне брачности и рождаемости в Англии", *Журнал Королевского статистического общества*, март, 1906.

[134] В более ранний период Хукер исследовал ту же тему, не придя ни к каким решительным выводам ("Correlation of the Marriage-rate with Trade," *Journ. Statistical Soc.*, September, 1901). Он обнаружил, что незначительные колебания уровня брачности и торговли на голову, как правило, находятся в тесном соответствии, но в целом торговля выросла, а уровень

брачности упал, что, по мнению Хукера, вероятно, является результатом постепенного откладывания брака.

[135] Более высокий стандарт не обязательно должен быть очень возвышенным среди массы населения, хотя он и знаменует собой реальный прогресс. Ньюсхолм и Стивенсон (указ. соч.) называют его более высоким "стандартом комфорта". Снижение рождаемости, по их словам, "связано с общим повышением уровня комфорта и является выражением решимости людей обеспечить себе этот более высокий комфорт".

[136] Ploss, *Das Weib*, Vol. I, chap. XX.

[137] Не следует, однако, полагать, что сельские иммигранты в массе своей лучше приспособлены к городской жизни, чем городские уроженцы. Вполне вероятно, что, несмотря на свою энергию и выносливость, иммигранты менее приспособлены к городским условиям, чем коренные жители. Следовательно, среди иммигрантов происходит процесс отбора, и выжившие становятся как бы иммунизированными к ядам городской жизни. Но этот иммунитет отнюдь не обязательно связан с высокой степенью нервной энергичности или общего физического развития".

[138] Havelock Ellis, *A Study of British Genius*, pp. 22, 43.

[139] "Национальное здоровье: солдатское исследование", *Contemporary Review*, январь, 1903. Отчеты генерального инспектора рекрутинга, как говорят, показывают, что новобранцы с каждым годом становятся меньше, легче и узкогрудыми.

[140] Это было хорошо проиллюстрировано за последние сорок лет в процветающем графстве Гламорган в Уэльсе, как показывает доктор Р. С. Стюарт ("Взаимосвязь заработной платы, лунатизма и преступности в Южном Уэльсе", *Journal of Mental Science*, январь, 1904). Основная отрасль промышленности здесь - угольная, 17 процентов населения занято непосредственно в угледобыче, а заработная плата определяется так называемой скользящей шкалой, согласно которой цена продажи угля регулирует размер заработной платы. Это приводит к многочисленным колебаниям и внезапным скачкам благосостояния. Выяснилось, что при повышении заработной платы происходит сопутствующий рост безумия и в то же время уменьшение добычи угля в связи с отказом от работы, когда заработок выше; также наблюдается рост пьянства и преступности. Стюарт приходит к выводу, что сомнительно, чтобы рост материального благосостояния способствовал улучшению физического и психического состояния. Однако следует отметить, что именно внезапное и нестабильное процветание, а не обязательно постепенное и стабильное, является пагубным.

[141] Иногда эту взаимосвязь выражают словами: чем более высокодифференцирован организм, тем меньше потомство. По мнению Плейта, мы должны были бы сказать, что чем больше способность к родительской заботе, тем меньше потомство. Это, однако, сводится к тому же самому, поскольку именно высшие организмы обладают повышенной способностью к родительской заботе. Если выразить это в наиболее обобщенной зоологической форме, то уменьшение потомства - это реакция на улучшение окружающей среды. Так, в человечестве снижение рождаемости, как отмечает профессор Бенджамин Мур (*British Medical Journal*, August 20, 1910, p. 454), является "простым биологическим ответом на хорошие экономические условия". Хорошо известен биологический закон, согласно которому даже микроорганизм, попадая в неблагоприятные условия питания и окружающей среды, переходит в репродуктивную фазу и путем споруляции или какого-то особого типа очень быстро производит новых особей. О таком же положении дел в человеческой расе говорит даже тот факт, что половина рождений приходится на четверть населения, находящуюся в

наименее благоприятных условиях. Следовательно, слишком быстрая рождаемость указывает на неблагоприятные условия жизни, так что (пока население увеличивается) более низкая рождаемость является ценным показателем лучшего социального положения дел, и по этому поводу мы должны скорее поздравить страну, чем приступить к соболезнованиям".

[142] "Накопленный расовый опыт показывает, - замечает Вудс Хатчинсон ("Animal Marriage", *Contemporary Review*, October, 1904), - что, производя все меньшее количество потомства и тратя на него все больше родительской заботы, можно добиться лучших результатов в эффективности и способности к выживанию".

[143] Toulouse, *Causes de la Folie*, p. 91; Magri, *Archivio di Psichiatria*, 1896, fasc. vi-vii; Havelock Ellis, *A Study of British Genius*, pp. 106 et seq.

[144] Emile Macquart, "Mortalité, Natalité, Dépopulation," *Bulletin de la Société d'Anthropologie*, 1902.

[145] Интересно наблюдать, как Лафкадио Хирн в последние годы своей жизни был вынужден, пусть и неохотно, признать эту перемену. См., например, его книгу "Япония: An Attempt at Interpretation, 1904, ch. XXI, on "Industrial Dangers". Сами японцы признали это, и именно ощущение упадка их древних идеалов дало столь мощный импульс новым этическим движениям, таким как то, которое описывается как своего рода возвышенный материализм, основанный Юкити Фукудзавой (см. *Open Court*, июнь, 1907).

[146] *Athenæum*, 7 октября 1911 г.

VI

ЕВГЕНИКА И ЛЮБОВЬ

Евгеника и снижение рождаемости - количество и качество детей - евгенический половой отбор - значение родословных - их научная значимость - систематическая запись личных данных - предложение о евгенических сертификатах - День святого Валентина и половой отбор - любовь и разум - любовь, управляемая естественным законом - евгенический отбор не противоречит любви - отсутствие необходимости в правовом принуждении - медицина в отношении брака

/

В последние годы вопрос о будущем человеческой расы был поставлен перед нами так, как никогда прежде. Великое экспансивное движение в цивилизованных странах закончилось. Если пятьдесят лет назад Франция представляла собой разительный контраст с другими странами своей низкой и постепенно падающей рождаемостью, то сегодня, хотя она сама уже почти достигла стационарного положения, Франция выглядит просто лидером в движении, которое является общим для всех более высокоцивилизованных стран. Все они сейчас быстро движутся в том направлении, в котором медленно двигалась она. Было неизбежно, что это движение, охватившее весь мир, должно вызвать энергичные протесты, ибо нет такого плохого состояния вещей, которое не нашло бы сторонников его увековечения. Поэтому было много энергичных проповедей против "расового самоубийства" со стороны людей, глухих к голосу разума, не понимающих, что этот вопрос не может быть решен простым рассмотрением грубой рождаемости, и что, даже если бы это было

возможно, мы все равно должны были бы осознать, что, как замечает один экономист, только снижению рождаемости мы, вероятно, обязаны тем, что современный цивилизованный мир был спасен от экономической катастрофы. [147]

Но каковы бы ни были причины снижения рождаемости, несомненно, что даже когда они находятся под нашим контролем, они имеют слишком интимный характер, чтобы общественный моралист мог их трогать, даже если мы считаем, что они находятся в катастрофическом состоянии. Следует признать, что перед нами не просто локальная или временная тенденция, которую можно стряхнуть усилием воли, а великий фундаментальный закон цивилизации; и тот факт, что мы сталкиваемся с ним в нашей собственной расе, означает лишь, что мы достигли достаточно высокой степени цивилизации. Это далеко не первый случай в мировой истории, когда наблюдается подобное явление. Его можно было наблюдать в императорском Риме; его можно было наблюдать и в "протестантском Риме", Женеве. Где бы ни собирались вместе прекрасные люди, цветы расы, индивидуумы с высочайшими умственными и моральными качествами, там рождаемость неуклонно падает. Порок или добродетель ничего не дают в этой области; при высокой цивилизации рождаемость неизбежно снижается.

//

В этих условиях следовало ожидать, что перед глазами людей должен вспыхнуть новый идеал. Если идеал *количества* для нас потерян, почему бы не поискать идеал *качества*? Мы знаем, что старое правило: "Плодитесь и размножайтесь" означало огромное количество младенческой смертности, голода, хронических болезней, повсеместных страданий. Отказавшись от этого правила, как мы были вынуждены сделать, разве мы не можем стремиться к тому, чтобы наши дети, хотя их и немного, были во всех случаях здоровыми, самыми лучшими, как по физическому, так и по психическому развитию, которых только видел мир?

Таким образом, в последнее время получила распространение концепция *евгеники*, или науки и искусства правильного размножения человеческой расы, которую группа работников, пионером которой был Фрэнсис Гальтон [148]- сначала в Англии, а затем в Америке, Германии и других странах - разрабатывала в течение нескольких лет. Евгеника начинает ощущать себя обладающей живой реальностью, которой она не обладала раньше. Вместо того чтобы быть благожелательным научным увлечением, она начинает представляться как цель, к которой мы неизбежно движемся.

Дело *евгеники* иногда предрешается в общественном сознании сравнением с искусственным разведением домашних животных. В действительности эти две вещи совершенно разные. При разведении животных высшая раса существ манипулирует низшей расой с целью достижения определенных показателей, которые не имеют никакой пользы для самих животных, но представляют значительную ценность для заводчиков. В нашей же расе проблема селекции предстает в совершенно ином виде. Пока еще нет расы сверхлюдей, которые были бы готовы разводить людей для своих особых целей. Как бы то ни было, даже если бы у нас были способности и возможности, мы должны были бы колебаться, прежде чем разводить мужчин и женщин, как мы разводим собак или птиц. Поэтому мы можем полностью отбросить все разговоры о *евгенике* как о разновидности высшего скотоводства. Это было бы нежелательно, даже если бы не было неосуществимо.

Но есть и другой аспект евгеники. Человеческая евгеника не обязательно должна быть и вряд ли будет хладнокровным отбором партнеров каким-то внешним научным авторитетом. Но она может быть, и очень вероятно, что будет, медленно растущим убеждением - сначала среди более разумных членов общества, а затем путем подражания и моды среди менее разумных членов - что наши дети, будущая раса, факелоносцы цивилизации для последующих веков, не являются простым результатом случая или Провидения, но что в очень реальном смысле в нашей власти формировать их, что спасение или проклятие многих будущих поколений находится в наших руках, поскольку зависит от нашего мудрого и здорового выбора пары. Результаты размножения людей, которые никогда не должны быть родителями, хорошо известны; печально известный случай с семьей Джуксов - лишь один из многих примеров. Вряд ли можно ожидать, что в каком-либо сообществе такие люди, как Джуки, возьмут на себя инициативу в движении за евгеническое развитие расы, но имеет большое значение, существуют ли такие семьи в среде, подобной нашей, которая безразлична к будущему расы, или же они окружены влиянием более благотворного характера, которое не может не влиять и даже контролировать безрассудные и антисоциальные элементы в обществе.

Поэтому, рассматривая этот вопрос, мы вправе отбросить не только всякое размножение людей, напоминающее искусственное разведение животных, но и, во всяком случае, в настоящее время, всякий обязательный запрет на брак или деторождение. Мы должны довольствоваться идеалами и стремлением оказать личное влияние на их реализацию.

///

Однако такие идеалы нельзя оставлять в воздухе; если они зависят от индивидуального каприза, то ничего, кроме бесплодной путаницы, из них не получится. Они должны быть прочно основаны на научной базе, подтвержденной фактами. Гальтон всегда подчеркивал это. Он не только инициировал схемы для получения, но и фактически в некоторой степени получил большой объем научных знаний, касающихся особых характеристик и способностей семей, и его усилия в этом направлении с тех пор были в значительной степени расширены и развиты. [149] Лихорадочная деятельность современной жизни, постоянные превратности и несчастные случаи, постигающие семьи в наши дни, привели к необычайному безразличию к семейной истории и традициям. Наши предки из поколения в поколение тщательно записывали рождения, крещения, браки и смерти на форзаце семейной Библии. Во многом благодаря этим ценным записям многие могут перенестись на несколько веков назад, чем это было бы возможно. Но в наши дни семейная библия по большей части прекратила свое существование, и ничто другое не заняло ее место. Если человек хочет узнать, из какого рода он произошел, если он сам не является антикваром или не в состоянии нанять антиквара для помощи, он мало что может узнать, и в самом благоприятном положении он беспомощен без подсказок; хотя с такими подсказками он часто может узнать многое, что будет представлять для него большой интерес. Записи в Семейной Библии, однако, какова бы ни была их ценность в качестве подсказок и даже в качестве фактических данных, не дают достаточной информации, чтобы служить руководством по различным качествам запасов; нам нужна гораздо более подробная и разнообразная информация, чтобы осознать соответствующие ценности семей с точки зрения евгеники. И здесь Гальтон уже осознал необходимость восполнить большой пробел в наших знаниях, а его "Альбомы жизнеописаний" показали, как можно удобно регистрировать необходимую информацию.

Очевидно, что накопленные истории отдельных семей со временем станут основой для научных обобщений, а в конечном итоге, возможно, и для обоснования практических действий. Более того, огромное количество ценной информации, на которой можно

построить знания о взаимосвязанных характеристиках семей, уже сейчас лежит неиспользованной в крупных страховых конторах и других местах. Когда станет возможным получить большую коллекцию точных родословных для научных целей и привести их в надлежащий табличный вид, мы, несомненно, сможем больше узнать о качествах семей, их хороших и плохих характеристиках и степени их корреляции. [150]

Таким образом, со временем мы сможем получить четкую картину вероятных результатов для потомства от союзов между любыми людьми. На основании личных и родовых данных мы сможем рассчитывать вероятное качество потомства супружеской пары. Если взять мужчину и женщину с известными личными качествами и известными предками, каковы будут личные качества, физические, умственные и моральные, детей? Это вопрос огромной важности как для самих существ, которых мы приводим в мир, так и для общества в целом и для будущей расы.

В конце концов, кажется очевидным, что общая система, будь то частная или государственная, в которой все личные факты, биологические и психические, нормальные и болезненные, должным образом и систематически регистрируются, должна стать неизбежной, если мы хотим иметь реальное руководство в отношении тех людей, которые наиболее пригодны или наиболее непригодны для продолжения рода. [151] Если они не будут полными и откровенными, такие записи бесполезны. Но очевидно, что еще долгое время такая система регистрации должна быть частной. Согласно убеждению, которое все еще глубоко укоренилось в большинстве из нас, мы считаем самыми частными те факты нашей жизни, которые наиболее тесно связаны с жизнью расы и наиболее судьбоносны для будущего человечества. Это чувство, несомненно, неизбежно; оно имеет определенную правоту и оправданность. Однако по мере расширения наших знаний мы узнаем, что, с одной стороны, мы несем чуть большую ответственность за будущие поколения, чем привыкли думать, а с другой - чуть меньшую ответственность за наши собственные хорошие или плохие качества. Наша воля создает будущего человека, но точно так же и мы сами создаемся не по своему выбору и не по своей воле. Человек действительно может в определенных пределах лепить себя сам, но материалы, которые он может использовать, были переданы ему родителями, и станет ли он гениальным человеком, преступником, пьяницей, эпилептиком или обычным здоровым, воспитанным и умным гражданином, должно зависеть от родителей не меньше, чем от его собственных усилий или их отсутствия, поскольку даже способность к эффективным усилиям в значительной степени является врожденной. По мере того как мы учимся смотреть на факты с единственно верной точки зрения наследственности, наш гнев или презрение к неспособному и ошибающемуся человеку должны уступить место доброму, но твердому контролю над слабаком. Если у детей зубы навязли в зубах, это потому, что родители съели кислый виноград.

Однако, если мы, конечно, не можем с помощью закона или даже морали заставить каждого вести столь подробные реестры о себе, своих предках и потомстве, не говоря уже о том, чтобы побудить его обнародовать их, то кое-что мы можем сделать. Мы можем сделать так, чтобы он был заинтересован в ведении такого учета. [152] Если стало преимуществом в жизни человека обладать хорошими предками и самому быть хорошим образцом человечности по уму, характеру и телосложению, мы можем быть уверены, что те, кто выше среднего в этих вопросах, будут рады воспользоваться этим превосходством. Страховые конторы уже проводят расследование по этим вопросам, против которого никто не возражает, потому что человек подчиняется ему только ради собственной выгоды; а для военных и некоторых других служб подобные расследования являются обязательными. Согласно предложению Гальтона, евгенические сертификаты должны выдаваться

соответствующим органом власти тем кандидатам, которые пожелают подать заявку на их получение и смогут пройти необходимые тесты. Такие сертификаты предполагали бы изучение родословной кандидата, а также его телосложения, здоровья, интеллекта и характера; обладание таким сертификатом означало бы превосходство над среднестатистическим человеком во всех этих отношениях. Никто не будет вынужден предлагать себя на такой экзамен, так же как никто не вынужден добиваться университетского диплома. Но обладание им часто будет преимуществом. Ничто не мешает учредить подобный экзаменационный совет уже завтра, и мы можем быть уверены, что, как только он будет создан, многие кандидаты поспешат представить себя. [153] В жизни, очевидно, найдется немало должностей, где сертификат такого рода превосходства был бы полезен. Но главным его отличием будет то, что обладание им будет своего рода патентом на природное благородство; мужчина или женщина, обладающие им, будут одними из аристократов природы, которым можно смело доверить будущее расы без лишних вопросов.

IV

По счастливому вдохновению или по случайности Гальтон обнародовал свою программу евгенических исследований в докладе, прочитанном в Социологическом обществе 14 февраля, в праздник святого Валентина. Хотя древние празднования этого дня уже угасли, святой Валентин на протяжении многих веков был покровителем сексуальной селекции, особенно в Англии. Вряд ли можно сказать, что заслуга в этом вопросе принадлежит самому святому, ведь он случайно занял свое видное положение в мире. Он был просто благочестивым христианином, которого обезглавили за веру в Риме при Клавдии. Но так случилось, что его праздник пришелся на тот период ранней весны, когда птицы, по поверьям, образуют пары, а юноши и девушки привыкли выбирать себе или другим партнеров. Этот обычай, который вместе со многими другими примитивными обычаями изучал Маннхард [154]- не всегда совершался 14 февраля, иногда это происходило немного позже. В Англии, где этот обычай строго ассоциировался с Днем святого Валентина, он упоминается Лидгейтом, а также Карлом Орлеанским в рондо и балладах, которые он написал во время своего долгого заключения в Англии. Название Valentins или Valentines было также введено во Франции (где этот обычай существовал уже давно) для обозначения молодых пар, созданных таким образом. Этот метод сексуального отбора, наполовину игривый, наполовину серьезный, особенно процветал в регионе между Англией, Мозелем и Тироле. Существенная часть обычая заключалась в публичном выборе подходящей пары для брачных девушек. Иногда вопрос о пригодности решался внешности; иногда дело решалось по жребию. В этих союзах не было принуждения; часто они были не более чем игрой, хотя иногда они были сопряжены с такой степенью безнравственности, что власти выступали против них. Но очень часто сексуальный отбор, осуществляемый таким образом, приводил к свадьбе, и эти игривые союзы валентинов считались особенно благоприятной прелюдией к счастливому браку.

Нет нужды показывать, как древние обычаи, связанные с Днем святого Валентина, были вновь подхвачены и поставлены на более высокий уровень великим движением, которое сейчас начинает формироваться среди нас. Старые союзы влюбленных заключались в результате каприза, сдерживаемого более или менее здоровыми инстинктами и здоровым смыслом. В сексуальном отборе будущего те же результаты будут достигнуты благодаря более или менее осознанному и сознательному признанию великих законов и тенденций, которые медленно проясняются в ходе исследований. Новый Святой Валентин будет святым науки, а не фольклора.

На подобные заявления всегда отвечают, что любовь смеется над наукой, а ветры страсти дуют, куда им вздумается. [155] Это, однако, отнюдь не является полной правдой, и в любом случае далеко не исчерпывает всей картины. Трудно бороться с человеческой природой, но сама человеческая природа противится неразборчивому выбору партнеров. Неправда, что кто-то склонен любить кого-то, и что взаимное влечение - дело случая. Исследования, проведенные в последнее время, показывают, что в этом вопросе существуют определенные тенденции, что определенные типы людей имеют тенденцию притягиваться к определенным типам, особенно то, что подобные притягиваются к подобным, а не непохожие к непохожим, и что, опять же, в то время как некоторые типы людей имеют тенденцию вступать в брак с особой частотой, другие типы имеют тенденцию оставаться незамужними. [156] Сексуальный отбор, даже если он подвержен случайным влияниям, все же не является случайностью; он следует определенным и поддающимся установлению законам. Таким образом, игра любви, какой бы свободной она ни казалась, на самом деле ограничена в ряде направлений. Люди не склонны влюбляться в тех, кто по расовым признакам контрастирует с ними; они не склонны влюбляться в иностранцев; их не привлекают уродливые, больные, деформированные. Все это может случиться, но это исключение, а не правило. Эти ограничения для блуждающих импульсов любви, хотя и очень реальные, в некоторой степени меняются в разные периоды в соответствии с идеалами, которые входят в моду. В более отдаленные эпохи они были еще более глубоко изменены религиозными и социальными идеями; полигамия и полиандрия, обычай жениться только в своей касте или только вне ее - все эти разнообразные и противоречивые планы были легко приняты в определенном месте и в определенное время, и не представляли собой более сознательного препятствия для свободной игры любви, чем в нашей среде запрет на брак между близкими родственниками.

Те простодушные люди, которые говорят о слепой и непреодолимой силе страсти, сами слепы к самым обычным психологическим фактам. Страсть - когда она возникает - требует у нормальных людей совокупных и длительных усилий, чтобы придать ей полный импульс. [157] На ранних стадиях она находится под контролем многих влияний, в том числе и влияния разума. Если бы это было не так, не было бы ни полового отбора, ни какой-либо социальной организации. [158]

Таким образом, евгенический идеал, который сейчас развивается, - это не искусственный продукт, а разумное проявление естественного инстинкта, который зачастую был гораздо сильнее подавлен произвольными запретами прошлого, чем это может произойти с любыми евгеническими идеалами будущего. Новый идеал будет впитан в сознание сообщества, как новая религия или нет, [159] и будет инстинктивно и бессознательно влиять на порывы мужчин и женщин. Это будет происходить тем более уверенно, что, в отличие от табу дикарских обществ, евгенический идеал заставит мужчин и женщин отвергать в качестве партнеров только тех, кто от природы непригоден - больных, ненормальных, слабаков, - и совесть, таким образом, будет на стороне импульса.

Действительно, можно отметить, что те, кто выступает за более высокую и научную совесть в вопросах брака, ни в коем случае не замышляют против любви, которая в большинстве случаев на их стороне, а скорее против влияний, которые делают насилие над любовью: с одной стороны, безрассудное и необдуманное подчинение сиюминутному желанию, а с другой - еще более пагубное влияние богатства, положения и житейских удобств, которые придают фиктивную ценность людям, которые никогда не стали бы привлекательными партнерами в жизни, если бы любовь и евгенические идеалы шли рука об руку. Именно такие союзы, а не те, что вдохновлены здоровыми инстинктами здоровых любовников, приводят

если не к абстрактному "ухудшению расы", то уж точно в бесчисленных случаях к постоянному несчастью людей, которые выбирают себе пару, не понимая, как эта пара может развиваться и каких детей можно ожидать от этого союза. Евгеническому идеалу придется бороться с преступниками и еще более решительно с богатыми; у него будет мало серьезных ссор с нормальными и хорошо сложенными любовниками.

Теперь, возможно, станет понятно, как получилось, что евгеническая концепция улучшения расы воплощает в себе новый идеал. Мы знакомы с законодательными проектами об обязательных сертификатах как условии вступления в брак. Но даже если не принимать во внимание все другие соображения, которые делают подобные схемы иллюзорными и нежелательными, эти навязанные извне правила не доходят до сути дела. Если они добровольны, если они проистекают из прекрасного евгенического стремления, это другое дело. При таких условиях метод может быть реализован сразу же. Профессор Грассе указал на один из способов, с помощью которого это можно сделать. Мы не можем, отмечает он, следовать процедуре военного *ревизионного совета* и принудительно отвергать кандидата из-за определенного дефекта. Но можно, чтобы две заинтересованные семьи создали конференцию двух семейных врачей, после осмотра будущих жениха и невесты, разрешили врачам свободно обсудить медицинские аспекты предлагаемого союза и обязались принять их решение, не требуя раскрытия каких-либо секретов. Таким образом, семьи останутся в неведении о дефекте, который помешал этому союзу, но может не помешать другому союзу, поскольку главная опасность во многих случаях исходит от соединения сходящихся болезненных тенденций. [160] Во Франции, где большая часть власти остается за соответствующими семьями, этот метод может быть эффективным при условии полного доверия к соответствующим врачам. В некоторых странах, например в Англии, будущая пара может предпочесть взять дело в свои руки, откровенно обсудить его и обратиться к врачу за советом; в настоящее время это делается гораздо чаще, чем раньше. Но все принудительные проекты такого рода, да и вообще любое законодательство, не могут дойти до сути вопроса. Ведь, во-первых, нам нужен большой объем фактов, внимательное отношение к учету, регистрации и статистической обработке личных и семейных историй. Во-вторых, необходимо, чтобы здоровые идеалы и высокое чувство ответственности пронизывали все сообщество, сначала его лучших и выдающихся членов, а затем, в силу обычной заразы, царящей в таких делах, и всех его членов. [161] Со временем, не сомневаюсь, это приведет к согласованным социальным действиям. Мы можем с полным основанием ожидать, что наступит время, когда, например, если страдающая эпилепсией женщина будет скрывать свое состояние от мужчины, за которого она выходит замуж, будет считаться, что совершено достаточно серьезное преступление, чтобы признать брак недействительным. Не стоит полагать, что влюбленные захотят или будут компетентны изучать семейные и медицинские истории друг друга. Но выбрать партнера из тех, кто успешно прошел евгенический тест, было бы по меньшей мере так же легко и просто - тем более что такие люди, несомненно, являются наиболее привлекательной группой в обществе, - как австралийскому аборигену выбрать супружеского партнера из одной социальной группы, а не из любой другой. [162] Это вопрос принятия идеала и оказания личного и общественного влияния в направлении этого идеала. Если мы действительно стремимся поднять уровень человечества, мы можем начать делать это уже сегодня.

ЗАМЕТКА ОБ ИСТОРИИ ЖИЗНИ

Чрезвычайный интерес к записи истории жизни очевиден, даже если не принимать во внимание ее возможную научную ценность. Большинство из нас могли бы похвалить себя,

если бы такие записи были в обычае, когда мы были детьми. Вероятно, это становится все более очевидным, хотя до недавнего времени здесь были активны только первопроходцы. "Я завел альбом истории жизни для каждого из своих детей, - пишет мистер Ф. Х. Перрикост в частном письме, - как только они родились; и к тому времени, когда они достигнут мужского и женского возраста, у них будут ценные записи их собственного физического, умственного и нравственного развития, которые должны быть им очень полезны, когда у них появятся собственные дети, а физические записи, в которые, конечно, включены медицинские, могут в любой момент оказаться очень ценными для их собственных медицинских консультантов в дальнейшей жизни. У меня есть повод сожалеть, что такие альбомы не велись для меня и моей жены, ведь в них можно было бы найти необходимые данные, по которым можно было бы "оценить" способности и поведение наших детей. Я, например, хорошо знаю, каков был мой собственный гальтоновский рейтинг в школьные годы, и постоянно спрашиваю себя, будет ли мой мальчик таким же, лучше или хуже. К счастью, я примерно помню, каких ступеней я достигал в один или два переходных периода школьной жизни; но если бы такой альбом хранился у меня, я мог бы развернуть его и сверять своего мальчика с собой по каждому предмету на каждом годовом этапе. Из этого вы поймете, что я считаю очень важным, чтобы в альбом заносились подробные сведения о школьной работе и интеллектуальном развитии. В моем распоряжении недостаточно места для этих записей, поэтому я кратко излагаю их в альбоме и вставляю ссылку на листы с более подробными сведениями, которые я храню; но было бы неплохо, когда выйдет очередное издание альбома, ходатайствовать о вставке дополнительных пустых страниц после восьми или девяти лет, чтобы можно было переписывать полные школьные отчеты. Однако главное - побудить людей вести альбом, который станет ядром, вокруг которого может группироваться любое количество более полных записей".

Не обязательно строго придерживаться гальтоновского типа альбома, и я обязан "Генри Хэмиллу", автору книги *"Истина, которую мы должны знать о молодежи"*, за следующие предложения о том, как можно вести такую запись:

"Книга должна быть не просто сухим пересказом, а включать в себя определенный призыв к чувствам. Субъект должен начать делать записи сам, когда станет достаточно взрослым, чтобы делать это правильно, то есть так, чтобы книга не была изуродована - хотя, конечно, наивность юношеских фраз и т. д. может представлять особый интерес. С графологической точки зрения интерес представляет эволюция почерка; и если не по какой-либо другой причине, образцы почерка должны появляться в книге из года в год, пока родитель продолжает писать другие записи. Теперь в истории жизни может появиться некий сакраментальный характер. Субъекта следует заставить рассматривать книгу как свидетеля и воспринимать в ней дополнительную причину избегать каждого поступка, упоминание о котором может испортить историю. В то же время характер свидетельства может быть использован для исправления ошибочных представлений о достоинствах поступков и освящения некоторых из них, которые по глупости были унижены. Так, можно оставить несколько пустых листов перед страницами с формами для заполнения антропометрических и физиологических данных, а заголовки сделать такими, чтобы они предлагали более достойный взгляд на эти вещи. Например, можно указать "Место и время зачатия", и образец записи может быть полезен, чтобы привести обычные умы к более благоговейному и поэтическому взгляду, чем принято сейчас - например, такой, который я взял из истории жизни одного американского ребенка: "Наш второй ребенок М... был зачат в летний день, под тенью дружелюбного платана, под безоблачной синевой Южной Калифорнии". Или, вместо того чтобы

ограничивать ссылку на конкретный эпизод, она может относиться ко всей главе "Любовь", которую этот эпизод украшает, особенно в случае с первым ребенком, когда поэтическая история спаривания родителей может предшествовать. Присутствие мысли о том, что книгу когда-нибудь прочтут не только в интимном кругу, сдержит склонность некоторых людей к неумеренным саморазоблачениям и "излияниям". Подобные книги станут самой дорогой реликвией семьи, помогая крепче скрепить ее узы и давая представление об индивидуальном характере, что очень ценно дополнит более ощутимые данные родословной. Фотографии, сделанные каждые три месяца или около того, должны быть как можно более обнаженными. Постепенный переход от детства поможет предотвратить возникновение резких ощущений, и эта практика станет ценным подспорьем в реабилитации обнаженной натуры и подлинности в нашей повседневной жизни, неважно, в каком отношении. Это приводит к сложному вопросу о том, насколько следует учитывать моральные аспекты. "Сегодня Джонни рассказал свою первую неправду; мы сделали вид, что не поверили всему, что он сказал, и он начал понимать, что ложь - это плохая политика". "Наказали Джонни за то, что он впервые оторвал крылья у мухи; он хотел знать, почему мы можем убивать мух прямо, а не калечить их", и так далее. Ибо таким образом родители будут обучаться психологии воспитания и формирования характера, хотя вскоре появятся книги особо одаренных родителей для их руководства.

"Разумеется, все имеющиеся сведения о предродовом периоде или состоянии матери должны быть отмечены (но кто ожидает, что мать будет отмечать, что она туго зашнуровывала туфли до такого-то и такого-то месяца? Возможно, ведение такого журнала может послужить сдерживающим фактором). Аналогично, в разделе "Диета и режим", год за годом, предположение о грудном вскармливании - наличие колонок для различных случаев этого - вес до и после кормления и т. д., - имело бы большое наводящее значение.

"Предоставление в разделе "Диета и режим" колонок для "наркотических привычек, если таковые имеются" - чай, кофе, алкоголь, никотин, морфий и т.д. - будет иметь большое значение и действовать в направлении простой жизни и благоговейного отношения к телу. Можно привести несколько хороших афоризмов, например:

"Если что-то и является священным, то человеческое тело" (Уитмен).

"Как молодые люди распространяют свои "Книги симпатий и антипатий" и т. д. и таким образом в занимательной форме дают друг другу представление о характере каждого, так и история жизни не должна быть *арканом* - по крайней мере, там, где людям нечего стыдиться. Без сомнения, было бы очень тяжелым испытанием допустить к такому доверию даже близких друзей. *Но по мере распространения евгеники сокрытие порока станет практически неосуществимым*, и факты вполне можно будет признать. Но даже тогда будут существовать ограничения. Можно было бы создать эзотерическую книгу для собственного рассказа человека о себе. Такие важные сведения, как частота полового созревания (хотя в некоторых сообществах они пользуются дурной славой), не могут быть включены в книгу, открытую даже для семейного круга, для последующих поколений. Затишье половых органов, седативные средства, возникающие естественным образом, как бы ни были они важны и занимали сознание в столь значительной степени, не нашли бы места; тем не менее, частный дневник этих фактов помог бы успокоить человека и стал бы защитой от неуважительного отношения к своему телу.

"Как факты индивидуальной эволюции, так и факты распада должны быть отмечены. Первые признаки распада - зубы, эластичность тела и ума - станут ценной сферой для всех, кто склонен к ведению дневника. Дневники людей с даром самоанализа станут ценным материалом для психологов в будущем. Жизнь очистится во многих отношениях. Дневники не нужно будет извращать, как дневники Мари Башкирцефф, потому что болезненность, которая злорадствует над запретным, будет иметь меньший размах, и многое, что сейчас считается постыдным, будет восприниматься как естественное и правильное.

"Книга может состоять из нескольких томов, и тот, что посвящен периодам младенчества и детства, должен быть менее закрытым, чем тот, что посвящен половому созреванию". Мор в своей *"Утопии"* требует, чтобы влюбленные научились узнавать друг друга такими, какие они есть на самом деле, то есть обнаженными. Это теперь самое утопическое в *"Утопии"* Мора. Но предварительно влюбленные могли бы сообщить друг другу историю своей жизни.

"Весь этот план, конечно, в конце концов должен был бы быть переключен так называемым "человеком из мира"".

Не все могут согласиться с такой концепцией альбома для истории жизни и его использования. Некоторые предпочтут сухую и бессодержательную запись измерений. В настоящее время, однако, есть место для самых разных типов таких документов. Важно осознать, что в той или иной форме подобная запись с момента рождения или раньше вполне осуществима и представляет собой документ, весьма желательный как с личной, так и с социальной и научной точек зрения.

[147] Д-р Скотт Неринг, *"Расовое самоубийство против перенаселения"*, *Научно-популярный ежемесячник*, январь, 1911. А с биологической стороны профессор Бейтсон приходит к выводу (*Biological Fact and the Structure of Society*, p. 23), что "именно в снижении рождаемости кроется наиболее многообещающее предзнаменование для счастья будущих поколений".

[148] Сам Гальтон, внук Эразма Дарвина и сводный брат Чарльза Дарвина, можно сказать, представляет собой благородную иллюстрацию бессознательного процесса евгеники. (Он изложил свою родословную в книге *"Воспоминания о моей жизни"*). После его смерти редактор *ежемесячника "Popular Science"* написал, ссылаясь на тот факт, что Гальтон был выдвинут в почетные члены Академии наук вместо Уильяма Джеймса: "Эти два человека - величайшие из тех, кого он знал. Джеймс обладал более сложной личностью; но у них были общие черты - сочетание совершенного аристократизма с полным демократизмом, прямота, доброта, щедрость и благородство сверх всякой меры". Говорят, что евгеника бесполезна, потому что она не может определить свою цель. Ответ прост - нам нужны люди, подобные Уильяму Джеймсу и Фрэнсису Гальтону" (*Popular Science Monthly, March, 1911.*) Вероятно, большинство тех, кто хоть немного соприкасался с этими двумя прекрасными личностями, согласятся с этим выводом.

[149] Гальтон в основном изучал семьи, к которым принадлежат люди с интеллектуальными способностями, особенно в своих *"Наследственном гении"* и *"Английских ученых"*; различные виды патологических семей с тех пор были исследованы Карлом Пирсоном и его коллегами (см. серию *"Биометрика"*); родословные дефективных классов (особенно слабоумных и эпилептиков) теперь точно разработаны, как Годденом, в Винеланде, Нью-

Джерси, и Давенпортом, в Нью-Йорке (см. например, *Eugenics Review*, April, 1911, и *Journal of Nervous and Mental Disease*, November, 1911).

[150] "Когда важность хорошего рождения будет вновь признана в новом смысле, - писали У. К. Д. Уэтхем и миссис Уэтхем (в книге "*Семья и нация*", стр. 222), - когда врожденные физические и умственные качества различных семей будут регистрироваться в центральном социологическом отделе или научно реформированном Колледже оружия, родословные всех будут представлять высший интерес. Будет понятно, что важнее вступить в брак с семьей, имеющей хорошую наследственную историю физических, умственных и моральных качеств, чем когда-либо считалось вступить в союз с семьей с шестнадцатью четвертями".

[151] Значение таких биографических записей о способностях и характере настолько велико, что некоторые, например Шалльмайер (*Vererbung und Auslese*, 2nd ed., 1910, p. 389), считают, что они должны стать общеобязательными. Это предложение, однако, кажется преждевременным.

[152] Во многих незапланированных и непредвиденных отношениях эти реестры могут иметь огромную ценность. Они могут даже оказаться средством свержения нашей пагубной и разрушительной системы так называемого "образования". Шаг в этом направлении был предложен мистером Р.Т. Боди, инспектором начальных школ, на собрании ливерпульского отделения Общества евгенического образования: "Образовательные учреждения должны быть тщательно распределены с учетом научной вероятности их использования с максимальной пользой для страны, и это не только по экономическим причинам, но и потому, что жестоко отрывать детей от их собственной жизни в другую сферу, и жестоко по отношению к классу, который они покидают". Поскольку деятельность нации и способности детей одинаково различны по роду и степени, самым естественным планом было бы разобраться с ними обоими, а затем разработать школьную систему специально для того, чтобы приспособить одну из них к другой. В настоящее время нет постоянной цели, а есть вечное буйство перемен, приводящее к рассеянности ума, прерывистости цели и увеличению расходов, в то время как счастье разрушается, потому что желания растут быстрее, чем имущество или чувство достижения. Единственной действительно научной основой для национальной системы образования могло бы стать полное знание семейной истории каждого ребенка. При более совершенной классификации семейных талантов необходимость в стипендиях на пересадку стала бы меньше, ведь каждая из них - это признание первоначальной ошибки при устройстве ребенка. Тогда больше денег можно было бы выделить на промышленные исследования, на стипендии для путешественников и студентов художественных вузов и другие виды помощи тем, кто обладает редким даром оригинальной мысли" (*British Medical Journal*, 18 ноября 1911 года).

[153] Я должен добавить, что есть одно препятствие, а именно - расходы. Когда настоящая глава была впервые опубликована в предварительной форме в виде статьи в "*Девятнадцатом веке и после*" (май 1906 г.), Гальтон, всегда живо интересующийся всем, что касается изучения евгеники, написал мне, что он был впечатлен общим сочувственным приемом, который получила моя статья, и что он чувствует побуждение рассмотреть вопрос о том, можно ли начать выдавать такие сертификаты сразу же. Он попросил меня высказать свое мнение, в частности, о том, на какой почве должны выдаваться такие сертификаты. Программа, которую я изложил, была несколько обширной, поскольку я считал, что заявитель должен не только принести доказательства благополучного происхождения, но и пройти антропологическое, психологическое и медицинское обследование. В конце концов Гальтон пришел к выводу, что расходы, связанные с этой программой, делают ее в настоящее время нецелесообразной. Мое мнение было и остается таковым, что, хотя плата

за такой сертификат может оказаться непомерно высокой для большинства людей, несколько человек могут счесть желательным искать такие сертификаты и выгодным обладать ими, и что во всяком случае стоит начать".

[154] Mannhardt, *Wald-und Feldkulte*, 1875, Vol. I, pp. 422 et seq. Я обсуждал сезонные эротические праздники в исследовании "Феномены сексуальной периодичности", *Studies in the Psychology of Sex*, Vol. I.

[155] Так, в небольшом популярном периодическом издании мы читаем: "Я готов поддержать человеческую природу против всех чудачков в христианстве. Человеческая природа будет терпеть причуды, пока они не будут мешать ей в том, что она ценит. Одна из таких вещей - право выбирать себе партнера на всю жизнь. Если мужчина любит девушку, он не откажется от нее из-за того, что у нее тетя в психушке или дядя страдает эпилептическими припадками" и т. д. Точно так же можно сказать, что человек не позволит ничему помешать его праву есть ту пищу, которую он выбирает, и не откажется от понравившегося ему блюда из-за того, что оно оказалось приправлено мышьяком. Возможно, среди дикарей так и есть. Рост цивилизации заключается в постоянно расширяющемся самоконтроле, руководствующемся предусмотрительностью.

[Я обобщил некоторые данные по этим вопросам, особенно те, которые показывают, что сексуальное влечение направлено на похожих людей, а не, как предполагалось ранее, на непохожих, в *"Исследованиях по психологии пола"*, том IV, "Сексуальный отбор у человека".

[157] Другими словами, процесс возбуждения постепенный и сложный. См. Хэвелок Эллис, *Исследования в области психологии секса*, том III, "Анализ сексуального импульса".

[158] Как замечает Розуэлл Джонсон ("Эволюция человека и ее контроль", *Popular Science Monthly*, январь, 1910): "Хотя неоспоримо, что любовь, возникшая однажды, не поддается рациональным соображениям, мы должны заметить, что сексуальный отбор обычно проходит две стадии, первая из которых - простое взаимное влечение и интерес. Именно на этой стадии действуют воля и разум, и только здесь может быть эффективным любое значительное повышение стандарта".

[159] Гальтон считал, что евгеника способна стать фактором религии (*"Очерки евгеники"*, с. 68). Однако можно усомниться в том, что такое завершение возможно или желательно. Такое же религиозное утверждение было сделано и в отношении социализма. Но, как отмечает доктор Иден Пол в недавней брошюре о *социализме и евгенике*, "если и социализм, и евгеника занимаются исключительно применением знаний, полученных опытным путем, для улучшения участи человека, то, по-видимому, лучше отказаться от религиозной терминологии и рассматривать эти две доктрины как взаимодополняющие части великого современного движения, известного под названием "гуманизм". Лично я не считаю, что социализм или евгеника могут рассматриваться как входящие в законную сферу религии, которую я попытался определить в другом месте (Заключение к *"Новому духу"*).

[160] Ж. Грассе, в *"Международном трактате по патологической психологии"* д-ра А. Мари, 1910, том I, стр. 25. Далее Грассе обсуждает принципы, которыми должен руководствоваться врач в таких консультациях.

[161] Это было четко осознано Немецким обществом евгеники или "расовой гигиены", как его обычно называют в Германии (Internationale Gesellschaft für Rassen-Hygiene), основанным доктором Альфредом Плоцем при сотрудничестве многих выдающихся врачей и ученых "для продвижения теории и практики расовой гигиены". Главная цель этого общества - поощрять

регистрацию членами биологических и других физических и психических характеристик себя и своих семей, чтобы получить свод данных, на которых в конечном итоге могут быть основаны выводы; члены обязуются не вступать в брак, пока не будут уверены в том, что в результате медицинского обследования обеих сторон этот союз не принесет вреда ни одному из партнеров, ни потомству. Общество также принимает в свои ряды ассоциированных членов, которые занимаются только научными аспектами его работы и пропагандой. В Англии Общество евгенического образования (с его органом "*Евгеническое обозрение*") сделало многое для стимулирования разумного интереса к евгенике.

[О том, насколько влиятельным может быть общественное мнение при выборе супругов, говорит то влияние, которое оно уже оказывает - менее чем через столетие - на ограничение потомства. Это хорошо заметно в некоторых районах Франции. Так, в отношении одного из сельских районов близ Гаронны доктор Бельбез, хорошо знающий его, пишет (*La Neurasthénie Rurale*, 1911): "Общественное мнение в настоящее время не одобряет многоплодие. К большим семьям, без сомнения, относятся с презрением. На пары, производящие многочисленное потомство, смотрят, подмигивая, как на "маладройтов", что в этом регионе является, пожалуй, высшим термином оскорбления..... Общественное мнение всесильно, и его одного достаточно, чтобы добиться сдержанности, когда предвидение недостаточно для этой цели".

VII

РЕЛИГИЯ И РЕБЕНОК

Религиозное воспитание в связи с социальной гигиеной и психологией - Психология ребенка - Содержание детского ума - Воображение детей - Насколько дети могут усвоить религию - Неудачные результаты раннего религиозного воспитания - Половое созревание - возраст для религиозного воспитания - Религия как посвящение в тайну - посвящение среди дикарей - Христианские таинства - Современная тенденция в отношении религиозного воспитания - Ее преимущества - Дети и сказки - Библия детства - Нравственное воспитание.

Факт столь же странный, сколь и прискорбный, что широко обсуждаемый вопрос о религиозном воспитании детей рассматривается почти исключительно с точки зрения сектантов и секуляристов. При обсуждении этого вопроса нам почти наверняка предложат принять участие в утомительной перепалке между церковью и капеллой, между религией и секуляризмом. В том-то и странность, что, кажется, невозможно уйти от этого сектантского спора об абстрактных претензиях различных религиозных организаций. Самое печальное, что в этой ссоре одинаково игнорируются интересы общества, интересы ребенка, даже интересы религии.

Если мы действительно хотим прийти к здравому выводу по вопросу, который, несомненно, имеет огромное значение как для ребенка, так и для общества, гражданином которого он однажды станет, мы должны решительно отодвинуть на второй план, как второстепенный, крики враждующих сект, религиозных или нерелигиозных. Первое место здесь принадлежит психологу, который строит уже обширный фундамент знаний о реальной природе ребенка, о содержании и развитии юношеского разума, и учителю-практику, который соприкасается с этими знаниями и может проверить их на практике. Прежде чем рассматривать вопрос о том,

какие лекарства следует назначать, мы должны рассмотреть природу организма, в который они должны быть введены.

Разум ребенка одновременно логичен и экстравагантен, фактичен и поэтичен или, скорее, мифо-поэтичен. Это сочетание кажущихся противоположностей, хотя оно часто кажется почти непонятным взрослому, является неизбежным результатом того, что зарождающийся интеллект ребенка работает, так сказать, в вакууме. Другими словами, ребенок не приобрел двух способностей, которые в основном придают характер всему корпусу убеждений и чувств взрослого человека. Он лишен пубертатного расширения, которое наполняет разум новыми личными и альтруистическими импульсами и преобразует его эмоциями, часто ослепительными, а иногда и искажающими; и он еще не впитал или даже не обрел способность впитать все те убеждения, мнения и ментальные установки, которые раса постепенно приобрела и передала как традиционный результат своего опыта.

Интеллектуальные процессы детей, отношение и содержание детского разума были изучены в последние годы с такой тщательностью и детальностью, с какой никогда не изучались ранее. Это не тот вопрос, о котором можно сказать, что взрослый человек обладает каким-либо инстинктивным или само собой разумеющимся знанием. Взрослые обычно имеют странную склонность полностью забывать факты своей детской жизни, а дети, как и народы примитивной расы, обычно очень осторожны в сознательной передаче своих умственных операций, своих эмоций и своих идей. Иными словами, ребенок в равной степени лишен как внутренне приобретенной сложной эмоциональной природы, ядром которой является сексуальный импульс, так и внешне приобретенного умственного оснащения, которое можно выразить словом "традиция". Но он обладает яркой активностью, основанной на проявлении чувств и appetites, и способен рассуждать с неумолимой серьезностью, от которой традиционализированный и сложнэмоциональный взрослый с ужасом отшатывается. Ребенок создает мир для себя, и он создает его по своему образу и подобию знакомых ему людей. Для него нет ничего святого, и он доводит до самых смелых крайностей - как это кажется взрослому - аргументы, вытекающие из его личного опыта. Он не в состоянии увидеть различия между естественным и сверхъестественным, и это убеждение оправдано, потому что, по сути, он сам живет в атмосфере, которая для большинства взрослых была бы сверхъестественной; большинство детей видят видения с закрытыми, а иногда и с открытыми глазами; [163] они нередко подвержены цветослуховым и другим синестетическим ощущениям; и они иногда слышат галлюцинаторные голоса. Вполне возможно, что это происходит со всеми детьми в той или иной степени, хотя способность рано угасает и легко забывается, поскольку ее необычный характер никогда не признавался.

Из 48 бостонских детей, пишет Стэнли Холл, [164] 20 верили, что солнце, луна и звезды живут, 16 считали, что цветы могут чувствовать, а 15 - что куклы чувствуют боль, если их сжечь. Небо оказалось главным полем, в котором дети упражняют свой философский ум. Примерно три четверти из них считали мир равниной с небом в виде чаши, иногда полагая, что оно настолько тонкое, что можно легко прорваться сквозь него, но настолько большое, что на небесах приходится подметать пол. Солнце может опускаться на землю, когда заходит, но половина детей считала, что ночью оно катится или улетает, или дует, или ходит, или Бог поднимает его выше, унося на небо, по мнению некоторых, укладывая спать, и даже снимая с него одежду и надевая ее снова утром, или, опять же, считается, что ночью оно лежит под деревьями, а ангелы за ним наблюдают. Бог, о котором дети всегда так много слышат, играет очень большую роль в этих представлениях и считается непосредственно ответственным за все космические явления. Так, гром для этих американских детей - это стон Бога, или пинок, или качение бочки, или поворот большой ручки, или измельчение снега,

или разбивание чего-то, или стук большого молотка; а молния - это то, что Бог высунул палец, или быстро включил газ, или чиркнул спичкой, или поджег бумагу. По мнению бостонских детей, Бог - это большой, возможно, синий человек, которого можно увидеть в небе, на облаках, в церкви или даже на улице. Они утверждают, что Бог иногда приходит к ним в гости, и они видели, как он входит в ворота. Он создает лампы, младенцев, собак, деревья, деньги и т. д., а ангелы работают на него. Он похож на священника, учителя или папу, и детям нравится смотреть на него; некоторые из них сами хотели бы стать Богом. Его дом на небе может быть каменным или кирпичным; с Богом живут птицы, дети и Санта-Клаус.

Птицы и звери, их пища и мебель, как отмечает Бернхем, разговаривают с детьми; когда роса на траве, "трава плачет", звезды - это свечи или лампы, возможно, гарь из Божьей печи, бабочки - это летающие анютины глазки, сосульки - рождественские конфеты. У детей есть воображаемые братья, сестры и друзья, с которыми они разговаривают. Иногда с ними разговаривает Бог. Даже самые простые вещи оживают; следы грязных ног на полу - это цветы; скрипучий стул разговаривает; ногти сапожника - это дети, которых он ведет в школу; разносчик - это Санта-Клаус.

Мисс Мириам Леви однажды исследовала мнения 560 детей, мальчиков и девочек в возрасте от 4 до 14 лет, о том, как человек на Луне попал туда. Только пятеро не смогли предложить серьезного объяснения; 48 считали, что человека там вообще не было; 50 предложили научное объяснение феномена; но все остальные, подавляющее большинство, представили воображаемые решения, которые можно разделить на семнадцать различных классов.

Подобные факты, которые можно легко перечислить и которые действительно знакомы всем, хотя их значение обычно не осознается, указывают на особые склонности ребенка в религиозной сфере. Он не способен следовать тем различиям, которые взрослый с удовольствием проводит между "реальными", "духовными" и "воображаемыми" существами. Для него таких различий не существует. Он может, если захочет, принять имена или характеристики, какие захочет, тех существ, о которых ему рассказывают, но он помещает их в свой собственный мир, на более или менее равных основаниях, и сам решает, какой будет их судьба. Высшие существа взрослого далеко не всегда выживают в борьбе за существование, которая происходит в воображаемом мире ребенка. Среди многих тысяч детей, поступивших в городские школы Берлина, было обнаружено, что Красную Шапочку знают лучше, чем Бога, а Золушку - чем Христа. Это результат свободы ребенка от бремени традиций.

Но в то же время дает о себе знать и противоположная, хотя и связанная с ней особенность детства - отсутствие эмоциональных переживаний пубертатного периода, которые углубляются и часто затуманивают разум несколько лет спустя. Какими бы экстравагантными ни казались его убеждения, ребенок - бескомпромиссный рационалист и реалист. Его мнимая изобретательность на самом деле всего лишь результат его логической настойчивости в том, что все новые явления, представляемые ему, должны рассматриваться с точки зрения его самого и его окружения. Его самые смелые представления основаны на точных, конкретных и личных фактах его собственного опыта. Именно поэтому он так остро ставит под сомнение идеи взрослых людей и является критиком, который иногда может быть таким же опасным и разрушительным, как зулусы епископа Коленсо. Большинство детей до тринадцати лет, как утверждает Эрл Барнс, - любознательные, если не скептики.

Если мы ясно осознаем эти особенности детского ума, то не сможем не понять, какое впечатление производит на него религиозное обучение. Утверждения и истории, которые

ему повторяют, ребенок легко принимает в той мере и только в той, в какой они отвечают его потребностям; а когда он их принимает, они усваиваются, что означает, что они вынуждены подчиняться законам его собственного ментального мира. Если же представленные ему утверждения и истории неприемлемы или не могут быть усвоены, то они либо проходят мимо него незамеченными, либо он подвергает их холодной и бесстрастной логике, которая оказывает на них разрушающее воздействие.

Ребенок может усвоить некоторые идеи религии, в частности идею Бога как непосредственного агента космических явлений; некоторые из процитированных мною детских представлений иллюстрируют, с какой легкостью ребенок перенимает эту идею. Он принимает, то есть то, что можно назвать жестким точным скелетом идеи, и представляет себе колоссального мага, антропоморфного (если не пайдоморфного), чьи действия любопытны, хотя и не вызывают никакого таинственного благоговения или трепета перед агентом. Даже это не очень удовлетворительно, и Стэнли Холл, в духе Фребеля, считает, что наилучший результат достигается, когда ребенок не знает никакого Бога, кроме собственной матери. [165] Но по большей части идеи религии вообще не могут быть приняты или усвоены детьми; они созданы не детьми и не для детей, а представляют собой чувства, мысли и опыт людей, причем иногда даже очень исключительных и ненормальных людей. "В ребенке, - говорят, - несомненно, есть психические элементы, из которых складывается религиозный опыт, так же как в семени заложено обещание плода, который появится в полноте времени". Но сказать, что средний ребенок религиозен или способен получить обычное продвинутое религиозное обучение, равносильно тому, чтобы сказать, что семя - это плод или способно превратиться в плод до наступления полноты времени". [166] Ребенок, который становится набожным и беспокоится о состоянии своей души, - это болезненный и нездоровый ребенок; если он предпочитает молиться об обращении своих товарищей по играм, а не присоединяться к ним, то он не столько пример благочестия, сколько патологический случай, на будущее которого следует смотреть с тревогой; и проповедовать детям религиозные обязанности - это, как хорошо сказано, то же самое, что увещевать их представить себя женатыми людьми и внушать им обязанности, связанные с этими отношениями. К счастью, нормальный ребенок обычно способен противостоять этим влияниям. Импульс здорового ребенка состоит в том, чтобы либо равнодушно отпустить их, либо применить к ним орудие своей безжалостной логики.

Естественно, взрослый, защищаясь, вынужден реагировать на это равнодушное или агрессивное отношение ребенка. Он может не уступать ребенку в логике и даже быть несказанно шокирован его дерзкими расспросами, как, например, любезный старый священник, которого я знал, когда был учителем государственной школы в Австралии; он ходил в школу давать уроки Библии и однажды объяснял, что царь Давид был человеком по сердцу Божьему, когда раздался тоненький голосок, расспрашивающий о жене Урии; маленький мальчик был утихомирен шокированным священником, и дело религии в той школе не продвинулось дальше. Но взрослый знает, что на его стороне традиция, которую еще не приобрел ребенок, и внутреннее эмоциональное расширение, которое все еще остается несвободным в ребенке. Поэтому взрослый, укрепленный этим превосходством, чувствует себя вправе прибегнуть к оружию авторитета: "Ты можешь не *хотеть* верить в это и учиться этому, но ты *должен*".

Именно таким образом взрослый выигрывает битву за религиозное образование. В более глубоком и дальновидном смысле он ее проиграл. Религия стала не очаровательной привилегией, а уроком, уроком о невероятных вещах, бессмысленным заданием, которое нужно выучить наизусть, каторгой. Можно сказать, что даже если это и так, то уроки религии

просто разделяют неизбежную судьбу всех предметов, которые становятся школьными заданиями. Но это не так. Любой другой предмет, который может стать школьным заданием, скорее всего, станет понятным и привлекательным для значительной части учеников, потому что он находится в пределах детского интеллекта. Но по двум вполне определенным причинам, которые я указал, это верно лишь в очень ограниченной степени в отношении предмета религии, потому что молодой организм - это инструмент, еще не приспособленный к тем нотам, которые религия наиболее склонна брать.

Из всех школьных предметов религия, таким образом, оказывается наименее привлекательной. Несколько лет назад Лобсьен из Киля в ходе психологического исследования обнаружил, что когда пятьсот детей (мальчиков и девочек в равном количестве) в возрасте от девяти до четырнадцати лет спросили, какой час урока является для них любимым, только двенадцать (десять девочек и два мальчика) назвали урок религии. [167] Другими словами, почти 98 процентов детей (и почти все мальчики) считают религию либо безразличным, либо отвратительным предметом. У меня нет под рукой отчетов по английским детям, но нет оснований полагать, что результат будет значительно отличаться. [168] В отдельных случаях особо искусный учитель может добиться результатов, более благоприятных для преподавания религии, но это может быть сделано только путем лишения предмета его наиболее характерных элементов.

Однако это отнюдь не все зло, которое, с религиозной точки зрения, совершается таким образом. Можно было бы, исходя из *априорных* соображений, убедительно утверждать, что даже если среди здоровых маленьких детей и есть некоторое безразличие или даже отвращение к религиозному обучению, это не имеет большого значения: их нельзя слишком рано учить принципам веры, которую они впоследствии должны будут исповедовать; и как бы они ни были неспособны сейчас понять учение, прививаемое в школе, они поймут его важность, когда их знания и опыт возрастут. Но каким бы правдоподобным это ни казалось, на практике обычно происходит иначе. Обычный эффект от постоянной передачи детям наставлений, к которым они еще не готовы, - это омертвление их чувствительности ко всему предмету религии. [Преждевременное знакомство с религиозным влиянием - если не принимать во внимание редкие случаи, когда оно приводит к болезненному увлечению религией, - вызывает реакцию рутины, которая становится настолько привычной, что успешно противостоит более поздним влияниям, которые на более девственной почве вызвали бы энергичный и живой отклик. Чтобы не подготовить почву для более подлинного развития религиозного импульса в дальнейшем, это раннее обучение Священному Писанию как раз и действует как прививка против более глубоких и серьезных религиозных интересов. Обычный ребенок в более позднем возрасте принимает религию, к которой его так рано приучили, как часть обычной рутины жизни. Более энергичный и оригинальный ребенок по той же причине избавляется от нее, возможно, навсегда.

Лютер, чувствуя необходимость как можно раньше обратиться в протестантизм, был убежденным сторонником религиозного воспитания детей и, несомненно, оказал большое влияние в этом вопросе на протестантские церкви. "Изучение религии, Библии и Катехизиса", - пишет Фидлер, - "конечно, занимает первое и главное место в его схеме обучения". Он также был вполне готов адаптировать ее к детскому уму. "Пусть детей учат, - пишет он, - что наш дорогой Господь восседает на небесах на золотом троне, что у Него длинная седая борода и золотая корона". Но Лютер совершенно не осознавал неизбежной психологической реакции в последующей жизни против подобных сказок.

Позднее Руссо, который, как и Лютер, был на стороне религии, осознал, как и Лютер, катастрофические результаты попыток учить ей детей. В книге "*Новая Элоиза*" Сен-Пре

пишет, что Жюли объяснила ему, как она стремится окружить своих детей добрым влиянием, не навязывая им никаких религиозных наставлений: "Что касается катехизиса, то они даже не знают, что это такое". "Что! Джули, ваши дети не изучают катехизис?" "Нет, друг мой, мои дети не изучают катехизис". "Какая благочестивая мать!" воскликнула я; "Не могу понять. А почему ваши дети не изучают катехизис?" "Для того чтобы они могли однажды поверить в это. Я хочу сделать из них христиан". [170]

Со времен Руссо можно сказать, что это общая позиция почти всех мыслителей, которые уделяли внимание этому вопросу, даже если они не рассматривали его с психологической точки зрения. Это отношение отнюдь не ограничивается теми, кто озабочен тем, чтобы дети выросли настоящими христианами, но является общим для всех, кто считает, что главное - это чтобы дети выросли настоящими мужчинами и женщинами. "Я не думаю, - пишет Джон Стюарт Милль в 1868 году, - что в таких вопросах вообще должно быть какое-то *авторитетное* учение. Я считаю, что родители должны указывать своим детям, когда те начинают задавать им вопросы или делать собственные наблюдения, на различные мнения по этим вопросам и на то, что сами родители считают наиболее вескими доводами за и против. Тогда, если родители продемонстрируют сильное чувство важности истины, а также трудности ее достижения, мне кажется, что умы молодых людей будут достаточно подготовлены, чтобы относиться к народному мнению или мнению окружающих их людей с уважительной терпимостью, и могут быть спокойно оставлены для формирования определенных выводов в течение зрелой жизни." [171]

Среди нас мало найдется людей, которые не пострадали бы от слишком раннего знакомства с Библией и религиозными концепциями. Даже для человека с действительно сильным и независимым интеллектом может пройти много лет, прежде чем притупленные в раннем возрасте чувства снова станут свежими, прежде чем спадают оковы рутины, и он сможет, наконец, подойти к Библии с новой восприимчивостью и впервые в жизни осознать, какие сокровища искусства, красоты и божественной мудрости она содержит. Но для большинства этот момент так и не наступает. Для большинства религиозное образование в школе так же эффективно запечатывает Библию на всю жизнь, как классическое образование в колледже запечатывает великих авторов Греции и Рима на всю жизнь; никто не открывает свои школьные книги снова, когда он однажды покидает школу. Те, кто читает греческий и латынь по любви, обычно не выходят из университетов, и, несомненно, есть определенное значение в том, что дети друзей-секуляристов так часто становятся набожными прихожанами, в то время как, по частому наблюдению, у набожных родителей часто рождаются самые нерелигиозные отпрыски, так же как плохие мальчики в школе и колледже часто являются сыновьями священников.

В период полового созревания и в подростковом возрасте все начинает меняться. Важно помнить, что эти перемены естественны и происходят спонтанно; "там, где нет установленных форм, религиозное чувство, - по выражению Ланкастера, - возникает так же естественно, как восходит солнце". [172] Этот период, реально и психологически, знаменует собой "новое рождение". Эмоции, имеющие фундаментальное значение не только для личной жизни человека, но и для его социальных и даже космических отношений, рождаются впервые. Не только тело ребенка переделывается в форму мужчины или женщины, но и душа ребенка становится душой мужчины или душой женщины, и ничто уже не может быть таким, как прежде. Смелый скептик-логик ушел, как и мечтатель, для которого мир был автоматическим увеличительным зеркалом его собственной детской формы и окружения. Ему открылось, что вне его самого существуют независимые личные и безличные силы, силы, с которыми он может вступить в сознательные и захватывающе волнующие

отношения. Это откровение огромной важности, и вместе с ним приходит не только сложная эмоциональная и интеллектуальная реализация личности, но и способность вникать в традиции расы и усваивать их.

Нельзя не подчеркнуть, что это тот самый момент, и самый ранний, когда становится желательным посвятить мальчика или девочку в тайны религии. На то, что это лучший момент, указывает тот общепризнанный факт, что сразу после пубертатного периода подростковый возраст - это период, в течение которого, даже спонтанно, происходят наиболее заметные религиозные явления". [Стэнли Холл считает, что двенадцать лет - это возраст, в котором можно начинать культивировать религиозное сознание; "возраст, который древние греки обозначили как тот, в котором должно начинаться изучение того, что всесторонне называется музыкой, возраст, в котором заканчивается римская опека, в котором мальчиков confirмуют в современных греческой, католической, лютеранской и епископальной церквях и в котором младенец Иисус вошел в храм, - это тот возраст, когда любой ребенок должен сознательно заняться делом своего Небесного Отца". 174] Но я сомневаюсь, что мы можем точно определить возраст по годам, да и не совсем точно утверждать, что столь ранний возраст, как двенадцать лет, общепризнан как возраст посвящения; Англиканская церковь, например, обычно confirмует в пятнадцать лет. Нас должен волновать не возраст, а биологическая эпоха психической эволюции. Неразумно настаивать на каком-то определенном возрасте, потому что развитие происходит в значительно широком диапазоне лет.

Я говорил о приобщении к религии в период полового созревания как о посвящении в тайну. Фраза была выбрана намеренно, поскольку, как мне кажется, это не метафора, а выражение истины, которую всегда понимали, когда религия была реальностью, а не просто условностью. Среди дикарей почти во всех частях мира мальчик или девочка в период полового созревания посвящаются в тайну мужественности или женственности, в обязанности и привилегии взрослых членов племени. Юношу уводят в уединенное место на месяц или более, заставляют терпеть боль и лишения, учат самоограничению, обучают преданиям племени, элементарным правилам морали и справедливости, показывают тайные вещи племени, их смысл и значение, которые не должен знать никто посторонний. Короче говоря, ему дают возможность найти свою душу, и он выходит из этой дисциплины подготовленным и ответственным членом своего племени. Девушка проходит соответствующее обучение, соответствующее ее полу, также в уединении, под руководством старших женщин. Четкое и полное описание типичного посвящения дикарей в мужчины в период полового созревания представлено доктором Хэддоном в пятом томе *"Отчетов Кембриджской антропологической экспедиции в Торресов пролив"*, и доктор Хэддон делает следующее замечание: "Нелегко представить себе более эффективные средства для быстрого обучения".

Представления отдаленных дикарей о том, как правильно посвящать молодежь в религиозные и другие тайны жизни, могут показаться малополезными для таких высокоцивилизованных людей, как мы. Но давайте обратимся к грекам. Они также сохранили идею и практику посвящения в священные мистерии, хотя и в несколько измененном виде, поскольку религия перестала быть столь тесно связанной со всеми видами жизнедеятельности. Элевсинские и другие мистерии были посвящениями в священные знания и прозрения, которые, как сейчас признается, не предполагали раскрытия неясных тайн, но были мистериями в том смысле, что все интимные переживания души, переживания любви в той же степени, что и религиозные, являются тайнами, о которых нельзя говорить легкомысленно или публично. В этом чувстве грек был един с

папуасом, и интересно отметить, что процедура посвящения в греческие мистерии, описанная Феоном Смирнским и другими авторами, проходила так же, как и пубертатные инициации дикарей; было то же предварительное очищение водой, тот же элемент доктринального обучения, то же церемониальное и символическое натирание песком, углем или глиной, то же завершение в радостном пире, даже тот же обычай носить венки.

Насколько христианские таинства были сознательно созданы по образцу греческих мистерий, до сих пор остается спорным моментом; [175] но первые христиане стремились к той же духовной инициации, и они обязательно принимали, сознательно или бессознательно, методы процедуры, которые, по существу, были в корне такими же, как и те, с которыми они уже были знакомы. Ранняя христианская церковь приняла обряд крещения не просто как символ инициации, но как фактическую составляющую процесса посвящения; очистительной церемонии предшествовала долгая подготовка, а когда она наконец завершилась, крещеных иногда увенчивали гирляндами. Когда в более поздний период истории Церкви физическая часть инициации была отделена от духовной, и крещение стало проводиться в младенчестве, а конфирмация - в зрелом возрасте, была совершена роковая ошибка, и каждая часть обряда в значительной степени утратила свое реальное значение.

Но все же остается правдой, что христианство воплотило в своей практической системе древний обычай посвящения молодых людей в период полового созревания, и что этот обычай существует в ослабленной форме во всех древних христианских церквях. Обряд конфирмации, однако, был девитализирован, и его огромное значение было почти полностью утрачено. Вместо того чтобы рассматриваться как реальное посвящение в привилегии и обязанности религиозного сообщества, активного общения для осуществления божественной жизни на земле, он стал простым механическим следствием предшествующего обряда крещения, формальным условием участия в Таинстве Святого Причастия. Великолепная и многогранная дисциплина, с помощью которой ребенок дикаря посвящался в тайны своей собственной эмоциональной природы и священной традиции своего народа, превратилась в заучивание катехизиса и несколько часов отточенного обучения в школьной комнате или в салоне дома викария. Жизненно важное ядро обряда разложилось, осталась лишь мертвая оболочка, а некоторые христианские церкви потеряли даже оболочку.

Вполне вероятно, что в недалеком будущем государство в Англии отвергнет как неразрешимую проблему религиозного воспитания молодежи в своих школах, в соответствии с движением мнений, которое происходит во всех цивилизованных странах. [176] Поддержка, которую Лига светского образования нашла в самых разных кругах, без сомнения, является фактом впечатляющего значения. [177] Хорошо известно также, что рабочие классы - люди, которых это касается в первую очередь - однозначно выступают против преподавания религии в государственных школах. Можно не сомневаться, что не пройдет и нескольких лет, как в Англии, так и в других странах, церкви придется столкнуться с вопросом о наилучших методах выполнения задачи религиозного обучения, которую они пытались возложить на государство. Если они хотят выполнить эту задачу мудро и эффективно, они должны следовать указаниям биологической психологии в той части, где она совпадает с учением их собственных древнейших традиций, и развить чисто формальный обряд конфирмации в истинное посвящение новорожденной души в период полового созревания в глубочайшие тайны жизни и высшие мистерии религии.

Конечно, не следует забывать, что в Англии мы живем в империи, в которой 337 миллионов людей даже номинально не являются христианами [178] и что даже среди сравнительно небольшой доли (около 14 процентов) тех, кто называет себя "христианами", очень большая

часть практически является секуляристами, а значительная часть - открыто. Однако если мы примем позицию секуляристов, то приведенные здесь соображения все равно сохраняют свою актуальность. Во-первых, несомненно, часто встречающаяся враждебность вольнодумца к христианству направлена не столько против жизненно важной религии, сколько против мертвой церкви. Вольнодумец готов уважать христианина, который благодаря свободному выбору и развитию мысли достиг положения христианина, но его возмущает так называемый христианин, который находится в Церкви только потому, что он там оказался, без всякого усилия своей воли или интеллекта. Убежденный секулярист испытывает уважение к искреннему христианину, хотя это может быть только в том смысле, в каком настоящий святой испытывает нежность к безнадежному грешнику. И, во-вторых, как я уже пытался подчеркнуть, факты, о которых мы здесь говорим, слишком фундаментальны, чтобы касаться только христиан. Они в равной степени касаются и секуляриста, который также призван утолить духовный голод подростка, дать ему дисциплину для вступления в жизнь и удовлетворительное видение вселенной. И если секуляристы не всегда понимали эту необходимость, то, возможно, в этом кроется одна из главных причин того, что секуляризм не встретил такого огромного и восторженного приема, какой, казалось, могли бы дать томность и формализм церквей.

Если изложенная здесь точка зрения верна, - а ее все шире придерживаются педагоги и психологи, изучающие биологию, - то первые двенадцать лет должны быть оставлены нетронутыми всеми представлениями о жизни и мире, выходящими за рамки непосредственного опыта, ибо ребенок, чья духовная девственность была преждевременно запятнана, никогда не сможет заново осознать всю значимость этих представлений, когда наконец наступит возраст религии. Но разве мы, спросите вы, должны оставлять беспокойный, любознательный, склонный к фантазиям мозг ребенка без пищи в течение всех этих ранних лет? Ни в коем случае. Даже если признать, что, как уже говорилось, на ранних этапах религиозное воспитание - это высшее искусство стоять в стороне от пути Природы, все равно нетрудно понять, что в этом вопросе является путем Природы. Жизнь индивида повторяет жизнь расы, и для ребенка не может быть лучшей пищи для воображения, чем та, что была хороша в детстве расы. Ребенок, лишенный сказок, придумывает их сам, - ведь они необходимы ему для психического роста так же, как сахар для метаболизма, - но обычно он придумывает их плохо. [179] Дикарь видит мир почти так же, как и цивилизованный ребенок, - как увеличенный образ себя и своего окружения; но он видит его с дополнительным поэтическим очарованием, восхитительной и совершенной изобретательностью, на которую ребенок не способен. Мифы и легенды примитивных народов - например, мифы и легенды индейцев Британской Колумбии, так тщательно воспроизведенные Боасом на немецком языке и Хилл-Таутом на английском, - по точности и экстравагантности похожи на детские истории, но отличаются более тонкой изобретательностью. Кажется, много лет назад Циллер указал на то, что сказки должны играть очень важную роль в воспитании детей младшего возраста, и с тех пор Б. Хартманн, Стэнли Холл и многие другие видные педагогические деятели подчеркивали ту же мысль. Сказки - это лишь окончательные и преобразованные версии первобытных мифов, творческих легенд, историй о старых богах. В более чистых и менее трансформированных версиях мифы и легенды примитивных народов зачастую не менее адаптированы для детского сознания. Джулия Гейли утверждает, что легенды ранней греческой цивилизации, самые совершенные из всех снов, должны быть прежде всего открыты детям; ранние традиции Востока и Америки дают материал, который едва ли менее приспособлен для детского воображения. Некоторые части Библии, особенно Бытие, в строгом смысле слова являются сказками, то есть легендами о ранних богах и их деяниях, которые превратились в истории. По мнению многих, эти части Библии вполне можно давать детям (хотя любопытно

отметить, что валлийский комитет по образованию несколько лет назад запретил читать в школах именно самую легендарную часть Бытия); но с христианской точки зрения следует всегда помнить, что в этом раннем возрасте не следует давать ничего, что будет считаться необходимым в более позднем возрасте, ибо юноша отвращается от сказок своего детства, как от молочной пищи. Возможно, когда-нибудь придет время составить Библию для детства - не просто разнородный сборник рассказов, а собрание книг, столь же разнообразных по происхождению и характеру, как и книги гебраистско-христианской Библии, чтобы каждый ребенок во всех своих настроениях и стадиях роста мог найти здесь подходящее пастбище. Тогда дети не будут полностью отданы на милость тонкой и пенистой литературы, которую так обильно льет на них современная пресса; у них будет хотя бы одна большая и важная книга, которая, какой бы фантастической и экстравагантной она ни была, все же будет проистекать из глубочайших инстинктов первобытной души и давать ответы на самые настоячивые запросы первобытных сердец. Такая книга, даже окончательно выпав из рук юноши или девушки, все равно оставит после себя смутный аромат.

Наконец, можно отметить, что тот факт, что невозможно научить детей даже элементам взрослой религии и философии, равно как и неразумно пытаться это сделать, отнюдь не доказывает, что все серьезное обучение невозможно в детстве. С образной и духовной стороны, правда, ребенок перерождается и преображается в подростковом возрасте, но с практической и конкретной стороны его жизнь и мышление по большей части представляют собой лишь регулярное и упорядоченное развитие уже приобретенных привычек. Элементы этики, с одной стороны, и естественных наук, с другой, могут быть одинаково хорошо преподаны детям, и они действительно становятся необходимой частью раннего образования, если воображаемая сторона обучения должна быть должным образом сбалансирована и дополнена. Ребенка так же, как и взрослого, можно научить, и он, действительно, будет склонен учиться, значению и ценности правды и честности, справедливости и жалости, доброты и вежливости; мы так долго спорили и волновались по поводу преподавания религии в школах, что совершенно не осознали, что эти фундаментальные понятия морали являются гораздо более существенной частью школьного обучения. Однако следует всегда помнить, что к ним нельзя относиться адекватно, просто как к отдельному предмету обучения, а возможно, и вовсе не стоит. Как мудро говорит Гарриет Финлей-Джонсон в своей книге *"Драматический метод обучения"*: "Невозможно запретить нравственное учение в отсеке разума. Оно должно прочно и открыто распространяться в мыслях, чтобы "заквасить весь комок"". Она добавляет плодотворное предложение: "Существует реальная потребность в уроках, в которых эмоции не должны игнорироваться. Изучение природы при правильном подходе может затронуть и чувства, и эмоции". [180]

Ребенок действительно весьма склонен приобретать точные знания об окружающих его природных объектах, о цветах и растениях и в некоторой степени о животных - объектах, которые для дикаря также представляют огромный интерес. Таким образом, под мудрым руководством можно косвенно обуздать капризы его воображения и преподавать уроки жизни, в то же время непосредственно подготовив его к серьезным занятиям, которые должны занимать большую часть его последующей юности.

Таким образом, мы должны осознать, что ребенок, с точки зрения социальной гигиены, является существом двойственной природы, которое нуждается в уходе с двух сторон. С

одной стороны, он требует ключ к воображаемому раю, который однажды должен покинуть, унеся с собой, в лучшем случае, лишь тусклые и призрачные воспоминания о его красоте. С другой стороны, он обладает способностями, на которых могут быть построены конкретные знания и чувство человеческих отношений, чтобы служить прочным фундаментом, когда наступит период подросткового развития и дисциплины".

[Де Квинси в своей *"Исповеди пожирателя опиума"* упоминает о способности многих, возможно, большинства детей видеть видения в темноте. Этот феномен был тщательно изучен Г. Л. Партриджем (*Педагогическая семинария*, апрель, 1898 г.) на более чем 800 детях. Он обнаружил, что 58,5 из них в возрасте от тринадцати до шестнадцати лет могли видеть видения или образы ночью с закрытыми глазами перед засыпанием; среди детей в возрасте шести лет эта доля была выше. Максимум наблюдался в возрасте десяти лет и, вероятно, другой максимум - в гораздо более раннем возрасте. Среди взрослых эта тенденция рудиментарна и встречается в выраженной форме только у неврастеников или в моменты нервного истощения. См. также Havelock Ellis, *The World of Dreams*, chap. II.

[164] Г. Стэнли Холл, "Содержание сознания детей при поступлении в школу", *Педагогическая семинария*, июнь, 1891.

[165] "Лицо и голос матери - первые осознанные объекты по мере того, как раскрывается душа младенца, и вскоре она оказывается на месте Бога для своего ребенка. Вся религия, на которую способен ребенок во время этой отнюдь не короткой стадии своего развития, состоит из этих чувств - благодарности, доверия, зависимости, любви и т. д., - испытываемых сейчас только к ней, которые впоследствии будут направлены к Богу. Чем меньше они развиты сейчас по отношению к матери, которая сейчас является их единственным подходящим, если не единственным возможным объектом, тем слабее они будут проявляться впоследствии по отношению к Богу. Это также значительно повышает священность обязанностей материнства". (Г. Стэнли Холл, *Педагогическая семинария*, июнь, 1891, с. 199).

[166] J. Morse, *American Journal of Religious Psychology*, 1911, p. 247.

[167] Lobsien, "Kinderideale," *Zeitschrift für Päd. Psychologie*, 1903.

[168] Мистер Эдмонд Холмс, бывший главный инспектор начального образования в Англии, в своей книге *"Что есть и что может быть"* (1911, стр. 88) приводит поучительное замечание, касающееся этого вопроса: "Первые сорок минут утреннего занятия почти в каждой начальной школе отводятся на то, что называется *религиозным обучением*. Это продолжается утро за утром и неделя за неделей. Тот факт, что английскому родителю, который, должно быть, сам посетил от 1500 до 2000 уроков Священного Писания в школьные годы, ни при каких обстоятельствах нельзя доверить религиозное обучение своих детей, показывает, что те, кто контролирует религиозное образование молодых "масс", не очень-то уверены в том, что их система повлияет на религиозную жизнь и веру английского народа". Мисс Харриет Финлей-Джонсон, весьма оригинальная и успешная учительница начальной школы, с таким же неодобрением отзываясь (*"Драматический метод обучения"*, 1911, с. 170) о представлении, что обычные школьные экзамены по "Писанию" имеют какую-либо моральную ценность.

[169] Если бы это было не так, Англия после шестидесяти лет существования национальных школ должна была бы стать благочестивой нацией, состоящей из добрых церковных людей.

Большинство преступников и изгоев обучались в церковных школах. Один священнослужитель, указав мне на это, добавляет: "Я от души благодарен за то, что в детстве мне никогда не навязывали религию. Я не думаю, что у меня была религия, в этическом смысле, до полового созревания, или какое-либо осознанное понимание религии, действительно, до девятнадцати лет". "Мальчик, - замечает Холмс (*Указ. соч.*, с. 100), - который, прослушав две тысячи уроков Священного Писания, говорит себе по выходе из школы: "Если это религия, то я больше не буду ее слушать", действует, повинаясь здоровому инстинкту. Его следует скорее уважать, чем порицать за то, что он наконец осознал, что мякина, которой его так долго кормили, не является тем живительным зерном, которого, сама того не ведая, требует его внутренняя душа".

[170] *La Nouvelle Héloïse*, часть V, письмо 3. В более позднее время Эллен Ки в наводящей на размышления главе "Религиозное воспитание" в книге "*Век ребенка*" отмечает: "Ничто лучше не показывает, насколько глубоко укоренилась религия в человеческой природе, чем тот факт, что "религиозное образование" не смогло ее вырвать".

[171] J.S. Mill, *Letters*, Vol. II, p. 135.

[172] Ланкастер обнаружил ("The Psychology and Pedagogy of Adolescence," *Pedagogical Seminary*, July, 1897), что среди 598 человек обоего пола в Соединенных Штатах, целых 518 испытали новые религиозные эмоции между 12 и 20 годами, только 80 не имели таких эмоций в этот период, так что более 5 из 6 имеют этот опыт; он действительно еще более частый, поскольку не имеет необходимой тенденции к попаданию в традиционные религиозные формы.

[173] Профессор Старбак в своей книге "*Психология религии*" хорошо собрал воедино и четко изложил многие факты, показывающие эту тесную связь между подростковым возрастом и религиозными проявлениями. Он обнаружил (гл. III), что у женщин две приливные волны религиозного пробуждения, одна примерно в 13 лет, другая в 16, с менее значительным периодом в 18 лет; у мужчин после волны в 12 лет, большая приливная волна происходит в 16 лет, за которой следует другая в 18 или 19 лет. Результаты Рюдигера довольно схожи ("Период перестройки психики", *Американский журнал психологии*, июль, 1907 г.); он обнаружил, что у женщин средний возраст перестройки составляет 14 лет, у мужчин - 13 или 14 лет, и снова 18 лет.

[174] Г. Стэнли Холл, "Нравственное и религиозное воспитание детей и подростков", *Педагогическая семинария*, июнь, 1891, стр. 207. С более узкорелигиозной стороны нежелательность попыток преподавания религии детям хорошо описана Флоренс Хейллар (*Independent Review*, Oct., 1906). Она считает, что тринадцать лет - достаточно ранний возраст, чтобы начать преподавать детям уроки Евангелия, поскольку ребенок, который действует в соответствии с Евангелием, будет "отягчающим" и вообще будет считаться "невыносимым ханжой". Более того, указывает она, опасно учить маленьких детей христианским добродетелям - милосердию, смирению и самоотречению. Гораздо лучше, если сначала их научат добродетели справедливости, мужества и самообладания, а более христианские добродетели - потом. Она также считает, что для духовенства, которое контактирует с детьми, должен быть обязательным предварительный курс изучения детей, с необходимой физиологией и психологией.

[175] Различные мнения по этому вопросу были справедливо и ясно представлены Читхэмом в его Халсинских лекциях о *мистериях языческих и христианских*.

[176] Так, на первом Конгрессе итальянских женщин, состоявшемся в Риме в 1908 году - очень представительном Конгрессе, отнюдь не состоявшем из "феминисток" или антиклерикалов и отличавшемся большой умеренностью и здравым смыслом, - была принята резолюция против преподавания религии в начальной школе, хотя в последующей резолюции очень значительное большинство высказалось за преподавание истории религий в средней школе. Эти резолюции вызвали в свое время большое удивление у тех, кто до сих пор лелеет суеверие, что в вопросах религии женщины слепо предвзяты и не способны мыслить самостоятельно".

[177] См. статью Халли Стюарта, президента Лиги светского образования, "Политика светского образования", *Nineteenth Century*, April, 1911.

[178] Если судить по количеству, то доминирующей религией Британской империи, религией большинства, является индуизм; за ним следует магометанство.

[179] "Не так давно, - пишет д-р Л. Гатри (*Clinical Journal*, 7 июня 1899 г.), - я слышал об одной даме, которая, желая, чтобы ее дети учились только правде, изгнала сказки из своей детской. Но дети развивали собственное воображение, и выдумки их были настолько ужасающими, что она была рада отвлечь их Джеком-гигантом-убийцей".

[180] В своем интересном исследовании о сравнительном образовании (*The Making of Citizens*, 1902, p. 194) мистер Р.Э. Хьюз, школьный инспектор, обсудив методы решения трудностей религиозного воспитания в Англии, Америке, Германии и Франции, обоснованно заключает: "Решение религиозной проблемы в школах этих четырех народов - дело будущего, но мы верим, что человеческой изобретательности не хватит, чтобы разработать подходящую схему морально-этического воспитания маленьких детей. Именно моральным принципам, лежащим в основе любого поведения, должна учить школа. Действительно, школа, чтобы оправдать свое существование, не смеет пренебрегать ими. Она будет учить им, но не догматически или поучительно, а своим примером и созданием благородной атмосферы вокруг ребенка". Холмс также (*op. cit.*, p. 276) настаивает на том, что обучение патриотизму и гражданственности должно быть неформальным и косвенным.

VIII

ПРОБЛЕМА СЕКСУАЛЬНОЙ ГИГИЕНЫ

Новое движение за сексуальное просвещение детей - необходимость такого движения - противоречия, связанные с древней политикой молчания - ошибки новой политики - необходимость обучения учителя - необходимость обучения родителей - и научного оснащения врача - сексуальная гигиена и общество - далеко идущие последствия сексуальной гигиены.

Невозможно сомневаться в жизнеспособности и энергичности нового движения сексуальной гигиены, особенно той его части, которая связана с обучением детей основным фактам жизни. [181] В XVIII веке великий педагог Базедов был почти одинок, когда практикой и наставлениями стремился утвердить это направление обучения в школах. [182] Несколько лет назад, когда Немецкий союз Дюрера предложил призы за лучшие сочинения о воспитании молодежи в вопросах пола, было прислано до пятисот работ. [183] Можно

сказать, что за последние десять лет было сделано больше, чтобы повлиять на народное чувство по этому вопросу, чем за весь предыдущий век.

Всякий раз, когда мы становимся свидетелями внезапного порыва рвения и энтузиазма броситься в новое русло, каким бы восхитительным ни был этот порыв, мы должны быть готовы к большому риску и, возможно, даже к определенному ущербу. Это особенно актуально, когда речь идет о новой деятельности в сфере секса. Сексуальные отношения в жизни настолько древние и широкие, их корни так сложно разветвляются и уходят так глубоко, что любое внезапное нарушение этой почвы, какими бы благими намерениями оно ни было продиктовано, непременно приведет к результатам, которые не были предусмотрены теми, кто за это отвечает. Любое движение здесь рискует нанести ущерб своим собственным целям или, достигнув их, сделать невозможными другие, не менее ценные цели.

В вопросе сексуальной гигиены мы с самого начала сталкиваемся с тем, что само признание какой-либо отрасли знаний как "сексуальной гигиены" подразумевает не просто новое отступление, а отказ от политики, которая принималась, почти без сомнений, на протяжении веков. Среди многих примитивных народов, действительно, мы знаем, что мальчик и девочка в период полового созревания с торжественностью и даже с нездоровыми трудностями посвящаются в обязанности взрослой жизни, включая те, которые касаются обязанностей и привилегий секса. [184] Но в наших собственных традициях едва ли сохранился хоть какой-то пережиток подобного обычая. Напротив, мы молчаливо поддерживаем обычай и даже политику молчаливого обскурантизма. Родители и учителя считали своим долгом ничего не говорить и считали оправданным рассказывать ложь или "сказки", чтобы сохранить свое отношение. Наступление полового созревания с его тревожными проявлениями, особенно у девочек, часто не оставляло их равнодушными и молчаливыми. Они позаботились о том, чтобы в наших элементарных учебниках анатомии и физиологии, даже написанных таким независимым и бесстрашным первопроходцем, как Хаксли, человеческое тело описывалось абсолютно так, как если бы органы и функции размножения не существовали. Инстинкт не был подавлен; все неизбежные стимулы, которые жизнь предоставляет юношескому сексуальному импульсу, продолжали действовать. [185] Сексуальная активность была столь же вероятна. Они были тем более склонны к вспышкам, что их способствовало невежество, они часто не осознавали себя и не сдерживались теми ограничениями, которые могли бы дать знания и учение. Однако опекунам молодежи это казалось неважным. Они поздравляли себя, если им удавалось направить молодых людей, и особенно девиц, находящихся под их опекой, в брачную гавань не только в очевидном целомудрии, но и в неведении почти обо всем, что означает и влечет за собой брак, как для отдельного человека, так и для всей будущей расы.

Эта политика настолько прочно укоренилась, что ее теория никогда не была четко аргументирована. Насколько она вообще существует, это теория, которая ходит на двух ногах, указывающих в противоположные стороны: о сексуальных вещах нельзя говорить, потому что они "грязные"; о сексуальных вещах нельзя говорить, потому что они "священные". Мы должны оставить сексуальные вещи в покое, говорят они, потому что Бог позаботится о том, чтобы они проявлялись правильно и работали на благо; мы должны оставить сексуальные вещи в покое, говорят они, потому что в жизни нет такого отдела, в котором деятельность дьявола проявлялась бы так особенно ярко. Один и тот же человек может быть виновен в этом противоречии, когда обстоятельства позволяют это сделать. Подобная путаница, действительно, может постигнуть все древние и глубоко укоренившиеся табу; мы видим это в табу против определенных животных в качестве пищи (как Моисеев

запрет на свинину); сначала животное было слишком священным, чтобы его есть, но со временем люди пришли к мысли, что оно слишком отвратительно, чтобы его есть. Они начинают практику по одной причине, а продолжают ее по совершенно противоположной. Причины - это такая поверхностная часть нашей жизни!

Таким образом, каждое движение сексуальной гигиены неизбежно вступает в противоречие с устоявшейся традицией, которая сама по себе является негармоничным столкновением противоречивых понятий. Особенно это касается тех случаев, когда сексуальная гигиена внедряется через школу. Многие, кто принимает аргументы, так хорошо изложенные фрау Марией Лишневской, считают, что школа - это не только лучший способ введения сексуальной гигиены, но и единственно возможный, поскольку только через нее можно использовать противоядие от дурного влияния дома и мира. [Однако учить детей тому, что одни родители считают слишком священным, а другие - слишком отвратительным, и начинать это обучение в том возрасте, когда дети, уже впитавшие эти родительские представления, достаточно взрослые, чтобы быть болезненно любопытными и склонными к разврату, - значит открывать путь к сложной серии социальных реакций, требующих большого умения их регулировать.

Во многом, несомненно, из-за стремления уравновесить эти опасности, появилась тенденция подчеркивать, или, скорее, чрезмерно подчеркивать, моральные аспекты сексуальной гигиены. При правильном рассмотрении, действительно, нелегко переоценить ее моральное значение. Но в реальном преподавании такой гигиены очень легко, и часто с ошибкой, делать заявления и утверждать доктрины - все в интересах доброй морали и с целью продемонстрировать благотворные тенденции этого учения - которые в лучшем случае сомнительны и часто расходятся с реальным опытом. В таких случаях мы видим, что сексуальный гигиенист действительно нарушил общепринятый заговор молчания в этих вопросах, но он не нарушил общепринятую мораль, которая выросла из этого невежественного молчания. С самыми лучшими намерениями в мире он догматично и без оговорок излагает древние полуправды, которые, чтобы стать по-настоящему нравственными, должны быть прямо противопоставлены дополняющим их полуправдам. Неизбежная опасность заключается в том, что ученик рано или поздно уловит одностороннее преувеличение этого учения, и заслуг сексуального гигиениста не останется. Жизнь - это искусство, и любовь, которая лежит в основе жизни, - это искусство; это не наука; их нельзя превратить в четкие формулы и учить, как учат таблицу умножения. Пример здесь имеет большее значение, чем наставления, а практика учит большему, чем то и другое, при условии, что она осуществляется в свете наставлений и примеров. Поспешные и безоговорочные заявления об огромных преимуществах непрерывности или ужасных результатах самобичевания и т. д., часто встречающиеся в книгах для молодежи, придется по вкусу каждому. Сказанные с мудрой умеренностью, они были бы полезны. Доведенные до грубой экстравагантности, они не только бесполезны для помощи молодым в их практических трудностях, но и становятся вредоносными, поскольку наносят вред слишком чувствительной совести, боящейся не соответствовать высоким идеалам. Это соображение подводит нас к тому, что, пожалуй, является главной опасностью при введении любого преподавания сексуальной гигиены: тот факт, что наши учителя сами являются необучаемыми. Сексуальная гигиена в полном смысле слова - в той мере, в какой касается индивидуальных действий, а не регулирующих или законодательных действий сообществ, - это искусство передачи знаний, необходимых на разных этапах ребенку, юноше и деве, молодому человеку и женщине, чтобы они могли правильно и, насколько это возможно, без вреда для себя и для других решать все те сексуальные проблемы, которым каждый из них подвержен по своей природе. Чтобы адекватно выполнять свои функции, мастер по

обучению сексуальной гигиене должен отвечать трем требованиям: (1) он должен обладать достаточным знанием фактов сексуальной психологии, сексуальной физиологии и сексуальной патологии, знаний, которые во многих важных аспектах почти не существовали до недавнего времени, и только сейчас начинают становиться общедоступными; (2) он должен обладать мудрым и широким моральным кругозором, здравым идеализмом, который не требует невозможного и решительно отбрасывает не только пошлые банальности мирской жизни, но и столь же озорные банальности устаревшего и неискреннего аскетизма, Ибо мудрый сексуальный гигиенист знает, как Паскаль, что "тот, кто пытается быть ангелом, становится зверем", и не стремится сделать своих учеников неэффективными ангелами, а эффективными мужчинами и женщинами, довольствуясь тем, что говорит, как Браунинг: "Я могу пустить в ход ангельские шестеренки, однажды нелюдимый, но не раньше"; (3) помимо глубоких знаний и мудрых моральных взглядов, сексуальный гигиенист должен обладать, наконец, искренним сочувствием к молодым, пониманием их чувствительной застенчивости, осознанием их личных трудностей и умением говорить с ними просто, откровенно и по-человечески. Если мы спросим себя, сколько апостолов сексуальной гигиены сочетают в себе эти три важнейших качества, то, вероятно, не сможем назвать многих, а некоторые, как мы подозреваем, не обладают даже одной из трех квалификаций. Если мы также примем во внимание, что работа по сексуальной гигиене, которая должна проводиться в действительно национальном масштабе, требует более или менее активного сотрудничества родителей, учителей и врачей, и что родители, учителя и врачи в этих вопросах в настоящее время все одинаково неподготовлены и обычно предвзяты, мы поймем некоторые из опасностей, через которые сексуальная гигиена должна пройти на первых порах.

Надеюсь, мне нет нужды говорить, что, указывая на некоторые трудности и риски, которые подстерегают каждую попытку ввести в жизнь элемент эффективной сексуальной гигиены, я отнюдь не хочу утверждать, что лучше оставить все как есть. Это невозможно не только потому, что мы осознаем, что наша система неполного молчания является злонамеренной, но и потому, что она основана на путанице, которая содержит в себе элементы разрушения. Однако мы должны помнить, что создание новой традиции не может быть осуществлено за один день. Прежде чем начать преподавать сексуальную гигиену, необходимо обучить самих учителей.

Многие настаивают, и не без оснований, на праве родителей контролировать воспитание ребенка. Сексуальная гигиена открывает нам еще одно право - право ребенка контролировать воспитание родителей. Ибо немногие родители в наше время способны выполнять обязанности по обучению и руководству ребенком в сложной области секса без предварительного образования, а такое образование, чтобы быть реальным и эффективным, должно начинаться в раннем возрасте жизни родителей. [187]

Школьный учитель, на которого многие полагаются в начальной стадии сексуальной гигиены, в настоящее время часто находится почти на той же стадии невежества или предрассудков в этих вопросах, что и его или ее ученики. Учитель редко обучен передавать даже самые элементарные научные знания о фактах секса, размножения и сексуальной гигиены, и чаще всего не имеет того личного опыта жизни в различных ее аспектах, который необходим для того, чтобы мудро преподавать в такой сложной области, как секс, даже если признать принцип, что учитель в классе, одинаково обращаясь к одному полу или обоим, не призван выходить за рамки научных, абстрактных и объективных аспектов секса.

Эта трудность, связанная с отсутствием подходящих учителей, не является непреодолимой. Несомненно, она была бы в значительной степени решена, если бы мудрый и основательный курс сексуальной гигиены и акушерства стал частью подготовки всех школьных учителей, как

во Франции Пинар предложил для нормальных школ для молодых женщин. Доктор У. О. Генри в докладе, прочитанном перед Медицинской ассоциацией штата Небраска в мае 1911 года, выдвинул следующее предложение: "Пусть в каждом штате будет один или несколько компетентных врачей, в обязанности которых будет входить обучение этим вещам детей во всех государственных школах штата, начиная с восьмилетнего возраста. Мальчиков и девочек следует обучать отдельно с помощью схем, картинок и стереоптических изображений, начиная с низших форм жизни, цветов, растений, и заканчивая органами человека. Эти лекции и иллюстрации следует читать каждый год всем мальчикам и девочкам по отдельности, собирая в одно время тех, кому от восьми до десяти, и тех, кому от десяти до двенадцати, и тех, кому от двенадцати до шестнадцати". Доктор Генри, очевидно, не знал, что в Канаде, в провинции Онтарио, уже принят принцип специального учителя, назначенного правительством для проведения специальных занятий по вопросам пола во всех государственных школах; назначенный таким образом учитель переходит из школы в школу и преподает элементы сексуальной физиологии и анатомии, а также обязанность относиться к сексуальным вопросам с благоговением, классам мальчиков и девочек, начиная с десятилетнего возраста. Курс не является обязательным, но любой школьный совет может привлечь специального преподавателя для чтения лекций. Это назначение было настолько одобрено, что предлагается назначить еще нескольких преподавателей по той же схеме, как женщин, так и мужчин.

Не обязательно, чтобы преподаватель сексуальных наук был врачом. Однако для личных и конкретных советов по конкретным трудностям секса, а также для более специальных и детальных вопросов гигиены сексуальных отношений и мер предосторожности, требуемых евгеникой, мы должны обратиться к врачу. Однако ни один из этих предметов пока не входит в учебный план, через который проходит врач, чтобы достичь своей профессии; зачастую он является по отношению к ним лишь дилетантом. Даже если мы уверены, что эти предметы составляют часть его научного оснащения, этот факт ни в коем случае не гарантирует его такта, сочувствия и проницательности в обращении к молодым, будь то общие лекции или индивидуальные беседы, - обе эти формы привития сексуальной гигиены, для которых мы можем правильно призвать врача, особенно в конце школьного или студенческого курса и в начале любой карьеры в мире. [188]

Несомненно, среди нас есть много матерей, учителей и врачей, которые прекрасно подготовлены к выполнению своих соответствующих функций - начальной, средней и высшей - в работе по сексуальной гигиене. Но пока их мало и они далеко друг от друга, их влияние будет сведено на нет, если даже не станет вредным.

Зачастую матери бесполезно прививать своему малышу уважение к собственному телу, благоговение перед материнским началом, через которое он пришел в мир, чувство чистоты природных функций или красоты естественных органов, если за пределами дома мальчик обнаруживает, что все остальные мальчики и девочки рассматривают эти вещи лишь как повод для хихиканья. Учителю бесполезно описывать научные факты о сексе как о чудесной кульминации естественного развития мира, если за пределами школы ученик узнает, что в газетах и в разговорах взрослых этот священный храм рассматривается как обычная канализация, слишком грязная, чтобы о ней говорить, и что книги, содержащие даже самые необходимые описания этого, могут быть осуждены как "непристойные" в суде. [189] Напрасно врач объясняет юношам и девушкам тонкую и страшную природу венерических ядов, заявляет о праве и обязанности обоих партнеров в браке знать, авторитетно и заранее, состояние здоровья друг друга или предупреждает их, что надлежащее чувство ответственности перед родом должно помешать некоторым нездоровым людям вступить в

брак, Если, выйдя от врача, молодые человек и женщина обнаружат, что их знакомые готовы принять все эти риски, легкомысленно, в темноте, в беспечном сне, от которого, как они надеются, не будет ужасного пробуждения.

Мораль, на которую указывают эти наблюдения, достаточно ясна. Секс пронизывает всю жизнь. Это не отрасль математики или период древней истории, который мы можем преподавать или не преподавать, как нам покажется лучше, который, если мы преподаем, мы можем преподавать по своему усмотрению, а если мы пренебрегаем им, он никогда нас не беспокоит. Любовь и голод - основы жизни, и импульс к сексу так же фундаментален, как и импульс к питанию. Он не будет отсутствовать, потому что мы отказываемся призывать его к присутствию, он не уйдет, потому что мы находим его присутствие неудобным. В крайнем случае он лишь изменит свою форму и будет насмехаться над нами из-под масок, настолько униженных, а иногда и настолько возвышенных, что мы уже не сможем его распознать.

"Люди постоянно пишут о воспитании, - сказал Шамфор более века назад, - и их труды привели к появлению некоторых ценных методов. Но что толку, если параллельно с внедрением таких методов не будут проведены соответствующие реформы в законодательстве, в религии, в общественном мнении? Единственная цель образования - привести разум ребенка в соответствие с разумом общества. Но если в обществе нет соответствующих реформ, то, обучая ребенка уму-разуму, вы просто приучаете его видеть нелепость мнений и обычаев, освященных печатью священного авторитета, общественного или законодательного, и внушаете ему презрение к ним". [190] Мы не можем слишком часто размышлять над этими мудрыми словами.

Бесполезно пытаться представить сексуальную гигиену как отдельную тему, а в некоторых отношениях это может быть опасно. Когда мы касаемся секса, мы касаемся чувствительных волокон, которые пронизывают весь наш социальный организм, так же как прикосновение любви пронизывает весь телесный организм. Любая жизненно важная реформа здесь, любое истинное внедрение сексуальной гигиены взамен нашей традиционной политики растерянного молчания, затрагивает всю жизнь или не затрагивает ничего. Она изменит наши социальные условности, войдет в нашу семейную жизнь, изменит наши моральные взгляды, возможно, вновь вдохновит нашу религию и нашу философию.

Этот вывод ни в коем случае не должен сделать нас пессимистами в отношении будущего сексуальной гигиены или чрезмерно озабоченными тем, чтобы держаться за политику прошлого. Но он может побудить нас довольствоваться медленным продвижением вперед, широко и твердо готовить наши движения и не ожидать слишком многого в самом начале. Внедряя сексуальную гигиену, мы порываем с традицией прошлого, которая исповедовала, что процесс продолжения рода зависит от природы, от Бога и тем более от дьявола. Мы утверждаем, что это вопрос индивидуальной личной ответственности, сознательно осуществляемой в свете точных знаний, которыми каждый юноша и каждая девушка имеют право, а точнее, обязаны обладать. Концепция личной ответственности, распространенная таким образом на сферу секса в воспроизводстве расы, вполне может преобразить жизнь и изменить ход развития цивилизации. Это не просто реформа в классе, это реформа в доме, в церкви, в судах, в законодательных органах. Если сексуальная гигиена означает это, то она означает нечто великое, хотя это нечто может прийти только медленно, с трудом, с большим поиском сердец. Если же, напротив, сексуальная гигиена означает лишь введение нового формального катехизиса и случайных перфузорных увещаний, то ее можно ввести сразу, довольно легко, не задевая никаких чувств. Но, на самом деле, это не будет стоить беспокойства, так или иначе".

[181] Полное обсуждение этого движения см. в Havelock Ellis, *Studies in the Psychology of Sex*, Vol. VI, "Sex in Relation to Society", chaps. II и III.

[182] Базедов (родился в Гамбурге в 1723 г., умер в 1790 г.) изложил свои взгляды на сексуальное воспитание, которые многим покажутся несколько радикальными и передовыми даже в наши дни, в своем большом трактате "Элементарное воспитание" (1774). Его практическая деятельность в области образования рассматривается в работе Пинлоша "Реформа образования в Аллемании в VI веке" (Pinloche, *La Réforme de l'Education en Allemagne au Dix-huitième Siècle*).

[183] Лучшие из этих работ были напечатаны в томе под названием "Am Lebensquell".

[841] Продуманная и восхитительная инициация мальчиков у туземцев Торресова пролива служит хорошим примером такого воспитания и подробно описана доктором А.К. Хэддоном в "Отчетах антропологической экспедиции в Торресов пролив", том V, гл. VII и XII.

[185] Молл в своей мудрой и всеобъемлющей работе "Сексуальная жизнь ребенка" (немецкое изд., стр. 225) решительно заявляет, что "мы должны с самого начала четко осознать, что полное исключение сексуальных стимулов в воспитании детей невозможно". Он добавляет, что требования, выдвигаемые некоторыми "фанатиками гигиены", были бы опасны, даже если бы они были выполнимы. Игры и физические упражнения во многих случаях вызывают значительную степень сексуального возбуждения. Но это не должно вызывать у нас излишней тревоги, равно как и не должно убеждать нас изменить нашу политику рекомендации таких игр и упражнений".

[186] См. превосходный памфлет фрау Марии Лишневской "Geschlechtliche Belehrung der Kinder", впервые опубликованный в *Mutterschutz*, 1905, Heft 4 и 5. Это, пожалуй, самое убедительное изложение аргументов в пользу того, чтобы отвести главное место в сексуальной гигиене учителю. Фрау Лишневская признает три фактора в движении за освобождение половой жизни от деградации: (1) медицинский, (2) экономический и (3) рациональный. Но именно последний - в самом широком смысле, как всеобъемлющий процесс просвещения - она считает главным. "Необходимо изменить взгляды и настроения людей", - говорит она. Цивилизованный человек должен научиться смотреть на этот уголок природы чистыми глазами; благоговение перед ним должно рано проникнуть в его душу". В отсутствие этого фундаментального обновления медицинские и социальные меры приведут лишь к появлению рафинированных животных".

[187] "Мы, современные родители, - как справедливо говорит Генриетта Фюрт ("Erotik und Elternpflicht", *Am Lebensquell*, p. 11), - еще не достигли той прекрасной естественности, из которой в этих вопросах вырастают простота и свобода. И как бы мы ни хотели учиться заново, большинство из нас настолько утратили внутреннюю свободу от предрассудков - точку зрения чистого, для которого все чисто, - что не могут обрести ее вновь. Мы, современные родители, были совершенно неправильно воспитаны. Привитое чувство стыда сохранилось даже после того, как мы поняли, что стыд в этой связи ложен".

[188] Метод привития знаний о половой гигиене (особенно в отношении венерических заболеваний) в самом начале взрослой жизни наиболее активно применяется в Германии и США. В Германии врачи часто читают лекции по этим вопросам для студентов и других людей. В Соединенных Штатах информация и советы распространяются за рубежом в основном с помощью обществ. Американское общество санитарной и моральной профилактики, с которым особенно связано имя доктора Морроу, было организовано в 1905 году. Чикагское общество социальной гигиены было основано в 1906 году. С тех пор в разных

городах и штатах Америки под эгидой медицины возникло множество других подобных обществ.

[189] Многие вопиющие случаи с юридической точки зрения изложены Теодором Шредером, *"Непристойная" литература и конституционное право*", Нью-Йорк, 1911, гл. IV.

[190] Chamfort, *[OE]uvres Choiesies*, ed. by Lescure, Vol. I, p. 33.

IX

БЕЗНАВСТВЕННОСТЬ И ЗАКОН

Социальная гигиена и правовое принуждение - Обязательная сила обычая среди дикарей - Разрушающее влияние цивилизации - Различие между безнаравственностью и преступностью - Прелюбодеяние как преступление - Критерии преступности - Национальные различия в установлении границы между преступными и безнаравственными действиями - Франция - Германия - Англия - Соединенные Штаты - Полицейское управление - Методы полиции в Соединенных Штатах - Национальные различия в регулировании торговли алкоголем - Запрет в Соединенные Штаты - Происхождение американского метода борьбы с безнаравственностью - Россия - Исторические колебания в методах борьбы с безнаравственностью и проституцией - Гомосексуализм - Голландия - Возраст согласия - Моральное законодательство в Англии - Соединенные Штаты - Закон Рейнса - Американские попытки подавить проституцию - Их бесперспективность - Немецкие методы регулирования проституции - Рациональный метод подхода к безнаравственности - Обучение сексуальной гигиене - Воспитание личной и социальной ответственности.

Современное развитие социальной гигиены в вопросах евгеники уже достаточно показало, что в обществе есть люди, стремящиеся быстро прорваться к тысячелетию, которые думают, что евгенику можно продвинуть с помощью поспешного законодательства. Этот метод продвижения социального прогресса не нов. Он применяется с переменным успехом уже несколько тысяч лет. Поэтому, если мы хотим, чтобы социальная гигиена действительно развивалась среди нас на разумных и фундаментальных началах, нам необходимо четко осознать ошибки прошлого. Снова и снова слепая поспешность слишком рьяных реформаторов приводила не к прогрессу, а к регрессу. Прекрасные намерения таких социальных реформаторов потерпели поражение не столько из-за зла, которое они пытались преодолеть, сколько из-за их собственного чрезмерного невежественного рвения. По мере расширения наших знаний в области истории и психологии мы убеждаемся, что при работе с человеческой природой то, что кажется самым длинным путем в обход, иногда оказывается самым коротким путем домой.

Среди дикарей, и, несомненно, в примитивных обществах в целом, социальная реакция против вредных или даже необычных действий со стороны отдельных людей регулируется обязательной силой обычая. Господствующее мнение - это мнение всех, господствующий обычай - это долг для всех. Веления обычая, даже ритуала и этикета, - это строгие предписания морали, обязательные для всех, и нарушение любого из них приравнивается к тому, что мы считаем преступлением. Дикаря удерживает на пути долга гораздо более

сплоченная сила общественного мнения, чем цивилизованного человека. Но, как отмечает Вестермарк в наводящей на размышления главе об обычаях и законах как выражении моральных идей, "обычай никогда не охватывает всего поля морали, и неохваченное пространство увеличивается пропорционально развитию морального сознания..... На ранних этапах развития обычай является правилом долга. Только прогресс культуры ослабляет его влияние". [191] По мере того как общество увеличивается в размерах и культивируется, становясь все более разнородным, оно жестко придерживается фундаментальных представлений о добре и зле, но в менее фундаментальных вопросах его моральные идеи становятся и более субъективными, и более разнообразными. Если мужчина убивает другого мужчину из любви к жене этого мужчины, все цивилизованное общество считает, что убийство - это "преступление", которое должно быть сурово наказано; но если мужчина занимается любовью с женой, не убивая мужа, то, хотя в некоторых дикарских обществах этот поступок все равно был бы "преступлением", в цивилизованном обществе он обычно рассматривается как более подходящий случай для гражданского иска, а не для уголовного преследования; Если же станет известно, что жена с самого начала была влюблена в мужчину и вышла замуж по принуждению за мужа, который жестоко с ней обращался, то очень значительная часть цивилизованного общества фактически перенесет свои симпатии на обиженную пару и будет рассматривать мужа как настоящего преступника.

Вот почему пережитки древнего церковного взгляда на прелюбодеяние как на "преступление" больше не поддерживаются общественным мнением; [192] они больше не исполняются, или же наказание снижается до смехотворных размеров (как во Франции, где может быть наложен штраф в несколько франков), и существует общая тенденция к их полной отмене. Наказания за прелюбодеяние сегодня не принимаются заново, за исключением Соединенных Штатов, где средневековые правила сохранились благодаря силе пуританской традиции. Так, в штате Нью-Йорк в 1907 году был принят закон, согласно которому любой человек, виновный в прелюбодеянии, наказывался шестью месяцами тюремного заключения, или крупным штрафом, или тем и другим. Закон был принят во многом благодаря агитации Национальной христианской лиги за чистоту; предполагалось, что закон будет направлен на предотвращение прелюбодеяния. Менее чем через три месяца после вступления закона в силу юристы пришли к выводу, что это мертвая буква. За два года после принятия закона, несмотря на большое количество разводов, только три человека были отправлены в тюрьму на несколько дней в соответствии с этим законом, и только четверо были оштрафованы на небольшую сумму. Комитет четырнадцати заявляет, что он "практически не имеет эффекта", и добавляет: "Превентивную ценность этого закона определить невозможно, но, судя по судебным преследованиям, он оказался неэффективным оружием против безнравственности и практически не влияет на коммерциализацию порока". [193] Когда такие законы остаются в свод законов как реликвия практически средневековых времен, они заслуживают определенного уважения, даже если их невозможно исполнить; повторное принятие их в современности - это беспричинный способ вывести закон из-под контроля.

Очевидно, что все подобные случаи, затрагивающие нравственность, не только изменяются в зависимости от обстоятельств и психического состояния человека, но и то, что в отношении них различные слои общества придерживаются совершенно разных взглядов. Санкции уголовного закона, чтобы быть твердыми и непоколебимыми, должны быть способны к буквальному толкованию и неукоснительному исполнению, и в этом толковании и исполнении должны быть признаны справедливыми всем обществом. Но как только закон переходит в сферу морали, это становится невозможным; закон теряет всю свою определенность и все то почтение, которое по праву принадлежит ему. Он больше не

является голосом совести всего общества; он имеет тенденцию быть просто выражением чувств небольшого социального круга высшего класса; чувства, привычки и потребности массы населения полностью игнорируются". [194] Такие законодательные вторжения в сферу морали не являются более удовлетворительными с точки зрения класса, который несет за них ответственность. Очень скоро начинает ощущаться, что, по словам Хагена, "формулы уголовного права - это жесткие и неуклюжие инструменты, которые лишь в редчайших случаях могут служить для того, чтобы распутать тонкие и многообразно переплетенные нити человеческой души и решить, что справедливо, а что несправедливо". Формулы принимаются для простых, незамысловатых, грубых повседневных случаев. Только в таких случаях достигается победа справедливости над несправедливостью".

Действительно, нет четкой границы, отделяющей преступные действия от просто аморальных, и последние, как правило, косвенно, даже если не прямо, антисоциальны. Было бы очень удобно провести резкое различие между крупными антиобщественными деяниями, которые могут быть правильно названы "преступлением" и справедливо преследоваться всей строгости закона, и мелкими антиобщественными деяниями, которые могут быть оставлены на усмотрение различной реакции социальной среды, поскольку они не могут быть правильно оценены уголовным законом. [195] Такое разграничение существует, но его нельзя проводить резко, поскольку существует большое количество промежуточных антиобщественных деяний, которые одни слои общества считают крупными, а другие - мелкими, или даже, в некоторых случаях, вообще не антиобщественными. Единственный удобный критерий, который мы можем применить, - это сила социальной реакции при условии, что мы имеем дело с деянием, которое определенно является антиобщественным, ущемляющим признанные права, а не просто необычным или отвратительным поступком". [196] Когда антиобщественный поступок встречает реакцию общественного возмущения, которая является достаточно универсальной и постоянной, он может рассматриваться как преступление, подпадающее под юрисдикцию закона. Если мнение меняется, если значительная часть общества восстает против наказания за предполагаемое антиобщественное деяние, то мы не имеем права называть его "преступлением". Это не совсем верный или удовлетворительный критерий, потому что часто бывают моменты и места, особенно под воздействием какого-то конкретного события, вызывающего всплеск повышенных общественных эмоций, когда часть общества своей шумной активностью добивается впечатления, что она выражает всеобщую волю. Но в целом все получается справедливо. Этические стандарты в разных местах и в разное время отличаются друг от друга. Более того, они постоянно меняются. Поэтому во всех вопросах, относящихся к сфере того, что мы обычно называем моралью, в каждом обществе есть те, кто одобряет тот или иной поступок, те, кто его не одобряет, и те, кто относится к нему равнодушно. В такой изменчивой сфере мы не можем принимать законы, будучи уверенными в том, что все общество будет с нами, и не можем правильно ввести слово "преступление", которое должно обозначать только действие настолько серьезного антисоциального характера, что не может быть никаких сомнений.

Однако важно понимать заметные национальные различия в реакции на эти слегка или сомнительно антиобщественные поступки, поскольку такие различия основаны на древней традиции и в какой-то степени являются выражением гения народа, хотя и не являются абсолютно неизменным продуктом расовой конституции и, в определенных пределах, подвергаются трансформации. Таким образом, получается, что действия, которые в одних странах преследуются законом и наказываются как преступление, в других странах остаются нетронутыми законом и предоставленными социальной реакции общества. Поэтому становится важным сравнить национальные различия в отношении к безнравственности,

чтобы выяснить, является ли попытка пресечь ее напрямую, законодательно, более эффективной, или менее эффективной, чем метод, оставляющий ее на усмотрение социальной реакции.

Во многих отношениях Франция и Германия представляют собой удивительный контраст в своих методах борьбы с безнравственностью. Этот контраст существует только со времен радикальных правовых реформ, последовавших за революцией во Франции. В старой Франции законы против сексуальных и религиозных преступлений были чрезвычайно суровыми, в некоторых случаях предусматривали смерть на костре, и даже в XVIII веке это крайнее наказание закона иногда приводилось в исполнение. Полиция действовала активно, ее методы расследования были продуманными и тщательными, однако строгость закона и энергия полиции не смогли подавить безрелигиозность и безнравственность во Франции XVIII века. Революция, популяризовав мнения более просвещенных людей того времени и придав народному голосу авторитет, которым он никогда не обладал прежде, переделала древние церковные законы в соответствии с представлениями среднего современного человека. В 1791 году почти все древние законы против безнравственности, оказавшиеся столь неэффективными, были отброшены, а когда в 1810 году Наполеон создал великий уголовный кодекс, носящий его имя, он тщательно ограничил до минимума моральные преступления, которые закон был уполномочен рассматривать, и - действуя, безусловно, в соответствии с глубоко укоренившимися инстинктами французского народа - избежал любого бесполезного или опасного вмешательства в частную жизнь и свободу личности. Уголовный кодекс Франции остается практически неизменным и по сей день, в то время как другие страны, построившие свои кодексы по французскому образцу, демонстрируют схожие тенденции.

В Германии, и особенно в Пруссии, которая сейчас доминирует в немецком мнении, преобладает совсем другая тенденция. Немец не чувствует ничего из той чувствительной ревности, с которой французы стремятся охранять частную жизнь и права личности. Он терпит полицейскую систему, которая, как отметил Фульд, является самой военной полицейской системой в мире, и не жалуется на избирательную тщательность, даже суровость, с которой она выполняет свои функции. "Северный немец, - по словам одного немецкого юриста, - со священным уважением смотрит на каждую государственную власть, на каждого чиновника, особенно на исполнительных и полицейских функционеров; он благодушно принимает полицейские дознания в своей частной жизни, и регулирование его поведения законом и полицией влияет на его порыв свободы сравнительно незначительно". Поэтому вмешательство законодателя в его частную жизнь кажется ему привычным и не слишком вредным посягательством на его индивидуальность". [197] Таким образом, получается, что многие действия, в большинстве своем не вызывающие сомнений в аморальности, такие как кровосмешение, привлечение женщин для аморальных целей и гомосексуальные действия, которые, когда речь идет только о взрослых, французы оставляют на социальной реакции, в Германии напрямую пресекаются законом. К этим и подобным вещам во Франции относятся с не меньшим отвращением, чем в Германии, но в то время как немец считает, что это отвращение само по себе является основанием для применения законного наказания за отвратительный поступок, француз считает, что применение наказания за такие действия по закону является недопустимым вмешательством государства в частные дела и ненужным вмешательством, поскольку социальная реакция вполне адекватна. В Германии, указывает д-р Вильгельм, мужчина, разрешивший жениху своей дочери остаться с ней на ночь в его доме, может быть привлечен к полицейскому суду и отправлен в тюрьму за склонение к безнравственности; [198] для французского это шокирующее и немыслимое оскорбление частных прав. [199] Так же обстоит

дело и с немецким правовым отношением к сексуальной инверсии. Немецкий метод вытаскивать частные скандалы на свет и бесконечно долго расследовать их в судебных инстанциях - вечный источник изумления для французов. Они отмечают, что этот метод не только не достигает своей цели, концентрируя внимание на ненормальных практиках, которые он атакует, но и добавляет им достоинства; определенная небольшая часть общества оправдывает и поддерживает эти практики, но в то время как во Франции у этой части нет причин выступать на публике, поскольку у нее нет жалоб, требующих возмещения, в Германии существование причины, которую можно отстаивать во имя справедливости, породило серьезный и внушительный массив литературы, не имеющий аналогов во Франции. [200] Таким образом, как отмечает Вильгельм, мы видим совершенно противоположные методы, используемые в Германии и Франции для достижения одних и тех же целей: "В Германии наказание за предполагаемый ущерб общим интересам; во Франции отсутствие наказания, чтобы избежать ущерба общим интересам; в Германии полицейская дубинка применяется для того, чтобы предотвратить угрожающий ущерб, в то время как во Франции опасаются, что применение полицейской дубинки само по себе нанесет ущерб".

Естественно, возникает вопрос: Какой метод более эффективен? Вильгельм приходит к выводу, что эти различия в национальном отношении к аморальности отнюдь не привели к тому, что аморальность во Франции распространена больше, чем в Германии; напротив, хотя внебрачные связи в Германии считаются почти преступлением, сексуальные преступления против детей распространены гораздо больше, чем во Франции, а семейная жизнь во Франции по крайней мере так же стабильна, как в Германии, и более интимна. "Более свободный подход к сексуальным вопросам и его результаты в законодательстве не привели, по сравнению с Германией, к более безнравственным условиям, но, с другой стороны, это стало причиной того, что энергичная агитация, которую мы видим в Германии за определенные правовые реформы в отношении сексуальности, совершенно неизвестна".

В Германии и в некоторых других странах, иногда даже во Франции, забывают, что если аморальность находится под рукой закона, то это вовсе не означает, что наказание, в самом широком смысле этого слова, должно быть более суровым. До тех пор, пока он сохраняет доброе мнение своих товарищей, тюремное заключение не причиняет человеку никакого вреда; это случалось с некоторыми из наших самых выдающихся и уважаемых государственных деятелей. Плохое мнение окружающих, даже если закон бессилен его тронуть, часто становится для человека непоправимой травмой. Мы не укрепляем общественную реакцию в большинстве случаев, когда пытаемся придать ей юридическую санкцию; мы даже не нуждаемся в ее укреплении, поскольку она иногда бывает более суровой и жесткой, чем закон, упускающий из виду или не знающий всех смягчающих обстоятельств. Во Франции, как и в Англии, сила общественного мнения, независимо от закона, чрезвычайно и, возможно, чрезмерно сильна.

В Англии, однако, мы видим отношение к безнравственности, которое отличается как от французского, так и от немецкого, хотя и имеет точки соприкосновения с обоими. Отличительной чертой отношения англичанина является его дух крайнего индивидуализма (что отличает его от немца) в сочетании с религиозным характером его морального пыла (что отличает его от француза), причем и то, и другое завуалировано застенчивым благоразумием (что отличает его и от француза, и от немца). Почитание англичанином прав личности идет дальше, чем у француза, ведь во Франции существует тенденция подчинения личности семье, а в Англии интересы личности преобладают. Но если во Франции законы были переделаны в соответствии с национальным темпераментом, то в Англии этого не произошло в такой же степени, как в Англии, где в современную эпоху не произошло великой

революции, чтобы поколебать законы, которые все еще в силу своей древности, а не разумности, сохраняют почтение народа. Таким образом, получается, что с юридической стороны английское отношение к безнравственности во многом напоминает немецкое. Однако, несомненно, наиболее фундаментальным элементом в английском отношении является инстинкт личной свободы, и даже религиозный пыл морального импульса усилил индивидуалистический элемент. [201] Мы видим это наглядно в том, что Англия даже пошла дальше Франции, отвергнув контроль над проститутками. Французы стремятся отменить такой контроль, но в Англии, где он никогда не был широко распространен, он уже давно отменен, оставив после себя лишь слабые следы. Для английского ума отвратительно, что даже самые деградировавшие образцы человечества должны быть принудительно лишены прав на свою собственную личность, даже если утверждается, что лишение этих прав может быть на благо общества. Пожалуй, ни в одной стране проститутка не может так свободно расхаживать по улицам, занимаясь своей профессией, как в Англии, и ни в одной стране общественное мнение не относится так нетерпимо даже к подозрению в ошибке полиции при осуществлении того весьма ограниченного контроля над проститутками, которым она обладает. Свобода проститутки в Англии также гарантируется самым пылом английского религиозного чувства; ведь активное вмешательство в дела проституток подразумевает регулирование проституции, а это подразумевает национальное признание проституции, которое для очень большой части английского народа было бы совершенно отвратительным. Таким образом, английская любовь к свободе и английская любовь к Богу объединяются, чтобы защитить проститутку. Следует добавить, что этот результат ни в коем случае не является, как некоторые думают, враждебным для морали. По мнению многих иностранных наблюдателей, в этом вопросе Лондон, при всей его свободе, выгодно отличается от многих других крупных городов, где проституция строго регулируется полицией и по возможности скрывается. Ведь полиция никогда не сможет стать проводником сердечной морали, а все репрессии в мире могут лишь коснуться поверхности жизни.

Английская позиция, опять же, характерно проявляется в методах борьбы с гомосексуальными практиками и другими подобными сексуальными отклонениями. Здесь, с юридической точки зрения, Англия ближе к Германии, чем к современной Франции. Ни в одной стране мира, как часто говорят, не сохранилось по традиции и даже в последнее время не было столь суровых наказаний за гомосексуальные преступления, как в Англии. Однако, в отличие от немцев, англичане не ведут активного судебного преследования в таких случаях и обычно довольствуются тем, что закон остается в силе, пока общественный порядок и приличия соблюдаются в разумных пределах. Англичане, как и французы, отнюдь не впечатлены преимуществами немецкой системы, при которой сугубо частные скандалы становятся публичными, день за днем во всех подробностях излагаются в суде и бурно обсуждаются всем населением. Тем не менее, английский закон в этом вопросе все еще очень широко поддерживается. Есть очень много англичан, которые считают, что тот факт, что гомосексуальность вызывает отвращение у большинства людей, является основанием для того, чтобы наказывать за нее с особой строгостью. Однако отвращение - это дело вкуса, и мы не можем должным образом отражать его в наших законах; отвратительный человек не обязательно является преступником, иначе нам придется принять закон о том, что многие обитатели наших больниц и психушек должны быть повешены. Таким образом, в английском методе борьбы с безнравственностью существует фундаментальная непоследовательность; он состоит из противоположных взглядов, некоторые из которых являются крайними в противоположных направлениях. Но в силу национальной склонности к компромиссам эти противоречивые тенденции действуют достаточно гармонично. В результате общее состояние английской морали - несмотря на и, возможно, отчасти по причине ее благоразумного стремления оставить неприятные вещи в покое - по крайней мере, столь же

удовлетворительно, как и в странах, где в ходу гораздо более логичные и основательные методы.

В Соединенных Штатах мы видим еще одно отношение к безнравственности. Оно, действительно, связано с английским, причем неизбежно, поскольку самый древний и фундаментальный его элемент был перенесен в Америку английскими пуританами, которые лелеяли в крайних формах как английскую страсть к индивидуализму, так и английский пыл религиозного идеализма. Эти зародыши оказались слишком сильны, чтобы их можно было уничтожить даже под всеми новыми влияниями американской жизни. Но они не совсем гармонично сочетаются с этими влияниями, и в результате американское отношение к безнравственности иногда выглядит как карикатура на английский метод. Приток огромного и расово смешанного населения с последующим стремительным развитием урбанизации открывает огромное поле для попыток идеалистического индивидуализма в проведении реформ. Но этот индивидуализм не был сдержан английским духом компромисса, который не является частью пуританства, и поэтому он склонен как к избыточности, так и к бездействию. К такому результату привело отчасти то, что индивидуалистическое законодательство не выражает тенденций всего населения и потому фатально обречено на стерильность, а отчасти то, что в новой и быстро развивающейся цивилизации невозможно обеспечить армию функционеров, которым можно было бы доверить регулирование тонких и сложных моральных вопросов, в отношении которых у общества нет настоящего согласия. Американская полиция, по общему признанию, особенно часто подвергается обвинениям в неэффективности и продажности. Не так часто осознается, что этим недостаткам способствует непосильный характер задач, которые ставятся перед американской полицией.

Этот аспект вопроса был очень четко изложен д-ром Фулдом из Колумбийского университета в его компетентной и обстоятельной книге о полицейской администрации. [202] Он показывает, что, хотя американская полицейская система как система имеет недостатки, которые необходимо устранить, нельзя сказать, что отдельные сотрудники американской полиции уступают сотрудникам полиции других стран; напротив, в некоторых отношениях они превосходят их; не так уж велика доля тех, кто продает право нарушать закон. [203] Их самые серьезные недостатки связаны с невыполнимыми законами и постановлениями, принятыми неопытными законодателями. Эти законы и постановления во многих случаях не могут быть исполнены, и слабые полицейские берут деньги с граждан за то, чтобы не исполнять правила, которые они в любом случае не могут исполнить. "Американские полицейские силы, - говорит Фулд, - были развращены почти исключительно уставами..... Реальная вина лежит не на полицейском, который принимает соблазнительно предложенную ему взятку, и не на взяткодателя, который, давая взятку, стремится заключить наилучшую возможную деловую сделку, а на законе, который, предоставляя полиции широкую и бесконтрольную свободу действий при исполнении законов, ставит на первое место взяткодателей и взяткополучателей". Такое положение вещей стало возможным благодаря тому, что обязанности полиции не ограничиваются вопросами, затрагивающими преступность и общественный порядок - вопросами, которые все общество считает важными и в отношении которых любая халатность полиции считается серьезным обвинением, - но распространяются на несущественные вопросы, к которым значительная часть общества, включая многих самих полицейских, относится с полным безразличием. Невозможно серьезно относиться к заговору с целью нарушения законов, которые значительная часть граждан считает ненужными или даже глупыми. Поэтому, к сожалению, обвинение американской полиции в том, что "она продает право нарушать закон", не имеет того серьезного значения, которое оно имело бы в большинстве стран, поскольку права,

покупаемые в Америке, в большинстве стран могут быть получены без покупки. "Деяние должно быть признано преступным, - как справедливо отмечает Фулд, - только тогда, когда социально целесообразно наказать его преступность..... Американский народ, или, по крайней мере, американские законодатели, не проводят такого четкого различия между пороком и преступлением. Похоже, в Америке бытует мнение, что если порок не превращается в преступление, то государство потворствует этому пороку и становится участником его совершения. К сожалению, в обществе есть большое количество людей, которые считают, что они удовлетворили требования, предъявляемые к ним в отношении добродетельной жизни, включив в какой-нибудь закон осуждение определенного порочного действия как преступления". [204] Эта особенность американских законов с их неспособностью провести различие между пороком и преступлением, очевидно, является наследием ранних пуритан. Пуритане перенесли в Новую Англию независимые автономные законы морали и с презрением относились к внешним законам. Крепкие пионеры первого поколения были верны этой установке и даже не повинны в наказании ведьм. Но когда представилась возможность, их потомки не смогли устоять перед соблазном возвести внешний закон морали и, подобно женевским кальвинистам, учредили инквизицию, поддерживаемую светской властью. Только во времена Эмерсона американское пуританство вновь обрело самостоятельную свободу и зазвучало в том же воздухе, что и Мильтон. Но тем временем беда была уже совершена. Даже сегодня в Соединенных Штатах создана инквизиция почты. Говорят, что она неконституционна, и можно поверить, что это так, но тем не менее она процветает под защитой того, что один известный американец назвал "бесконечной дерзостью избранных лиц". Но позволять подчиненным чиновникам маскироваться в почтовом департаменте под инквизиторов, якобы в интересах общественной морали, - опасная политика. [205] Ее омертвляющее влияние на национальную жизнь не может не быть рано или поздно осознано американцами. Морализировать с помощью законов - занятие достаточно пустое и неудовлетворительное; но еще хуже пытаться морализировать с помощью произвольных сентенций мелких правительственных чиновников.

Интересно проследить, какие методы борьбы с торговлей спиртными напитками используются в некоторых частях Соединенных Штатов. Алкоголь - это, с одной стороны, яд, с другой - основа национальных напитков каждой цивилизованной страны. Каждый штат считает необходимым регулировать его продажу в большей или меньшей степени, таким образом, чтобы (1) в интересах общественного здоровья алкоголь не был слишком легко или слишком дешево доступен, чтобы (2) ограничения на его продажу могли быть источником дохода для государства, и чтобы (3) в то же время это регулирование продажи не было досадной и бесполезной попыткой неоправданного вмешательства в национальные обычаи. Государства пытались достичь этих целей различными способами. Продажа алкоголя может быть сделана государственной монополией, как в России, или, опять же, она может осуществляться под незаинтересованным муниципальным или иным контролем, как в Гетеборгской системе Швеции или Самлагской системе Норвегии. [206] В Англии принят более простой и обычный план, заключающийся в том, что продажа алкоголя облагается высокими налогами, и, кроме того, применяются различные мелкие методы ограничения продажи алкогольных напитков и попытки улучшить условия, в которых они продаются.

Во Франции в интересах общественного здоровья недавно был принят гениальный метод воздействия на продажу алкоголя, который оказался полностью успешным. Национальным напитком французов является легкое вино, которое можно приобрести в изобилии, отличного и полезного качества и очень дешево, если оно не облагается высокими налогами. Но в последние годы во Франции наметилась тенденция к потреблению в больших

количествах тяжелых алкогольных напитков, часто особенно вредных. В связи с этим было принято решение установить очень высокую пошлину на дистиллированные напитки и снизить пошлину на легкие вина, а также на пиво, чтобы полезное и настоящее вино могло поставляться потребителю по такой же низкой цене, как и пиво. В результате французский потребитель отдает предпочтение дешевому и полезному вину, которое действительно является его национальным напитком, а потребление крепких спиртных напитков значительно снизилось. Если раньше потребление бренди во французских городах составляло семь или восемь литров абсолютного алкоголя на голову, то теперь в крупных городах оно упало до 4,23 литра". [207]

В Америке, однако, существует тенденция в отношении к продаже алкоголя, полностью противоположная той, которая почти повсеместно преобладает в Европе. Когда в Европе человек отказывается от употребления алкоголя, он не требует, чтобы его окружающие последовали его примеру, а если и требует, то обычно довольствуется моральным убеждением. Но в Соединенных Штатах, где нет единого национального напитка, большое количество людей отказались от употребления алкоголя и убедили себя в том, что его употребление другими людьми является пороком, поскольку не везде признается, что "Эгоизм - это не жить так, как хочется, а просить других жить так, как хочется". Более того, поскольку в Соединенных Штатах среди части населения до сих пор сохраняется средневековая путаница между пороком и преступлением, являющаяся частью национальной традиции, стало легко рассматривать употребление алкоголя как преступление и сделать его наказуемым. Таким образом, мы имеем "Запрет", который преобладает в различных штатах Союза и особенно ассоциируется с Мэном, где он был установлен в грубой форме еще в 1846 году и (за исключением короткого промежутка между 1856 и 1858 годами) преобладает до сих пор. Закон никогда не был эффективным. Он становился все более и более строгим; допускались самые дикие отговорки произвола администрации; постоянно возникали скандалы; чиновники с железной волей и решимостью погибали, веря, что если они только приложат достаточно энергии для выполнения задачи, то закон, в конце концов, будет исполнен. Все было напрасно. В городах штата Мэн всегда было легко достать спиртное тем, кто этого хотел. Наконец, в 1911 году, в результате прямого референдума, большинство, с которым жители штата Мэн поддерживают запрет, сократилось до 700 человек при общем опросе 120 000, в то время как все крупные города проголосовали за отмену запрета огромным большинством голосов. Очевидно, что жители штата Мэн начинают смутно осознавать, что принимать законы, которые не может обеспечить никакая человеческая сила, хуже, чем бесполезно. "Результат голосования, - пишет мистер Артур Шервелл, английский социальный реформатор, сам не являющийся противником законов о воздержании, - с любой точки зрения, и не в последнюю очередь с точки зрения воздержания, крайне неудовлетворителен, и, несомненно, создает для властей положение большой трудности и неловкости. Большинство в 700 голосов при общем количестве избирателей в 120 000 человек явно не является достаточным основанием для принятия радикального закона, который, как убедительно показал предыдущий опыт, не может быть успешно применен в городских районах штата". Успешное применение запрета на уровне штата представляется безнадежным. История запрета в штате Мэн навсегда станет красноречивым доказательством того, к каким бедам приводит сохранение в условиях современной жизни древней церковной неспособности провести различие между сферой морали и сферой права. Попытка заставить людей отдать кесарю то, что принадлежит Богу, всегда заканчивается подобным образом.

В этих вопросах мы являемся свидетелями того, как в Америке сохраняется древняя традиция. Ранние пуритане были индивидуалистами, это правда, но их индивидуализм принял теократическую форму, и, во имя Бога, они рассматривали преступления и пороки в равной степени и без различия как грехи. Точно такую же точку зрения мы видим в Пенитенциалах девятого века, которые были церковными кодексами, рассматривающими, точно в том же духе и тем же способом, преступления и пороки, не признавая ничего, кроме определенной разницы в степени между убийством и мастурбацией. В IX веке и даже гораздо позже, в Женеве Кальвина и Новой Англии Коттона Мэзера, можно было воплотить в жизнь эту теократическую концепцию единства пороков и преступлений и наказания за грехи и тех, и других, поскольку общество в целом принимало эту точку зрения. Но в современных Соединенных Штатах это далеко не так. В результате в Америке в этом отношении мы находимся в состоянии, аналогичном тому, которое существовало во Франции до того, как Революция переделала законы в соответствии с темпераментом нации. Законы и предписания средневекового типа для морального упорядочения мельчайших деталей жизни все еще принимаются в Америке, но они вызывают все большее презрение со стороны общества и даже самих администраторов законов. Понятно, что такая поминутная инквизиция частной жизни гражданина может эффективно осуществляться только там, где сам гражданин признает божественное право инквизитора. Но теократическая концепция жизни больше не соответствует ни американским идеям, ни американским обычаям; это минутное моральное законодательство опирается на основу, которая за века прогнила. Таким образом, получилось, что нигде в мире нет такого большого стремления отдать моральное регулирование общественных дел в руки полиции; нигде полиция не способна осуществлять такое регулирование.

Учитывая исторический аспект вопроса, мы можем понять, как получилось, что индивидуалист-идеалист в Америке гораздо решительнее, чем в Англии, стремится к реформам, гораздо , что они должны быть очень глубокими и экстремальными, и, особенно, гораздо больше стремится воплотить свои моральные устремления в правовых нормах. Но его задачи сложнее, чем в Англии, из-за огромного, нестабильного, неоднородного и грубого населения, с которым ему приходится иметь дело, и потому, что в то же время у него нет прочно установленного централизованного и надежного полицейского инструмента, с помощью которого он мог бы проводить свои реформы. Пламенный американский моральный идеалист намерен немедленно отправиться в Царство Небесное, но каждый конь, на которого он садится, оказывается неповоротливым и быстро сбивается с пути. Дон Кихот откладывает копье и вонзает шпоры в бока Росинанта, но не понимает, что в нашем современном мире ему никогда не удастся приблизиться к врагу.

Если мы хотим увидеть совершенно иной национальный метод отношения к безнравственности, мы можем обратиться к России. Здесь мы также видим идеализм в действии, но это не тот же самый идеализм, так как, не желая выражать себя силой, его существенной основой является абсолютное неверие в силу. Россия, как и Франция, унаследовала от древнего церковного господства чрезвычайно суровый свод правил, направленных против безнравственности и всех сексуальных отклонений, но, в отличие от Франции, она не отбросила их, чтобы формировать законы в соответствии с национальным темпераментом. Суть русского отношения в этих вопросах заключается в сочувствии к человеку, которое сильнее любой антипатии, вызванной его аморальными поступками; его поступок - скорее несчастье, чем грех или преступление. Мы можем наблюдать это отношение в той доброжелательной манере, в которой русский помогает на улице своему товарищу, который выпил слишком много водки, и, на более высоком уровне, мы видим тот же дух прощающей человеческой нежности в русских романистах, наиболее четко в самых

великих и наиболее типично национальных, в Достоевском и Толстом. Суровая строгость старых русских законов не оказала ни малейшего влияния ни на изменение этого национального настроения, ни на уменьшение распространенности, по крайней мере такой же большой, как в других странах, сексуальной распущенности или сексуальных отклонений. В настоящее время, по мере того как Россия обретает национальное самосознание, эти законы против безнравственности постепенно переделываются в соответствии с национальным темпераментом, и в некоторых отношениях - например, в отношении к гомосексуальности и введении в 1907 году того, что практически является разводом по взаимному согласию, - они допускают свободу и свободу действий, равной которой нет ни в одной другой стране. [208]

Несомненно, в определенных пределах существует взаимное влияние и реакция в этих вопросах между нациями. Так, влияние Франции привело к отмене наказания за гомосексуальную практику во многих странах, в частности в Голландии, Испании, Португалии и, совсем недавно, в Италии, в то время как даже в Германии существует сильная и влиятельная партия, как среди юридических, так и среди медицинских авторитетов, выступающая за принятие того же шага. С другой стороны, Франция в некоторых деталях отступила от своих общих принципов в этих вопросах и, например, , без сомнения, совершенно оправданно, приняла участие в международном движении против того, что называется белой работорговлей. Эта взаимная реакция наций хорошо осознается более бдительными и прогрессивными умами в каждой стране, ревниво относящимися к любому необоснованному вмешательству в свободу. Когда, например, в английский парламент вносится законопроект о поощрении инквизиторского и досадного вмешательства в дела, не входящие в сферу законодательства, он бурно обсуждается в Германии еще до того, как о его существовании узнает большинство людей в Англии, не столько из интереса к английским делам, сколько из чувствительного страха, что английский пример может повлиять на немецкое законодательство. [209]

Мы должны не только признать существование этих четко выраженных и глубоких различий в законодательной реакции на безнравственность. Мы также должны понимать, что в разные периоды наблюдаются общие движения, в некоторой степени выходящие за национальные рамки, подъемы и спады этой реакции.

Внезапный импульс, охвативший общество и распространившийся на другие сообщества, приводит к попытке законодательно подавить ту или иную форму безнравственности. Такие попытки, как мы знаем, всегда заканчиваются неудачей или даже хуже, чем неудачей, поскольку законы против безнравственности либо не выполняются, либо, если они выполняются, сразу же выясняется, что создается новое зло, еще худшее, чем первоначальное, и законы быстро перестают действовать или отменяются. Это неоднократно наблюдалось и хорошо иллюстрируется историей проституции - сексуального проявления, которое на протяжении двух тысяч лет всевозможные власть имущие пытались подавить в законодательном или административном порядке. С тех пор как христианство обрело полную политическую власть, проституция снова и снова запрещалась, под самыми суровыми наказаниями, но всегда тщетно. Самые могущественные императоры - Феодосий, Валентиниан, Юстиниан, Карл Великий, Людовик Святой, Фридрих Барбаросса - все имели случай обнаружить, что сила здесь напрасна, и даже хуже, чем напрасна, что они не всегда могут подчиняться своим собственным моральным предписаниям, тем более принуждать к этому своих подданных, и что даже если внешне они добивались успеха, то приводили к результатам более пагубным, чем то зло, которое они пытались подавить. Самой известной и одной из самых энергичных таких попыток была попытка императрицы Марии Терезии в

Вене; но вся жестокость и несправедливость этой энергичной попытки, все строгие, нелепые и жестокие предписания - запрет на короткие платья, осмотр бильярдных, приковывание официанток, порка и пытки - оказались бесполезными и даже хуже, чем бесполезными, и вскоре были тихо отменены. [210] Не более удачными были и недавние попытки муниципалитетов Англии и Америки (Портсмут, Питтсбург, Нью-Йорк и др.) подавить проституцию с наскока; в большинстве своем они проваливались даже через несколько дней.

История юридических попыток подавить гомосексуальность показывает те же результаты. Можно даже сказать, что это еще не все, ведь когда законы против гомосексуальности смягчаются или отменяются, гомосексуальность становится, возможно, не менее распространенной (поскольку это врожденная аномалия, мы не можем ожидать, что на ее распространенность повлияет закон), но уж точно менее заметной и показной. Во Франции при Бурбонах сексуальный инверт считался святотатцем, которого по закону можно было сжечь на костре, но гомосексуальность открыто процветала в высших кругах, а некоторые короли сами были известны своей инверсией. С тех пор как был введен Кодекс Наполеона, гомосексуальные акты *как таковые* никогда не считались преступлением, однако вместо того, чтобы процветать более активно, гомосексуальность настолько отошла на второй план, что некоторые наблюдатели считают ее очень редкой во Франции. С другой стороны, в Германии и Англии, где до сих пор действуют устаревшие законы против этого извращения, гомосексуальность чрезвычайно заметна, и ее право на существование энергично отстаивается. Закон не может подавить эти импульсы и страсти; он может только подтолкнуть их к активному бунту". [211]

Но несмотря на то, что неизменно видно, что все попытки сделать человека нравственным с помощью закона обречены на неудачу, спазматические попытки сделать это постоянно возобновляются. Несомненно, те, кто предпринимает эти попытки, составляют лишь незначительное меньшинство, людей, чьи благие намерения не сопровождаются знанием ни истории, ни мира. Но, несмотря на меньшинство, они часто могут получить свободное поле для своей деятельности. Причина этого проста. Ни один публичный человек не любит занимать позицию, которую его враги могут истолковать как благоприятную для порока и, вероятно, из-за стремления обеспечить законные возможности для собственного наслаждения пороком. Это соображение особенно применимо к профессиональным политикам. Член парламента, который должен заботиться о безупречно чистой репутации, чувствует, что он также обязан своим голосованием показать, как он стремится подавить безнравственность других людей. Таким образом, обыватель и лицемер объединяются с простодушным идеалистом. Лишь немногие указывают на то, что, как бы ни было желательно предотвратить безнравственность, эта цель никогда не может быть достигнута с помощью закона.

В течение последних десяти лет по Европе и Америке прокатилась одна из таких волн энтузиазма в отношении морализации общества с помощью закона. Ее энергия едва ли еще не иссякла, и поэтому, возможно, стоит обратить на нее внимание. Особую активность это движение проявило в Германии, в Голландии, в Англии, в Соединенных Штатах, и в незначительной степени прослеживается во многих других странах. В Германии появление Lex Heintze в 1900 году стало свидетельством зарождения этого движения, а различные скандалы привлекли к вопросам безнравственности чрезмерное внимание и ужесточили закон, хотя, поскольку Германия и так держит вопросы морали в очень сложной паутине правил, едва ли можно сказать, что новое движение нашло здесь большое поле для деятельности. В Голландии все иначе. Голландия - одна из традиционных стран свободы; она

была домом независимого интеллекта, свободной религии, автономной морали, когда все остальные страны Европы были закрыты для этих проявлений духа, и что-то из той же традиции всегда вдохновляло ее мыслительные привычки, даже когда они были в значительной степени пуританскими. Так что здесь было чистое поле для деятельности этого движения, и оно нашло свое выражение, правда, весьма основательное, в новом так называемом "Законе о нравственности", который был принят в 1911 году после нескольких недель обсуждения. Несомненно, этот закон содержит прекрасные черты; так, агентам "белой работорговли", которые до сих пор были особенно активны в Голландии, теперь грозит пять лет тюремного заключения. Здесь мы имеем дело с тем, что справедливо может считаться преступлением и справедливо наказываться как таковое. Но такие прекрасные положения, как эти, теряются из виду в огромном количестве других параграфов, которые в лучшем случае бесполезны и смешны, а в худшем - досадны и злонамеренны в своих попытках ограничить свободную игру цивилизации. Так, мы видим, что годовое тюремное заключение или крупный штраф грозит тому, кто выставит напоказ любой предмет или надпись, "оскорбляющие приличия", - положение, которое позволило полицейскому войти в магазин художественной керамики в Амстердаме и изъять кусок фарфора, на котором он обнаружил недостаточно одетую человеческую фигуру. Тем не менее этот пункт закона был принят почти без сопротивления. Другое положение этого закона в значительной степени касается сложного и запутанного вопроса о "возрасте согласия" для девушек, который он повышает до двадцати одного года, делая половой акт с девушкой моложе двадцати одного года преступлением, наказуемым четырьмя годами тюремного заключения. Обычно считается желательным, чтобы целомудрие сохранялось до совершеннолетия. Но как только наступает половая зрелость - а это происходит задолго до того, что мы условно считаем взрослым возрастом, причем у девочек раньше, чем у мальчиков, - невозможно отбросить вопрос о личной ответственности. Девушка старше шестнадцати, а тем более старше двадцати лет - это развитое в сексуальном отношении человеческое существо; она способна как соблазнять, так и быть соблазненной; она часто более зрелая, чем молодежь соответствующего возраста; обучить ее сексуальной гигиене, приучить ее к ответственности - вот достойная задача морали. Но относиться к ней как к безответственному ребенку и рассматривать акт вмешательства в ее целомудрие, когда она дала свое согласие, наравне с нападением на невинного ребенка, просто вносит путаницу. Это часто несправедливо по отношению к партнеру-мужчине; это всегда деморализует и унижает девушку, которую оно стремится "защитить"; прежде всего, это низводит то, что должно быть чрезвычайно серьезным преступлением, до уровня простого номинального правонарушения, когда оно наказывает одного из двух практически зрелых людей за участие с полным знанием и обдуманностью в действии, которое, каким бы нежелательным оно ни было, полностью соответствует природе. Здесь происходит фатальная путаница между преступлением и действием, которое в худшем случае заслуживает морального осуждения и с которым можно бороться только моральными методами.

Эти возражения не носят чисто абстрактного или теоретического характера. Они основаны на практических результатах таких постановлений. Так, в штате Нью-Йорк "возраст согласия" в прежние времена составлял тринадцать лет. Он был увеличен до четырнадцати, а затем до шестнадцати лет. Это крайний предел, до которого его можно благоразумно поднять, и Нью-Йоркское общество по предотвращению жестокости к детям, которое приняло главное участие в получении этих изменений в законе, было удовлетворено тем, что остановилось на этой точке. Но, не получив одобрения этого общества, другая организация, Лига Белого Креста и Социальной Чистоты, взяла дело в свои руки и добилась принятия поправки к закону, которая повысила возраст согласия до восемнадцати лет. Каков же был результат? Комитет четырнадцати, не являющийся свидетелем враждебного отношения к

нравственному законодательству, утверждает, что "с тех пор, как вступила в силу поправка о восемнадцатилетнем возрасте согласия, было мало успешных судебных преследований. Законы практически не действуют, пока речь идет о возрасте". Присяжные, естественно, требуют четких доказательств совершения изнасилования, если речь идет о взрослой девушке, полностью владеющей своими способностями, возможно, даже подпольной проститутке. Более того, поскольку изнасилование первой степени предусматривает наказание в виде лишения свободы на двадцать лет, мужчина не склонен выносить обвинительный приговор, если только дело не очень плохое. Один судья, правда, заявил, что по нынешнему закону он не вынесет ни одному мужчине полного наказания, пока находится на скамье подсудимых. Естественным результатом растягивания закона до чрезмерных пределов является его ослабление. Вместо того чтобы быть, как и должно быть, чрезвычайно серьезным преступлением, изнасилование в значительной части случаев теряет тот гнев, который по праву принадлежит ему. Поэтому вызывает сожаление, что в некоторых английских доминионах наблюдается тенденция к повышению "возраста согласия" до неоправданно высокого предела. В Новом Южном Уэльсе Закон о защите девочек установил возраст согласия в шестнадцать лет, а в случае правонарушений со стороны опекунов, школьных учителей или работодателей - в семнадцать лет, несмотря на активное противодействие со стороны уважаемого члена Законодательного совета от медицины (достопочтенного Дж.М. Крида), который привел аргументы против столь высокого возраста. До сих пор не было ни одного судебного преследования по этому закону.

В Англии сила волны морального законодательства была ощутима, но она в значительной степени разбилась о консервативные традиции страны, которые делают любое законодательство, хорошее или плохое, очень трудным. Длинный, сложный и напряженный законопроект о предотвращении безнравственности был внесен в Палату общин группой нонконформистов, в основном на стороне либералов. Этот законопроект во многом повторял уже упоминавшийся голландский закон; в нем предлагалось повысить возраст согласия до девятнадцати лет; сделать половой акт с девушкой, не достигшей этого возраста, преступлением, караемым пятью годами каторги, а любую попытку такого полового акта - двумя годами тюремного заключения. Такая мера, можно отметить, была бы особенно нелогичной и непоследовательной в Англии и Шотландии, в обеих из которых (хотя их законы в этих вопросах независимы) даже девочка двенадцати лет по закону считается достаточно зрелой и ответственной, чтобы взять себе мужа. В какой-то момент казалось, что у законопроекта есть шанс стать законом, но группа просвещенных и независимых либералов, понимая, что такая мера приведет к невыносимым социальным условиям, организовала сопротивление и предотвратила принятие законопроекта.

В настоящее время в Англии главной организацией, занимающейся продвижением общественной морали, является Национальный совет общественной морали, который является очень влиятельным органом, имеющим много способных и выдающихся сторонников. Однако принудительная мораль составляет лишь небольшую часть реформ, за которые выступает эта организация, гораздо больше внимания уделяющая дому, школе, церкви и влияниям, которые действуют в этих сферах. В последнее время она в значительной степени объединилась с работниками евгенического движения, выступая за сексуальную гигиену и улучшение расовой принадлежности, тем самым присоединяясь к одному из самых обнадеживающих движений нашего времени. Конечно, в деятельности Национального совета по общественной морали может быть некоторое количество рвения, не соответствующего знаниям, но есть и очень много истинно просвещенного, и сам факт, что в Совет входят представители столь многих областей деятельности и столь многих школ мысли, в значительной степени спасает его от практических эксцессов. Его влияние в целом

благотворно, потому что, хотя он, возможно, и не против морального законодательства, он признает, что полицейский - очень слабый проводник в этих вопросах, и что основной и важный путь к улучшению общественной морали лежит через просвещение частной совести.

В Соединенных Штатах, как мы видели, сложились очень благоприятные условия для попытки провести социальную реформу с помощью морального законодательства, и нигде в мире не было так ясно продемонстрировано, что подобные попытки не только не излечивают зло, на которое они направлены, но и приводят к еще большему злу, гораздо худшему, чем то, на которое они направлены. Известный пример тому - так называемый "закон Рейнса" в Нью-Йорке. Этот закон был принят в 1896 году и был призван регулировать продажу алкогольных напитков во всех ее проявлениях на территории штата. Основанием для его принятия послужило чрезмерное количество питейных заведений, отсутствие фиксированного лицензионного сбора, слишком большая свобода действий местного уполномоченного, и, прежде всего, пуританские законодатели хотели, насколько это возможно, подавить употребление алкогольных напитков в воскресенье. Для достижения этих целей лицензионный сбор был увеличен в четыре раза по сравнению с обычным размером, существовавшим до принятия этого закона; были установлены серьезные штрафы, включая лишение крупного поручительства, и, чтобы предотвратить воскресное пьянство, только гостиницам, а не обычным питейным заведениям, было разрешено, со многими строгими ограничениями, продавать напитки в этот день. Чтобы не допустить ошибки, в законе было указано, что гостиница должна быть настоящей и иметь не менее десяти нормально обставленных номеров. Законодатели явно считали, что проделали прекрасную работу. "Редко, - писал Комитет четырнадцати, который отнюдь не разделял цели этого закона, - когда закон, призванный регулировать одно зло, приводит к столь усугубленной фазе другого зла, непосредственно связанного с его положениями". [212]

Прежде всего, принятие этого закона встревожило владельцев салунов; они поняли, что он держит их в очень жестких тисках, и подозревали, что он может быть строго исполнен. Поэтому они пришли к выводу, что лучшей политикой для них будет принять закон и подчиниться его положениям, превратив свои питейные заведения в настоящие гостиницы с десятью правильно обставленными спальнями, кухней и столовой. В результате было подготовлено десять тысяч спален, на которые, конечно, не было реального спроса, и к 1905 году только на Манхэттене и в Бронксе насчитывалось 1407 сертифицированных отелей, из которых около 1150, вероятно, были созданы благодаря закону Рейнса.

Но со всеми этими спальнями, обставленными в соответствии с законом, нужно было что-то делать, поскольку требовалось покрыть большие расходы, понесенные в новых условиях, созданных законом. Решение было вполне очевидным. Эти спальни были прекрасно приспособлены для того, чтобы служить местами ассигнаций и домами проституции. Многие владельцы гостиниц стали практически содержателями борделей, а женщины в некоторых случаях - постоялицами отелей; салоны и гостиницы заключили своеобразный союз для взаимной выгоды, а иногда и вовсе находятся под одним управлением. Когда гостиница работает в интересах проституции, она имеет, можно сказать, штат женщин на соседних улицах. В некоторых районах Нью-Йорка практически все проститутки на улицах связаны с каким-нибудь отелем по закону Рейнса. Эти мудрые моральные законодатели Нью-Йорка думали, что налагают штраф воскресное пьянство; на самом деле они сделали то, что наложили премию на проституцию [213].

В Чикаго была предпринята попытка другого рода - нанести удар одновременно по алкоголю и проституции - с такими же неудовлетворительными результатами. Алкоголь и проституция

связаны между собой, настолько тесно связаны, что никакие попытки разделить их не могут быть более чем поверхностными, даже при самом тщательном дознании со стороны полиции, и в первую очередь со стороны полицейских, которых в Чикаго, как нам официально сообщили, самих иногда застают в форме и при исполнении, пьющими среди проституток в "салунах". 1 мая 1910 года главный суперинтендант полиции Чикаго ввел правило, запрещающее продажу спиртных напитков в домах проституции. Внешне это правило в большинстве случаев соблюдалось (хотя только внешне, как легко обнаружили сотрудники Чикагской комиссии нравов), и таким образом был нанесен удар по тем заведениям, которые получают большую прибыль от продажи напитков за счет высокой цены, по которой они их продают. Но даже если правило соблюдалось, а не уклонялось от него, принесло ли оно какую-то пользу? В этом вопросе мы можем доверять свидетельствам вице-комиссаров Чикаго - муниципального органа, назначенного мэром и городским советом и не стремящегося дискредитировать действия своего полицейского суперинтенданта. "Что касается пользы от этого распоряжения для заключенных или для общества, мнения расходятся", - пишут они. "Несомненно, результатом распоряжения стало рассеивание проституток по обширной территории и перенос продажи спиртного, осуществлявшейся до этого в домах, на близлежащие салуны, а также в квартиры и жилые кварталы, но вопрос о том, привело ли оно к уменьшению какого-либо из двух зол - проституции и пьянства, - остается открытым". [214] Это мягкое заявление о результатах. Можно отметить, что в Чикаго насчитывается более семи тысяч питейных заведений, так что переезд не представляет сложности, в то время как переселение в квартиры, огромное количество которых было снято для целей проституции (пятьсот только в одном районе) после вступления в силу этого правила, действительно может позволить проститутке жить более свободной и человеческой жизнью, но ни в малейшей степени не уменьшает распространенность проституции. С узкой полицейской точки зрения, это изменение является недостатком, так как оно укрывает проститутку от наблюдения и предполагает совершенно новую адаптацию к новым условиям.

Нельзя сказать, что штат Нью-Йорк или город Чикаго были в какой-то степени более удачливы в своих попытках морального законодательства против проституции, чем против пьянства. Как и следовало ожидать, законы Нью-Йорка относятся к проституции и проститутке с особой суровостью. Каждая проститутка в Нью-Йорке, в силу самого факта, что она проститутка, технически называется "бродягой". Как таковая она подлежит помещению в рабочий дом на срок не более шести месяцев; владелец дома, где она живет, может быть крупно оштрафован, как и она сама за проживание в нем, а содержатель беспорядочного дома может быть заключен в тюрьму, а беспорядок в доме пресечен. Нельзя сказать, что количество проституток в Нью-Йорке уменьшилось хотя бы на одну единицу, но время от времени в том или ином районе предпринимаются попытки необычайно энергичных чиновников привести законы в исполнение, и тогда можно изучить результаты. При массовом пресечении беспорядков в домах, естественно, появляется большое количество проституток, которые вынуждены искать себе жилье в других местах, чтобы продолжать свой бизнес. Однажды под эгидой окружного прокурора Джерома Комитет четырнадцати утверждает, что за одну ночь на улицу было выведено восемьсот женщин. Для многих из них существуют гостиницы по закону Рейнса. Многие укрываются в доходных домах. Такие дома в густонаселенных районах переполнены семьями, с которыми проститутка неизбежно

вступает в тесный контакт. Следовательно, семена физических и психических расстройств, которые она может нести в себе, распространяются на гораздо более плодотворной почве, чем раньше. Кроме того, законы вынуждают ее прилагать огромные усилия для осуществления своей профессии. Поскольку укрывательство ее является преступлением, она вынуждена платить вдвое большую арендную плату, чем другие люди за те же комнаты. Возможно, ей придется платить полиции, чтобы та воздерживалась от приставаний к ней, а также другим людям, чтобы те защищали ее от приставаний. Ее окружают люди, которых закон поощряет к тому, чтобы они охотились за ней. Она вынуждена напрягать все свои силы, чтобы заработать очень большие суммы, которые необходимы не для того, чтобы получить прибыль, а чтобы прокормить всех акул, жаждущих ухватить то, что ей дано. Слепое или извращенное рвение законодателей морали не только усиливает зло, которое они стремятся излечить, но и порождает целый урожай новых бед.

Насколько велики эти суммы, можно судить по результатам исследования, проведенного вице-комиссарами Чикаго. После тщательного исследования они пришли к выводу, что ежегодная прибыль от проституции только в городе Чикаго составляет от пятнадцати до шестнадцати миллионов долларов, и они считают это "ультраконсервативной оценкой". Правда, не вся эта сумма проходит через руки женщин и включает в себя продажу напитков. Если же ограничиться только заработком самих девушек, то окажется, что в среднем на каждую из них приходится по тринадцать сотен долларов в год. Это более чем в четыре раза больше, чем обычная продавщица может заработать в Чикаго своим умом, добродетелью и другими хорошими качествами. Но это не слишком много для нужд проститутки; она вынуждена получать такой большой доход, потому что активная враждебность общества, закона и полиции облегчает задачу всех тех людей - а их немало, - которые хотят пожить за ее счет. Таким образом, общество, закон и полиция своей враждебностью к проститутке ничего не выигрывают для нравственности. Напротив, они придают силу и стабильность тому самому пороку, с которым номинально исповедуют борьбу. Это проявляется в таком важном вопросе, как высокая рента, которую можно получить, занимаясь проституцией. Эта высокая рента является прямым результатом законодательных и полицейских мер, направленных против проституток. Уберите эти законы, и рента автоматически снизится. Эти законы поддерживают высокую ренту и обеспечивают могущественную защиту капитала на стороне проституции; собственность приносит непомерный процент на вложенный капитал, и все силы разумного бизнеса направлены на поддержание ренты. Невежество потенциальных законодателей нравственности настолько велико, или, как некоторые считают, настолько искусна их двуличность, что методы, с помощью которых они пытаются бороться с безнравственностью, являются самыми верными методами, позволяющими безнравственности не просто существовать - что было бы в любом случае - но и процветать. Начинается активная кампания по борьбе с безнравственностью. На первый взгляд она успешна. Мораль торжествует. Но, возможно, в конце концов мы вспоминаем высказывание мсье Десмайсона в одном из остроумных и глубоких *"Диалогов любителей"* Реми де Гурмона: "Quand la morale triomphe il se passe des choses trilaines".

Причина, по которой "триумфы" законодательной и административной морали на самом деле являются такими позорными провалами, теперь должна быть ясна, но может быть повторена еще раз. Дело в том, что в вопросах морали нет такого единства мнений, как в вопросах преступности. Всегда есть большая часть общества, которая терпимо относится и даже практикует поступки, которые другая часть, вполне обоснованно, клеймит как "аморальные". Такие условия весьма благоприятны для морального воздействия; они совершенно непригодны для законодательных действий, которые не могут быть направлены против значительного меньшинства, возможно, даже большинства законопослушных

граждан. Например, в вопросе проституции вице-комиссары Чикаго решительно заявляют о необходимости "постоянных и настойчивых репрессий", ведущих к "абсолютному уничтожению проституции". Они рекомендуют назначить "Комиссию по нравственности" для подавления беспорядочных домов и преследования их содержателей, заключенных и покровителей; далее они рекомендуют учредить "Суд по нравственности" с неопределенно широким кругом полномочий. Среди других рекомендаций комиссаров - а таких рекомендаций девяносто семь - мы находим создание муниципальной фермы, куда проститутки могут быть "заключены на неопределенный срок"; "специальный отряд полиции нравов"; инструкции для полиции отправлять домой всех остающихся без присмотра мальчиков и девочек младше шестнадцати лет в 9 часов вечера; в парках не должно быть мест в тени; ночью должны быть установлены прожекторы, чтобы полиция могла видеть, чем занимается публика, и так далее. Как видно, в этой схеме сочетаются методы Кальвина в Женеве и Марии Терезии в Вене. [215]

Причина, по которой такое силовое подавление безнравственности в Чикаго так же неосуществимо, как и в других местах, раскрывается в прекрасной картине условий, представленной самими комиссарами нравов. По их подсчетам, проститутки в домах, известных полиции, - без учета всех проституток в квартирах, комнатах, гостиницах и домах свиданий, а также без учета подпольных проституток - получают 15 180 визитов от мужчин ежедневно, или 5 540 700 в год. Далее они считают, что мужчины, о которых идет речь, могут составлять одну четвертую часть взрослого мужского населения (800 000 в самом городе, не считая прилегающих районов), и справедливо настаивают на том, что эта оценка не может охватить все факты. Однако вице-комиссарам и в голову не приходит, что предлагать таким образом заклеить треть или даже четверть взрослого мужского населения как преступников и активно преследовать их в судебном порядке - значит предлагать абсурдную невозможность.

Не только в Соединенных Штатах наглядный урок глупости попыток насильно сделать людей нравственными представлен всему миру. Это уже не раз происходило, и в настоящее время это точно так же иллюстрируется в Германии. Как бы ни отличались полицейские системы и национальные темпераменты Германии и США, в этом вопросе социальные реформаторы рассказывают совершенно одинаковую историю. Они сообщают, что немецкие законы и постановления против безнравственности усиливают и поддерживают то самое зло, против которого они исповедуют борьбу. Так, сделав преступлением предоставление убежища, пусть даже не в корыстных целях, незамужним любовникам, даже если они собираются пожениться, респектабельная девушка вынуждена становиться проституткой, и в этом качестве она становится объектом бесконечного количества полицейских предписаний и полицейского контроля. Домовладельцев поощряют жить за счет ее деятельности, взимая очень высокие тарифы, чтобы компенсировать риски, которым они подвергают себя, приютив девушку. Она же, в свою очередь, чтобы соответствовать непомерным требованиям, которые закон и полиция предъявляют к ней со стороны всего окружения, вынуждена заниматься своей профессией с наибольшей активностью и получать максимальную прибыль. Закон и полиция создали один и тот же порочный круг". [216]

Приведенных примеров Германии, Голландии, Англии и Соединенных Штатов, вероятно, достаточно, чтобы показать, что в настоящее время действительно существует волна чувств в пользу идеи, что можно содействовать общественной морали силой закона. Остается только заметить, что признание тщетности таких попыток отнюдь не обязательно влечет за собой пессимистический консерватизм. Указывая на то, что проституция никогда не была и не может быть отменена законом, мы ни в коем случае не утверждаем, что это зло, которое

должно существовать вечно и что никакое влияние не может повлиять на него. Но мы должны осознать, во-первых, что проституция относится к той сфере человеческих побуждений, в которой просто внешние полицейские предписания имеют сравнительно небольшое значение, и что, во-вторых, даже в более мощной сфере истинной морали, которая не имеет ничего общего с моральным законодательством, проституция настолько тонко и глубоко укоренилась, что на нее можно повлиять только теми воздействиями, которые оказывают все наши методы мышления и чувства и все наши социальные обычаи. Она далеко не изолированное проявление; она, например, тесно связана с браком; поэтому любые реформы в области проституции могут последовать только за реформами в нашей брачной системе. Но проституция также связана с экономикой, и когда приходит осознание того, как много должно быть изменено во всей нашей социальной системе, чтобы обеспечить даже приблизительную отмену проституции, становится сомнительным, что многие люди готовы заплатить цену за устранение "социального зла", которое они так легко презирают. Они готовы назначать комиссии; они не возражают против того, чтобы вознести молитву; они готовы законы и издавать полицейские постановления, которые, как известно, бесполезны. На этом их пыл заканчивается.

Если невозможно оградить общество законом от главного зла - проституции, то еще безнадежнее пытаться законодательно подавить все многочисленные мелкие провокации сексуального импульса, предлагаемые цивилизацией. Допустим, что только такое подавление, а не откровенная встреча с соблазнами и борьба с ними, может сформировать характер, однако было бы совершенно невозможно подавить и малую толику того, что нужно было бы подавить. "Нет почти ни одной черты, предмета одежды, позы, поступка, - справедливо заметил доктор Стэнли Холл, - или даже животного, или, возможно, объекта в природе, который не обладал бы для какой-то болезненной души специализированной эрогенной и эретической силой". Таким образом, если мы хотим подавить сексуально наводящее и, возможно, непристойное, мы должны подавить весь мир, начиная с человеческой расы, ибо если мы однажды вступим на этот путь, то не будет определенной точки, в которой мы сможем логически остановиться. Истина заключается в том, как неоднократно утверждал г-н Теодор Шредер, [217] что "непристойность" субъективна; она не может находиться в объекте, а только в нечистом разуме, который находится под влиянием объекта. В этом вопросе г-н Шредер является просто последователем Святого Павла, с некоторым интервалом. Мы должны работать не над объектом, а над нечистым разумом, на который влияет объект. Если нечистое сердце не подавлено, то бесполезно подавлять нечистый объект, а если сердце обновлено, то вся задача решена. Конечно, в жизни есть книги, картины и другие вещи, настолько нечистые, что они никогда не могут быть чистыми даже для самых чистых, но эти вещи по своей отвратительности безвредны для всех здоровых умов; они могут только развратить уже испорченные умы. К сожалению, когда невежественным полицейским и таможенным чиновникам поручают поиск непристойных вещей, их внимание направлено не на них. Такие люди, похоже, не могут отличить эти вещи от самых благородных произведений человеческого искусства и интеллекта, и закон оказался бессильным их исправить; во всех цивилизованных странах список великолепных и вдохновляющих произведений, начиная с Библии и ниже, которые чиновники или суды были рады объявить "непристойными", поистине грозен. Таким образом, хотя задача морального воздействия на общество с помощью силы должна быть абсолютно безуспешной, в то же время она может привести к большим бедам.

Одна из ироний истории заключается в том, что страсть к искоренению безнравственности с помощью закона и администрации возникла в том, что раньше называлось христианством. Ведь христианство как раз и является самым ярким доказательством того, что

безнравственность невозможно подавить. С точки зрения классического Рима христианство было агрессивной атакой на римскую мораль со всех сторон. Это было не только внешне, но и на самом деле, что полностью признают современные историки. [218] Просто как новая религия христианство было бы принято со спокойным безразличием, даже с некоторым одобрением, как принимались другие новые религии. Но христианство отрицало верховенство государства, вело антивоенную пропаганду в армии, открыто попирало сложившиеся общественные устои, расшатывало семейную жизнь, проповедовало и практиковало аскетизм в эпоху, которая уже с болью осознавала, что прежде всего ей нужны мужчины. Был сделан роковой, хотя, несомненно, неизбежный шаг - попытка силой подавить мощный яд этой многообразной безнравственности. Триумф христианства во многом объясняется прекрасными качествами, которые были получены в результате этого процесса отжига, и великолепным престижем, который обеспечивал сам этот процесс. Однако метод ведения войны, который он так блестяще доказал свою никчемность, был быстро принят самим христианством, и до сих пор, время от времени, спазматически применяется.

То, что эти попытки привели к таким результатам, как мы видим, не удивительно, если вспомнить, что даже движения, в начале вдохновленные в основном моральной энергией, а не верой в моральное законодательство, когда эта энергия становится безрассудной, жестокой и нетерпимой, в конце концов приводят к результатам, совершенно противоположным целям тех, кто их инициировал. Именно таким образом Лютер навсегда укрепил позиции пап, которых он атаковал, и Реформация породила Контрреформацию, движение столь же грозное и столь же долговечное, как и то, которому оно противостояло. Когда появился Лютер, все, что было жесткого и бесчеловечного в Церкви, медленно распадалось, конечно, не без неизбежного осадка безнравственности, но решение было в высшей степени благоприятным для развития более свободных и широких концепций жизни, расширения науки, искусства и философии, которые в тот момент были в первую очередь необходимы для прогресса цивилизации и, косвенно, следовательно, для прогресса морали. [219] Насилие Реформации не только привело к новой тирании ее собственных приверженцев, вызвав в свою очередь новые реформы пуритан, квакеров, деистов и вольнодумцев, но и восстановило, и даже сегодня продолжает поддерживать, ту самую тиранию старой церкви, против которой она протестовала.

Когда мы пытаемся регулировать нравственность людей по единому образцу, мы должны помнить, что затрагиваем самые тонкие, интимные и неисчислимы источники действия. Бесполезно применять грубые методы "подавления" и "уничтожения" к этим сложным и несокрушимым силам. Когда Карл V в усталости удалился с величайшего трона в мире в уединение монастыря в Юсте, он несколько недель занимал свой досуг тем, что пытался отрегулировать двое часов. Это оказалось очень сложно. Однажды, как сообщается, он обратился к своему помощнику и сказал: "Подумать только, я пытался втиснуть разум и совесть тысяч людей в одну форму, и не могу добиться согласия двух часов!" Мудрость приходит к правителям людей иногда, обычно когда они перестают быть правителями. К нравственным законодателям она приходит не иначе, чем к безнравственным людям, против которых они принимают законы. "Сначала я действую, - говорил французский вор, - а потом думаю".

Некоторым людям кажется парадоксом утверждение, что с безнравственностью нельзя бороться с помощью физической силы. Те же самые люди охотно признают, что безнадежно разгромить современную армию с помощью лука и стрел, даже при поддержке трубных фанфар. Однако эта метафора, как мы уже видели, совершенно не отражает неадекватность закона перед лицом безнравственности. Мы имеем дело с методом борьбы, который не

просто неадекватен, но, как было неоднократно продемонстрировано на протяжении последних двух тысяч лет, на самом деле укрепляет и даже возвышает врага, которого он пытается атаковать. Но неспособность физической силы подавить духовное зло безнравственности отнюдь не означает, что такая же неудача постигнет и более рациональную тактику противостояния духовной силе духовной силой. Жизнеспособность нашей морали не доказывается слабыми попытками призвать на помощь светскую руку закона или церковную руку теологии. Если мораль не может своей собственной добродетелью сдерживать противостоящую ей безнравственность, значит, с ней что-то не так. Она рискует столкнуться с новым и более энергичным движением морали. Люди начинают думать, что в утверждении Ницше есть если не вся правда, то все же реальный элемент истины: "Мы верим, что суровость, насилие, рабство, опасность на улице и в сердце, скрытность, стоицизм, искусство искусителя и дьявольщина всех видов, все злобное, тираническое, хищное и змеиное в человеке, служит для возвышения человеческого рода так же хорошо, как и его противоположность". [220] Игнорировать утверждение этой противоположной морали, возможно, означало бы породить расу слабаков, фатально обреченных на то, чтобы беспомощно поддаться первому дыханию искушения.

Хотя мы проходим через волну морального законодательства, есть признаки того, что в действие вступает более разумное движение. Требование о преподавании сексуальной гигиены, которое сейчас пытаются сформулировать родители, учителя и врачи в Германии, США и других странах, если оно будет разумно реализовано, окажет гораздо большее влияние на общественную мораль, чем все законы мира. Как ни странно, некоторые из тех, кто ратует за моральное законодательство, выступают также за обучение сексуальной гигиене. Но здесь нет места для компромисса или комбинирования. Обучение сексуальной гигиене не имеет смысла, если оно не является обучением мужчин и женщин личной и социальной ответственности, праву знать и различать, и таким образом достигать победы над собой. Поколение, воспитанное таким образом в духе самоуважения и уважения к другим, не нуждается в паутине официальных правил, защищающих его слабые и закрытые добродетели от возможных видений зла, и в армии полицейских, провожающих его домой в 9 часов вечера. С другой стороны, в такой нездоровой атмосфере мелкого морального чиновничества не может быть развито надежное чувство социальной ответственности. Эти два метода морализации радикально антагонистичны. Не может быть никаких сомнений в том, какой из них нам следует использовать, если мы действительно хотим вырастить крепко стоящую на ногах, чистоплотную и самодостаточную расу мужественных мужчин и женственных женщин".

[191] Westermarck, *Origin and Development of the Moral Ideas*, Vol. I, p. 160; см. также главу о сексуальной морали в Havelock Ellis, *Studies in the Psychology of Sex*, Vol. VI, "Sex in Relation to Society", chap. IX.

[192] Следует помнить, что в средневековые времена не только прелюбодеяние, но и малейшее нарушение того, что церковь считала моралью, могло быть наказано в суде архиерея; так продолжалось в Англии и после Реформации. См. интересную работу архиерея У. У. Хейлза "*Прецеденты и разбирательства в уголовных делах*" (1847), которая, по словам автора, является "историей моральной полиции церкви".

[193] *The Social Evil in New York City*, p. 100.

[194] Это было подчеркнуто в умелом и ясном обсуждении этого вопроса д-ром Хансом Хагеном, "Sittliche Werturteile", *Mutterschutz*, Heft I и II, 1906. Такое признание народной

морали, справедливо замечает он, необходимо не только для блага народа, но и для блага самого права".

[195] Грабовский, критикуя книгу Хиллера *"Das Recht über sich Selbst"* (Archiv für Kriminalanthropologie und Kriminalistik, Bd. 36, 1809), утверждает, что в некоторых случаях аморальность наносит ущерб правам, нуждающимся в правовой защите, но признает, что трудно определить, когда это происходит. Он не считает, что закон должен вмешиваться в гомосексуальность взрослых, но полагает, что он должен вмешиваться в кровосмешение, на том основании, что близкородственное скрещивание не приносит пользы расе. Но большинство авторитетов сегодня считают, что близкородственное скрещивание вредно для расы только в случае нездорового поголовья, когда дефект, имеющийся у обоих партнеров, вероятно, усиливается наследственностью.

[196] Возникновение, например, кровосмесительных, звероподобных и гомосексуальных актов, которые в целом отвратительны, но не обязательно антисоциальны, заставляет проявлять здесь некоторую осторожность.

[197] Я цитирую ценное и интересное исследование д-ра Ойгена Вильгельма *"Die Volkpsychologischen Unterschiede in der französischen und deutschen Sittlichkeits-Gesetzgebung und Rechtsprechung"*, *Sexual-Probleme*, October, 1911. Можно добавить, что и в Швейцарии тирания полиции доведена до крайности. Эдит Селлерс приводит несколько необычных примеров, *Cornhill*, August, 1910.

[198] На абсурдность и несправедливость немецкого законодательства и его вмешательство в чисто частные интересы в этих вопросах часто указывал, например, д-р Курт Хиллер (*"Ist Kuppelei Strafwürdig?" Die Neue Generation*, ноябрь, 1910). В качестве примера того, что возможно по немецкому праву на основании судебных решений, принятых с 1882 года, Хаген приводит случай вдовы, с которой живет дочь, лет двадцати пяти или тридцати, помолвленная с ремесленником, живущим сейчас в отдалении ради своей работы; он приходит к ней, когда может; она уже беременна; они скоро поженятся; однажды вечером, с согласия вдовы, которая рассматривает эту пару как практически женатую, он остается на ночь, занимая комнату своего суженого, единственную свободную комнату. Результат: старуха приговаривается к четырем годам каторги, штрафу в шесть тысяч марок, лишению гражданских прав и полицейскому надзору.

[199] В другом отношении французский кодекс доводит частные права до крайности, запрещая незамужней матери предъявлять какие-либо требования к отцу своего ребенка. В большинстве стран такой запрет считается неразумным и несправедливым. Существует даже тенденция (как в недавнем голландском законе) заставлять отца обеспечивать своего незаконнорожденного ребенка не по шкале социального положения матери, а по шкале его собственного социального положения. Это, возможно, неоправданное утверждение превосходства человека.

[200] То же самое недавно было продемонстрировано в Голландии, где недавно принятое изменение в законе, как считается, жестоко отразилось на гомосексуальных людях. Сразу же началась активная пропаганда в защиту гомосексуалистов. Здесь мы видим разницу между моральными и уголовными законами. Предположим, что изменения в законодательстве, например, создали дополнительные трудности на пути краж со взломом. Мы не увидим никакого всплеска литературной активности в защиту грабителей, потому что общество в целом глубоко убеждено, что грабеж должен быть наказуем".

[201] Помимо отношения к безнравственности, в квакерстве мы имеем иллюстрацию специфически английской тенденции к объединению религиозного пыла с индивидуализмом. Ни в одной другой европейской стране подобное движение - то есть народное движение индивидуалистического мистицизма - никогда не возникало в таком же масштабе.

[202] Э.Ф. Фульд, доктор философии, *Полицейская администрация*, 1909 г.

[203] Бывший комиссар полиции Бингем из Нью-Йорка подсчитал (*Hampton's Magazine*, сентябрь, 1909), что "пятнадцать процентов или от 1500 до 2000 членов полиции - это беспринципные "мошенники", чьи руки всегда протянуты к легким деньгам". См. также Отчет Комитета четырнадцати о *социальном зле в Нью-Йорке*, с. 34.

[204] Fuld, *op. cit.*, pp. 373 *et seq.* Это последнее мнение отнюдь не одиноко. Так, Комитет четырнадцати в своем отчете о *социальном зле в Нью-Йорке* (1910, р. xxxiv) утверждает, что "некоторые законы существуют до сих пор, потому что неинтеллектуальная, трусливая публика принимает неисполнимые законы, довольствуясь регистрацией своего лицемерия".

[205] Это также ошибочная политика. Ее слепая анафема с большой вероятностью обрушится на ее же союзников. Так, отчет назначенной и финансируемой муниципалитетом Чикагской комиссии нравов - не только официальный, но и высокоморальный документ, выступающий за усиленное подавление безнравственной литературы и если и ошибающийся, то в сторону чрезмерной строгости. Он был подавлен почтовым ведомством Соединенных Штатов!

[206] Эта система распространяется только на спиртные напитки, а не на пиво и вино, но она оказалась очень эффективной в снижении пьянства, что признают и те, кто выступает против нее. Несколько похожая система существует в Англии под названием Trust system, но ее распространению, к сожалению, сильно мешают английские законы и обычаи.

[207] Жак Бертильон в докладе, прочитанном в Академии нравственных и политических наук 30 сентября 1911 года.

[208] В течение нынешнего столетия по России прокатилась большая волна безнравственности и половых преступлений. Это не связано с законами, старыми или новыми, а объясняется отчасти русско-японской войной, а отчасти ослаблением напряжения, вызванного крахом движения за политические реформы. (См. статью профессора Аснурофа "Сексуальный кризис в России", *Archives d'Anthropologie Criminelle*, апрель, 1911).

[209] Именно это косвенное влияние побудило меня написать настоящую главу. Редактор одного известного немецкого издания обратился ко мне с просьбой высказать свое мнение по поводу законопроекта о предотвращении безнравственности, который был внесен в английский парламент и вызвал большой интерес и беспокойство в Германии, где его обсуждали во всех подробностях. Но я никогда не слышал об этом законопроекте и не мог найти никого, кто бы слышал о нем, пока не проконсультировался с членом парламента, который, как оказалось, сыграл важную роль в его отклонении".

[210] J. Schrank, *Die Prostitution in Wien*, Bd. I, pp. 152-206.

[211] Историю этого движения в Германии можно проследить в "*Vierteljahrsberichte des Wissenschaftlich-humanitären Komitees*" под редакцией д-ра Магнуса Хиршфельда, большого авторитета в этом вопросе.

[212] Отчет о социальном зле в Нью-Йорке, с. 38; см. также преподобный д-р Дж. П. Питерс, "Подавление "отелей закона Рейнса"", *Американская академия политических и социальных наук*, ноябрь, 1908.

[213] Наверное, нет нужды добавлять, что конкретная цель закона - пуританское соблюдение воскресенья - ни в коем случае не была достигнута. В воскресенье, 8 декабря 1907 года, полиция предприняла отчаянную попытку привести закон в исполнение; все увеселительные заведения были закрыты; лекции, религиозные концерты, даже общественные собрания Христианской ассоциации молодых людей были жестко пресечены. Разумеется, народ возмутился и поднял шум, а импровизированные представления на улицах, на которые сочувственно смотрела полиция, говорят, были гораздо более возмутительными, чем любые развлечения в закрытых помещениях.

[214] *The Social Evil in Chicago*, p. 112.

[Методы Марии Терезии никогда не имели успеха; методы Кальвина в Женеве, однако, имели определенный поверхностный успех, потому что существовали подходящие условия для их применения. Иными словами, теократическая основа общества была общепринятой, а подавление безнравственности рассматривалось огромной массой населения, включая в большинстве случаев, без сомнения, даже самих преступников, как религиозный долг. Однако интересно отметить, что даже в Женеве эти "триумфы морали" постигла обычная участь. В настоящее время, как выясняется (Эдит Селлерс, *Корнхилл*, август 1910 г.), в Женеве больше домов, где царит беспорядок, в пропорции к численности населения, чем в любом другом городе Европы.

[216] См. например, P. Hausmeister, "Zur Analyse der Prostitution," *Geschlecht und Gesellschaft*, 1907, p. 294.

[217] Теодор Шредер, *"Непристойная" литература и конституционное право*, Нью-Йорк, 1911.

[218] Так, сэр Сэмюэл Дилл ("*Римское общество*", с. 11) обращает внимание на письмо святого Паулина, который, когда империи угрожали варвары, написал римскому солдату, что христианство несовместимо с семейной жизнью, гражданством, патриотизмом и что солдаты обречены на вечные муки. Христиане часто не проявляли уважения к закону и его представителям. "Многие христианские исповедники, - пишет сэр У. М. Рамсей (*The Church in the Roman Empire*, chap. xv), - доходили до крайностей, демонстрируя свое презрение и ненависть к судьям. Их ответы на простые вопросы были уклончивыми и косвенными; они читали лекции римским сановникам, как будто те были преступниками, а они сами - судьями; они даже использовали жестокие упреки и грубые, оскорбительные жесты". Буше-Леклерк (*L'Intolérance Religieuse et le Politique*, 1911, особенно гл. X) показывает, как ранние христиане настаивали на том, что их преследуют. Сегодня мы видим во многом такое же отношение среди анархистов низшего класса (а также, можно добавить, иногда среди суфражисток), которых можно рассматривать как современный аналог первых христиан.

[219] Вполне возможно, что во все века фактическая сумма безнравственности, рассматриваемая в широком смысле - публичной и частной, в мыслях и поступках - претерпевает лишь незначительные колебания. Но в характере ее проявлений и в характере проявлений, которые ей сопутствуют, могут быть огромные колебания. Выдающийся мыслитель Тарде, говоря о "восхитительном католицизме" времен до Лютера, спрашивает: "Если бы эта приятная христианская эволюция мирно продолжалась до наших дней, были бы мы еще более безнравственными, чем сейчас? Сомнительно, но, по всей вероятности, мы

наслаждались бы самой эстетичной и самой несносной религией в мире, в которой могла бы свободно развиваться вся наша наука, вся наша цивилизация" (Tarde, *La Logique Sociale*, p. 198). Как уже не раз отмечалось, прогресс цивилизации шел именно по пути, указанному Эразмом, а не по пути, проложенному Лютером.

[220] Nietzsche, *Beyond Good and Evil*, chap. II. Столетьем раньше Годвин писал в своей "Политической справедливости" (книга VII, глава VIII): "Люди слабы в настоящее время потому, что им всегда говорили, что они слабы и им нельзя доверять себя. Освободите их от оков, предложите им спрашивать, рассуждать и судить, и вы скоро увидите, что они совсем другие существа. Скажите им, что у них есть страсти, что они иногда бывают поспешными, несдержанными и вредными, но что им можно доверять самим себе. Скажите им, что горы пергамента, в которых они до сих пор укрывались, годятся лишь для того, чтобы навязать их векам суеверия и невежества, что отныне мы будем зависеть только от их спонтанной справедливости; что, если их страсти гигантские, они должны с гигантской энергией их умирять; что если их постановления будут незаконными, то беззаконие будет полностью их собственным".

Х

ВОЙНА ПРОТИВ ВОЙНЫ

Почему проблема войны приобретает особую актуальность в наши дни? Благотворное влияние войны в варварские века - Цивилизация делает окончательное исчезновение войны неизбежным - Введение закона в спорах между отдельными людьми предполагает введение закона в спорах между нациями - Но за законом должна стоять сила - Попытка Генриха IV конфедератизировать Европу - Каждый Международный арбитражный трибунал должен быть в состоянии обеспечить исполнение своих решений - Влияния, способствующие отмене войны - (1) Рост международного мнения - (2) Международное финансовое развитие - (3) Уменьшение давления населения - (4) Естественное истощение воинственного духа - (5) Распространение антивоенных доктрин - (6) Военная война - (7) война несовместима с развитой цивилизацией - нации как опекуны человечества - невозможность разоружения - необходимость силы для обеспечения мира - федеративное государство будущего - упадок войны все еще оставляет возможности для смелости и героизма.

Несомненно, существуют особые причины, по которым в настоящее время война и военное вооружение должны казаться невыносимым бременем, которое необходимо сбросить как можно скорее, если мы хотим, чтобы задача социальной гигиены не была серьезно затруднена. Но отмена древнего способа разрешения международных споров путем войны не является проблемой, решение которой зависит от условий момента. Она заложена в естественном развитии процесса цивилизации. На определенном этапе, несомненно, война играет важную роль в образовании государств и, таким образом, косвенно способствует развитию цивилизации. Но цивилизация медленно, но верно стремится заменить войну на более поздних стадиях этого процесса методами права, или, во всяком случае, методами, которые, хотя и не всегда беспристрастны, избегают необходимости какого-либо нарушения мира. [Как только в примитивном обществе два человека вступают в спор, который они вынуждены разрешать не с помощью физической силы, а путем обращения в

беспристрастный суд, в дело вступает тонкое острие клина, и окончательное уничтожение войны становится лишь вопросом времени. Если неразумно воевать двум индивидам, то неразумно воевать и двум группам индивидов". [222]

Сложность заключалась в том, что если в упорядоченном обществе довольно легко заставить двух индивидуумов урегулировать свои разногласия в трибунале в соответствии с абстрактно определенными принципами права и разума, то заставить две группы индивидуумов урегулировать свои разногласия гораздо сложнее. Значительная часть истории всех великих европейских стран состояла в постепенном завоевании и умиротворении небольших, но часто воинственных государств за пределами и даже внутри их собственных границ. [223] Так происходит даже внутри сообщества. Гоббс, писавший в разгар гражданской войны, зашел так далеко, что заявил, что "конечной причиной" создания содружества является не что иное, как отмена "того жалкого состояния войны, которое неизбежно вытекает из естественных страстей людей, когда нет видимой силы, способной держать их в трепете". Однако сегодня мы видим, что даже в наших высокоцивилизованных сообществах не всегда есть адекватная грозная сила, способная удержать работодателей и наемных работников от участия в том, что немногим лучше гражданской войны, и даже обязать их принять решение беспристрастного суда, к которому их, возможно, убедили обратиться. Самое маленькое государство может заставить своих отдельных граждан поддерживать мир; большое государство может заставить делать это маленькое государство; но до сих пор не было никакой гарантии, что большие государства или даже большие компактные группы внутри государства сами будут поддерживать мир. Они совершают все несправедливости, какие им заблагорассудится, потому что нет никакой видимой силы, которая могла бы держать их в страхе. Мы достигли состояния, при котором государство способно обеспечить законное и мирное отношение отдельных граждан друг к другу. Государство стоит на страже мира своих граждан, но старая проблема возвращается: *Quis custodiet ipsos custodes?*

Очевидно, что эта трудность возрастает по мере увеличения размеров государств. Заставить маленькое государство сохранять мир, поглотив его, если оно не справляется с этой задачей, всегда легко и даже заманчиво для соседнего более крупного государства. Однажды этот процесс был осуществлен в полном масштабе, когда практически весь известный мир оказался под властью Рима. "Война прекратилась", - мог заявить Плутарх во времена Римской империи, и, хотя сам он был восторженным греком, он был безграничен в своем восхищении благодеяниями величественного *Pax Romana* и никогда не искушался каким-либо узким духом патриотизма желать восстановления славы своей собственной страны. Но римская организация распалась, и ни одно государство никогда не будет достаточно сильным, чтобы восстановить ее.

Поэтому любая попытка установить упорядоченные правовые отношения между государствами должна осуществляться при гармоничном сотрудничестве этих государств. В конце XVI века великий французский государственный деятель Сюлли вдохновил Генриха IV на создание Совета конфедеративных европейских христианских государств; каждое из этих государств, в количестве пятнадцати, должно было направить четырех представителей в Совет, который должен был заседать в Меце или Кельне и регулировать разногласия между государствами, входящими в состав конфедерации. Армия Конфедерации должна была содержаться совместно и использоваться главным образом для поддержания мира, чтобы не допустить вмешательства одного государя в дела другого, а также, в случае необходимости, для отражения вторжения варваров извне. Этот план был согласован с королевой Елизаветой, и двенадцать из пятнадцати держав уже пообещали свое активное

сотрудничество, когда убийство Генриха разрушило весь план. Такую конфедерацию было легче организовать тогда, чем сейчас, но, вероятно, ее было труднее поддерживать, и вряд ли можно сказать, что в то время время созрело для столь продвинутой схемы. [224]

Сегодня интересы малых государств настолько тесно связаны с миром, что на них редко бывает трудно оказать давление с целью его поддержания. Совсем другое дело - крупные государства. Тот факт, что за последние полвека крупные государства так много сделали для содействия международному арбитражу и передачи споров в международные трибуналы, показывает, насколько сильными становятся мотивы избежания войны. Но и тот факт, что ни одна страна до сих пор не отказалась от своей свободы изъятия из мирного арбитража любого вопроса, затрагивающего "национальную честь", показывает, что не существует достаточно сильной власти, чтобы контролировать крупные государства. Ибо исключение вопросов национальной чести из сферы права столь же абсурдно, как и соответствующее ограничение ответственности частных лиц за свои поступки перед законом; это все равно, как если бы человек сказал: "Если я совершу кражу, я готов предстать перед судом и, вероятно, заплачу требуемое наказание; но если речь идет об убийстве, то на карту поставлены мои жизненные интересы, и я полностью отрицаю право суда вмешиваться". Это оговорка, фатальная для мира, и ее нельзя было бы принять, если бы она прозвучала в суде любого международного трибунала, имеющего право приводить свои решения в исполнение. "Представьте себе, - пишет Эдвард Дженкс в своей *"Истории политики"*, - современного судью, который "уговаривает" мистера Уильяма Сайкса "помириться" с родственниками своей жертвы, а когда тот упрямится, оставляет две семьи разбираться между собой". Однако именно так в некоторой степени поступали в Англии вплоть до средневековья в отношении индивидуальных преступлений, и так же поступают до сих пор в отношении национальных преступлений, в той мере, в какой обращение к арбитражу является ограниченным и добровольным. Поэтому предложения, хотя они еще не приняты ни одним правительством, которые в последнее время обсуждаются в Соединенных Штатах, в Англии и во Франции, о передаче международных споров без оговорок в беспристрастный трибунал представляют собой прогресс особого значения.

Отмена коллективной борьбы является настолько желательным продолжением отмены индивидуальной борьбы, и ее введение так долго ожидало установления какой-то высокой принудительной силы, поскольку влияние Религии Мира в этом вопросе было менее чем нулевым, что очевидно, что только совпадение очень мощных и специфических факторов могло привести этот вопрос в область практической политики в наше время. Таких факторов несколько, большинство из них развивались в течение длительного периода, но ни один из них не был четко осознан до последних лет. Возможно, стоит обозначить основные силы, которые сейчас противостоят войне.

(1) *Рост международного мнения.* Нет никаких сомнений в том, что за последние годы, особенно в более демократических странах, постепенно сформировался международный консенсус общественного мнения, ставший, подобно греческому хору, голосом абстрактной справедливости. Совершенно верно, что об этой справедливости, как и о справедливости вообще, можно сказать, что она имеет широкие границы. Ренан в своем знаменитом выступлении заявил, что "то, что называют снисхождением, чаще всего является лишь справедливостью", а Реми де Гурмон, напротив, сказал, что "несправедливость иногда является частью справедливости"; иными словами, существуют различные обстоятельства, в которых справедливость может быть уместно сдобрена либо милосердием, либо суровостью. В любом случае, как бы это ни квалифицировалось, популярный международный голос, щедро высказывающийся в пользу справедливости и громогласно осуждающий любое

правительство, идущее против справедливости, является сегодня фактором международной ситуации. Более того, он стремится стать фактором, оказывающим определенное влияние на ход событий. Так было во время Южноафриканской войны, когда Англия, оскорбив это международное чувство справедливости, попала под дискредитацию, которая имела много фактических неприятных результатов и едва избежала, как есть основания полагать, еще более серьезных. Тот же голос прозвучал с резко неожиданным и поразительным эффектом, когда Феррер был застрелен в Барселоне. Феррер был человеком, абсолютно неизвестным обывателю; он был не более чем именем даже для тех, кто знал Испанию; мало кто мог быть уверен, кроме как на уровне интуиции, что он был невинной жертвой судебного убийства, поскольку только сейчас этот факт постепенно становится неоспоримым. Однако сразу после того, как Феррер был застрелен в стенах Монжуича, во всем цивилизованном мире, от Италии до Бельгии, от Англии до Аргентины, с почти магической внезапностью и гармонией поднялся крик возмущения. Более того, этот голос был настолько решительным и громким, что подействовал подобно тем легендарным трубным взрывам, которые сокрушили стены Иерихона; через несколько дней испанское правительство с могущественным министром во главе пало. Значение этого события трудно переоценить. Впервые в истории голос международного общественного мнения, не подкрепленный давлением, политическим, социальным или дипломатическим, оказался достаточно мощным, чтобы отомстить за акт несправедливости, уничтожив правительство. В мире появилась новая сила, и она стремится действовать против тех стран, которые виновны в несправедливости, независимо от того, совершается ли эта несправедливость в отношении государства или даже только одного малоизвестного человека. Современное развитие телеграфии и прессы - как бы ни была неблагоприятна пресса во многих отношениях для дела международной гармонии - дало в руки мира это новое оружие против войны.

(2) *Международное финансовое развитие.* Существует еще одна международная сила, которая выражает себя в том же смысле. Голос абстрактной справедливости, поднятый против войны, подкрепляется голосом конкретного собственного интереса. Интересы собственнических классов, а следовательно, и зависимых от них масс, в наши дни так широко распространены по всему миру, что всякий раз, когда какая-либо страна ввергается в разрушительную войну, в каждой другой стране, особенно в богатых и процветающих странах, где на карту поставлено больше всего, раздается голос корысти, гармонирующий с голосом справедливости. Иногда говорят, что войны ведутся в интересах капитала, и только капитала, и что их затевают капиталисты, прикрывающиеся напускной гуманностью. Это, несомненно, верно в той мере, в какой любая война не может не приносить выгоды какой-то части капиталистического мира, которая, следовательно, будет ее поддерживать, но это верно только в этой мере. Старое представление о том, что война и захват территорий способствуют развитию торговли, открывая новые рынки, оказалось ошибочным. Расширение торговли - это вопрос тарифов, а не войны, и в любом случае торговля страны с ее собственными приобретениями путем завоевания составляет сравнительно незначительную часть ее общей торговли. Но даже если бы финансовые преимущества войны были намного больше, чем они есть, они были бы с лихвой компенсированы недостатками, которые в настоящее время сопутствуют войне. Международные финансовые отношения стали представлять собой сеть интересов, столь обширную, столь сложную, столь чувствительную, что вся она чутко реагирует на любое тревожное прикосновение, и никто не может заранее сказать, какой масштабный ущерб не может быть нанесен потрясением даже в одной точке. Когда страна находится в состоянии войны, ее торговля сразу же дезорганизуется, то есть ее судоходство и судоходство всех стран, которые перевозят ее грузы, выходят из строя в такой степени, которая часто не может не быть катастрофической в международном масштабе. Иностранные государства не могут

отправлять воюющей стране импорт, который лежит на их пристанях, и не могут получать из нее экспорт, необходимый им для собственного содержания или роскоши. Более того, все иностранные деньги, вложенные в воюющую страну, обесцениваются и подвергаются опасности. Таким образом, международный голос торговли и финансов сегодня в основном на стороне мира.

Следует добавить, что этот голос не является, как может показаться, только эгоистичным. Он оправдан не только непосредственными международными интересами, но даже конечными интересами воюющей страны, и не в меньшей степени, если эта страна окажется победительницей. С точки зрения бизнеса и денег, страна ничего не выигрывает от успешной войны, даже если эта война связана с приобретением огромных новых провинций; после большой войны завоеванная страна может обладать большей финансовой стабильностью, чем ее завоеватель, и обе они могут стоять в этом отношении ниже, чем какая-либо другая страна, которая на международном уровне гарантирована от войны. Такие моменты, как эти, были недавно умело аргументированы Норманом Энджеллом в его замечательной книге *"Великая иллюзия"* и по большей части убедительно проиллюстрированы. [Как уже давно было сказано, древние кричали: *Væ victis!* Мы научились кричать: *Væ victoribus!*]

К этому можно добавить, что общая тенденция войны - отбросить в сторону народы, лишённые выносливости, - заключается в морализации побежденных и деморализации завоевателей. Этот эффект проявляется как в материальной, так и в духовной сфере. Завоевание порождает самодовольство и нетерпимость, безрассудное раздувание и растрату энергии. Поражение приносит благоразумие и концентрацию, оно облагораживает и укрепляет. Все славные победы первого Наполеона принесли Франции меньше пользы, чем сокрушительное поражение третьего Наполеона. Триумфы привели к ослаблению; поражение послужило сильным тонизирующим средством, которое благотворно действует и по сей день. Соответствующий обратный процесс происходил в Германии: немецкая земля, вспаханная Наполеоном, дала Мольтке и Бисмарку, [226] в то время как сегодня, пусть и ошибочно, немецкая пресса кричит, что только еще одна война - честнее было бы сказать, неудачная война - может восстановить дряблые мышцы нации. Еще слишком рано судить о результатах русско-японской войны, но уже есть признаки того, что промышленное перенапряжение и подавление индивидуальной мысли грозят Японии ослабить телосложение и уничтожить высокий дух несгибаемых людей, которым она обязана своим триумфом.

(3) *Снижение демографического давления.* В свое время часто говорили, да и сейчас иногда повторяют, что главной причиной войн является перенаселение. Это утверждение требует очень большой оговорки. Действительно, возможно, что огромные орды воинственных варваров с севера и востока, которые вторгались в Европу в ранние времена, иногда более или менее подавляя цивилизованный мир, были результатом повышения рождаемости и избытка населения, превышающего средства к существованию. Но это далеко не точно, поскольку мы абсолютно ничего не знаем о рождаемости этих народов-захватчиков ни до, ни во время их вторжений. Опять же, несомненно, что в современную эпоху высокая и растущая рождаемость представляет собой благоприятное условие для войны. Война отвлекает внимание от внутренних беспорядков и экономических бедствий, которые неизбежно порождает слишком быстрый рост населения, и в то же время имеет тенденцию оттягивать и уничтожать излишки населения, которые вызывают эти беспорядки и бедствия. Однако помимо грубого метода войны существуют и другие способы борьбы с перенаселением. Социальные реформы и эмиграция представляют собой не менее эффективные и гораздо

более гуманные методы борьбы с таким давлением. Несомненно, перенаселение, вызванное чрезмерно высокой рождаемостью, если оно не сопровождается, как это обычно бывает, соответственно высокой смертностью от болезней, можно рассматривать как предрасполагающую причину войны, но утверждать, что это главная причина, значит выходить далеко за рамки имеющихся на сегодняшний день доказательств.

В какой бы степени, однако, она ни была мощной причиной войны в прошлом, можно с уверенностью сказать, что в будущем давление населения как причина войны будет устранено. Единственные нации, которые сегодня могут позволить себе развязывать масштабные войны, - это богатые и цивилизованные государства. Но цивилизация исключает высокую рождаемость: из этого закона никогда не было исключений, и мы не можем их себе представить, потому что это не просто социальный закон, это биологический закон. Россия, еще несовершенная цивилизованная страна, отличается очень высокой рождаемостью, но у нее также очень высокая смертность, и даже если случится так, что в России улучшение социальных условий снизит смертность, прежде чем повлияет на рождаемость, на территории России все равно останется достаточно места для последующего увеличения населения. Во всех других странах, которые, как считается, угрожают миру во всем мире, рождаемость стремительно падает. Это касается, например, Англии и Германии. Германия, особенно Германия, как считалось раньше - хотя на самом деле Германия не воевала уже более сорока лет - была заинтересована в войне, чтобы найти выход для своего избыточного населения, вынужденного, за неимением подходящих немецких колоний, жертвовать своим патриотизмом и терять свою национальность, эмигрируя в чужие страны. Но рождаемость в Германии падает, эмиграция уменьшается, а огромный рост немецкой промышленности легко может поглотить новое поколение. Таким образом, снижение рождаемости в цивилизованных странах само по себе в значительной степени послужит в конце концов к устранению войны, отчасти благодаря устранению одной из ее причин, отчасти потому, что возросшая ценность человеческой жизни сделает войну слишком дорогостоящей.

(4) *Естественное истощение воинственного духа.* Замечательная тенденция воинственного духа - часто подчеркиваемая в последние годы выдающимся зоологом, президентом Д.С. Джорданом, который здесь следует Новикову [227]- состоит в том, что он стремится к самоистреблению. Бойцовые особи и народы, состоящие в основном из бойцовых особей, естественно, вымирают, и поле остается за небойцовыми. Только благоразумные, те, кто сражается и убегает, доживают до следующего дня; и они передают свое благоразумие потомству. Великобритания - яркий пример страны, которая, будучи островом, неизбежно была заселена хищными и пиратскими захватчиками. Длинная череда воинственных и авантюрных народов - кельты, римляне, англосаксы, датчане, норманны - заселяла Англию и передавала ей свой дух. Об англичанах говорили, что они "народ, для которого боль и смерть - ничто, и который боится только голода и скуки". Но на протяжении более восьмисот лет они ни разу не получали подкрепления от новых захватчиков, и это привело к неизбежным последствиям. Происходило постепенное вымирание воинственного населения, и этот процесс значительно ускорился в течение девятнадцатого века в результате огромной эмиграции более авантюрных элементов населения, вытесненных из перенаселенной страны безрассудным и бесконтрольным ростом населения, который происходил в течение первых трех четвертей этого века. В результате англичан (за исключением тех случаев, когда они оказываются в роли журналистов) теперь нельзя назвать воинственным народом. Старые легенды рассказывают о британских героях, которые, когда им отрубали ноги, все равно сражались на обрубках. Современные поэты считают, что изображать британского воина в таком виде было бы несколько надуманно.

Историки Южноафриканской войны снова и снова отмечают, что британские лидеры демонстрировали исключительное отсутствие боевого духа. Во время этой войны английские генералы редко вступали в бой с вражескими войсками, только когда их собственные силы значительно превосходили их по численности, и во многих случаях они сдавались, как только понимали, что сами находятся в меньшинстве. Те безрассудные англичане, которые смело отплыли со своего маленького острова, чтобы противостоять испанской Армаде, были давно истреблены; в живых осталась восхитительно благоразумная и осторожная раса.

Та же история и в других местах. Французы долго лелеяли традицию военной славы, и ни одна страна не воевала так много. Результат мы видим сегодня. Ни в одной стране интеллигенция не относится к войне так спокойно и разумно, и нигде народная враждебность к войне не выражена так сильно. [228] Испания представляет собой другой пример, еще более убедительный. Испанцы издревле были исключительно воинственным народом, способным переносить любые трудности и никогда не боящимся смотреть в лицо смерти. Их агрессивный воинственный и авантюрный дух посылал их на смерть по всему миру. И сегодня нельзя сказать, что испанцы утратили былую стойкость и твердость духа, но страсть к войне и приключениям угасла три века назад.

Во всех этих и подобных случаях происходил процесс селекции, в ходе которого отсеивались солдаты, а остальные оставались для размножения расы. У мужчин, которые так любили воевать, что сражались до самой смерти, было мало шансов размножить свои воинственные порывы. Мужчины, которые сражались и убегали, мужчины, которые вообще никогда не сражались, были теми, кто создавал новое поколение и передавал ему свои собственные традиции.

Этот селективный процесс, к тому же, не просто действовал автоматически; он поддерживался общественным мнением и социальным давлением, иногда очень резко выраженным. Так, в Англии времен Плантагенетов сформировалось сословие "джентльменов", не являвшееся, как иногда полагают, определенным классом, хотя изначально имевшее хорошее происхождение, главной характеристикой которого было то, что они были хорошими бойцами и искали богатства в боях. Главным джентльменом Англии, по словам сэра Джорджа Ситвелла, и совершенно типичным представителем своего класса, был некий славный герой, который сражался с Тальботом при Азенкуре, а также, как показывают раскопки неясных документов, в другое время занимался взломом домов, нанесением ран с целью убийства и "подстрекательством к убийству некоего Томаса Пейджа, который был разрублен на куски, пока на коленях умолял сохранить ему жизнь". Очевидно, что общество было в высшей степени благоприятным для воинственного человека и крайне неблагоприятным для невоинственного, которого он убивал в гневе. Однако в наши дни произошла переоценка этих старых ценностей. Трусливому и, несомненно, плебейскому Томасу Пейджу, умноженному на миллион, удалось взобраться в седло, и он мстит за себя, дискредитируя, загоняя в трущобы и, наконец, вешая каждого потомка премьер-джентльмена Азенкура, которого он может найти.

Следует добавить, что сторонники преимуществ войны не имеют права называть этот процесс селекции одним из преимуществ войны. Совершенно верно, что война несовместима с высокой цивилизацией и в конце концов должна быть вытеснена. Но этот метод ее подавления слишком основателен. Он предполагает не просто истребление боевого духа, но и многих прекрасных качеств, физических и моральных, которые связаны с боевым духом. Бенджамин Франклин, кажется, был первым, кто указал, что "постоянная армия уменьшает размер и породу человеческого рода". Почти при жизни Франклина это было продемонстрировано в массовом масштабе, поскольку, кажется, нет причин

сомневаться в том, что размер и рост французской нации были навсегда уменьшены постоянными сборами молодых рекрутов, цветка населения, которых Наполеон посылал на смерть в первом зрелом возрасте и еще бездетными. Прекрасная физическая форма подразумевает также прекрасные качества мужественности и смелости, которые нужны не только для сражений. В той мере, в какой селективная селекция войны уничтожает их, ее результаты несовершенны и могли бы быть достигнуты менее радикальными методами.

(5) *Рост антивоенного духа.* Упадок воинственного духа в результате селекции боевого состава в последние годы был усилен более острым влиянием, о котором в ближайшем будущем мы, несомненно, услышим больше. Это дух антимилитаризма. Этот дух является неизбежным результатом упадка боевого духа. В определенном смысле он также дополняет его. Выживание небоевых запасов за счет уничтожения боевых работает наиболее эффективно в странах, имеющих профессиональную армию. Антивоенный дух, напротив, эффективно работает в странах с национальной армией, в которой обязаны служить все молодые граждане, ибо только в таких странах антимилитарист может, отказавшись от службы, занять влиятельную позицию мученика в деле мира.

Среди ведущих наций именно во Франции дух антимилитаризма наиболее глубоко завладел народом, хотя в некоторых небольших странах, в частности, среди упрямо мирных жителей Голландии, этот дух также процветает. Эрве, лидер инсургентных социалистов, как их обычно называют в противовес чисто парламентским социалистам во главе с Жоресом, - хотя инсургентные социалисты также используют парламентские методы, - может считаться самым ярким поборником антимилитаризма, а многие его последователи пострадали от тюремного заключения в качестве наказания за свои убеждения. Во Франции крестьяне-собственники в деревне и организованные рабочие в городе одинаково симпатизируют антимилитаризму. Синдикалисты, или профсоюзные деятели, центральной организацией которых является Женская профсоюзная конфедерация, обычно не стремятся подражать излишне робким, по их мнению, методам английских профсоюзных деятелей; [229] они склонны к революционному и антивоенному настрою. Съезд делегатов французских профсоюзов, состоявшийся в Тулузе в 1910 году, принял важную резолюцию о том, что "за объявлением войны должно последовать объявление всеобщей революционной забастовки". Та же тенденция, хотя и в менее радикальной форме, становится международной, и большой Международный социалистический конгресс в Копенгагене принял резолюцию, поручающую Международному бюро "узнать мнение организованных рабочих всего мира о полезности всеобщей забастовки для предотвращения войны". [230] Даже английские рабочие классы постепенно приходят в движение. На конференции лейбористских делегатов, состоявшейся в Лестере в 1911 году для рассмотрения копенгагенской резолюции, политика антивоенной всеобщей забастовки была отклонена лишь незначительным большинством голосов на том основании, что она требует дальнейшего рассмотрения и может нанести ущерб политическим действиям; но поскольку большинство лидеров выступают за политику забастовки, можно не сомневаться, что этот метод борьбы с войной вскоре станет общепринятой политикой английского лейбористского движения. В проведении такой политики лейбористская партия ожидает большой помощи от растущей социальной и политической силы женщин. Самым влиятельным литературным защитником движения за мир и одним из самых ранних была женщина, баронесса Берта фон Саттнер, и считается невероятным, что жены и матери народа будут использовать свои силы для поддержки учреждения, которое представляет собой самый жестокий метод уничтожения их мужей и сыновей. "Дело женщины, - говорит Новиков, - есть дело мира". "Мы платим первую цену за всю человеческую жизнь", - говорит Олива Шрайнер. [231]

Антимилитарист, как это происходит в настоящее время, подвергает себя не только тюремному заключению, но и остракизму. Он фактически отказался взять в руки оружие для защиты своей страны; он погрешил против патриотизма. Это обвинение повлекло за собой встречное обвинение, направленное против самой идеи патриотизма. И здесь произведения Толстого, с их пронзительными и ищущими призывами к защите человечности в противовес патриотизму, несомненно, сослужили хорошую службу антимилитаристам, и везде, где ведется война против войны, даже в Японии, Толстой предоставил одно из самых острых орудий. Более того, если за антимилитаризм выступают рабочие, они утверждают, что международные интересы уже вытеснили и вытесняют более узкие интересы патриотизма. Отказываясь воевать, рабочие той или иной страны просто заявляют о своей лояльности к товарищам по другую сторону границы, лояльности, которая, по их мнению, имеет для них более сильные притязания, чем любой патриотизм, означающий просто лояльность к капиталистам; географические границы уступают место экономическим, которые теперь служат только для разделения врагов. И если, как это кажется вероятным, при следующей попытке большой европейской войны за приказом о мобилизации в обеих странах немедленно последует объявление всеобщей забастовки, то против такого объявления нечего будет сказать даже с точки зрения самого узкого патриотизма, хотя против политики всеобщей забастовки можно будет сказать многое по другим причинам". [232]

Если мы осознаем, что происходит вокруг нас, то легко увидим, что антимилитаристское движение быстро достигает той стадии, когда оно будет легко способно, даже без посторонней помощи, парализовать любую войну немедленно и автоматически. Пионеры этого движения играют ту же роль, что и квакеры в семнадцатом веке. Во имя Библии и собственной совести квакеры отказались признать право любой светской власти принуждать их к богослужению или войне; они добились того, за что боролись, и теперь все люди чтят их память. Во имя справедливости и человеческого братства антимилитаристы сегодня придерживаются такого же курса и несут такие же наказания. Завтра они также будут почитаться как герои и мученики.

(6) *Чрезмерный рост вооружений.* Перечисленные до сих пор враждебные силы медленно сходились к войне с таких разных сторон, что можно сказать, что они окружили и изолировали ее; ее окончательная капитуляция может быть лишь вопросом времени. В последнее время, однако, появился новый фактор, настолько актуальный, что он быстро делает вопрос об отмене войны острым: чрезмерный рост вооружений. Это практически современный фактор, и хотя на первый взгляд он является роскошью, вызванной большим избытком богатства в великих современных государствах, но, если посмотреть чуть глубже, он также тесно связан с тем упадком воинственного духа, который вызван селективной селекцией. Это слабая и робкая женщина нервно заглядывает под кровать в поисках грабителя, с которым она меньше всего хотела бы встретиться, и это старые, богатые и невоинственные нации, которые берут на себя инициативу в трудоемкой защите от врагов, которых не видно ни в одном квартале. Только за последние полвека народы мира начали соревноваться друг с другом в этом робком и дорогостоящем соперничестве. В старые воинственные времена вооружение в мирное время состояло не более чем из прочных стен для обороны, запаса оружия, хранившегося тут и там, иногда в комнате при приходской церкви, и эпизодических боевых упражнений с мечом или луком, которые были не более чем развлечением. Настоящий боец больше полагался на свою сильную правую руку, чем на вооружение, и считал, что он сам способен сразиться с любой полудюжиной врагов. Даже во время войны часто не хватало ни рвения, ни денег на боеприпасы. *Дневник* трудолюбивого Пеписа, так много сделавшего для английского флота, показывает, что забота о кораблях

страны в основном зависела от нескольких неважных чиновников, которым стоило огромного труда добиться внимания к самым срочным и неотложным нуждам.

В наши дни сложилась очень непростая ситуация. Существование партии, лозунгом которой является призыв к сокращению расходов и экономии, едва ли возможно в современном государстве. Все ведущие политические партии в каждом большом государстве - если не считать лейбористскую партию - одинаково стремятся к увеличению расходов на вооружение. Каждая партия может похвастаться не тем, что тратит меньше, а тем, что тратит больше, чем ее соперники, на этот источник расходов, который сейчас является главным в каждом крупном государстве. Более того, каждый новый шаг в расходах влечет за собой еще один шаг; на каждое новое усовершенствование в нападении или обороне соперники должны немедленно отвечать соответствующими или лучшими усовершенствованиями, если они не хотят быть превзойдены. С каждым годом эти ходы и контрходы неизбежно становятся все более масштабными, более сложными, более дорогостоящими; при этом каждый контрход влечет за собой устаревание улучшений, достигнутых предыдущим ходом, так что трата энергии и денег идет в ногу с расходами. Хорошо известно, что нет абсолютно никакого возможного предела этому процессу и его постоянному ускорению.

Нет необходимости иллюстрировать этот тезис, поскольку он знаком всем. В любой газете можно найти факты и цифры, наглядно иллюстрирующие тот или иной аспект этого вопроса. И хотя в нынешних условиях лишь небольшое число людей в любой стране искренне желает сократить колоссальные суммы, ежегодно растрачиваемые на непродуктивную работу по вооружению, растущий интерес к этому вопросу свидетельствует о смутной тревоге и беспокойстве по поводу конечной цели. Ведь чувствуется, что в конце пути, по которому сейчас движутся нации, лежит неизбежный кризис.

Таким образом, с этой точки зрения, конец войны достигается процессом, радикально противоположным тому, с помощью которого в социальном, равно как и в физическом организме, происходит изживание древних структур и функций. Обычный процесс - это постепенный спад до простого рудиментарного состояния. Но здесь тот же конечный результат, возможно, достигается более тревожным методом чрезмерной инфляции и угрожающего коллапса. Это тревожный процесс, потому что те огромные и тяжеловооруженные монстры первобытных времен, которые представляют собой зоологические типы, соответствующие нашим современным сверхвооруженным государствам, сами исчезли из мира, когда их громоздкое вооружение достигло своей конечной точки экспансии. Интересно, удастся ли нашим современным государствам более удачно вырваться из жестких шкур, которые все теснее сжимают их, и в конце концов сохранить свои души живыми?

(7) Доминирование социальных реформ. Последним фактором в этой ситуации является растущее доминирование процесса социальных реформ. С одной стороны, усложнение социальной организации требует соответственно возрастающих затрат средств на уменьшение ее трения и развитие; с другой стороны, еще более быстро растущие потребности в вооружении делают все более трудным выделение средств на эти социальные цели. Повсюду даже самые элементарные меры по улучшению воспитания и благосостояния граждан страны откладываются в угоду все новым и новым вооружениям. Созданная таким образом ситуация быстро становится нетерпимой.

Возможность войны навсегда поставила под угрозу не только будущее цивилизации; прошлое цивилизации, со всеми драгоценными воплощениями ее традиций, подвергается еще более фатальной опасности. По мере того как мир стареет, а эпохи отступают, все

богаче, драгоценнее, хрупче становятся древние реликвии человечества. Они представляют собой последние символы славы человечества; их нельзя слишком тщательно оберегать, слишком высоко ценить. Но все остальные опасности, угрожающие их целостности и сохранности, если собрать их вместе, не равны войне. Ни одна страна, которая когда-либо была колыбелью цивилизации, не является свидетелем этой печальной истины. Все священные цитадели, слава человечества, - Иерусалим и Афины, Рим и Константинополь, - были разрушены войной, и в каждом случае их гибель была катастрофой, которую невозможно исправить. Если обратиться к малой славе более современных эпох, то особым сокровищем Англии были ее приходские церкви, сокровище уникального очарования в мире и воплощение народного духа: сегодня в своем избитом и непоправимом состоянии они являются памятниками гражданской войны, которая велась по всей стране с беспощадной религиозной свирепостью. Испания - страна, которая на протяжении долгих веков хранила в стенах своих великих соборов, похожих на крепости, почти все накопленные ею богатства во всех видах искусства, священных и светских, баснословной ценности; солдаты Наполеона захватили эту страну и принесли с собой грабежи и разрушения, так что во многих святынях, как в Монтсеррате, мы до сих пор видим, как за несколько дней они превратили рай в пустыню. Пострадал не только Запад. В Китае самые редкие и прекрасные изделия и ткани, созданные руками человека, хранились в Пекинском императорском дворце; дикие военные орды Запада ворвались сюда менее века назад и безрассудно растоптали и сожгли все, что не смогли разграбить. В каждом таком случае потеря окончательна; изысканное воплощение какой-то стадии в душе человека, которая навсегда ушла в прошлое, навсегда уменьшено, деформировано или уничтожено.

В настоящее время все цивилизованные страны остро осознают ценность своих воплощенных художественных ценностей. Об этом самым решительным образом свидетельствуют огромные цены на них. Их материальная ценность позволяет даже самым глупым и невообразимым людям осознать, какое преступление совершается, когда их безжалостно и бессмысленно уничтожают. Не только произведения древнего искусства сегодня приобретают особую ценность. Продукты современной науки не менее ценны. Механизмы, необходимые для обеспечения прогресса в некоторых науках, настолько сложны и , что для их создания требуются огромные суммы денег, тончайшее мастерство, долгие периоды времени. Галилей мог заменить свой телескоп без особых проблем; разрушение одной современной обсерватории стало бы почти бедствием для человечества.

Такие соображения, как эти, действительно, наконец-то признаны во всех цивилизованных странах. Двигатели разрушения, поставленные сейчас на службу войне, гораздо мощнее, чем те, что использовались в войнах прошлого. С другой стороны, стоимость продуктов, которые они могут уничтожить, повысилась в соответствующей степени. Но теперь в дело вмешивается третий фактор. И если бы музеям Парижа или лабораториям Берлина угрожала враждебная армия, то, несомненно, международная держава, если бы она существовала, была бы уполномочена вмешаться, любой ценой для национальной восприимчивости, чтобы сохранить мир. Цивилизация, как мы теперь понимаем, создается на основе вдохновения и открытий, которые вечно передаются и переходят из страны в страну; на нее не может претендовать ни одна отдельная страна. Произведения искусства и научная деятельность нации - это не просто национальная собственность; это международное достояние, предназначенное для радости и служения всему миру. Нации хранят их в доверительном управлении для человечества. Создать международную силу, которая будет внушать уважение к этой истине, - наше дело.

Единственный вопрос, который остается - и его решит только будущее, - это вопрос о том, в какой именно момент эта древняя и заросшая твердыня войны, в которую теперь так энергично инвестируют со многих сторон, будет наконец свергнута, будь то изнутри или извне, будь то в силу присущей ей слабости, убедительной разумности развивающейся цивилизации, корысти коммерческих и финансовых классов или безжалостного негодования пролетариата. Эта проблема пока неразрешима, но не исключено, что кто-то из уже живущих может стать свидетелем ее решения.

Два века назад аббат де Сен-Пьер изложил свою схему федерации государств Европы, которая в то время означала федерацию всех цивилизованных государств мира. Это был век великих идей, рассеянных по миру, чтобы прорасти в грядущих практических эпохах. Любезный аббат пользовался всеми заслугами своих масштабных и филантропических концепций. Но никто не мечтал об их осуществлении, а силы, которые только и могли их реализовать, еще не показались над горизонтом. [233] В этом вопросе, во всяком случае, мир продвинулся вперед, и федерация государств мира больше не является простой концепцией философского мечтателя. Первый шаг будет сделан, когда две ведущие страны мира - и разумнее всего, чтобы инициативу взяли на себя государства, наиболее близкие по происхождению и языку, - решат передать все свои разногласия без остатка в арбитраж. Как только к этой федерации присоединится третья по величине держава, ядро будет представлять собой мировое государство. Такое государство сможет навязать мир даже самым непокорным внешним государствам, поскольку оно будет представлять собой ту "видимую силу, чтобы держать их в трепете", которую Гоббс справедливо объявил необходимой; оно даже сможет, в крайнем случае, при необходимости, принудить к миру с помощью войны. Таким образом, в мире все еще могут происходить войны. Но не будет войн, которые не были бы Священными войнами. Существуют и другие методы принуждения к миру, кроме войны, и такая федерация великих государств легко сможет оказать давление даже на самые воинственные государства, но необходимость в могущественной вооруженной международной силе сохранится еще долгое время. Полагать, как, по-видимому, полагают некоторые, что установление арбитража вместо войны означает немедленное разоружение, - пустая мечта. На конференциях английской лейбористской партии по этому вопросу наиболее активная оппозиция предлагаемому забастовочному методу сделать войну невозможной исходит от делегатов, представляющих рабочих арсеналов и верфей. Но нет никакой вероятности, что арсеналы и верфи закроются при жизни нынешних рабочих, и хотя установление мирных методов разрешения международных споров не может не уменьшить число рабочих, живущих за счет вооружений, пройдет еще много времени, прежде чем от них можно будет совсем отказаться.

В самом деле, так распространено считать человека, указывающего на неизбежное банкротство войны в высокоцивилизованных условиях, просто утопическим мечтателем, что становится необходимым повторить, со всем необходимым акцентом, что разрешение международных споров по закону не может быть достигнуто путем разоружения или любым методом, не связанным с применением силы. Любой закон, даже тот, который разрешает споры между отдельными людьми, имеет за собой силу, а закон, который должен разрешать споры между нациями, не может быть эффективным, если за ним не стоит могучая сила. Я предполагал это с самого начала, цитируя изречение Гоббса, но, похоже, этот момент так легко упускается из виду свободным мыслителем, что его необходимо повторить. Необходимость силы, лежащей в основе закона, регулирующего международные отношения, действительно никогда не оспаривалась ни одним мудрым человеком, который занимался этим вопросом. Даже Уильям Пенн, который, будучи квакером, был практиком в

делах, в 1693 году, предлагая свой "Эссе к настоящему и будущему миру Европы путем учреждения европейского парламента, собрания или сословия", предложил, что если какое-либо имперское государство откажется подчинить свои притязания суверенному собранию и подчиниться его решениям, или возьмет в свои руки оружие, "все прочие государи, соединившись в одну силу, должны принудить к покорности и исполнению приговора, с возмещением ущерба пострадавшей стороне и с обвинением государей, обязавших их к покорности". Опровергая некоторые неразумные и опасные пацифистские соображения Новикова, выдающийся французский философ Жюль де Готье указывает, что право не имеет никаких прав против войны, кроме силы, на которой сама война основывает свои права. "Сила *in abstracto* создает право. Совершенно нелепым, чтобы существовало право, которое в какой-то момент не было бы утверждено как реальность, то есть как сила..... То, что мы прославляем под именем права, есть лишь более интенсивное и привычное состояние силы, которое мы противопоставляем менее частой форме силы." [234] Старый квакер и современный философ, таким образом, солидарны с практическим человеком, отвергая любую форму умиротворения, которая основывается на простой апелляции к разуму и справедливости.

Нельзя сказать, что прогресс цивилизации до сих пор имел какую-либо тенденцию к тому, чтобы сделать ненужной точку зрения, принятую Пенном и Жюлем де Готье. Действия государств в наши дни склонны быть столь же безрассудно агрессивными, как и раньше, столь же безрассудными по отношению к разуму и справедливости. Нет ни одной страны, как бы высоко она ни стояла в сообществе наций, которая не была бы иногда увлечена слепой лихорадкой войны. Франция, страна разума, всего сорок лет назад отозвалась безумным криком: "На Берлин!". Англия, друг малых народностей, с ликованием, даже с налетом героизма, раздавила под ногами маленькие южноафриканские республики и преследовала каждого англичанина, который противостоял безумию толпы. Великий, свободный разумный народ Соединенных Штатов вступил в войну против Испании с детской верой в нелепую легенду о взрыве "Мэна". Нет ни одной страны, в истории которой не было бы такой позорной страницы, записи того момента, когда ее моральный и интеллектуальный престиж был опорочен в глазах всего мира. Она платит за свое сиюминутное безумие, она может доблестно пытаться искупить свою несправедливость, но пагубная запись остается. Отмена войны нужна не только в интересах жертв агрессии; она нужна в не меньшей степени и в интересах агрессоров, которых собственные сиюминутные страсти или честолюбивая глупость их правителей толкают на преступления, за которые полагается страшное наказание. Не было ни одной страны, которая в каждый момент времени была бы настолько добродетельной и мудрой, что иногда не нуждалась бы в спасении от самой себя. Ибо каждая страна иногда сходила с ума, в то время как каждая другая страна смотрела на ее безумие с насмешливым спокойствием ясного ума, а возможно, и с фарисейским воздухом добродетельного негодования.

В течение одного 1911 года процесс развернулся в своей наиболее полной форме. Первый плохой шаг - хотя он был относительно небольшим и необременительным - сделала Франция. Державы после долгих размышлений пришли к определенным выводам относительно Марокко и, предоставив Франции преобладающее влияние в этой стране, тщательно ограничили ее свободу действий. Но Франция, желая усилить свое влияние на эти земли, под обычными предлогами отправила ненужную экспедицию в Фес. Если бы существовал международный трибунал с адекватной силой, стоящей за ним, Франция была бы призвана оправдать свои действия, и независимо от того, удалось бы ей оправдаться или нет, дальнейшего зла бы не произошло. Но не существовало силы, способной или желающей призвать Францию к ответу, и другие державы сочли более простым планом последовать ее

примеру, чем препятствовать ему. Следуя этой политике, Германия направила военный корабль в марокканский порт Агадир, используя тот же предлог, что и французы, но с еще меньшим основанием. Когда верховная военная держава мира машет хотя бы пальцем, весь мир приходит в смятение. Так случилось и в данном случае, хотя, собственно говоря, гиганты не склонны к безрассудному насилию, и Германия, отнюдь не намереваясь нарушить мир во всем мире, просто использовала свою силу, чтобы воспользоваться неудачным шагом Франции. Она согласилась оправдать ошибку Франции и уступить ей права на Марокко, на которые ни одна из стран не имела ни малейшего законного права, в обмен на огромный участок земли в другой части Африки. До сих пор игра велась по правилам, которые, хотя и не соответствовали абстрактной справедливости, но вполне отвечали признанной практике народов. Но теперь другая держава была вынуждена пойти на гораздо более откровенно беспринципные действия. Уже давно было признано, что если Северная Африка должна быть разделена, то доля Италии - это, безусловно, Триполи. Действия Франции и Германии пробудили в Италии чувство, что сейчас или никогда не наступит момент для действий, и с жестоким безрассудством, используя обычные предлоги, теперь более хрупкие, чем когда-либо, Италия начала войну с Турцией, без предложения посредничества, грубо нарушив свои собственные обязательства по Гаагской мирной конвенции 1899 года. Теперь оставалась только одна магометанская страна, на которую можно было напасть, и настал черед России. Северная Персия - самая цивилизованная и плодovitая половина Персии - была взята под защиту России, и Россия, цинично сделав все возможное, чтобы сделать невозможным хорошее правительство в Персии, под предлогом плохого правительства вторглась в страну. Если бы европейские державы хотели продемонстрировать необходимость создания великого международного трибунала, за которым стояла бы мощная сила, обеспечивающая выполнение его решений, они не смогли бы придумать более эффективной демонстрации.

Таким образом, в настоящее время не может быть и речи о разоружении, и не может быть эффективного международного трибунала, если за ним не стоит эффективная армия. Великая армия должна продолжать существовать отдельно от вопроса о том, является ли армия сама по себе школой добродетели или порока. Оба эти взгляда на ее влияние были в крайних формах, и оба, кажется, не имеют под собой серьезных оснований. В этом вопросе мы, пожалуй, можем согласиться с заключением профессора Жерара, который может рассматривать этот вопрос с достаточно беспристрастной точки зрения, поскольку служил во французской армии, внимательно изучал жизнь народа в Лондоне и занимал профессорскую кафедру в Калифорнии. Он отрицает, что армия - это школа всех пороков, но также не видит, что она оказывает возвышающее влияние на кого-либо, кроме самых низких: "Полк не намного хуже большой фабрики. Фабричная жизнь в Европе достаточно плоха; военная служба распространяет свои пороки на сельскохозяйственных рабочих, а также на людей, которые в противном случае избежали бы этого пагубного влияния". Что касается следов морального подъема в армии, то я совершенно не заметил их. Война может быть суровой школой добродетели, но казарменная жизнь - нет. Честь, долг, патриотизм - это чувства, прививаемые в школе; они не развиваются, а часто разрушаются в течение срока обязательной службы". [235]

Но, как мы видели, и как признает Жерар, вполне вероятно, что войны будут отменены за несколько поколений до того, как будут ликвидированы армии. Возникает вопрос, что мы должны делать с нашими армиями. По-видимому, есть по крайней мере два способа использования армий, как мы уже видим во Франции и, возможно, в некоторой степени в Англии. Во-первых, армию можно превратить в великое образовательное учреждение, академию искусств и наук, школу гражданственности. Во-вторых, армии имеют тенденцию

становиться, как отметил Уильям Джеймс, резервными силами мира, большими организованными безработными телами мужчин, которые могут быть использованы во время внезапных чрезвычайных ситуаций и национальных катастроф. Так, французская армия оказала замечательную услугу во время великого наводнения на Сене несколько лет назад, и как во Франции, так и в Англии армия была призвана помочь выполнить государственные обязанности, необходимые для благосостояния нации во время больших забастовок, хотя здесь было бы печально, если бы армия стала рассматриваться как просто корпус для борьбы с забастовками. В этих основных направлениях, однако, есть, как отметил Жерар, признаки трансформации, которые, сохраняя армии для международного использования, указывают на компромисс между армией и современной демократией.

Некоторые опасаются, что воцарение всеобщего мира лишит их возможности проявлять смелость и героизм. Не слишком тщательно выясняя, как использовали свои нынешние возможности те, кто выражает это опасение, следует сказать, что оно совершенно беспочвенно. В жизни существует бесконечное множество позиций, на которых мужество необходимо не меньше, чем на поле боя, хотя, по большей части, с меньшим риском полного уничтожения, которое в прошлом так сильно способствовало выведению мужественных людей. Кроме того, установление мира значительно расширит возможности для смелости и приключений в социальной сфере. Есть отделы в высшей селекции и социальной эволюции расы - некоторые, возможно, даже включают вопросы жизни и смерти - где требуется высочайшее мужество. Обсуждать их было бы преждевременно, поскольку они едва ли войдут в сферу практической политики, пока не будет отменена война. Но те люди, которые горят желанием проявить героизм, могут быть уверены, что ход социальной эволюции предоставит им все возможности.

[221] Соответствующие роли войны и права в конституции государств четко и ясно изложены Эдвардом Дженксом в его небольшом учебнике *"История политики"*. Штейнметц, выступающий за сохранение метода войны, в своей книге *Die Philosophie des Kriegeres* (p. 303) утверждает, что "ни один элемент воинственного духа, ни одно из психических условий войны не отсутствуют у современных цивилизованных европейских народов". Возможно, это и так, хотя есть все основания полагать, что все они очень значительно уменьшились. Воинственный дух, существующий в наши дни, должен быть значительно снижен тем фактом, что те, кто его проявляет, обычно не являются теми людьми, которым на самом деле придется вести боевые действия. Важнее отметить (как это сделано в историческом очерке о войне А. Сазерленда, *Nineteenth Century*, April, 1899), что, по сути, война становится и менее частой, и менее свирепой. Например, в Англии, где в свое время население проводило большую часть времени в сражениях, уже два с половиной века практически нет войн. Когда древние германцы пронеслись по Испании (как рассказывает очевидец Прокопий), они убивали всех встречных людей, включая женщин и детей, пока не погибли миллионы. Законы войны, хотя и не всегда соблюдаемые, постоянно становятся все более гуманными, и, по оценкам Сазерленда, в настоящее время война менее чем на одну сотую часть разрушительна, чем в раннем Средневековье.

[222] На это неизбежное расширение сферы действия права от разрешения споров между отдельными лицами до споров между отдельными государствами указывалось и раньше, и оно достаточно очевидно. Так, французский юрист Мужен-Рокефор в своей книге *De la Solution Juridique des Conflits Internationaux* (1889) отмечает, что во времена Римской империи, когда существовало только одно цивилизованное государство, любая система международных отношений была невозможна, но как только у нас появляется несколько

государств, образующих единицы международного общества, сразу же возникает необходимость в системе международных отношений, подобно тому как для регулирования отношений любого сообщества людей необходима некая система социального порядка.

[223] В Англии, маленькой и компактной стране, этот процесс был завершён сравнительно рано. Во Франции только во времена Людовика XV (в 1756 году) был схвачен и обезглавлен "последний феодальный разбойник", как Тэн называет маркиза де Племартина в Пуату.

[224] Франция, несмотря на свои военные способности, всегда играла ведущую роль в мирном движении цивилизации. Уже в начале XIV века во Франции появился сторонник международного арбитража, Пьер Дюбуа (Петрус де Боско), норманнский юрист, ученик Фомы Аквинского. В семнадцатом веке Эмерик Крузе впервые предложил, чтобы все народы, без различия цвета кожи и религии, были представлены в каком-то центральном городе, где каждое государство имело бы своего постоянного посла, и эти представители образовывали бы ассамблею для решения международных разногласий (Дюбуа и Крузе были недавно изучены профессором Весничем, *Revue d'Histoire Diplomatique*, январь, 1911). История различных мирных проектов в целом кратко изложена Лагортэ в книге *"Роль войны"* (*Le Rôle de la Guerre*, 1906, часть IV, гл. VI).

[225] Те же положения ранее выдвигались и другими, хотя и не столь энергично. Так, известный бельгийский экономист и публицист Эмиль де Лавалие отмечал ("*Пэлл-Мэлл Газетт*", 4 августа 1888 г.), что "самые счастливые страны - это, бесспорно, самые маленькие: Швейцария, Норвегия, Люксембург, а ещё больше - республики Сан-Марино и Валь-д'Андорра"; и что "страны в целом, даже победоносные, не извлекают выгоды из своих завоеваний".

[226] Сам Бисмарк заявил, что без глубокого стыда за поражение Германии под Йеной в 1806 году возрождение немецкого национального чувства было бы невозможно.

[227] D. Starr Jordan, *The Human Harvest*, 1907; J. Novikov, *La Guerre et ses Prétendus Bienfaits*, 1894, chap. IV; здесь Новиков утверждал, что отбор на войне уничтожает не слабых, а сильных, и, следовательно, имеет тенденцию к выживанию сильнейших.

[228] "Самые деморализующие черты французской военной жизни, - говорит профессор Герар, очень умный наблюдатель, - объясняются неоспоримым прогрессом французского ума - его постепенной потерей веры и интереса к военной славе. Отныне армия рассматривается как бесполезное, опасное, безвозмездное бремя. Авторы школьных учебников можно порицать за то, что они осмеливаются печатать подобные мнения, но подавляющее большинство французов придерживаются их в своих сердцах. Кроме того, среди рабочих людей преобладает подозрение, что военное ведомство содержится исключительно в интересах капиталистов, а безрассудное использование войск в случае трудовых конфликтов придает этому утверждению окраску". Часто случалось так, что то, что французы думают сегодня, мир обычно думает завтра. Вероятно, французский опыт свидетельствует о том, что прогресс в области интеллекта означает деморализацию армии.

[229] Влияние синдикализма, однако, уже достигло английского рабочего движения, и непродуманное преследование со стороны английского правительства, должно быть, в значительной степени способствовало расширению и укреплению этого влияния.

[230] Некоторые небольшие начинания уже были сделаны. "Самым большим выигрышем для дела мира, - пишет мистер Х.У. Невинсон, известный военный корреспондент ("*Мир и война в равновесии*", с. 47), - был отказ каталонских резервистов служить в войне против горцев

Риффа в Марокко в июле 1909 года [230]. Так Барселона вспыхнула до небес, и почти неделю народ удерживал огромный город. Я видел много благородных, как и много ужасных событий, но ни одно из них не было более благородным или более многообещающим, чем внезапное восстание каталонского рабочего народа против подлой и бесславной войны, развязанной в интересах нескольких спекулянтов в Париже и Мадриде."

[231] J. Novikov, *Le Fédération de l'Europe*, chap. iv. Олив Шрайнер, *Женщина и труд*, гл. IV. Хотя это и фундаментальный факт, мы должны помнить, что нельзя обобщать идеи или чувства целого пола, и что биологические традиции женщин связаны с первобытным периодом, когда они были восхищенными зрителями боев. "Женщина, - считал Ницше, - по сути своей немирна, как кошка, как бы хорошо она ни принимала мирный облик". Штейнметц (Steinmetz, *Philosophie des Kriegen*, p. 314), заметив, что женщины абстрактно выступают против войны, добавляет: "На практике, однако, случается, что женщины относятся к конкретной войне - а все войны являются конкретными войнами - с особой благосклонностью"; он замечает, что большинство англичанок полностью разделяют военную лихорадку против буров, и что, с другой стороны, он знал голландских дам в Голландии, очень противящихся войне, которые в то время танцевали бы от радости при известии об объявлении войны против Англии.

[232] Всеобщая забастовка, получившая особое развитие в синдикалистском лейбористском движении и имеющая теперь тенденцию к распространению в различных странах, является очень мощным оружием, настолько мощным, что ее результаты не менее серьезны, чем результаты войны. Использовать ее против войны - значит изгонять Вельзевула с помощью Вельзевула. Даже в трудовых спорах современная забастовка грозит стать такой же серьезной и, более того, почти такой же кровопролитной, как гражданские войны древности. Поэтому в прогрессивных странах, как мы видим в Австралии, наблюдается тенденция к тому, чтобы заменить забастовки примирением и арбитражем, точно так же, как война вытесняется международными трибуналами. Эти две цели, однако, абсолютно различны, и введение закона в споры между нациями не может оказать прямого влияния на споры между социальными классами. Однако вполне возможно, что оно может оказать косвенное влияние, и когда споры между нациями будут разрешаться упорядоченным образом, общественное чувство запретит беспорядочное разрешение споров между классами".

[233] Аббат де Сен-Пьер (1658-1743), церковник без призвания, был норманном из знатного рода и впервые опубликовал свои *"Мемуары для установления вечного мира в Европе"* в 1722 году. Как хорошо показывает Сиглер-Паскаль (*Les Projets de l'Abbé de Saint-Pierre*, 1900), он был не просто мечтательным утопистом, а острым и дальновидным мыслителем, практичным в своих методах, внимательным наблюдателем, экспериментатором и одним из первых, кто попытался использовать статистику. Он был секретарем французских полномочных представителей, которые вели переговоры по Утрехтскому договору, и, вероятно, таким образом был поставлен на путь реализации своей схемы. Он предложил, чтобы различные европейские государства назначили полномочных представителей для формирования постоянного арбитражного суда для разрешения всех разногласий. Если какое-либо государство возьмет в руки оружие против одного из союзников, то вся конфедерация совместно, за свой счет, выйдет на поле боя против государства-нарушителя. Он выступал против абсолютного разоружения: армия необходима для обеспечения мира, но это должна быть объединенная армия, состоящая из контингентов каждой державы конфедерации. Сен-Пьер, как видно, четко уловил основные факты ситуации, как мы видим ее сегодня. "Автор *"Проекта вечного мира"*", - заключает профессор Пьер Робер в

сочувственном изложении его карьеры (Petit de Julleville, *Histoire de la Langue et de la Littérature Française*, Vol. VI), - является провозвестником двадцатого века". Его статуя, мы не сомневаемся, будет занимать видное место, наряду со статуей Сюлли, в будущем дворце любого международного трибунала.

[234] Jules de Gaultier, "Comment Naissent les Dogmes," *Mercure de France*, 1st Sept., 1911. Жюль де Готье также замечает, что "конфликт - это закон и условие всего существования". Это можно признать, но это перестает быть правдой, если мы предположим, как тот же мыслитель, что "конфликт" обязательно подразумевает "войну". Установление закона, регулирующего споры между людьми, ни в коем случае не подавляет конфликт, но оно подавляет борьбу и гарантирует, что в случае борьбы агрессор не сможет извлечь выгоду из своей агрессии. Точно так же существование трибунала, регулирующего споры между национальными сообществами людей, ни в коем случае не может подавить конфликт; но если он не подавляет драки и не гарантирует, что в случае драки агрессор не получит выгоду от своей агрессии, он ничего не даст".

[235] А.Л. Герард, "Впечатления от военной жизни во Франции", *Научно-популярный ежемесячник*, апрель, 1911 г.

XI

ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОГО ЯЗЫКА

Ранние попытки создания международного языка - настоятельная необходимость вспомогательного языка сегодня - волапюк - притязания испанского - латынь - притязания английского - его недостатки - притязания французского - его недостатки - современный рост национальных чувств против выбора естественного языка - преимущества искусственного языка - требования, которым он должен соответствовать - эсперанто - его угроза разрушения - Международная ассоциация по принятию вспомогательного международного языка - первый шаг, который необходимо сделать.

С тех пор как латынь перестала быть универсальным языком образованных людей, предпринимались попытки заменить ее каким-либо другим средством международного общения. Этот упадок был неизбежен; он был внешним проявлением движения индивидуализма, которое развивало национальные языки и национальные литературы и прорывалось сквозь сдерживающую оболочку авторитарной системы, изложенной на официальном языке. Этот индивидуализм имел самую свободную игру, и мы вряд ли потеряем все, что он нам дал. Однако как только он был достигнут, более выдающиеся духи в каждой стране начали чувствовать необходимость уравновесить его. Можно сказать, что история этого движения началась с Декарта, который в 1629 году написал своему другу Мерсенну, что можно было бы создать искусственный язык, который можно было бы использовать в качестве международного средства общения. Лейбниц, хотя и решил для себя этот вопрос, написав часть своих работ на латыни, а часть - на французском, все же всю жизнь был более или менее занят вопросом универсального языка. Другие выдающиеся люди - Паскаль, Кондильяк, Вольтер, Дидро, Ампер, Якоб Гримм - искали или хотели найти решение этой проблемы. [Однако ни одному из этих великих людей не удалось даже начать попытку решить проблему, которой они занимались.

Однако около сорока лет назад эта проблема вновь стала ощущаться, на этот раз гораздо острее и шире, чем раньше. Распространение торговли, возможность путешествий, разветвленная почтовая служба, развитие новых национальностей и новых литератур наложили на цивилизованные народы чувство бремени и ограничения, которое никогда не могли ощутить их предки в прошлом веке. Кроме того, в мире росло новое чувство солидарности; финансовая и торговая солидарность, благодаря которой любое бедствие или нарушение в одной стране вызывает волну бедствия или нарушения, проходящую по всему цивилизованному миру, дополнялась чувством духовной солидарности. Люди начали осознавать, что задачи цивилизации не могут быть решены иначе, как на основе взаимопонимания и взаимной симпатии между более цивилизованными народами, что каждому народу есть чему поучиться у других народов, и что узы международного общения должны быть, таким образом, более тесными. Это ощущение необходимости международного языка привело в Америке к нескольким серьезным попыткам достичь консенсуса среди ученых относительно международного языка. Так, в 1888 году Философское общество Филадельфии, старейшее из американских научных обществ, по инициативе Бринтона единогласно приняло решение обратиться с письмом к научным обществам всего мира, прося их о сотрудничестве в совершенствовании языка для коммерческих и научных целей, основанного на арийской лексике и грамматике в их простейших формах, и с этой целью предложило провести международный конгресс, первое заседание которого должно состояться в Париже или Лондоне. В том же году Горацио Хейл прочитал доклад на ту же тему в Американской ассоциации содействия развитию науки. Чуть позже, в 1890 году, на заседании той же Ассоциации было вновь предложено рассмотреть вопрос о создании и принятии симметричного и научного языка, провести конгресс, делегаты которого должны быть пропорциональны количеству людей, говорящих на каждом языке.

Однако эти прекрасные предложения, похоже, не принесли особых плодов. Добиться совместных действий научных обществ даже одной нации всегда очень сложно. Таким образом, для отдельных людей остается открытым путь к более легкому, но гораздо менее решительному и удовлетворительному методу изобретения нового языка своими собственными усилиями. За последнее столетие было предложено более сотни таких языков. Самым известным из них, несомненно, является волапюк, который был изобретен в 1880 году Шлейером, немецко-швейцарским священником, знавшим много языков и долго размышлявшим над этой проблемой, но не являвшимся ученым-филологом; фактическое зарождение языка произошло во сне. Волапюк стал едва ли не первой реальной попыткой создания органического языка, способного использоваться для устной передачи мыслей. Несомненно, поэтому он имел большой и повсеместный успех; им активно занимался профессор в Париже, создавались общества по его распространению, на нем издавались журналы и сотни книг; число его приверженцев исчислялось миллионом. Но успех, хотя и блестящий, был недолгим. В 1889 году, когда состоялся третий Волапюкский конгресс, он находился на пике своего успеха, но затем возникли разногласия, и его репутация внезапно рухнула. Теперь на волапюке никто не говорит; его считают отвратительным чудовищем даже те, кто питает самую живую веру в искусственные языки. Его изобретатель пережил свой язык и, как и он сам, был забыт миром, хотя его достижение было реальным шагом к решению проблемы.

Крах "Волапюка" лишил вдумчивых людей надежды на решение проблемы с помощью искусственного языка. Казалось крайне маловероятным, что какой-либо изобретенный язык, тем более созданный без помощи одного разума, когда-либо может быть общепризнанным или достойным всеобщего признания в качестве международного способа общения. Такой

язык не мог бы обладать престижем, необходимым для преодоления огромной инерции, с которой столкнулась бы любая попытка принять его. Изобретенные языки, провидческие замыслы идеалистов, очевидно, не получили поддержки со стороны практических людей. Казалось, что именно среди реальных языков, живых или мертвых, мы могли бы наиболее обоснованно ожидать найти средство общения, которое получило бы широкую поддержку. Трудность заключалась в том, чтобы решить, какой язык следует выбрать.

Русский язык иногда предлагался в качестве универсального языка для международных целей, и можно указать на огромную территорию России, ее растущую мощь и тот факт, что русский является настоящим или официальным языком большего числа людей, чем любой другой язык, кроме английского. Но русский язык так не похож на латинский и тевтонские языки, которыми пользуется большинство европейских народов; он так сложен, так труден в освоении и, кроме того, так лишен лаконичности, что у него никогда не было много восторженных сторонников.

Достоинства и недостатки испанского языка, нашедшего множество восторженных сторонников, носят противоположный характер. Это восхитительно энергичный и благозвучный язык, построенный на прочной фонетической основе, каждая буква которого всегда обозначает определенный звук; грамматика проста и исключительно свободна от нарушений, и это ключ к великой литературе. Биллрот, выдающийся австрийский хирург, выступал за принятие испанского языка; он считал английский язык действительно более подходящим, но, по его мнению, латинским расам так трудно говорить на нелатинских языках, что романский язык необходим, а испанский - самый простой и логичный из романских языков. [237] Кроме того, на нем говорит огромное количество людей в Южной Америке и других странах.

Несколько энтузиастов выступают в защиту греческого языка, подкрепляя свои утверждения тем, что он все еще остается живым языком. Но хотя греческий является ключом к небольшой, но ценной литературе и одним из источников современной речи и научной терминологии, он труден, не приспособлен к современному использованию, и нет достаточных оснований для того, чтобы сделать его международным языком.

Латынь нельзя отвергать так поспешно. В ее пользу говорит тот весомый аргумент, что однажды она уже была признана пригодной для использования в качестве универсального языка. Среди медиков - профессии, наиболее активно заинтересованной в создании универсального языка, - сегодня широко распространено мнение, что латынь должна быть принята, а перед Международным медицинским конгрессом в Риме в 1894 году соответствующую петицию представили около восьмисот врачей Индии. [238] Это, несомненно, восхитительный язык, выразительный, концентрированный, точный. Но есть и серьезные возражения. относительная важность латыни в наши дни очень далека от той, что была тысячу лет назад, поскольку условия полностью изменились. Сейчас нет такого большого влияния, как в былые времена у католической церкви, чтобы навязать латынь, даже если бы она обладала большими преимуществами. А преимущества эти весьма неоднозначны. Латынь - совершенно мертвый язык, и, за исключением вырожденной формы, его ни в коем случае нелегко выучить, поскольку его гений полностью противоположен гению даже тех современных языков, которые наиболее близки к нему. Мир никогда не возвращается на свой собственный путь. Хотя престиж латыни все еще огромен, язык может быть возвращен к жизни только с помощью какой-то широко распространенной двигательной силы; такой силы за латынью больше нет.

Остаются английский и французский, и это, несомненно, два естественных языка, которые чаще всего выдвигаются - даже за пределами Англии и Франции - как имеющие наилучшие претензии на принятие в качестве вспомогательных международных средств общения.

Особенно английский, который многие утверждали около двадцати лет назад не просто как вспомогательный язык будущего, а как универсальный язык, который должен распространиться по всему миру и вытеснить все остальные в результате своего рода выживания сильнейших. Это представление о всеобщем языке сегодня повсеместно считается заблуждением, но в то время многие все еще считали, что в сообществах англосаксонского происхождения существует некая особая репродуктивная активность, которая естественным образом вытеснит все другие народы, причем и народ, и язык рассматривались как наиболее приспособленные к выживанию. [239] Однако английский справедливо считался языком с очень большой силой, на котором говорят огромные общины, обладающие особым энергичным и прогрессивным темпераментом, и обладающие большой силой мирного проникновения в другие земли. Общеизвестно также, что английский язык полностью заслуживает звания одного из первых языков благодаря своей прекрасной способности к мощной экспрессии, и в то же время он в равной степени подходит для рутинных коммерческих целей. Широкое распространение английского языка и его прекрасные качества часто подчеркивались, и нет необходимости останавливаться на них здесь. Решение научных обществ мира использовать английский язык для библиографических целей - это не только дань английской энергии в организации, но и качество языка. Действительно, эти факты широко признаются за рубежом, во Франции и других странах, хотя я уже отмечал, что те, кто предрекает завоевание английского языка, даже если они являются людьми интеллектуального склада и умеют читать по-английски, часто не в состоянии говорить на нем или понимать его в разговорной речи.

Это подводит нас к моменту, который упускают из виду те, кто триумфально заявляет о естественном разрешении этого вопроса путем затопления других языков приливом английской речи. Английский - самый краткий и лаконичный из всех великих языков. Греческий, французский и немецкий - все они более экспансивны, более богаты слогами. Только о латыни можно сказать, что она равна или превосходит английский по концентрации, потому что, хотя латинские слова в среднем длиннее, за счет большего разнообразия они охватывают большее количество английских слов. Эта способность английского языка достигать выразительности с минимальными затратами энергии в письменной речи - одна из главных его претензий на то, чтобы стать преемником латыни в качестве вспомогательного международного языка. Но он не претендует на предпочтение в разговорной речи, в которой экономия энергии перестает быть высшим достоинством, поскольку здесь мы также должны признать достоинства легкой понятности и убедительности. Греческий язык в значительной степени обязан своей восхитительной пригодностью для речи естественному богатству и продолжительности благозвучных слов, которые позволяли говорящему достичь законного выражения своей мысли без пауз и излишних повторений. Французский язык, хотя и не приспособленный для концентрации, как показывают авторы *pensée*, легче всего поддается эффектам, предназначенным для речи, как у Боссюэ, или напоминающим о речи, как у мадам де Севинье в одном направлении литературы или у Ренана в другом. Но в Риме, как мы чувствуем, разговорному языку пришлось преодолевать трудности, и мягко протянутая риторика Цицерона, как бы восхитительна она ни была, едва ли открывает нам гений латинского языка. Непригодность английского языка для речевых целей еще более очевидна, и это снова хорошо видно на примере нашего ораторского искусства. Гладстон был оратором признанного красноречия, но крайняя рыхлость и избыточность, в которую был склонен впадать его язык в попытке

достичь многословия, необходимого для целей разговорной речи, слишком ясно показывает бедность английского языка с этой точки зрения. Эту же тенденцию иллюстрируют и тщетные повторения обычных ораторов. Английский интеллект, при всех его прекрасных качествах, недостаточно проворен для того, чтобы говорящий или слушающий успевал за стремительной краткостью английского языка. Любопытно, что Великобритания занимает первое место в Европе по распространенности заикания; вероятно, язык является одним из факторов этого дурного превосходства, поскольку китайцы, чей язык отличается мощной ритмичностью, никогда не заикаются. Один из авторитетов заявил, что "ни одна нация в цивилизованном мире не говорит на своем языке так отвратительно, как англичане". Вряд ли можно допустить, что эта английская сложность речи является результатом какого-то органического дефекта в нервной системе англичан; в этом вопросе должен быть задействован сам язык. Обсуждая этот вопрос с учеными и другими людьми за рубежом, я обнаружил, что преобладает мнение, что обычно трудно следить за оратором на английском языке. Этот опыт, действительно, можно считать общим. Будучи восхитительно сильным и кратким языком, английский ни в коем случае не является таким адекватным в реальной речи; это не один из языков, который можно услышать на большом расстоянии, и, более того, он поддается в речи стольким сокращениям, которые не используются в письменной речи - стольким "can't", "won't" и "don't", которые подходят для английской неразговорчивости, но искажают и портят английскую речь - что английский, как говорят, почти отличается языка от того, который вызывает восхищение, когда пишут. Таким образом, исключительное использование английского языка в международных целях не было бы выживанием сильнейших, поскольку речь идет о языке для разговорных целей.

Кроме того, следует помнить, что английский не является демократическим языком. Он не является, подобно основным романским и основным тевтонским языкам, практически гомогенным, созданным из одного блока. Он образован смешением двух совершенно непохожих элементов, один из которых аристократический, а другой плебейский. С тех пор как нормандский лорд пришел в Англию, глубокое социальное неравенство укоренилось в самом языке. Во французском языке *b[œ]uf* и *mouton*, *veau* и *porc* всегда были одним и тем же для хозяина и для человека, в поле и на столе; животное никогда не меняло своего плебейского имени на аристократическое, проходя через руки повара. Этот пример характерен для того любопытного следа, который оставило в нашей речи нормандское завоевание, сделавшее для нас гораздо более трудным достижение равенства в социальном общении, чем для французов. Неравенство впечаталось в наш язык, как ни в один другой великий язык. Конечно, с литературной точки зрения, это все выгодно, и было несравненной помощью нашим поэтам в достижении их самых великолепных эффектов, как мы можем видеть на примере огромного словарного запаса Шекспира. Но с точки зрения равного социального общения это богатство языка не просто потеряно, оно катастрофично. Старые феодальные различия все еще сохраняются; "мужчина" все еще говорит на своем "простом англосаксонском", а "джентльмен" - на своей изысканной латинизированной речи. В каждом языке, это правда, есть социальные различия в речи, и в каждом языке есть свой сленг. Но в английском эти различия закреплены в самой структуре языка. В других странах рабочий класс говорит - с небольшой разницей в качестве - на языке, который не нуждается в существенной трансформации, чтобы стать языком общества, который отличается от него скорее по качеству, чем по виду. Но английский рабочий чувствует необходимость переводить свою обычную англосаксонскую речь на иностранные слова латинского происхождения. Образованному человеку в Англии трудно понять ту борьбу, которую ведет необразованный человек, чтобы говорить на языке образованных, хотя неудовлетворительный результат достаточно очевиден. Но мы можем проследить действие аналогичной причины в нерешительности самого образованного человека, когда он

пытается говорить на публике и испытывает неловкость в поисках набора слов, наиболее подходящих для достойных целей.

Большинство из тех, кто рассматривает английский язык как грядущий мировой язык, признают, что для всеобщего использования он потребует усовершенствования. Однако масштабный и фундаментальный характер необходимых изменений не осознается. Трудности английского языка четыре: (1) его особые звуки, которые иностранцам очень трудно научиться произносить, и неопределенность ударения; (2) его нелогичное и хаотичное написание, неизбежно ведущее к путанице в произношении; (3) грамматические нарушения в глаголах и существительных множественного числа; и (4) огромное количество совершенно разных слов, которые почти или совсем одинаковы в произношении. Таким образом, для неопытного пользователя английского языка подготовлено огромное количество абсурдных ловушек. Он должен помнить, что множественное число слова "мышь" - это "mice", а множественное число слова "дом" - это не "hice", что он может говорить о двух своих "сыновьях", но не о двух своих "детях"; он будет неразличимо говорить об "овцах" и "кораблях"; и, подобно малоознакомому с английским языком проповеднику, выбравшему для проповеди известный текст, он не вспомнит, произносится ли "plough" как "pluff" или "plo", [240] и даже фонетическая система правописания сделает еще более запутанной путаницу между такими рядами слов, как "hair", "hare", "heir", "are", "ere" и "eyre". Многие из этих нарушений глубоко укоренились в структуре языка; устранить их было бы чрезвычайно сложной и объемной задачей, и когда эта задача будет решена, язык потеряет большую часть своего характера и вкуса; он будет болезненно конфликтовать с литературным английским.

Таким образом, даже если признать, что английский должен стать международным языком будущего, результат не будет настолько удовлетворительным с британской точки зрения, как это обычно считается. Все остальные цивилизованные страны были бы двуязычными; они обладали бы ключом не только к своей собственной литературе, но и к великой иностранной литературе со всеми новыми горизонтами, которые иностранная литература открывает. Только англоязычные страны были бы обеспечены только одним языком, и у них не было бы стимула овладевать каким-либо другим языком, поскольку никакой другой язык не имел бы для них практической пользы. Все иностранцы могли бы донести до англоговорящего человека любую информацию, которую они сочтут полезной для него. На первый взгляд это кажется выгодой для англоязычных народов, поскольку они, таким образом, будут избавлены от определенной траты энергии; но если немного поразмыслить, то окажется, что такая экономия энергии подобна той, которую получает кишечный паразитический червь, переваривая пищу, поднесенную к его рту. Она ведет к вырождению. Не те люди, чей язык изучается, а те, кто изучает язык, получают выгоду, духовную и материальную. Сейчас в мире торговли признают, что стремление немцев выучить английский язык принесло больше пользы немцам, чем англичанам. Более того, высокий интеллектуальный уровень малых наций в настоящее время во многом объясняется тем, что все их образованные члены должны знать один или два языка помимо своего собственного. Большой недостаток английского ума - замкнутость; достоинство его бурной энергии сопровождается отсутствием понимания различных достоинств других народов. Если бы естественный ход событий привел к исключительному использованию английского языка для международного общения, этот недостаток еще больше бы усилился. Огромная ценность знакомства с иностранным языком заключается в том, что таким образом мы попадаем в новый мир традиций, мыслей и чувств. Прежде чем мы по-настоящему узнаем новый язык, мы должны понять, что слова, которые на первый взгляд кажутся эквивалентными словам нашего родного языка, часто имеют совершенно другую атмосферу, другой ранг или достоинство,

чем те, которые они занимают в нашем родном языке. Именно в познании этой разницы в моральном подтексте языка и его выражении в литературе мы извлекаем реальную пользу из знания иностранного языка. Никакой другой способ - даже проживание в чужой стране, если мы не знаем языка, - не выведет нас из привычного круга наших собственных традиций. Это придает умственную гибкость и эмоциональное сочувствие, которые не может дать никакая другая дисциплина. Постановить, что все неанглоязычные народы должны изучать английский в дополнение к своему родному языку, и сделать практически ненужным для англоговорящих (за исключением небольшого класса студентов) изучение любого другого языка, означало бы предоставить огромную выгоду первой группе народов, удвоив их умственные и эмоциональные способности; это значит сделать вторую группу скованной.

При широком и беспристрастном рассмотрении этого вопроса мы видим, что есть основания полагать, что, хотя английский язык является восхитительным литературным языком (именно на этом основании его всегда восхваляют) и достаточно кратким для коммерческих целей, он ни в коем случае не является адекватным международным языком, особенно для целей устной речи, и, более того, его исключительное использование для этой цели было бы несчастьем для народов, уже использующих его, поскольку они были бы лишены той умственной гибкости и эмоционального сочувствия, которые никакая дисциплина не может дать так хорошо, как знание живого иностранного языка.

Многие, кто осознавал эти трудности, выдвигали французский в качестве вспомогательного международного языка. Совершенно верно, что сила, стоящая за французским языком, сейчас относительно меньше, чем два века назад. [241] В то время Франция благодаря относительно большому населению, традициям военного величия и влиятельному политическому положению могла оказывать огромное влияние; французский был языком интеллекта и общества в Германии, в Англии, в России, в общем, везде. В течение восемнадцатого века внутренняя недобросовестная администрация, катаклизмы революции и, наконец, роковое влияние Наполеона оттолкнули иностранные симпатии, и Франция потеряла свое главенствующее положение. Тем не менее, было резонно замечено, что если для международных целей необходимо использовать естественный язык, то после английского французскому нет достойной альтернативы.

Французский - это язык не науки или торговли, а самой высокой человеческой культуры. Это хорошо организованный язык, способный на самые тонкие оттенки выражения, и это ключ к великой литературе. В большинстве отношений он является самым благоприятным ребенком латыни; он нравится всем, кто говорит на романских языках, и, как заметил Альфонс де Кандоль, испанец и итальянец знают три четверти французского заранее, а каждый, кто выучил латынь, уже знает половину французского. Он лучше приспособлен для разговорных целей, чем, возможно, любой другой язык, претендующий на использование в международных целях, чего и следовало ожидать от языка, на котором говорит народ, преуспевший в ораторском искусстве, обладающий столь широко распространенными драматическими способностями и доведший до высшей точки искусство социального общения.

Париж остается для большинства людей интеллектуальной столицей Европы; французский язык по-прежнему широко используется для общения по всей Европе, в то время как трудности с изучением английского языка, с которыми сталкиваются все, кроме немцев и русских, хорошо известны. Ли Хунг Чанг, как сообщается, сказал, что, хотя по коммерческим причинам английский язык в Китае используется гораздо шире, чем французский, китайцам гораздо легче научиться говорить на французском, и предпочтения китайцев могут однажды сыграть большую роль - в том или ином направлении - в мировом прогрессе. Часто можно

услышать, что использование французского языка в международных целях приходит в упадок; это заблуждение, вероятно, вызванное относительно медленным ростом франкоязычных рас и различными временными политическими причинами. Достаточно взглянуть на крупные международные медицинские конгрессы. Так, на одном из таких конгрессов в Риме, на котором я присутствовал, собралось более шести тысяч членов из сорока двух стран мира, и более двух тысяч из них приняли участие в работе. На этом конгрессе использовались четыре языка (итальянский, французский, немецкий и английский). Просматривая семь больших томов "Сведений", я обнаружил, что пятьдесят девять сообщений были представлены на английском языке, сто и семьдесят одно - на немецком, триста одно - на французском, остальные - на итальянском. Таким образом, соотношение английских и немецких сообщений составляет чуть более одного к трем, а соотношение английских и французских - менее одного к шести. Кроме того, англоязычные члены неизменно (как я полагаю) использовали свой собственный язык, так что эти пятьдесят девять сообщений представляют собой весь вклад англоязычного мира. И не более того; несмотря на огромное распространение английского языка, о котором мы так много слышим, ни один неанглоязычный человек, похоже, не использовал английский. Можно было бы предположить, что такое преобладание французского языка объясняется преобладанием французского элемента, но это отнюдь не так; представителей англоязычной расы значительно больше, чем представителей франкоязычной расы. Но если английские сообщения представляли только англоговорящие страны, а немецкие - в основном немецкоговорящие, то на французском говорили не только представители малых народов Европы, с севера и с юга, русские, большинство представителей турецкой и азиатской расы, но и все мексиканцы и жители Южной Америки. Эти цифры не могут быть абсолютно свободны от заблуждений, вызванных временными причинами колебаний. Но о том, что они достаточно точны, свидетельствуют результаты следующего конгресса, состоявшегося в Москве. Если взять программу отделения психиатрии и нервных болезней, в котором я сам был главным образом заинтересован, то окажется, что из 131 сообщения 80 были на французском языке, 37 на немецком и 14 на английском. Это показывает, что французский, немецкий и английский языки находятся почти в таком же отношении друг к другу, как и в Риме. Другими словами, 61 процент ораторов использовали французский язык, 28 процентов - немецкий и только 11 процентов - английский.

Если мы обратимся к одному из последних Международных медицинских конгрессов, состоявшемуся в Лиссабоне в 1906 году, то обнаружим, что превосходство французского языка не только не ослабевает, но еще более решительно подтверждается. Язык страны, в которой проводился конгресс, исключался, и я обнаружил, что из 666 материалов, представленных на конгрессе, более 84 процентов были на французском языке, едва ли более 8 процентов на английском и менее 7 процентов на немецком. На последующем конгрессе в Будапеште в 1909 году доля французских материалов по отношению к английским составляла три к одному. Аналогичные результаты показали и другие международные конгрессы. Так, на третьем Международном конгрессе по психологии, проходившем в Мюнхене, было четыре официальных языка, и по соображениям локальности большинство сообщений было сделано на немецком; за ним следовали французский - 29, итальянский - 12 и английский - 11. Доктор Вестермарк, который является ярким примером распространения английского языка в международных целях, выступал на немецком. Бесполезно приводить цифры, показывающие плодovitость английской расы; моральные качества расы и ее язык имеют значение, так же как и просто физическая способность к размножению, а моральное влияние французского языка в наши дни намного больше, чем английского. Это, конечно, едва ли справедливое утверждение, учитывая только что приведенные типичные случаи; скорее следует сказать, что как средство разговорного

международного общения в иных, чем коммерческие, целях, английский язык никуда не годится.

Есть еще один момент, который придает престиж французскому языку: его литературное превосходство в современном мире. Если некоторые претендуют на первенство в поэтической литературе для англичан, то нет никаких сомнений в том, что первенство в прозаической литературе современной Европы принадлежит французам. Те, кто выступал за принятие английского или французского языка, считали, что для прогресса человечества будет несомненным преимуществом, если вспомогательными международными языками будущего станут один, а не оба, из двух, обладающих великими литературами и воплощающих культуры, в некоторых отношениях родственные, но в большинстве случаев великолепно дополняющие друг друга. [242]

Крах Волапюка стимулировал энергию тех, кто верил, что решение вопроса лежит в принятии естественного языка. Однако сегодня мало найдется людей, которые после тщательного изучения вопроса считают это решение вероятным или практически осуществимым. [243]

Соображения двух порядков кажутся сейчас решающими в отклонении претензий английского и французского, или, более того, любого другого естественного языка, на принятие в качестве международного языка: (1) Огромное количество особенностей, трудностей и нарушений, делающих необходимым столь революционное изменение для международных целей, что язык будет почти превращен в искусственный язык, и, возможно, даже тогда не вполне удовлетворительный. (2) Чрезвычайное развитие в последние годы малых национальных языков и ревность к иностранным языкам, которую это возрождение вызвало. Этот последний фактор, вероятно, является единственным фатальным для принятия любого живого языка. Едва ли можно оспорить тот факт, что ни английский, ни французский языки не занимают сегодня такого относительно влиятельного положения, какое они занимали когда-то. Движение против использования французского языка в Румании, как вредного для национального языка, свидетельствует о широко распространенном чувстве, а что касается английского, то введение немцами в коммерцию метода обращения к клиентам на их родном языке сделало невозможным прежний английский обычай рассматривать английский как общий язык коммерции.

Естественные языки, как выяснилось, не отвечают тем требованиям, которые должны предъявляться к вспомогательному международному языку. Условия, которые должны быть выполнены, Анна Робертс сформулировала следующим образом: [244]

"Во-первых, словарь, обладающий максимальной интернациональностью в своих корневых словах, по крайней мере, для индоевропейских рас, живущих или граничащих с границами старой Римской империи, чьи словари уже насыщены греческими и латинскими корнями, впитанными за долгие века контакта с греческой и римской цивилизацией. Поскольку центр тяжести мировой цивилизации находится в настоящее время, это представляется наиболее рациональным началом. Такой язык должен обладать:

"Во-вторых, грамматической структурой, лишенной всех нарушений, встречающихся в каждом из существующих языков, и более простой, чем любой из них. Он должен иметь:

"В-третьих, единый, неизменный звук для каждой буквы, никаких немых букв, никаких трудных, сложных, затененных звуков, а простые первичные звуки,

способные объединяться в гармоничные слова, которые будут иметь только одно ударение, никогда не смещающееся.

"В-четвертых, подвижность структуры, способность к выражению сложных идей, но грамматически простыми способами и с помощью слов, которые легко анализируются без словаря".

"В-пятых, он должен быть способен быть не просто литературным языком [245], а разговорным языком, с произношением, которое может быть в совершенстве освоено взрослыми с помощью пособий и при отсутствии учителей устной речи".

"Наконец, как необходимое следствие и дополнение ко всему вышесказанному, этот международный вспомогательный язык, чтобы быть общепользовательным, должен быть очень легким для овладения людьми со средним образованием, и до сих пор не знавшими никакого языка, кроме своего собственного".

Таким образом, была подготовлена почва для благоприятного восприятия нового искусственного языка, который тем временем был разработан. Доктор Заменгоф, русский врач, живший в Варшаве, с юности занимался проектом международного языка, и в 1887 году он изложил на французском языке свою схему нового языка под названием эсперанто. Эта схема привлекла мало внимания; Волапюк был тогда в зените своей карьеры, и когда он пал, его падение дискредитировало все попытки создать искусственный язык. Но, как и волапюк, эсперанто нашел своего великого апостола во Франции. Месье Луи де Бофрон привнес свои высокие способности и огромный энтузиазм в работу по пропаганде, и успех эсперанто в мире в значительной степени приписывается ему. В настоящее время распространение эсперанто грозит сравняться с распространением волапюка. Много лет назад Макс Мюллер, а затем Скит, несмотря на предубеждение филологов в пользу естественных языков, выразили свое одобрение эсперанто, и многие выдающиеся личности, работающие в таких отдаленных сферах, как Толстой и сэр Уильям Рамзи, с тех пор выразили свое одобрение и симпатию. Конгрессы эсперанто проводятся регулярно, общества эсперанто и консульства эсперанто созданы во многих частях света, на эсперанто издается огромное количество книг и журналов, на него переведены некоторые классики мировой литературы.

Общепризнанно, что эсперанто представляет собой большой прогресс по сравнению с волапюком. Однако уже есть признаки того, что эсперанто приближается к кульминации своей репутации и что, возможно, его изобретатель разделит судьбу изобретателя волапюка и переживет свой собственный язык. Самая серьезная атака на эсперанто исходит изнутри. Самые умные эсперантисты осознали слабость и недостатки своего языка (в какой-то мере обусловленные неизбежными славянскими наклонностями его изобретателя) и требуют радикальных реформ, которым консервативная партия сопротивляется. Даже М. де Бофрон, которому он во многом обязан своим успехом, отказался от примитивного эсперанто, а различные ученые с большим авторитетом в нескольких странах теперь выступают за замену эсперанто усовершенствованным языком, основанным на нем и называемым идо. Профессор Лоренц, один из сторонников идо, признает, что эсперанто показал возможность синтетического языка, но определенно заявляет, что "согласно согласным показаниям всех непредвзятых мнений" эсперанто ни в коем случае не представляет собой окончательного решения проблемы. Это новое движение воплотилось в Делегации за принятие международного вспомогательного языка, основанной в Париже во время Международной выставки в 1900 году различными выдающимися литераторами и учеными и имеющей штаб-квартиру в Париже. Делегация считает, что проблема требует чисто научного и технического решения, и утверждает, что 40 процентов стеблей идо являются общими для шести языков:

немецкому, английскому, французскому, итальянскому, русскому и испанскому. Судя по всему, Делегация подошла к вопросу достаточно непредвзято, и только после изучения предмета они пришли к выводу, что эсперанто содержит достаточное количество хороших качеств, чтобы стать основой для работы. [246]

Общая программа Делегации заключается в том, что (1) необходим вспомогательный международный язык, приспособленный для письменного и устного общения между людьми с разными родными языками; (2) этот язык должен быть способен обслуживать потребности науки, повседневной жизни, торговли и общего общения и должен быть такого характера, чтобы его могли легко выучить люди со средним начальным образованием, особенно цивилизованные европейцы; (3) решение должно оставаться за Международной ассоциацией академий и, в случае их отказа, за Комитетом Делегации. [247]

Делегация стремится провести официальный международный конгресс, который либо сам, либо с помощью надлежащим образом назначенных экспертов установит международный и официально признанный вспомогательный язык. Главным шагом в этом направлении стало создание в Берне в 1911 году международной ассоциации, целью которой является принятие немедленных мер по постановке этого вопроса перед правительствами Европы. Ассоциация обязуется соблюдать строгий нейтралитет в отношении выбранного языка.

Таким образом, весь вопрос ставится на более прочную основу, чем до сих пор. Международный язык будущего не может и не должен быть решен одним человеком, стремящимся навязать миру свое собственное изобретение. Это не вопрос для рьяной пропаганды почти религиозного характера. Поспешное и преждевременное принятие какого-либо языка, изобретенного частным образом, лишь тормозит прогресс. Ни один человек не может решить этот вопрос самостоятельно. Нам необходимо спокойное изучение и обсуждение между нациями и классами, которых это касается в первую очередь, действующими через аккредитованных представителей своих правительств и других профессиональных организаций. Ничто не может быть сделано эффективно до тех пор, пока давление общественного мнения не пробудит правительства и научные общества к необходимости действий. Вопрос о международном арбитраже приобрел практическое значение; вопрос о международном языке должен идти рука об руку с вопросом о международном арбитраже. Они тесно связаны между собой и оба одинаково необходимы.

Хотя образовательные, торговые и официальные преимущества вспомогательного международного языка очевидны, мне кажется, что с точки зрения социальной гигиены существуют, по крайней мере, три интереса, которые особенно и глубоко затрагиваются при решении этого вопроса.

Первый и главный - это интересы международной демократии в ее стремлении достичь взаимопонимания по вопросам труда. Этот вопрос не может быть решен до тех пор, пока не получит широкого распространения более простой способ личного общения. Этот вопрос время от времени уже выносился на рассмотрение международных рабочих конгрессов, и те, кто посещает такие конгрессы, несомненно, имели возможность осознать, насколько он важен. Возможно, это один из главных факторов сравнительной неудачи таких конгрессов до сих пор.

Наука представляет собой второй большой интерес, который проявляет активную заинтересованность в решении этого вопроса. Проследить любое направление научных исследований - уже достаточно гигантская работа из-за отсутствия надлежащей библиографической организации; она становится почти непреодолимой теперь, когда поиск должен охватывать по крайней мере полдюжины языков, и все еще оставляет искателя

незнакомцем с важными исследованиями, которые появляются на русском и японском, и скоро появятся на других языках. Сэр Майкл Фостер однажды нарисовал юмористическую картину бедствий физиолога, вызванных этими причинами. В других областях - особенно в многочисленных отраслях антропологических исследований, о чем я сам могу свидетельствовать, - работникам приходится еще хуже, чем физиологам. В настоящее время наука сосредотачивает свои силы на организации библиографии, но время от времени этому вопросу о международном языке уделяется большое внимание, и, вероятно, в скором времени он выйдет на передний план.

Медицинская профессия также практически заинтересована в этом вопросе; до сих пор она проявляла более живой интерес к усилиям по обеспечению международного языка, чем чистая наука. Очень важно, чтобы новые открытия и методы в медицине и гигиене были доступны сразу же; в то время как область медицины, которая в настоящее время чрезвычайно расширилась, полна больших вопросов, которые могут быть решены только путем международного сотрудничества на международной основе. Ответственность за пропаганду ряда мер, влияющих на благосостояние общества, лежит, прежде всего, на медицинской профессии; но никакое общее согласие невозможно без полных возможностей для обсуждения на международной сессии. Это было общепризнанно; отсюда и многочисленные попытки организаторов международных медицинских конгрессов настоять на едином языке. Я уже отмечал, насколько масштабными и активными были эти конгрессы. И все же нельзя сказать, что достигнуты результаты, соизмеримые с мировым характером таких конгрессов. Отчасти это объясняется тем, что организаторы международных конгрессов еще не поняли, каковы должны быть рамки таких конференций и на что они могут с полным правом рассчитывать; но в значительной степени это объясняется тем, что не существует международного метода общения, и, за исключением нескольких опытных космополитов, не происходит подлинно международного обмена мнениями. Это возможно только тогда, когда у нас будет действительно общий и привычный метод общения.

Эти три интереса - демократический, научный, медицинский - в настоящее время представляются теми, кто в первую очередь заинтересован в том, чтобы поставить этот вопрос на определенную основу, и очень хотелось бы, чтобы они пришли к какому-то общему соглашению. Они представляют три чрезвычайно важных вида социальной и интеллектуальной деятельности, и прогресс каждой нации связан с международным прогрессом, естественными пионерами которого они сейчас являются. Нельзя слишком часто повторять, что прошел тот день, когда любой прогресс, достойный этого названия, мог быть чисто национальным. Все наиболее важные вопросы национального прогресса имеют тенденцию сливаться с международными вопросами. Но прежде чем любой вопрос международного прогресса сможет привести к чему-то, кроме шумной путаницы, нам нужен признанный способ международной разведки и связи. Вот почему вопрос о вспомогательном международном языке представляет актуальный и жизненный интерес для всех, кто озабочен задачами социальной гигиены.

ВОПРОС О МЕЖДУНАРОДНОЙ ЧЕКАНКЕ МОНЕТ

Следует помнить, что международный вспомогательный язык является органической частью более широкой интернационализации, которая неизбежно должна произойти и уже происходит. Двумя связанными между собой мерами интернационализации являются международная система почтовых марок и международная чеканка монет, к которым можно добавить международную систему мер и весов, которая, похоже, уже находится в процессе урегулирования благодаря все более широкому принятию метрической системы. Введение

обменного купона международной марки представляет собой начало подлинно международной почтовой системы; но это только начало. Если бы полностью развитая международная почтовая система попутно избавила некоторые народы, и особенно англичан, от удручающе уродливых почтовых марок, которыми они сейчас вынуждены пользоваться, эта реформа имела бы дополнительное преимущество, почти такое же большое, как и ее практическая польза. Международная чеканка - это опять же первостепенная необходимость, которая будет иметь огромные коммерческие преимущества в дополнение к большой экономии проблем, которые она принесет. Прогресс цивилизации уже работает над созданием международной чеканки. В интересной статье на эту тему ("Международная чеканка", *Popular Science Monthly*, March, 1910) Т.Ф. ван Вагенен пишет: "Каждая на своем пути, великие торговые нации современности бессознательно участвуют в этой задаче. Английский шиллинг движется на север от мыса Доброй Надежды, уже соприкоснулся с немецкой маркой и португальской песетой, которые были введены как на восточной, так и на западной стороне континента, и в свое время встретится с французским франком и итальянской лирой, идущими на юг от берегов Средиземного моря. В Азии индийская рупия, российский рубль, японская иена и американо-филиппинские монеты уже соревнуются за покровительство малайцев и китайцев. В Южной Америке ни американские, ни европейские монеты не имеют никакой опоры, латиноамериканские нации хорошо обеспечены собственными системами, все из которых более или менее тесно связаны с чеканкой Мексики или Португалии. Таким образом, очевидно эволюционная задача продвижения цивилизации в необразованные части мира посредством торговли так же сильно затруднена различными монетами, предлагаемыми варварам, как и усилия евангелистов по внедрению христианства благодаря существованию различных деноминаций и вероисповеданий. Церковь начинает осознавать расточительность своих усилий и пытается свести их к минимуму, объединяя деноминации, целью которых является стандартизация христианства, так сказать, сведение догматов и вероучений к минимально возможным терминам. Коммерция должна сделать то же самое. Монеты белого человека должны быть стандартизированы и упрощены..... Международная монета появится в сравнительно скором времени, как и международная почтовая марка, которая, кстати, очень нужна. На ней будут настаивать высшие классы всех стран, люди, которые путешествуют и вынуждены терпеть неудобства и потери, меняя свои деньги на каждой границе, банкиры и международные торговцы, которым приходится обременять свои счета колебаниями обменных пунктов между коммерческими центрами. Все европейские нации, за исключением России и Турции, готовы к переменам, и когда они достигнут стадии настоящего конституционализма в своем продвижении вверх, они будут вынуждены последовать за ними, будучи уже в глубоком долгу перед французами, англичанами и немцами. Можно рассчитывать, что Япония мгновенно согласится на любую единицу, согласованную с остальным цивилизованным миром".

Этот автор указывает на то, что открытие нецивилизованных частей мира для торговли само по себе сделает международную чеканку абсолютно необходимой.

Однако, не вводя действительно новой системы, можно было бы ввести вспомогательную международную денежную систему (соответствующую вспомогательному международному языку) в качестве средства обмена, не вмешиваясь в существующие монеты различных наций. Рене де Соссюр (пишет в "*Женевском журнале*" в 1907 году) настаивает на огромном преимуществе такой системы "*monnaie de compte*", которая позволила бы устранить бремя, налагаемое на все международные финансовые отношения разнообразием денежных ценностей. Он утверждает, что наилучшей точкой объединения будет золотой кусок в восемь граммов - почти точно эквивалентный одному фунту стерлингов, двадцати маркам, пяти

долларам и двадцати пяти франкам - фактически отличающийся от стоимости фунта стерлингов всего на одну треть пенни. Для подразделений точка соединения должна быть десятикратно разделена, и М. де Соссюр дал бы название *speso* десяти тысячной части золотой монеты".

[236] История усилий по достижению универсального языка была написана Кутюра и Лео, *Histoire de la Langue Universelle*, 1903.

[237] Выдающийся французский врач, доктор Солье, в своем выступлении на Лиссабонском международном медицинском конгрессе "Вопрос о международном вспомогательном языке" в 1906 году, выступая за принятие одного из существующих романских языков, сказал: "Испанский - самый простой из всех и самый легкий, и если бы он был выбран для этой цели, я бы первым принял его".

[238] Один выдающийся английский ученый даже заявил, что латынь иногда легче для англичан, чем их собственный язык. "Я знал англичан, которым можно было доверить написать более внятный трактат, возможно, даже произнести более ясную речь на латыни, чем на английском", - говорит доктор Миерс, директор Лондонского университета (*Lancet*, 7 октября 1911 г.), и добавляет: "Вполне серьезно, я думаю, что некоторую часть причины следует искать в сложности нашего языка, и многие образованные люди теряются в его хитросплетениях, так же как и в его написании". Не ставя под сомнение факт, я, однако, рискну усомниться в таком его объяснении.

[239] Так, в одной из статей о растущем распространении английского языка по всему миру (*Macmillan's Magazine*, март, 1892) мы читаем: "Английский практически наверняка станет языком всего мира..... Речь Шекспира и Мильтона, Драйдена и Свифта, Байрона и Вордсворта станет, в таком смысле, в каком не был ни один другой язык, речью всего мира". В наши дни мы не встречаемся с такими дикими заявлениями.

[240] Камни преткновения для иностранца, которые представляют английские слова на "ough", часто упоминались, и они ясно изложены в стихах, в которых мистер К.Б. Лумис попытался представить опыт французского ученика - и в то же время показать преступные импульсы, которые эти нарушения пробуждают в ученике.

"Меня учат, что p-l-o-u-g-h должно произноситься как "плуг", "Это легко, когда знаешь", - говорю я, - "Mon Anglais, я справлюсь".

"Мой учитель говорит, что в данном случае O-u-g-h - это "oo", а я смеюсь и говорю ему: "Zees Anglais заставляет меня кашлять".

"Он говорит: "Не ку-ку, но в этом слове O-u-g-h - это "off", "O, *sacre bleu*! Такие разнообразные звуки слов заставляют меня икать!

Он говорит: "Опять друг ошибается! O-u-g-h - это "up", In hiccough," Zen I cry, "No more, You make my throat feel rough,

"Нет! Нет!" - кричит он, - "Ты не прав - O-y-g-h - это "уфф"". Я говорю: "Я пытаюсь произносить ваши слова, но не могу произнести их".

"Со временем ты научишься, но сейчас ты не прав, O-u-g-h - это "owe"". Я больше не буду пытаться. Я сойду с ума, я утоплюсь в озере!

"Но пока ты не утопился, - сказал он, - О-u-g-h - это "оск"". Он больше не учил! Я схватил его и убил грубым ударом!"

[241] Интересно вспомнить, что в какой-то период европейской истории французский язык, казалось, мог поглотить английский и таким образом приобрести, в дополнение к своей собственной двигательной силе, всю ту двигательную силу, которая сейчас стоит за английским. Когда норманны - энергичный народ скандинавского происхождения, говорящий на романском языке и потому хорошо приспособленный для выполнения гармонизирующей задачи такого рода - заняли оба берега Ла-Манша, казалось вероятным, что они будут доминировать в речи как Англии, так и Франции. "В то время, - говорит Мерей (*La Vie aux Temps des Cours d'Amour*, р. 367), выдвигающий эту точку зрения, - жители двух берегов Ла-Манша были ближе по обычаям и речи, чем в течение долгого времени французы на противоположных берегах Луары..... Влиятельная часть английской нации и все жители ее южных регионов говорили на *романском языке* севера Франции. В крестовых походах рыцари двух народов часто смешивались, и их встречали как франков, куда бы ни заводил их дух авантюризма. Если бы Эдуард III, желая разжечь антагонизм, который служил его собственным целям, не разорвал эту языковую связь, два народа, возможно, были бы объединены сегодня в одинаковых усилиях прогресса и освобождения..... Какого прекрасного инструмента культуры и прогресса не лишил цивилизацию этот роковой указ Эдуарда III!"

[242] В свое время (*Progressive Review*, апрель, 1897) я склонялся к мысли, что принятие английского и французского в качестве совместных вспомогательных международных языков - первого для письма, второго для разговора - могло бы решить проблему. С тех пор я признал, что такое решение, каким бы выгодным оно ни было для человеческой культуры, сопряжено со многими трудностями и совершенно неосуществимо.

[243] Я могу сослаться на три статьи, которые появились в последние годы в журнале "*Popular Science Monthly*": Анна Монш Робертс, "Проблема международной речи" (февраль, 1908); Айви Келлерман, "Необходимость международного языка" (сентябрь, 1909); Альберт Леон Герард, "Английский как международный язык" (октябрь, 1911). Все эти авторы отвергают как неосуществимое принятие английского или французского в качестве вспомогательного международного языка и с большей симпатией относятся к принятию искусственного языка, такого как эсперанто.

[244] A.M. Roberts, *op. cit.*

[245] Следует, однако, добавить, что вспомогательный язык не обязательно должен использоваться в качестве средства литературного искусства, и, как указывает Пфаундлер, было бы ошибкой переводить на такой язык стихи.

[246] См. книгу "*Международный язык и наука*", 1910, написанную Кутуратом, Йесперсеном, Лоренцем, Оствальдом, Пфаундлером и Доннаном, пятью профессорами, живущими в пяти разных странах.

[247] Прогресс движения отражен в его официальном журнале "*Прогресо*", редактируемом Кутуратом, и в журнале Де Бофрона "*Вспомогательный язык*".

ИНДИВИДУАЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ

Социальная гигиена в связи с предполагаемым противостоянием социализма и индивидуализма - Две партии в политике - Отношение консерватизма и радикализма к социализму и индивидуализму - Основа социализма - Основа индивидуализма - Кажущееся противостояние между социализмом и индивидуализмом - просто разделение труда - И социализм, и индивидуализм одинаково необходимы. Социализм и индивидуализм одинаково необходимы - не только необходимы, но и неотъемлемы друг от друга - Конфликт между сторонниками экологии и наследственности - Новое воплощение предполагаемого конфликта между социализмом и индивидуализмом - Место евгеники - Социальная гигиена в конечном итоге едина с гигиеной души - Функция утопий.

Противоречие между индивидуализмом и социализмом, притязания личности против притязаний коллективного сообщества, имеет древнюю историю. Тем не менее, он всегда нов и постоянно представляется заново. Кажется, что он даже обостряется по мере развития цивилизации. Каждая схема социальной реформы, каждое мощное проявление индивидуальной энергии заново поднимают проблему, которая никогда не устареет.

Действительно, неизбежно, что с развитием социальной гигиены в течение последних ста лет должно было развиваться и радикальное противостояние мнений относительно методов, с помощью которых эта гигиена должна быть достигнута. Такая оппозиция всегда существовала в политической сфере; естественно, что она возникла и в социальной сфере. Сам факт, что старомодная политика все больше и больше превращается в вопросы социальной гигиены, обеспечивает сохранение такой оппозиции.

В политике, особенно в политике конституционных стран, к которым относится Англия, обычно существуют две партии. Есть партия, которая придерживается традиции, установленного порядка и солидарности, сохранения древней иерархической структуры общества, и в целом отличается предпочтением старого перед новым. С другой стороны, есть партия, которая настаивает на прогрессе, на свободе, на разумных требованиях личности, на приспособлении принятого порядка к меняющимся условиям, и в целом отличается предпочтением нового перед старым. Первую можно назвать партией структуры, а вторую - партией функции. В Англии мы знаем приверженцев одной партии как консерваторов, а другой - как либералов или радикалов.

Со временем, правда, эти нормальные различия между партией структуры и партией функции имеют тенденцию к некоторому запутыванию; и именно переход политики в социальную сферу имеет тенденцию вносить путаницу. В условиях политической системы, которая в конечном счете исходит из общества с феодальной основой, нормальное отношение политических партий сохраняется надолго. Партия структуры, Консервативная партия, придерживается древних феодальных идеалов, которые на самом деле, в широком смысле, социалистические, хотя социализм, основанный на фундаменте установленного неравенства, и так совершенно не похож на демократический социализм, провозглашаемый сегодня. Партия функций, либеральная партия, настаивает на разрушении этого структурного социализма в соответствии с новыми потребностями прогрессивной цивилизации. Но когда феодализм остался далеко позади, а многие из изменений, введенных либерализмом, стали частью социальной структуры, они попадают под защиту консерваторов, которые борются против новых либеральных нововведений. Таким образом, линии разграничения становятся нечеткими.

В политике социальной гигиены присутствуют те же два фактора: партия структуры и партия функции. По своей природе и в своем противостоянии друг другу они соответствуют двум партиям в старом политическом поле. Но они изменили свой характер и свои названия: партия структуры здесь - социализм или коллективизм, [248] партия функции - индивидуализм. [249] И если Тори, консерватор ранних времен, был связан с коллективизмом, а Уиг, либерал ранних времен, с индивидуализмом, то это соответствие перестало быть неизменным из-за путаницы, в которой старые политические партии теперь меняют свои позиции. Таким образом, мы можем видеть либерала, который является коллективистом, когда коллективистские меры могут включать в себя инновации, чтобы обеспечить приспособление к новым потребностям, что является сутью либерализма, и мы можем видеть консерватора, который является индивидуалистом, когда индивидуализм включает в себя поддержание существующего порядка, что является сутью консерватизма. Независимо от того, является ли человек консерватором или либералом, он может склоняться либо к социализму, либо к индивидуализму, не порывая со своей политической традицией. Поэтому невозможно привнести какую-либо политическую враждебность в фундаментальный антагонизм между индивидуализмом и социализмом, который преобладает в сфере социальной гигиены.

Мы не можем надеяться ясно увидеть серьезные проблемы, связанные с фундаментальным антагонизмом между социализмом и индивидуализмом, пока не поймем, на чем каждый из них основан и к чему он стремится.

Когда мы пытаемся выяснить, почему социалистический идеал так сильно притягивает человеческий разум и почему он постоянно ищет новые способы практического воплощения, мы не можем не понять, что в конечном итоге он исходит из первобытной потребности во взаимопомощи, потребности, которая ощущалась задолго до появления человечества. [250] Если же придерживаться традиций наших млекопитающих, то можно сказать, что самым ранним социалистическим сообществом является семья, с ее триединством отца, матери и ребенка. Первобытная семья представляет собой группу, которая обусловлена потребностями каждого члена. Каждый индивид подчинен целому. Младенец нуждается в матери, а мать - в младенце; оба они нуждаются в отце, а отец - в обоих для полного удовлетворения собственной деятельности. В социальном и экономическом плане эта примитивная группа представляет собой единое целое, и если бы она распалась на отдельные части, то погибла бы.

Как бы мы ни умножали нашу социальную единицу, как бы ни расширяли и ни детализировали ее, как бы ни жонглировали результатами, мы не можем скрыть существенный факт. В центре каждой социальной агломерации, сколь бы велика она ни была, сколь бы мала ни была, лежит социальная ячейка семьи, каждый индивид которой сам по себе либо не способен жить, либо не способен воспроизводиться, то есть не способен удовлетворить две фундаментальные потребности - голод и любовь.

Есть немало людей, которые, хотя и готовы признать, что семья - это в некотором смысле составная ячейка общества, в которой каждая часть нуждается в других частях, так что все они взаимно связаны, стремятся провести твердую линию различия между семьей и обществом. Семейная жизнь, заявляют они, не является непримиримой с индивидуализмом; это всего лишь *un égoïsme à trois*. Однако трудно понять, как можно провести такое разграничение, независимо от того, рассматриваем ли мы этот вопрос теоретически или практически. Например, в такой маленькой стране, как Великобритания, каждый англичанин (за исключением новых иммигрантов) состоит в кровном родстве с каждым другим англичанином, и это стало бы ясно, если бы каждый человек знал свою родословную на

тысячу лет назад. Если вспомнить, что каждый народ подвергался нашествиям, военным или мирным, из соседних земель, и, по сути, изначально формировался именно так, поскольку ни один народ не возник из почвы своей собственной земли, мы должны признать, что сами народы образуют одну семью, связанную кровным родством.

Наша генеалогическая связь с братьями слишком далека и обширна, чтобы волновать нас в практическом и сентиментальном плане, хотя хорошо, что мы должны это осознавать. Если отбросить это, то все равно нужно помнить, что наши реальные потребности в ближних не отличить от взаимных потребностей членов самой маленькой социальной ячейки - семьи.

На практике человек беспомощен. Из всех животных человек наиболее беспомощен, когда предоставлен самому себе. В течение всего своего долгого младенчества он вынужден постоянно заботиться о других. Он зависит от усилий других людей в поисках крова и одежды, в то время как другие заняты приготовлением его пищи и доставкой ее со всех концов света. Даже если мы ограничимся самыми элементарными потребностями умеренно цивилизованного существования, или даже если наши потребности будут соответствовать потребностям идиота в приюте, все равно на каждого из нас приходится буквально миллионы людей, которые с утра до вечера тратят лучшие силы своей жизни и, возможно, получают взамен совсем немного. Элементарная потребность человека в чистой воде для питья в городской цивилизации может быть удовлетворена только организованными социальными усилиями. Гигантские акведуки, построенные римлянами, - это ранние памятники социальной активности, типичные для всех остальных. Первичные потребности отдельного человека могут быть обеспечены только огромными и высокоорганизованными социальными усилиями. Чем сложнее становится цивилизация и чем многочисленнее становятся индивидуальные потребности, тем более продуманным и высокоорганизованным становится социальный ответ на эти потребности. Человек настолько зависит от общества, что нуждается не только в активной работе других людей, но даже в их пассивном добром мнении, и если он этого лишается, то становится неудачником, банкротом, нищим, сумасшедшим, преступником, и реакция общества против него может привести к изоляции, а то и к полному вытеснению из жизни. Индивид настолько зависит от общества, что старая идея стоиков, поддержанная святым Павлом и так часто возрождаемая в более поздние времена (например, Шеффле, Лилиенфельдом и Рене Вормсом), о том, что общество - это организм, в котором индивиды являются лишь клетками, зависящими в своей значимости от целого, к которому они принадлежат, всегда была правдоподобна. Подобно тому как животное, как называл его метафизик Гегель, "нация", а физиолог Даресте - "город", состоит из клеток, которые являются индивидами, имеющими общего предка, так и реальная нация, реальный город - это животное, состоящее из индивидов, которые являются клетками, имеющими общего предка, или, как давно выразился Окен, индивиды - это органы целого. [251] Человек - социальное животное, находящееся в постоянном действии и реакции со всеми своими братьями по одной и той же группе - группе, которая становится все более многочисленной по мере развития цивилизации, - и социализм является лишь формальным выражением этого конечного социального факта. [252]

Есть божество, которое ограждает некоторые слова. Священный ужас предостерегает профанов от них, как от чего-то, что может ослепить смотрящего. На самом деле так оно и есть, и даже ясновидящий человек может быть ослеплен таким словом. Ни одно из этих слов не является более типичным, чем слово "социализм". Не так давно один видный общественный деятель, обладающий высоким интеллектом, но, очевидно, подверженный устрашающему влиянию слов, отправился в Глазго, чтобы выступить с речью о социальной реформе. Он предостерегал своих слушателей от социализма и говорил, что, хотя о нем так

много говорят, он не продвинулся ни на дюйм; практического социализма или коллективизма не наблюдается вообще. При этом, как отметили некоторые слушатели, он произнес свою речь в зале, принадлежащем муниципалитету, освещенном муниципальными фонарями, перед аудиторией, которая в основном прибыла в муниципальных трамваях, ехавших по улицам, принадлежащим, обслуживаемым и охраняемым муниципалитетом. Эта аудитория в большинстве своем обучалась в государственных школах, в которых их дети сегодня могут получить не только бесплатное образование и бесплатные книги, но и, в случае необходимости, бесплатное питание, а также бесплатный медицинский осмотр и лечение. Более того, члены этой же аудитории, уверенные в несуществовании социализма, имеют право на бесплатное лечение в муниципальной больнице, если их настигнет инфекционная болезнь; муниципалитет бесплатно предоставляет им концерты и картинные галереи, поля для гольфа и плавательные пруды; и, наконец, в старости, если они имеют соответствующее право, они получают государственную пенсию. Все эти меры носят социалистический характер, а социализм - это не более и не менее чем сложная сеть подобных мер; социалистическое государство, как говорят некоторые, - это просто большая национальная кооперативная ассоциация, в которой правительство является управляющим советом.

Некоторые, кто отрицает всякую тенденцию к социализму, говорят, что они хотят не государственного владения средствами производства, а государственного регулирования. Пусть государство в интересах общества держит под жестким контролем индивидуалистическую эксплуатацию капитала, пусть оно облагает капитал налогами в той мере, в какой это желательно в интересах общества. Но за пределами этого капитал, как и земля, священен. Предполагаемое таким образом различие, однако, не является действительным. Люди, которые проводят такое различие, часто являются энтузиастами, выступающими за увеличение военно-морского флота и более мощную армию. Однако они могут быть обеспечены только за счет налогов, а каждый налог в демократическом государстве - это социалистическая мера, предполагающая коллективное владение доходами, независимо от того, идут ли они на производство пушек или плавательных ванн. Каждый шаг в регулировании промышленности предполагает права общества на индивидуалистическое производство, а значит, является социалистическим. Речь идет о меньшем или большем, но кроме этих двух направлений, в практических делах мира нет социализма, с которым можно было бы считаться. Революционный социализм догматически-систематической школы Карла Маркса, который хотел одним махом преобразовать общество, захватив и централизовав все средства производства, теперь может считаться мечтой. Он никогда не приживался в англоязычных странах, хотя его с неутомимым терпением пропагандировали такие сильные умом и характером люди, как мистер Хайндман и Уильям Моррис. Даже в Германии, стране ее зарождения, почти все ее старые непримиримые лидеры умерли, и сейчас она медленно, но неуклонно теряет влияние, уступая место более современному и практичному социализму.

Социализм - это не жесткая экономическая теория, не вероучение узкой секты, а то, что мы имеем с ним дело сегодня и в будущем. В широком смысле это название, которое охватывает все виды деятельности - сначала инстинктивные, затем организованные, - вытекающие из того фундаментального факта, что человек - социальное животное. В более точном смысле оно обозначает различные упорядоченные меры, принимаемые группами людей - будь то государства или муниципалитеты - для коллективного удовлетворения определенных потребностей людей, составляющих эту группу. Вот вам и социализм.

У индивидуалистов совсем другая история. С точки зрения индивидуализма, какой бы сложной ни была структура общества, которое вы возводите, оно, в конце концов, может быть построено только из индивидуумов, и вся его ценность должна зависеть от качества этих индивидуумов. Если они не развиты в полной мере и не закалены высокой ответственностью и вечной борьбой, все общественные усилия бесплодны, они просто низводят индивида до беспомощного положения паразита. Человек рождается один; он должен умереть один; его самые глубокие страсти, его самые изысканные вкусы - личные; ни в этом мире, ни в каком-либо другом вся деятельность общества не может быть достаточной для спасения его души. Таким образом, человек должен нести свое собственное бремя, ибо только при этом крепнут мышцы его тела и обостряется энергия его духа. Только благодаря качествам индивидуума работа становится здоровой, а инициатива - возможной. Вся торговля и коммерция, все практические дела жизни зависят в своем успехе от личных способностей отдельных людей. [253] Так обстоит дело не только в повседневных делах жизни, но и на высших планах интеллектуальной и духовной жизни. Карлайл называл высших великих людей расы "героями", Эмерсон - "представительными людьми", но, в равной степени и под менее, и под более демократичным термином, это всегда личности, стоящие в стороне от общества, часто в жестокой оппозиции к нему, хотя в конце концов они всегда побеждали. Когда кто-либо из великих людей в одиночку противостоял миру, мир всегда проигрывал. Самый сильный человек, как утверждал Ибсен в своем *"Враге народа"*, - это тот, кто больше всего стоит в одиночестве. "Тот будет величайшим, - говорит Ницше в *"По ту сторону добра и зла"*, - кто может быть наиболее одиноким, наиболее скрытым, наиболее расходящимся". Каждый великий и жизненно организованный человек враждебен жесткой и узкой рутине социальных условностей, установленных законом или мнением; они должны быть всегда нарушены, чтобы соответствовать его жизненным потребностям. Поэтому чем больше мы умножаем эти социальные правила, чем больше нитей вплетаем в социальную паутину, чем теснее переплетаем их, тем больше мы препятствуем производству великих и жизненно организованных личностей и тем больше мы подвергаем общество разрушению от рук таких личностей.

В основе социализма лежит утверждение, что общество стоит на первом месте и что индивидуумы бесконечно склонны к образованию своего места в обществе. Социализм унаследовал максиму, которую Руссо, бескомпромиссный индивидуалист, поставил во главу угла своего *"Общественного договора"*: "Человек рождается свободным, а повсюду он в цепях". Ничего не остается делать, как сбросить цепи и организовать общество на социальной основе. Люди не являются теми или иными; они такие, какими их сделали. Создайте правильные социальные условия, говорит убежденный социалист, и люди станут такими, какими мы их захотим видеть. Не только бедность, но и болезни, сумасшествие, проституция, преступность - все это результаты плохих социальных и экономических условий. Создайте правильную среду, и вы сделаете все, что нужно. В какой-то степени это действительно так. Но индивидуалист настаивает на том, что существуют определенные пределы ее истинности. Даже в самой благоприятной среде можно обнаружить почти все болезни, которые социалист стремится устранить. Это неизбежно, заявляет индивидуалист, потому что мы появляемся не из окружающей среды, а из наших предков. Против акцента на окружающей среде индивидуалист делает акцент на установленных фактах наследственности. Важен сам человек, и хорошо это или плохо, но свою судьбу он приносит с собой при рождении. Обеспечьте производство здоровых индивидуумов, и вы сможете свести на нет влияние окружающей среды. Вы добьетесь результатов, несравненно лучших, чем те, на которые может рассчитывать даже самая тщательная забота об окружающей среде.

Такова позиция социализма и индивидуализма. Насколько я могу судить, оба они абсолютно правы. Не ясно даже, что они действительно противоположны; ведь, как это бывает в любой области, в то время как утверждения каждого из них обоснованы, их отрицания несостоятельны. Конечно, по каждой линии мы можем дойти до абсурда. Индивидуализм Макса Штирнера находится недалеко от предельной границы здравого смысла, а возможно, даже по ту сторону ее; [254] в то время как социализм общины Онейда предполагает самоподчинение, которого было бы глупо ожидать от большинства мужчин и женщин. Но между социализмом и индивидуализмом существует идеальное разделение труда. Мы не можем иметь слишком много ни того, ни другого. Нужно только помнить, что сфера деятельности каждого из них различна. Никому не нужен индивидуализм в водоснабжении, и никому не нужен социализм в религии. Все человеческие дела относятся к области социализма или индивидуализма, и каждое из них может быть доведено до крайности. [255]

Однако так уж сложилось, что возможности человеческого мозга ограничены, и один мозг не создан для того, чтобы вместе идею социализма и идею индивидуализма. Обычные люди, правда, не испытывают никаких практических трудностей в том, чтобы действовать одновременно в соответствии с идеями социализма и индивидуализма. Но с идейными людьми дело обстоит иначе: они должны быть либо социалистами, либо индивидуалистами; они не могут быть и теми, и другими. Склонность к тому или иному направлению, вероятно, является врожденной у этих идейных людей.

Мы не должны сожалеть об этом неизбежном разделении труда. Напротив, трудно понять, как иначе можно добиться нужного результата. Люди без идей не испытывают трудностей с гармонизацией двух тенденций. Но если бы идеи социализма и индивидуализма имели тенденцию возникать в одном и том же мозгу, они бы нейтрализовали друг друга или привели бы действия к невыгодной *медиации*. Раздельная инициатива и пропаганда этих двух тенденций способствует гораздо более эффективным действиям и наилучшим образом содействует той окончательной гармонии двух крайностей, которая необходима самому совершенному человеческому развитию.

Следует сказать больше. Обе тенденции не только незаменимы и слишком глубоко укоренились в человеческой природе, чтобы быть отмененными или урезанными, но каждая из них необходима для другой. Не может быть социализма без индивидуализма; не может быть индивидуализма без социализма. Только очень тонкое развитие личного характера и индивидуальной ответственности может выдержать любую высокоразвитую социальную организацию, вот почему небольшие социалистические общины достигают успеха только путем набора тщательно отобранных людей; только высокоорганизованная социальная структура может дать простор для игры индивидуальности. Просвещенный социалист сегодня часто осознает связь социализма с индивидуализмом, а индивидуалист - если бы он не был в последнее время, при всех своих прекрасных качествах, иногда лишен гибкости ума и бдительности - был бы готов признать свою связь с социализмом. "В организации целого преобладают потребности клеточной жизни", как говорит Даресте. Эта истина хорошо известна физиологам со времен Клода Бернара. Это абсолютно верно и для физиологии общества. Социальная организация создана не для того, чтобы подчинить индивида обществу, а для того, чтобы подчинить общество индивидууму.

Между индивидами, даже самыми великими, и обществом существует вечное действие и реакция. Хотя индивид мощно воздействует на общество, он может действовать так лишь постольку, поскольку сам является инструментом и органом общества. Индивид ведет общество, но только в том направлении, в котором общество хочет идти. Каждый человек науки лишь продвигает знания или изобретения на один шаг, нужный и желанный шаг,

дальше той ступени, которой достигли его непосредственные предшественники. Каждый поэт и художник лишь выражает тайные чувства и порывы своих собратьев. У него хватает смелости впервые высказать сокровенные чувства и стремления, которые он находит в глубине собственной души, и он обладает мастерством, чтобы выразить их в формах сияющей красоты. Но все эти тайные чувства и желания хранятся в сердцах других людей, у которых не хватает ни смелости рассказать о них, ни умения воплотить их в изысканных формах. В жизни человека, как и в природе в целом, происходит вечный процесс отшелушивания, как называет его Эдвард Карпентер, в ходе которого проявляются скрытые, но стремящиеся к исполнению желания, а гениальный человек является стимулом и воплощением этого отшелушивающего движения. Вот почему каждый великий поэт и художник, когда его послание становится понятным, получает признание и обожание толпы, для которой он был бы лишь предметом праздного удивления, если бы не выражал и не прославлял себя. Когда гениальный человек слишком опережает свое время, его отвергают, каким бы великим ни был его гений, потому что он представляет человека вне жизненной связи с его временем. Роджера Бэкона, при всем его потрясающем интеллекте, лишают пера и бумаги и закрывают в монастыре, потому что он берется отвечать на вопросы, которые будут заданы только через пять веков после его смерти. Возможно, высший гений - это тот, кто, подобно Вергилию, Леонардо или Шекспиру, имеет послание для своего времени и послание для всех времен, послание, которое вечно обновляется для каждого нового поколения.

Необходимость настаивать на тесной взаимосвязи между социализмом и индивидуализмом сегодня становится все более насущной, поскольку мы достигаем той стадии цивилизации, когда каждая тенденция неизбежно получает такое полное развитие, что столкновение предотвращается только осознанием того, что здесь мы имеем истинную гармонию. Иногда вопрос, относящийся к одной сфере, так тесно переплетается с вопросом, относящимся к другой, что очень трудно понять, как разделить их и придать каждому должное значение. [256]

Иногда, действительно, очень трудно определить, к какой сфере относится тот или иной вид человеческой деятельности. В частности, это касается образования. "Отдавайте Цезарю то, что принадлежит Цезарю, а Богу то, что принадлежит Богу". Но относится ли образование к тем вещам, которые принадлежат Цезарю, к социальной организации, или к тем, которые принадлежат Богу, к области души человека? Здесь есть что сказать обеим сторонам. В последнее время здесь преобладает социалистическая тенденция, и есть склонность жестко стандартизировать образование, столь поверхностное, столь банальное, столь единообразное, столь невыгодное, столь фатально забывающее о том, что означает даже само слово "образование" [257] - что когда-нибудь, возможно, восставший дух индивидуализма восстанет в неодолимой силе, чтобы смести всю эту никчемную структуру сверху донизу, даже с теми возможностями добра, которые она может скрывать. Современным педагогам не мешало бы помнить, что даже в интересах собственного сохранения разумно быть великодушным к своим врагам.

В каждую эпоху вопрос об индивидуализме и социализме приобретает свою форму. В наш век он обострился в виде конфликта между сторонниками хорошей наследственности и сторонниками хорошей среды. С одной стороны, есть стремление вывести человека на высокий уровень эффективности путем евгенической селекции, отдавая предпочтение хорошим особям и затрудняя размножение плохих. С другой - стремление так организовать окружающую среду коллективистскими методами, чтобы жизнь для всех стала легкой и здоровой. Как обычно, те, кто настаивает на важности хорошей окружающей среды,

склонны считать, что вопрос наследственности можно оставить на самотек, а те, кто настаивает на важности хорошей наследственности, безразличны к окружающей среде. Как обычно, в основе этих двух требований также лежит реальная гармония. Однако здесь есть нечто большее. В этом самом современном своем воплощении социализм и индивидуализм не просто гармоничны, каждый из них является ключом к другому, который без него остается недостижимым. Как бы тщательно мы ни улучшали нашу породу, как бы трепетно ни охраняли вход в жизнь, наши труды будут напрасны, если мы пренебрежем адаптацией окружающей среды к той прекрасной расе, которую мы выводим. Лучшие особи не являются самыми выносливыми, как самые высокие виды не являются самыми выносливыми, а скорее наоборот, и ни одно существо не нуждается в таком большом и длительном уходе со стороны окружающей среды, как человек, чтобы обеспечить свое выживание. С другой стороны, тщательное внимание к окружающей среде в сочетании с безрассудным невниманием к качеству людей, рожденных для жизни в этой среде, может только привести к перегруженной социальной организации, которая быстро рухнет под собственным весом.

В течение последнего столетия социалисты школы улучшения окружающей среды по большей части держали игру в своих руках. Они опирались на весьма разумную основу сочувствия, основу, которую подготовили моралисты XVIII века, которую сформулировал Шопенгауэр, которую страстно проповедовала Джордж Элиот и которая опиралась на огромный авторитет Евангелия Иисуса. Экологические социалисты - всегда вполне разумно - поставили перед собой задачу улучшить условия труда; они оказывали местную помощь бедным; они строили больницы для бесплатного лечения больных. Их обязывают кормить детей в школах, отделять и защищать слабоумных, страховать безработных, давать государственные пенсии пожилым людям и даже просят гарантировать работу для всех. Эти и подобные им вещи не только соответствуют естественным человеческим порывам, но в большинстве своем они разумны, и, защищая слабых, сильные в определенном смысле защищают себя. В наше время никто не хочет, чтобы голодные голодали или страдающие страдали. Действительно, в этом смысле никогда не существовало школы *laissez-faire*". [258]

Но по мере того, как движение экологического социализма реализует себя, становится все более очевидным, что оно само умножает работу, которую ставит перед собой. Позволяя слабым, некомпетентным и дефективным жить и жить комфортно, он облегчает попадание в них тех, кто находится на границе этих классов, и создает условия, позволяющие им распространять себе подобных, и делать это, более того, без того благоразумного ограничения, которое теперь становится всеобщим во всех классах выше слабых, некомпетентных и дефективных. Таким образом, неконтролируемый экологический социализм, повинувшись естественным импульсам и стремясь к законным целям, будет втянут в курсы, в конце которых можно будет увидеть только социальное ослабление, возможно, даже распад.

Ключ к разгадке ситуации, как теперь начинает все более и более широко ощущаться, следует искать в уравнивающей тенденции индивидуализма и евгенической опеке над расой. Не в том смысле, как это правильно понимается, что это способ остановить экологический социализм, и даже не в том, что это контрвзрыв его евангелия сочувствия. Ницше, действительно, совершил знаменитое нападение на сочувствие, как и на общепринятую мораль в целом, но его "аморализм" в целом и его "черствость" в частности - это лишь новые и более тонкие проявления тех увядших добродетелей, которые он на самом деле стремился возродить. Поверхностно сочувствующий человек бросает монету нищему; более глубоко сочувствующий человек строит для него богадельню, чтобы он больше не

просил милостыню; но, возможно, наиболее радикально сочувствующим из всех является тот, кто устраивает так, чтобы нищий не родился.

Таким образом, вопрос о породе, о производстве прекрасных индивидуумов, о возвышении идеала качества в человеческом производстве над идеалом количества начинает рассматриваться не только как благородный идеал сам по себе, но и как единственный метод, с помощью которого социализм может продолжать идти по своему нынешнему пути. Если вступление в жизнь более свободно для слабых, некомпетентных и дефективных, чем для сильных, эффективных и здравомыслящих, то на общество возлагается сизифова задача; на каждое снятое бремя ложится еще два бремя. Но по мере того как развивается индивидуальная ответственность, по мере того как мы приближаемся к тому времени, которое предвидел Гальтон, когда евгеническая забота о расе может стать религией, становится возможным социальный контроль над фактами жизни. Благодаря медленному росту знаний о наследственных условиях, добровольному самоограничению, окончательному исчезновению затянувшихся предрассудков против контроля над деторождением, стерилизации в особых случаях, методам давления, которые не должны быть равны фактическому принуждению, [259] станет возможным достижение все более прочной хватки для злых элементов наследственности. Только после того, как подобные меры под контролирующим влиянием чувства личной ответственности, распространяющегося на каждого члена сообщества, будут давно применены на практике, мы сможем надеяться, что человек на Земле поднимется в полный рост, здоровый телом, благородный духом, прекрасный в обоих отношениях, просторно и гармонично перемещающийся среди своих собратьев в великом мире Природы, к которому он так тонко приспособлен, потому что сам вышел из него и является его самым изысканным цветком. В этой последней точке социальная гигиена становится единой с гигиеной души. [260]

Поэты и пророки, от Иисуса и Павла до Новалиса и Уитмена, видели божественные возможности человека. В мире нет храма, говорили они, столь великого, как человеческое тело; с Небесами соприкасается тот, кто прикасается к человеческой личности, заявляли они. Но эти человеческие существа, созданные, чтобы быть богами, размножились, как лягушки, по всей земле. Повсюду они осквернили ее чистоту и осквернили ее красоту, омрачив самый солнечный свет. Нагромождаясь друг на друга злобными массами, охотясь друг на друга так, как ни одно другое существо никогда не охотилось на себе подобных, они превратились в гниющую кучу, которую все океаны тщетно омывают своими антисептическими водами, а все небесные ветры не могут очистить. Только в негасимой искре разума внутри него может быть найдено спасение для человека, в осознании того, что он сам является своей звездой и несет в своих руках свою судьбу. Импульсы индивидуализма и социализма в равной степени побуждают нас к самоконтролю и осознанию огромной степени нашей ответственности. Все человечество работает для каждого из нас; каждый из нас должен жить достойно этой великой ответственности перед человечеством. В каком прекрасном озарении Иисус заявил, что немногие могут войти в Царство Небесное! Только после того, как земля будет очищена от несметных миллионов ее населения, она сможет стать раем, о котором мечтали древние мечтатели и в котором избранные ходят просторно и благородно, любя друг друга. Только в таком просторном и чистом воздухе человек может совершенствовать себя, как роза становится совершенной, согласно прекрасной аналогии Данте, [261] чтобы распространять среди других аромат, созданный внутри него. Если вдуматься, это кажется истиной, но даже в этом двадцатом веке как мало, как очень мало тех, кто знает это!

Вот почему мы не можем иметь слишком много индивидуализма, мы не можем иметь слишком много социализма. Они играют на руку друг другу. Усиление одного из них означает придание силы другому. Чем сильнее оба, тем активнее развивается общество. "Я не могу назвать себя индивидуалистом или социалистом, - сказал Генри Джордж, - в большей степени, чем тот, кто рассматривает силы, удерживающие планеты на их орбитах, может назвать себя центробежником или центростремительным". Достичь общества, в котором индивидуализм и социализм доведены до крайней точки, означало бы достичь общества, живущего в аббатстве Тельмы, в Городе Солнца, в Утопии, в стране Заратустры, в Эдемском саду, в Царстве Небесном. Это царство, несомненно, является, по выражению Дидро, "diablement idéal". Но сегодня мы держим в руках более определенно, чем когда-либо прежде, ключи, которые были несовершенным предвосхищены Платоном, и то, к чему наши отцы стремились по незнанию, мы можем попытаться осуществить методами, соответствующими знаниям. Ни одна утопия никогда не была реализована, а идеал - это мираж, который всегда должен ускользать от нас, иначе он перестал бы быть идеалом. И все же весь наш прогресс, если он есть, может заключаться только в том, чтобы направить наши лица к той цели, на которую указывают утопии и идеалы".

[248] В узком смысле социализм тождествен определен экономической доктрине коллективистской организации производительного и распределительного труда общества. Он также обладает, как замечает Босанкет (в эссе "Индивидуализм и социализм" в *"Цивилизации христианства"*), "более глубоким значением как название человеческой тенденции, действующей на протяжении всей истории". Каждый коллективист - социалист, но не каждый социалист признает, что он коллективист. "Моральный социализм", однако, хотя и не тождествен "экономическому социализму", имеет тенденцию к его включению.

[249] Термин "индивидуализм", как и термин "социализм", используется в разных смыслах и, следовательно, не всех устраивает. Так, Э. Ф. Б. Фелл (*"Основы свободы"*, 1908), рассматривая "индивидуализм" как чисто негативный термин, предпочитает термин "персонализм" для обозначения более позитивного идеала. Однако нет никакой необходимости считать "Индивидуализм" более негативным термином, чем "Социализм".

[250] Вдохновляющая привлекательность социализма для пылких умов, несомненно, этическая. "Этика социализма", - говорит Киркап, - "тесно связана с этикой христианства, если не идентична ей". Возможно, именно поэтому социализм так привлекателен для одних умов и так отвратителен для других".

[251] Эта идея была развита Эймером в приложении к его *"Органической эволюции"*, посвященном идее индивидуума в животном царстве.

[252] Считается, что термин "социализм" появился примерно в 1835 году. Леру утверждал, что он изобрел его в противовес термину "индивидуализм", но в тот период он стал настолько необходимым и очевидным термином, что трудно сказать, кем он был впервые использован.

[253] Важным моментом, который индивидуалист может справедливо выдвинуть в этой связи, является тенденция социализма подавлять энергию лучших работников среди своих чиновников за счет общества. Как в правительственных учреждениях в Уайтхолле, так и в муниципальных учреждениях в ратушах есть определенная часть работников, которые находят удовольствие в том, чтобы прикладывать свои лучшие силы при высоком давлении. Но большинство заботится о том, чтобы работа шла при низком давлении, а производительность не превышала определенного понятного минимума. Для этого они

создают неудобства для работников, которые превышают этот минимум. Серьезность этого зла вряд ли еще осознается. Вероятно, ему можно противостоять, если так организовать продвижение по службе, чтобы высшие должности действительно доставались чиновникам, отличающимся количеством и качеством своей работы. Это же соображение должно повлиять и на пенсии. Как бы то ни было, зло серьезное и становится все более серьезным, поскольку число государственных чиновников постоянно растет. Совет Юридического общества несколько лет назад установил, что расходы на гражданское управление в Англии выросли с 1894 по 1904 год с 19 миллионов до 25 миллионов, а если не учитывать налоговые департаменты, то, как утверждается, до 42 миллионов. Это зло, с которым рано или поздно придется бороться".

[254] Макс Штирнер написал свою работу "*Эго и его собственная сущность*" (*Der Einzige und sein Eigentum*, в английском переводе Байингтона) в 1845 году. Его жизнь написал Джон Генри Маккей (*Max Stirner: Sein Leben und Sein Werk*), а интересное исследование о Максе Штирнере (настоящая фамилия которого была Шмидт) можно найти в книге Джеймса Хунекера "*Эгоисты*".

[255] В предисловии к своей самой ранней книге "*Новый дух*" (1889) я изложил эту позицию, от которой никогда не отступал: "В то время как мы социализируем все те вещи, в которых все одинаково нуждаются, мы все более и более склонны оставлять за индивидуумом контроль над теми вещами, которые в нашей сложной цивилизации составляют индивидуальность. Мы социализируем то, что называем нашей физической жизнью, чтобы достичь большей свободы для того, что мы называем нашей духовной жизнью". Несомненно, такая точка зрения подразумевалась Рёскиным и другими предыдущими авторами, так же как впоследствии она была изложена Эллен Ки и другими, а с экономической стороны она была хорошо сформулирована мистером Дж. А. Хобсоном в его "*Эволюции капитала*": "Смысл существования повышенной социальной сплоченности заключается в том, чтобы экономить и обогащать индивидуальную жизнь, позволяя игре индивидуальной энергии принимать более высокие формы, из которых может проистекать большее индивидуальное удовлетворение". "Социализм будет иметь ценность, - размышлял Оскар Уайльд в своей книге "*Душа человека*", - только потому, что он приведет к индивидуализму". "Социализм отрицает экономический индивидуализм для всех, - говорит Карл Нётцель ("*Zur Ethischen Begründung des Sozialismus*", *Sozialistische Monatshefte*, 1910, Heft 23), - чтобы сделать моральный интеллектуальный индивидуализм возможным для всех". И как уже было замечено, что социализм ведет к индивидуализму, так же было замечено, что индивидуализм, даже в этическом плане, ведет к социализму. "Вы должны позволить индивидууму воплотить свою волю в жизнь, - замечает Босанкэ в уже цитированном эссе, - чтобы он мог сознательно воспринимать социальную цель как составную часть своей воли. Без этих условий нет ни социального организма, ни морального социализма..... Каждая единица социального организма должна воплотить свои отношения к целому в своей собственной работе и воле; а для этого индивид должен иметь в себе силу и глубину, пропорциональную и состоящую из тех отношений, которые он должен воплотить". Грант Аллен давно и четко сформулировал гармонию между индивидуализмом и социализмом в статье, опубликованной в журнале *Contemporary Review* в 1879 году.

[256] Поучительной иллюстрацией служит вопрос об отношениях полов, и в другом месте (*Studies in the Psychology of Sex*, Vol. VI, "Sex in Relation to Society") я попытался показать, что мы должны проводить различие между браком, который является делом непосредственно заинтересованных индивидуумов, и деторождением, которое в основном является делом общества.

[257] См. например, мнение бывшего главного инспектора начальных школ в Англии мистера Эдмонда Холмса в книге "Что есть и что может быть" (1911). Он указывает, что истинное образование должно быть "самореализацией" и что нынешняя система "образования" полностью противостоит самореализации. Сэр Джон Горст также неоднократно выступал против ошибок английской государственной системы образования.

[258] Фразу *Laissez faire* иногда используют так, как будто она является девизом партии, которая милостиво предоставляет дьяволу свободу действий, чтобы он творил свое зло. На самом деле это просто фраза, принятая французскими экономистами XVIII века, чтобы подвести итог их аргументам против устаревших ограничений, которые в то время подавляли торговлю и коммерцию Франции (см. G. Weulersse, *Le Mouvement Physiocratique en France*, 1910, Vol. II, p. 17). Правильно понятая, она не является максимой, которой должна стыдиться любая партия".

[259] Я еще раз повторяю, что не рассматриваю законодательство как канал истинной евгенической реформы. Как хорошо сказал Бейтсон (*op. cit.* p. 15), "не тираническое и капризное вмешательство полуинформированного большинства может безопасно формировать или очищать население, а скорее упрощение инстинкта, на которое мы всегда надеемся, и которое только более полное знание может сделать возможным". Даже субсидирование неидеальных родителей, как замечает тот же автор, не может восприниматься с энтузиазмом. "Если мы представим себе людей, которые будут безошибочно выбраны в качестве примеров "гражданской ценности", то перспектива окажется не слишком привлекательной".

[260] "Аристотель, являющийся органом и выразителем греческого национального разума, - замечает Гомперц, - понимал под гигиеной души избегание всех крайностей, равновесие сил, гармоничное развитие способностей, ни одна из которых не должна голодать или парализовать другие". Гомперц отмечает, что эта индивидуальная мораль соответствовала характеристикам греческой национальной религии - ее всеохватности и простору, ее свободе и безмятежности, ее облагораживанию как энергичного действия, так и пассивного наслаждения (Gomperz, *Greek Thinkers*, Eng. Trans., Vol. III, p. 13).

[261] *Convito*, IV, 27.

КОНЕЦ

УИЛЬЯМ БРЭНДОН И СЫН, ЛТД.
ТИПОГРАФИИ, ПЛИМУТ

Примечания переводчика:

За следующими исключениями орфография и пунктуация оригинального текста сохранены:

1. Очевидные опечатки и пунктуационные несоответствия.

2. Глава V, параграф 16 "высокий уровень смертности" заменен на "высокий уровень рождаемости".
 3. Глава VII, параграф 16 "преждевременное сексуальное" заменено на "преждевременное сценарное".
-